

-50

ПОЭМА
МЕССИАДА.

5/p

AMCOTT

MECLIA D.A.

ФР. ГОТ. КЛОПШТОКЪ.

$$83 = 91.7$$

29.545

V VII-73

МЕССЛАДА. n(Нем)

K-50

ПРОВЕРЕНО
1950 ГОД

СОЧИНЕНІЕ КЛОПШТОКА.

Присутство 965 г.

ПЕРЕВЕДЪ СЕУЪЙ ПАСАРЕВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавцевъ Кораблева и Сирякова.

1868.

М. П. А. Д. А. И. О. О. М.

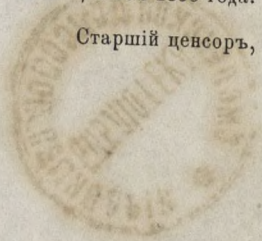
ПРОЧЕТАНО
1866 год

1866

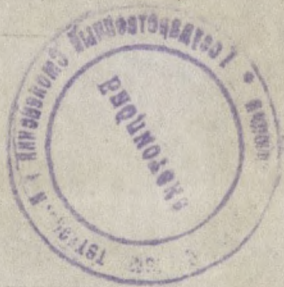
Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Варшава 17/19 мая 1866 года.

Старшій ценсоръ, Колежскій Совѣтникъ А. Вальдъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

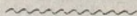
Handwritten signature or initials.

Типографія Ретгера и Шнейдера, Невскій проспектъ, №

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ II.

Въ память благополучнаго исхода событія 4-го Апрѣля 1866 года

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЪДНУСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРА II.

ВЪЗНЕСЕНО НА СЪЗНАНИЕ ИМПЕРАТОРА

АВГУСТѢЙШИ МОНАРХЪ!

Глубоко сознаю, что не достоинству труда моего обязанъ я великимъ счастьемъ дарованнымъ мнѣ Всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ повергнуть его къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества; но тому безмѣрному милосердію, которому доступенъ голосъ каждаго вѣрнопопданнаго.

Мысль искать такого счастья возникла только послѣ ужаснаго дня, котораго страшныя слѣдствія предъотвращены всемилною десницею Зиждителя міра, когда вся Россія содрогнулась и отъ всюду полились горячія изліянія, душевныхъ истинныхъ чувствъ къ престолу любимаго народомъ Государя.

Тогда только дерзнулъ я подумать, что многот-
ний трудъ мой, при всемъ несовершенствѣ, можетъ
быть сильнымъ выраженіемъ и моихъ искреннихъ
чувствъ; тѣмъ болѣе, что содержаніе великой поэмы,
есть высокое міровое событіе, лежащее въ основѣ пра-
вославной вѣры, какъ сама вѣра, есть основаніе глубо-
кой любви русскаго народа къ его Монарху.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподанный

Сергѣй Писаревъ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Великій германскій поэтъ, пѣвецъ Мессіады, Фридрихъ Готлибъ Клопштокъ родился 2-го Іюля 1724 года въ Кведлинбургѣ; отецъ его былъ тамъ комисіи совѣтникомъ (Commissionsrath), а потомъ служилъ въ графствѣ Мансфельдъ. Онъ былъ первымъ руководителемъ Клопштока. Старикъ былъ человекъ весьма оригинальный, суевѣрный — вѣрилъ привидѣніямъ, разнымъ предсказаніямъ; но несмотря на это, былъ человекъ прямой, благородный; его мистическое направленіе нимало не затмѣвало свѣтлаго и здраваго разсудка. Нѣсомнѣнно, что подѣяніемъ религіозныхъ направленій отца, развилось и въ самомъ Клопштокѣ его стремленіе къ религіозной дѣятельности. Руководимый этою прямою и благородною натурою, среди величественной природы, возросталъ Клопштокъ, развиваясь и укрѣпляясь душою и тѣломъ. Самыя опасныя игры, всякаго рода гимнастическія упражненія были забавою этого, какъ левъ смѣлаго ребенка. Въ разсѣяньяхъ, свойственныхъ дѣтскому возрасту, онъ не находилъ никакого удовольствія. Охота, верховая ѣзда и въ особенности бѣганье на конькахъ были любимымъ увеселеніемъ Мальчика; это былъ самый искусный и ловкій бѣгунъ на конькахъ во всемъ околodeѣ. На тринадцатомъ году

онъ возвратился съ отцомъ въ Кведлинбургъ, гдѣ посѣщалъ гимназію; а въ 1739 году былъ отвезенъ въ Шульфартское училище.

При монашеской строгости этого заведенія, смѣлость и мужество геніальнаго ребенка подвергали его частымъ непріятностямъ. Разъ даже его хотѣли исключить изъ училища за участіе въ кровавой дракѣ двухъ классовъ; въ этой ребяческой войнѣ Клопштокъ участвовалъ не тѣломъ, онъ воодушевлялъ свой классъ пламенной рѣчью въ духѣ Ливія. Но исторія эта была прекращена келейно; начальство его хорошо понимало, что за даровитый и остроумный ученикъ Клопштокъ, и не хотѣло лишиться чести воспитать его, поэтому, само же старалось замѣть событіе побоища. Въ Шульфартѣ онъ прилежно занимался изученіемъ классическихъ произведеній греческой и римской литературы. Рано началъ проявляться и развиваться въ немъ поэтический геній. Въ училищѣ представлялись къ этому случаи, при упражненіяхъ въ стихосложеніяхъ на греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Съ самыхъ юношескихъ дней замѣтенъ былъ въ немъ, какой-то особенный отпечатокъ, выдвигавшій его изъ общаго ряда.

Въ юношѣ вполне отражался уже характеръ взрослого человѣка. Онъ былъ серьезенъ и глубокомысленъ не по лѣтамъ: если и находили на него иногда минуты веселости, то самая веселость эта не выражалась шумными порывами, такъ свойственными незрѣлому возрасту; но въ ней было что-то увлекательное, отрадно дѣйствующее на всѣхъ окружавшихъ его и даже въ эти минуты онъ умѣлъ держать себя въ границахъ, сохраняющихъ достоинство человѣка.

Раннее развитіе въ немъ творческаго духа доказывается и тѣмъ славнымъ произведеніемъ, которое позднѣе такъ возвысило его на поприщѣ литературной дѣятельности. Мессіада была начата имъ когда еще онъ былъ на школьной скамьѣ. Онъ и въ

то время углублялся въ серьезные вопросы человѣческой жизни. Вообще назначеніе человѣка, его мѣсто въ цѣпи всего сотвореннаго, были любимыми предметами его размышленій. Любознательность развила въ Клоштокѣ страсть къ чтенію, и онъ не могъ незамѣтить какъ незначителенъ литературный прогрессъ его отечества въ сравненіи съ Англією и Францією. Глубокое чувство патріотизма породило въ немъ мысль обезсмертить себя какимъ нибудь великимъ твореніемъ и тѣмъ возвысить честь германской учености и литературы. Долго искалъ онъ предмета достойнаго его пера и не рѣшался приступить къ дѣлу, то совершенно оставлялъ эту идею, то снова принимался обдумывать планъ высокаго произведенія; такимъ образомъ, пылкій юноша долго былъ въ нерѣшимости. Но вдругъ блеснула свѣтлая мысль. Тема была найдена — планъ Мессіады начертанъ въ поэтической головѣ. Онъ смѣло ухватился за этотъ величественный и вмѣстѣ страшный предметъ, объемлющій собою все божественное и человѣческое. Частое чтеніе Гомера развило въ немъ страсть къ религіозной поэзіи. Онъ въ Шульфартѣ же начерталъ весь планъ Мессіады. Однако несмотря на воодушевленіе юныхъ лѣтъ, хотѣлъ отложить исполненіе этого гигантскаго произведенія до того времени, когда Сердцевѣдецъ совершенствуетъ душу, разумъ и сердце человѣка. Долго сдерживалъ онъ порывы къ творчеству, такъ свойственные юности и не ранѣе приступилъ къ дѣлу, какъ только послѣ строгаго изученія всего того, что относилось къ этому божественному предмету.

Прощаясь съ Шульфартомъ 21 Сентября 1745 года, двадцати-лѣтній юноша высказалъ такъ много зрѣлости ума, такое обширное знаніе и глубокое изученіе людей, что можно было предъугадать его будущую, знаменитую карьеру. Какъ и всѣ его позднѣйшія сочиненія, она согрѣта душевнымъ чувствомъ, бывшимъ постояннымъ двигателемъ его трудовъ, какъ поэта и какъ писателя вообще.

Онъ былъ вполне убѣжденъ, что Германія станетъ высоко въ отношеніи умственнаго развитія и дѣятельности духа; что она далеко уйдетъ отъ древнихъ и современныхъ ей народовъ своими поэтическими произведеніями.

Въ 1745 году онъ отправился въ Іенскій университетъ для изученія Богословія. Тамъ написалъ онъ первыя три пѣсни Мессіады, но прозою, не рѣшаясь писать стихами, потому что до того времени попытки Нѣмцевъ писать экзаменомъ были такъ неудачны, что отнимали и у него охоту писать этимъ размѣромъ. Клопштокъ даже довольно долго думалъ, что нѣмецкій языкъ не можетъ себѣ усвоить этого рода размѣръ. Весною 1746 года поѣхалъ онъ въ Лейпцигъ и жилъ тамъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Шмидтомъ. Здѣсь-то наконецъ, вѣроятно убѣжденный Готшедомъ, Клопштокъ рѣшился на счетъ размѣра стиховъ для своей великой поэмы. Готшедъ въ то время стоялъ во главѣ литераторовъ, имѣя огромный авторитетъ; но позднѣе, самые даровитые дѣятели того времени совершенно оставили его, и кажется болѣе всѣхъ способствовалъ къ его паденію Клопштокъ.

Скоро поэтъ ознакомился съ молодыми антагонистами готшедовской школы, съ издателями извѣстныхъ Бременскихъ статей: Геллертомъ, Рабенеромъ, Андреемъ Крамеромъ, Адольфомъ Шлегелемъ, Гертнеромъ, Ебертомъ и Гизеке; и если литературу того времени можно назвать новою эпохою нѣмецкой литературы, то честь этого переворота преимущественно принадлежитъ Клопштоку. Первый годъ пребыванія своего въ Лейпцигѣ, поэтъ скрывалъ отъ новыхъ друзей свою работу; объ этомъ трудѣ зналъ одинъ только тотъ, съ кѣмъ онъ жилъ вмѣстѣ. Когда-же Шмидтъ въ дружеской бесѣдѣ выдалъ секретъ его сотрудникамъ, какъ ихъ тогда называли, то Клопштокъ, упрощенный новыми друзьями, рѣшился сдѣлать первый опытъ. Въ 1748 году, въ четвертомъ томѣ статей появились первыя три пѣсни Мессіады въ

стихахъ и первая элегія Клопштока подъ заглавіемъ: „*Для тебя лишь любящее сердце*“. Слѣдствія этого перваго опыта были весьма важны, какъ для литературы, такъ равно и для всей жизни самого поэта. Ни одно нѣмецкое произведеніе не возбуждало такого удивленія и не было встрѣчено съ такимъ восторгомъ какъ это; и дѣйствительно, въ Мессіадѣ было столько новаго и вполне прекраснаго: гигантскій планъ, возвышенность мысли, сила и важность языка и наконецъ древній размѣръ стиха, очищеннаго имъ-же самимъ; такъ что будущность Клопштока была съ этой минуты опредѣлена и упрочена. Всеобщее участіе было такъ громадно, что многіе въ Мессіадѣ увидѣли поневолѣ утреннюю зарю нѣмецкой поэзіи. Можно согласиться съ нѣмецкими писателями того времени, что безъ его неутомимаго стремленія возстановить германскую литературу, честь нѣмецкой гениальности и творчества была-бы можетъ быть еще очень, очень долго невозстановлена.

Рѣшившись выбрать экзаметръ для новой поэмы, Клопштокъ пошелъ по стопамъ Грековъ и какъ лирикъ воспользовался этимъ весьма удачно. Оды его 1747 и 1748 г. высказываютъ вполне то, чѣмъ онъ какъ лирическій писатель былъ въ послѣдствіи, въ нихъ видна жажда поэта обезсмертить себя, они доказываютъ какъ глубоко, искренно и нѣжно было въ немъ чувство любви и дружбы, и чувства эти сохранились въ душѣ его до самой глубокой старости. Его стихотворенія перваго періода его литературной дѣятельности, можно считать самыми нѣжными, самыми задушевными произведеніями того времени. Идеаломъ поэта была не одна мечта; предъ нимъ носился образъ живаго существа, съ которымъ онъ скоро сблизился.

Въ 1748 году Клопштокъ оставилъ Лейпцигъ и отправился въ Лангензальцъ. Тамъ онъ давалъ уроки сыну купца Вейсъ. Въ то время въ Лангензальцѣ жило много родныхъ его, которые были гораздо богаче родителей Клопштока; въ средѣ этихъ род-

ныхъ былъ идеаль поэта — сестра Шмидта. Ея равнодушію къ поэту литература обязана лучшими и прекраснѣйшими пѣснями любви, вылившимися изъ подъ пера Клопштока. Препятствіемъ къ полному счастью поэта, кажется было то, что родители любимой имъ дѣвушки, смотря съ матеріальной точки зрѣнія на счастье своей дочери, не хотѣли допустить близкихъ отношеній дѣвушки съ молодымъ человѣкомъ безъ состоянія и положенія въ свѣтѣ. Любовь же Клопштока къ ней была чувствомъ сентиментальнаго, мечтательнаго нѣмецкаго юноши: молодая дѣвушка почти не подозрѣвала, что поэтъ проводитъ ночи безъ сна, мечтая о ней, украшая ореоломъ славы и безсмертія недоступный идеаль свой. — Въ это время познакомился онъ съ ревностными послѣдователями Готшеда: Бодмеромъ и Брейтингеромъ. Съ Бодмеромъ у нихъ завязалась постоянная, дружеская переписка. Ему Клопштокъ довѣрилъ тайну любви своей. Бодмеръ написалъ о томъ родителямъ дѣвушки; но это не привело къ хорошему результату. Молодой поэтъ не нашелъ той взаимности, къ которой стремился всею пылкостью души; если же бы чувство его нашло желаемый отголосокъ, то, быть можетъ, онъ не былъ бы тѣмъ Клопштокомъ, какимъ сдѣлался послѣ. Это доказываютъ не только оды его, и въ особенности ода „къ *Богу*“; но даже нѣкоторыя мѣста самой Мессіады. Безъ глубокаго чувства любви, ему трудно было-бы воспроизвести знаменитую сцену любви между Семидомъ и Сидли — въ четвертой пѣснѣ Мессіады, сцену полную элегическаго плача и тихаго унынія; тогда въ Мессіадѣ неоставало бы того, что болѣе всего имѣло вліяніе на славную нѣмецкую литературу. Воспламененный надеждою устранить великимъ произведеніемъ своимъ всѣ препятствія къ соединенію съ любимой имъ Фанни, онъ придумалъ сдѣлать подписку для изданія Мессіады; но противъ этого возстали всѣ друзья его, знавшіе хорошо Германію. Въ это время отношенія его въ Лангензальцѣ измѣнились къ худшему; поэтому онъ рѣ-

шился по приглашенію Бодмера уѣхать въ Швейцарію. Въ Маѣ 1750 года поѣхалъ туда и по дорогѣ навѣстилъ родителей своихъ, съ которыми не видѣлся болѣе семи лѣтъ. Въ Гильберштатѣ познакомился онъ съ Глеймомъ, съ которымъ до самой смерти былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Здѣсь совершенно неожиданно открылась для поэта радостная надежда на лучшую будущность. Штатсъратъ фонъ Берншторфъ, достойный слуга высокаго покровителя наукъ, Фридриха V, пригласилъ поэта въ въ Копенгагенъ, обѣщаясьхлопотать для него у короля пенсію пока не откроется мѣсто придворнаго проповѣдника или же кафедро-профессора. Такъ онъ отправился въ Швейцарію. 23 іюля 1750 года остановился въ Цюрихѣ. Здѣсь онъ вполнѣ наслаждался жизнью, высоко уважаемый мужчинами, почти боготворимый женщинами, онъ провелъ нѣсколько времени наслаждаясь, какъ любитель величественной природы; ѣздилъ по окрестностямъ, охотился, участвовалъ во всѣхъ удовольствіяхъ; былъ любезенъ, остроуменъ, веселъ; снискалъ расположеніе и полное уваженіе всѣхъ окружавшихъ его.

Наконецъ получилъ онъ радостную вѣсть, что датскій король назначилъ ему сто талеровъ годоваго содержанія съ тѣмъ, чтобы онъ могъ свободнѣе и успѣшнѣе продолжать великую поэму свою. Окладъ этотъ вскорѣ былъ возвышенъ до четырехъ сотъ талеровъ. Въ февралѣ 1751 года Клопштокъ окончилъ четвертую пѣснь Мессіады, написалъ оду „Королю“. Простился съ Швейцаріей и отправился въ Копенгагенъ. Проѣздомъ черезъ Гамбургъ, онъ познакомился съ Метою Моллеръ, очень умною, развитою; но меланхолическаго настроенія дѣвушкой. Съ первой минуты ихъ встрѣчи, оба они произвели другъ на друга глубокое впечатлѣніе; между ними завязалась постоянная, весьма нѣжная, оживленная переписка. Въ душѣ Клопштока и въ письмахъ его къ Метѣ Моллеръ въ первое время почти постоянно проявлялся жестокосердый образъ Фанни, но вскорѣ на-

вое чувство совершенно затмило прежнюю любовь. Чувствительный, сентиментальный поэтъ полюбилъ страстно со всею горячностью пылкой, поэтической души, и пользовался полною взаимностью. Однако соединеніе любящихся послѣдовало не такъ скоро; — мать Меты, долго не рѣшалась отдать дочери своей человѣку неизвѣстному. Такъ прошло два года.

Въ Копенгагенѣ поэтъ былъ принятъ съ большою почестью. Онъ сдѣлался истиннымъ другомъ Берншторфа и графа Мольтке; заслужилъ особенно благосклонное расположеніе короля. Лѣтомъ поѣхалъ съ его величествомъ въ лѣтнюю резиденцію, въ Фриденсбургъ, гдѣ пожиналъ великолѣпныя лавры. Поэтъ описываетъ о томъ свои впечатлѣнія и задушевные чувства, въ одѣ — „Фриденсбургъ“, но въ одѣ этой нѣтъ ни малѣйшей лести относящейся къ королю, вообще онъ ненавидѣлъ льстецовъ и самъ никогда не унижался до лести.

Все лѣто 1752 года поэтъ провелъ частью въ Гамбургѣ, частью въ Кведлинбургѣ, и каждая изъ одъ его того времени доказываетъ счастливую переменѣ, совершившуюся въ сердцѣ его. Близкій къ полному счастью — обладать любимой Метой, онъ трудился болѣе нежели когда нибудь надъ великимъ произведеніемъ своимъ и въ это время напечаталъ два изданія первыхъ двухъ томовъ Мессіады. Одно въ Галле у Гейнинке, который заплатилъ ему по 12-ти талеровъ за листъ; другое и лучшее изданіе напечаталъ въ Копенгагенѣ, за которое получилъ богатый подарокъ отъ короля. Въ Іюнѣ 1754 года Клопштокъ женился наконецъ на обожаемой Метѣ. Счастіе этого, вполне достойнаго человѣка, въ семейномъ кругу и въ кругу друзей его, было безгранично. Весьма хорошо описываетъ жизнь и характеръ поэта истинный другъ его Штурцъ:

„Клопштокъ веселъ, пріятель, любезенъ и увлекателенъ во всякомъ обществѣ. Шутки его весьма остроумны и вѣрны; но никогда не позволяетъ онъ себѣ ѣдкой и злой насмѣшки; спо-

ритъ скромно и добросовѣстно, спокойно переносить всякое противорѣчіе, терпѣть не можетъ лести, поэтому избѣгаетъ сближенія съ знатію. Дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ жизни съ полнымъ знаніемъ людей и съ удивительнымъ тактомъ. Въ обыденныхъ развлеченіяхъ предпочитаетъ болѣе всего поѣздки на дачи въ семейномъ кругѣ и въ кругу друзей; тогда онъ вполне счастливъ и спокоенъ духомъ. Нерѣдко участвуетъ въ играхъ съ молодежью и вообще любитъ окружать себя молодыми людьми еще неиспорченной натуры. Онъ любитъ искусство, но оно должно быть изящно, пластично. Также точно любитъ онъ музыку, она проникаетъ все существо его, если она задушевна, грустна, какъ голосъ страждущей любви и вмѣстѣ съ тѣмъ вливаетъ въ душу блаженство надежды; или же когда звуки музыки, гордо, величественно раздаются, какъ восторженный голосъ свободы. Лучшее и пріятнѣйшее время года для Клопштока — когда первые морозы скуютъ свѣтлою корою рѣки; онъ любитъ, смотря какъ это неподвижное, громадное зеркало отражаетъ въ себѣ малѣйшее движеніе облаковъ въ необозримомъ небесномъ пространствѣ, и въ особенности любитъ въ это время тихія лунныя ночи. Тогда настаетъ время его любимой забавы — катанье на конькахъ. Едва начинается замерзать, онъ уже неспокоенъ, старается воспользоваться первой свободной минутой, чтобы расчислить себѣ бѣгъ. Въ Копенгагенѣ ему были знакомы всѣ ничтожныя лужицы, онъ любилъ и зналъ ихъ по степени ихъ замерзанія. Величайшимъ же наслажденіемъ его было бѣгать по опасному едва замерзшему льду“.

Въ 1756 году невозмутимое счастье Клопштока было внезапно нарушено смертью отца его. Потомъ черезъ два года надъ бѣднымъ поэтомъ разразился страшный ударъ, поразившій его до глубины души. Въ Ноябрь 1758 года умерла въ Гамбургѣ, первыми родами, любимая страшно имъ Мета. Онъ похоронилъ ее на кладбищѣ въ Оттензенѣ близъ Альтоны, сестры посадили

на могилѣ ея липу, а онъ написалъ извѣстную надгробную надпись: „Сѣмя, посѣянное Богомъ, пусть созрѣваетъ къ дню великой жатвы“. Нѣмы и болѣзненны были страданія сердца Клопштокъ: казалось лучшая часть его самого была похоронена вмѣстѣ съ тѣломъ жены, такъ что творческій геній его, какъ-бы утративъ всѣ силы, заснулъ на время; потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени онъ мало по малу сталъ вновь посвящать свободныя минуты стихотвореніямъ, но преимущественно касающимся богослуженія. Смерть жены такъ сильно подѣйствовала на поэта, что онъ долго не могъ серьезно заниматься великимъ твореніемъ своимъ. Последняя часть Мессіады появилась только черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Меты и конечно не безъ грустнаго намека о драгоцѣнномъ сердцу существѣ. Въ XV пѣснѣ есть прекрасная сцена между Гедоромъ и Сидли, точь въ точь сцена при смертномъ одрѣ Меты, какъ онъ самъ описывалъ ее въ предисловіи къ запискамъ оставленнымъ женою его.

По смерти жены онъ провелъ до лѣта слѣдующаго года частью въ Гамбургѣ и частью въ Кведлинбургѣ, а потомъ возвратился въ Данію и уже не выѣзжалъ оттуда до 1762 года. Въ этотъ промежутокъ времени замѣчательнъ только одинъ случай характеризующій поэта: зимою 1762 г., катаясь на конькахъ, пробилъ онъ ледъ и когда его пріятель хотѣлъ подать ему помощь, то онъ, нимало не теряя присутствія духа, давалъ ему наставленіе, какъ спасти его, заботясь главное о томъ, чтобы другъ его не подвергся самъ такой-же опасности. Послѣ этого случая, во всѣхъ одахъ, въ которыхъ онъ воспѣвалъ катанье на конькахъ, поэтъ не переставалъ предостерегать отъ опасностей.

Въ это время онъ началъ еще серьезнѣе заниматься изученіемъ нѣмецкаго языка, изслѣдовалъ его по самымъ древнѣйшимъ памятникамъ, съ цѣлью сравненія древняго языка съ новымъ, стараясь всѣми силами выказать необыкновенное богатство и способность роднаго языка своего къ поэтическимъ произведе-

ніямъ. Онъ постоянно стремился къ одной цѣли, — возбудить самолюбіе соотечественниковъ, и заставить ихъ полюбить родной языкъ. Собиралъ изъ древнѣйшихъ временъ всѣ лучшія остроумныя и самыя глубокомысленныя народныя преданія и всѣ малѣйшія черты героической, рыцарской доблести. Старался изгнать изъ нѣмецкаго языка не только иностранныя, техническія и натянутыя выраженія; но даже возстановить первоначальный смыслъ каждаго слова. Чрезъ это Клопштокъ добился того, что всѣ его поэтическія произведенія того времени поражали читателей, не смотря даже на то, что не всегда были понимаемы и прочувствованы.

Онъ ввелъ въ употребленіе въ поэтическихъ произведеніяхъ скандинавскую мифологію, считая ее вполне нѣмецкою и только при позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ было открыто различіе ихъ; но и къ этому привели его же стихотворенія. Пристрастіе его къ скандинавской мифологіи такъ усилилось во время пребыванія его въ Даніи, что онъ и въ прежнихъ одахъ своихъ замѣнилъ греческую, скандинавскою мифологіей.

Съ 1762 по Іюль 1764 г. проживалъ онъ большею частью въ Германіи и занимался исключительно Мессіадою, которой третья часть появилась въ 1768 г. Въ продолженіи этого времени вышли въ свѣтъ и другія произведенія его: трагедія — *Давидъ-Соломонъ* и въ тоже время вѣроятно имъ былъ начертанъ планъ къ поэтическому творенію — *Битва Германа*.

Послѣ смерти Фридриха V-го, другъ его и благодѣтель Берншторфъ былъ внезапно оставленъ всѣми. Клопштокъ послѣдовалъ за нимъ въ Гамбургъ. Казалось, новое датское правительство хотѣло отнять у поэта назначенный ему пенсіонъ; но вскорѣ порядокъ вещей при датскомъ дворѣ опять измѣнился; противникъ Берншторфа, Струензе палъ. Берншторфа призывали снова ко двору; но къ сожалѣнію, онъ не воспользовался этимъ, скоропостижная смерть помѣшала ему возвратиться къ преж-

нимъ почестямъ. Онъ умеръ въ 1772 г. Послѣ смерти графини Берншторфъ, Клоштокъ жилъ въ домѣ г. Винтема, который былъ женатъ на племянницѣ его покойной Меты, Винде-мъ, какъ называлъ ее поэтъ во многихъ одахъ. Въ это время онъ издалъ въ Гамбургѣ собраніе своихъ сочиненій, о чемъ онъ не одинъ разъ думалъ еще въ 1754 г., но чего, при всемъ стараніи, ему все не удавалось исполнить.

Клоштокъ часто давалъ читать друзьямъ оды свои въ рукописи. Друзья, дорожившіе каждой его строчкой, списывали эти оды для себя и поэтому, не бывъ еще изданы, они уже были почти вездѣ извѣстны. Въ 1773 г. 9 Марта, наконецъ онъ окончилъ въ Гамбургѣ свою Мессіаду и отправилъ ее въ Галле къ своему книгопродавцу. По окончаніи этого великаго творенія, надъ которымъ онъ трудился 27 лѣтъ, душа поэта излилась въ искренней и пламенной благодарности къ Искупителю.

Утромъ, когда онъ написалъ эту благодарственную оду — такъ рассказываетъ г-жа фонъ Винтемъ — долго стоялъ онъ съ необыкновенно серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ, заложивъ руки на затылокъ, — обыкновенная его поза, когда онъ предавался мечтамъ — и при томъ съ трудомъ переводилъ дыханіе. „Вы нездоровы, Клоштокъ?“ Со страхомъ и участіемъ спросила г-жа Винтемъ. Но еще мгновеніе и у него брызнули бы слезы. Онъ поспѣшно вышелъ, не сказавъ ни слова; пошелъ къ письменному столу и въ нѣсколько минутъ, благодарственная рѣчь къ Спасителю — *Ты былъ надеждою моею* — вылилась изъ сердца поэта.

То, къ чему онъ стремился съ самыхъ юношескихъ дней, было теперь достигнуто. Съ этой минуты онъ совершенно предался патріотическому чувству; то, что было имъ, какъ юношей, упущено изъ вида, то теперь надѣялся онъ сдѣлать для родины, посредствомъ великаго творенія своего. Эти надежды оправда-

лись тѣмъ, что отвсюду получалъ онъ одобрительныя письма и всеобщую признательность.

Въ 1774 г. Клопштокъ получилъ приглашеніе отъ маркграфа Карла Фридриха Баденскаго, пріѣхать въ Карльсруэ; но не на службу, какъ выражался Гёте, а для того, чтобы присутствіемъ своимъ доставить удовольствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пользу высшей публикѣ. Путешествіе Клопштока туда было чѣмъ-то въ родѣ триумфальнаго шествія; онъ вездѣ былъ встрѣчаемъ съ глубокимъ уваженіемъ и любовью; даже и тѣ люди, которымъ, при церемѣнѣ духа времени, Мессіада его и не нравилась — и они встрѣчали и привѣтствовали Клопштока, какъ главу поэзіи германскаго міра. Но самая великолѣпная встрѣча и трогательная оцѣнка труда его ожидали поэта въ Гёттингенѣ. Здѣсь его встрѣтила толпа молодежи, которая, въ послѣдствіи, возбужденная стихотвореніями Клопштока, посвятила себя отечеству и принесла такую честь Германіи своими поэтическими произведеніями.

Позднѣе Клопштокъ былъ постоянно занятъ изученіемъ нѣмецкаго языка и настоящимъ значеніемъ его, стараясь дать ему надлежащую гибкость и легкость; но несмотря на это сухое занятіе ума, онъ не только не оставлялъ поэзіи, но даже написалъ *Драматическую трилогію*, которая и до сихъ поръ осталась единственною въ нѣмецкой литературѣ. Послѣ перваго его Бардита — *Битва Германа*, пятнадцать лѣтъ спустя появился второй Бардитъ — *Германъ и Князя*, потомъ черезъ три года — *Смерть Германа*. Эти драмы или Бардиты, показываютъ въ немъ не только знаменитаго мастера своего дѣла въ обработкѣ историческихъ предметовъ; но выставляютъ его свѣту, какъ совершенно новаго лирика того времени.

Живое участіе, принимаемое Клопштокомъ въ американской войнѣ за независимость, видно ясно изъ IV тома его сочиненій; читавшему ихъ легко себѣ представить, какъ подѣйствовала на

человѣка съ его понятіями французская революція. Казалось, настало то время, когда право разсудка возьметъ верхъ надъ силою оружія; переворотъ этотъ превратилъ его изъ 65-тилѣтняго старца въ 15-тилѣтняго юношу. Энтузіазмъ его возросъ до такой степени, что даже подавилъ въ немъ на время чувство патріотизма. Скоро вышеупомянутое событіе заняло всю его дѣятельность. Политика Французовъ не оставила обстоятельства этого безъ вниманія; въ 1792 г. онъ получилъ отъ Національнаго собранія дипломъ на французское гражданство. Плохо однако считали Французы, если думали найти въ немъ слѣпаго соперника, онъ былъ все тѣмъ же, какимъ былъ, писавши въ 1760 г. сорокъ-шестую оду. Предоставленіе же ему гражданства повлекло лишь его къ перепискѣ съ Ларошофукольдомъ и министромъ Роландомъ. Однако не смотря на страшныя событія 10 Августа и сентябрскіе дни онъ не потерялъ надежду на благополучный исходъ; его привязывалъ къ республикѣ декретъ 24 мая 1790 г. По этому декрету французская нація не искала завоеваній, а выражала надежду уничтожить рабство и угнетеніе. Смѣло и свободно высказывалъ поэтъ свою мысль въ одѣ — *Война за свободу*, когда увидѣлъ вооруженіе нѣмецкихъ князей. Смѣлость его достигла до того, что онъ послалъ эту оду принцу Брауншвейгскому съ приложеніемъ предостерегательнаго письма. Но было уже поздно — да впрочемъ, ктоже въ подобныхъ случаяхъ рѣшится внять голосу поэта.

Но скоро Клопштоку предстояло полное разочарованіе; какъ открыто выражалъ онъ свое воодушевленіе, также точно говорилъ онъ о своей ошибкѣ и также откровенно высказывалъ презрѣніе свое. Съ пылкостью юноши преслѣдовалъ онъ тѣхъ людей, которые упорно отвергали основную мысль свободы, въ которой законъ есть непреложный, священный фундаментъ. При видѣ каждаго новаго завоеванія слова поэта были остры какъ мечъ, а душевное соболѣзнованіе походило на безотрадную скорбь.

Въ 1802 г. французская національная академія избрала Клопштока членомъ, и онъ, какъ самолюбивый Нѣмецъ, былъ весьма доволенъ, и между прочимъ, выражался такъ: какъ ни было пріятно мнѣ, что французская національная академія избрала меня заочно членомъ; но еще пріятнѣе для меня то, что избиратели оцѣнили во мнѣ человѣка, говорившаго съ такою прямою и такимъ рѣзкимъ тономъ о событіяхъ революціи; слова мои подтвердить, современемъ, въ приговорѣ своемъ исторія.

На закатѣ своей продолжительной и вполне достойной жизни, старецъ долженъ былъ украсить остатокъ дней любовью и отрадными минутами домашняго счастья. Гёте и многіе были весьма недовольны этимъ шагомъ великаго поэта, полагая, что онъ непременно долженъ былъ остаться вѣрнымъ до гроба Метѣ, забывая, что сердце и душа Клопштока вмѣщали въ себѣ слишкомъ много этого возвышеннаго чувства, требующаго постоянной пищи, до тѣхъ поръ, пока не исполнится святая способность любить. Въ 1791 г. на 67-мъ году жизни, поэтъ женился въ второй разъ на племянницѣ Меты, вдовѣ фонъ Винтемъ. Онъ желалъ жениться не иначе, какъ на существѣ во всемъ сходномъ съ Метой, и достигъ этого черезъ 33 года послѣ смерти Меты.

Въ Маѣ 1802 г. Клопштокъ заболѣлъ очень серьезно и до конца жизни не могъ излечиться. Въ свободныя отъ болѣзненныхъ припадковъ минуты, онъ писалъ послѣднюю оду: *Высшія степени*. Незадолго до смерти поэта умеръ другъ его Глеймъ, но Клопштокъ не зналъ объ этомъ. Такъ исполнилось тяжелое предчувствіе, которое высказывалъ онъ за 50 лѣтъ, въ одѣ къ *Эберту*. Онъ провелъ послѣдніе дни жизни въ кругу друзей, не оставлявшихъ постели его до послѣдней минуты. Онъ тихо заснулъ, какъ бы утомленный пройденнымъ имъ путемъ, 14-го Марта 1803 г. на 79 году жизни. Клопштока хоронили съ

такимъ великолѣпіемъ, какъ не хоронили ни одного нѣмецкаго ученаго. Города Гамбургъ и Альтона были представителями нѣмецкой націи. Всѣ бывшіе тамъ, въ то время, посланники, выразили глубокое сочувствіе своихъ націй праху Клопштока. Тѣло великаго поэта покоится подъ тою же липою, подъ которою похоронѣнъ Мета. Надъ его могилой стоитъ эмблема религіи, со взоромъ обращеннымъ къ небу, облокотившись на урну.

Заслуги Клопштока безмѣрны, какъ человѣка, очистившаго языкъ, даваго высокое направленіе нѣмецкой литературѣ, и пробудившаго въ соотечественникахъ любовь къ національности и вообще ко всему родному. Онъ былъ вполнѣ глубокомысленный нѣмецкій поэтъ и истый предшественникъ Шиллера, несмотря на различіе ихъ характеровъ. Онъ преимущественно открылъ путь всѣмъ гениальнымъ писателямъ, бывшимъ послѣ него; но ими нимало не затмѣвается знаменитое имя поэта.

Фоссъ взываетъ къ германскимъ ученымъ и вообще ко всѣмъ соотечественникамъ Клопштока: „Друзья отечества и ея доблестей, когда вамъ удастся посѣтить цвѣтущій берегъ Эльбы, въ Гамбургѣ, не позабудьте, что здѣсь именно Клопштокъ, какъ юноша, съ Гагедорномъ, какъ мужъ, съ Лессингомъ воодушевлялся для распространенія славы нѣмецкаго мужа! Углубитесь въ ваши думы, какъ Ѳемистоклъ надъ памятникомъ Мильтіада, и положите цвѣтокъ на могилу великаго поэта.“

ПѢСНЬ I.

Воспой, духъ безсмертный, людей искупленье,
Свершенное въ области міра земнаго
Облекшимся въ плоть человѣка Мессіей.

Страданіемъ крестнымъ и смертью своею
Возвысилъ Онъ снова родъ падшій Адама,
Вселивъ въ него чувство любви къ Божеству.
Исполнилась такъ Вседержителя воля!
Напрасно, духъ ада, возсталъ сатана!
Напрасно Іуда пытался поднять
На Сына Предвѣчнаго дерзкія руки —
Божественный подвигъ спасенья свершился!
Но только Ему — Милосердному Богу —
Извѣстна вся тайна великаго дѣла.

Дерзнуть ли изъ мрака поэзіи звуки
Коснуться тебя, о Божественный подвигъ!
И можетъ ли духъ человѣка-поэта
Обнять всю глубокую тайну спасенья?
Создатель! я тихо молюсь предъ Тобою:
Его освати Ты божественной волей,
Ему сообщи Ты безсмертія силу,
Его осѣни Ты красою небесной!
Пошли ему искру огня Ты святаго!
Не Ты ль созерцаешь всю глубь Божества?
Не Ты ли, создавъ человѣка изъ праха,
Воздвигнулъ въ немъ жертвенникъ чистой святости?

Очисти, поэтъ, свои думы и сердце
И голосомъ робкимъ и тихимъ воспой
Его — Примирителя Бога съ созданьемъ!
Вступай съ содроганьемъ на трудный свой путь.

Вы знаете, смертные, все то величье,
Которое далъ вамъ Спаситель въ удѣлъ
Съ тѣхъ поръ, какъ Онъ пролилъ за васъ свою кровь.
Послушайте жъ пѣнье мое, о, друзья!
Я славлю Ходатая смертныхъ предъ Богомъ.

О, вы, передъ кѣмъ поднялася завѣса
Невѣдомыхъ таинствъ Господня суда,
Послушайте пѣнье мое и прославьте
Святыми дѣлами Предвѣчнаго Сына!

Близъ Града святаго, погибшаго нынѣ
Виною безумной своей слѣпоты,
Съ которой отвергъ онъ избранья вѣнецъ;
Близъ града, гдѣ жило величіе Божье,
Гдѣ жили святые народа отцы,
Гдѣ льется рѣкою кровь вѣрныхъ теперь —
Близъ этого града Господь-Искупитель
Прервалъ свою связь съ одряхлѣвшимъ народомъ,
Его непостижимъ при всемъ обожаньи;
Немогшимъ вмѣстить въ себѣ святости чувства,
Которое вѣчно доступно Творцу.

Сынъ Божій сокрылся отъ взоровъ толпы!...
Народъ Ему пальмы бросалъ по дорогѣ,
Кричалъ Ему громко Осанна свое!
Напрасны восторги! напрасно усердье:
Не вѣдали вы кого звали царемъ!
Затмились ихъ взоры страстями земными.
Для нихъ сталъ не видѣнъ Божественный образъ,
Сіяющій вѣчно живой благодатью.

Господь-Вседержитель сошелъ Самъ на землю,

И голосъ могучій слышался съ неба:

„Сего Я прославилъ и снова прославлю!“

Глаголь этотъ волю вѣщалъ Божества.

Но Бога не поняли грѣшные люди;

Приблизился снова Мессія къ Отцу,

Изрекшему слово Свое для народа.

Стремился Сынъ Божій завѣтъ основать

Для блага людей. — Онъ торжественно шелъ

О томъ возвѣстить Всеблагову Отцу.

Къ востоку отъ града святаго лежитъ

Гора, на вершинѣ которой такъ часто

Молился, скрываясь въ ночной тишинѣ,

Спаситель Отцу, отдѣленный отъ міра.

Христосъ удалился на гору святую;

Съ Учителемъ вмѣстѣ тамъ былъ Іоаннъ —

Пришелъ онъ, чтобъ ночь всю въ молитвѣ провести,

И сѣлъ тамъ, на склонѣ, гдѣ были гробницы;

Спаситель взомель на вершину горы:

Влестѣли вдали, на высокой Моріи,

Огни красноватые; дымъ поднимался

Отъ жертвъ, сожигаемыхъ въ честь Іеговы.

Спаситель молился — кругомъ было тихо —

Столѣтнія пальмы стояли спокойно

И воздухъ отрадною свѣжестью вѣялъ,

Какъ-будто проникнуть присутствіемъ Бога...

Подъ тѣнью двухъ кедровъ стоялъ Серафимъ,

Ниспосланный съ неба служить Іисусу:

То былъ благовѣстникъ Христа, Гавріиль.

Онъ думалъ о благѣ великомъ спасенья,

И думалъ о вѣчномъ добра торжествѣ;

Онъ зналъ, что настала искупленія часъ,

И тихо сказалъ Искупителю грѣшныхъ:

— Ты хочешь ли ночь всю пробить здѣсь въ молитвѣ
Бесѣдуя съ Богомъ-Отцомъ, Искупитель?

Иль тѣло безсмертное жаждетъ покоя?

Не хочешь ли, Господи, я приготавлию

Безсмертной главѣ Твоей мягкое ложе?
 Смотри, какъ зеленныя руки раскинувъ,
 Стоить, колыхаясь, развѣсистый кедръ;
 Душистый качается здѣсь бальзаминъ.
 А тамъ, межъ гробницами, вѣетъ прохладою;
 По камнямъ зеленый тамъ стелется мохъ —
 Не сдѣлать ли мнѣ изъ него Тебѣ ложе?
 Вѣдь Ты утомился, молясь, Искупитель.
 О, много Ты здѣсь, на землѣ, переносишь,
 Страдая изъ чистой любви къ человѣку!

И взоромъ божественнымъ, полнымъ любви
 Дарить Серафима Господь-Искупитель,
 Стоявшій въ молитвѣ на горной вершинѣ,
 Гдѣ ближе склоняется небо къ землѣ,
 Гдѣ слышится ближе присутствіе Бога.

Молился Сынъ Божій — а жизнь волновалась
 Внизу, подъ горою, и слышались клики
 Изъ пропасти вѣчно бушующей бездны.
 Лишь мощный послышался голосъ Его;
 Въ томъ голосѣ не было слышно проклятья,
 Которое прежде несло надъ землею.
 Внимала земля благодатному слову
 Того, Кто живить ее вѣчной красою.
 Кругомъ, въ полумракѣ вечернемъ, лежали
 Холмы, зеленѣя какъ древо Эдема.

Сынъ Божій бесѣдовалъ съ Богомъ-Отцомъ;
 И съ Нимъ созерцалъ Онъ всю сущность бытія.
 (Но слово лишь можетъ понять человѣкъ).
 — Отецъ мой божественный, нынѣ настали
 Завѣта великіе дни — дни спасенья,
 Когда предназначено было свершиться
 Событіямъ высимъ, чѣмъ міра творенье, —
 Тѣ дни предо Мною въ прекрасномъ сіяньи.
 Тѣ дни, какъ міры создавали Мы вмѣстѣ;
 То время, когда Мы съ Тобой созерцали
 Теченье вѣковъ — и грядущаго дни,

Въ которыхъ сіялъ Моей воли завѣтъ. —
 Тебѣ одному лишь извѣстно, какъ всѣ Мы,
 И Ты, Мой Отецъ, и Я Самъ, и Богъ-Духъ,
 Рѣшили исполнить людей искупленье!
 О, долго Мы въ вѣчной тиши обитали,
 Пока не рождались наши созданья,
 Согревъ ихъ чувствомъ небесной любви.
 Взирали Мы внизъ, на людей нерожденныхъ;
 Созданія Наши, тѣ дѣти Эдема,
 Еще такъ недавно всѣ были безсмертны,
 Теперь же страдаютъ во мракѣ грѣховномъ.
 Я видѣлъ, Отецъ Мой, ихъ скорбь и томленье,
 А Ты Мои слезы горячія видѣлъ.
 Тогда Ты промолвилъ: „Мы вновь водворимъ
 Въ созданіи смертномъ божественный образъ!“
 И такъ Мы рѣшили предвѣчную тайну, —
 Пролиться должна была кровь искупленья
 И образъ Создателя вновь просіять
 Въ лицѣ челоуѣка, воззваннаго къ жизни.
 Я Самъ предназначилъ на жертву Себя,
 Чтобъ подвигъ божественный этотъ исполнить.
 Ты зналъ, о, Отецъ Мой Предвѣчный, о всемъ,
 И силы небесныя знали объ этомъ.
 Лишь только возникла та дума во Мнѣ,
 Я жадно искалъ униженья съ тѣхъ поръ.
 Какъ часто, о міръ отдаленный, земной,
 Ты цѣлью былъ думъ Моихъ всѣхъ заповѣдныхъ.
 И ты Ханаана, святая земля,
 Какъ часто Мой взоръ устремленъ былъ къ тебѣ,
 На этотъ пригорокъ, который виднѣлся,
 Обрызганъ кровавой росой искупленья;
 Вздыхала грудь моя сладкимъ восторгомъ
 При мысли о дивномъ, плотскомъ бытіи; —
 О томъ, что въ небесной обители міра
 Сойдутся въ день свѣтлый, назначенный небомъ.
 Вокругъ Меня свѣтлые праведныхъ сонмы;

Что скоро познають меня всѣ народы. —
 Отецъ мой божественный, здѣсь, предъ Тобою,
 Я въ образѣ плотскомъ, лежу и молюся;
 Но скоро настанетъ торжественный часъ,
 Часъ грозный суда Твоего надо Мною:
 Я, кровью облитый и преданный смерти,
 Тогда буду въ прахѣ могилъ погребенъ. —
 Судья всего міра! Я издали слышу,
 Какъ шествуешь грозно Ты тамъ, въ небесахъ, —
 И трепетъ по членамъ плотскимъ пробѣгаетъ...
 Невѣдомъ тотъ трепетъ для жителей неба,
 И даже тогда, когда полонъ Ты гнѣва,
 И въ гнѣвѣ смертельно разишь непокорныхъ.
 Вотъ, видится садъ Мнѣ въ ночной тишинѣ: —
 Я падаю ницъ предъ Тобою, Отецъ,
 Лежу и молюся, и чувствую муки
 Страданій тяжелыхъ, страданій предсмертныхъ...
 Смотри, о Отецъ мой! во прахѣ Я здѣсь,
 И гнѣвъ Твой божественный, судъ справедливый,
 Приму на Себя съ неизмѣннымъ смиреньемъ.
 Ты вѣченъ! И праведный гнѣвъ Твой, о Боже!
 Неравенъ безсильному гнѣву конечныхъ. —
 Доступно лишь Богу смягчать Божество!
 Я здѣсь, возставай, правосудный Судья,
 Рази и прими Меня въ вѣчную жертву!
 Еще Я свободенъ, молить Тебя властенъ;
 Но скоро настанетъ великій тотъ часъ,
 Когда, торжествуя, всѣ силы небесъ
 Меня поведутъ ко престолу Отца;
 Теперь же, о Вѣчный! я жажду страданья!
 Того не постигнетъ во вѣки вѣковъ
 Въ жилищѣ небесъ ни одинъ Серафимъ,
 Ни высшій Архангелъ въ раздумьи глубокомъ;
 Я выстрадать страшную смерть приготовленъ!
 Объемлю я всю безпредѣльность небесъ,
 И тучи съ громами во власти Моей. —

Я Богъ, какъ и Ты, и, какъ Богъ, я клянуся
Страданьемъ Своимъ искупить человѣка!...

Сказалъ Иисусъ и поднялся изъ праха;
Въ чертахъ Его свѣтлыхъ сіяло величье,
Спокойствіе, благость и тихая скорбь.

Неслышимый силами неба, Отецъ
Изрекъ лишь для Сына понятное слово,
Свой ликъ обративъ ко Спасителю міра:

— Подвластны Мнѣ небо, міровъ безпредѣльность,
И все мірозданье въ рукъ Моей мощной;
Я Вѣчный, — всего сотвореннаго Богъ —
И Я, какъ Творецъ, здѣсь клянусь предъ Тобою:
Прощу прегрѣшенъ погибшихъ, Мой Сынъ!

Сказалъ, — и окончились тайныя рѣчи. —
Въ моментъ же великой бесѣды Предвѣчныхъ,
Въ безмолвіи вся содрогалась природа,
И души, еще не начавшія мыслить,
Впервые извѣдали чувство волненья. —
Проникнуть былъ Божиимъ страхомъ Архангелъ,
Забилось невольно безплотнаго сердце;
Подъ нимъ, въ ожиданьи, лежала часть міра,
Подобно землѣ передъ близкой грозой:
Отрадное чувство святаго восторга
Объяло всѣ души сыновъ благодати;
Но ада, отчаянья полные, духи,
Въ безумьи поднявшіе руки на Бога,
Обрушились въ бездну съ престоловъ своихъ,
И грома раскаты въ аду пронеслися.

Еще передъ Богомъ молился Спаситель,
Когда начались томленія Его;
То были не страсти — предчувствія мукъ,
Предвѣдѣнье ясное вольныхъ страданій...

Онъ видѣлъ, какъ Богъ Свой престолъ покидалъ,
И съ неба сходилъ, чтобы Сына судить;
Онъ слышалъ, какъ люди безстыдные дерзко
Его обвиняли въ преступныхъ дѣяньяхъ;

Какъ, кровью облитый, на крестъ Онъ всходилъ
 И духъ испускалъ на священной Голгоѣ.
 Въ то время лежалъ Гавріиль въ отдаленнѣ
 Въ глубокой молитвѣ и съ новою думой.
 Вѣка протекли въ его жизни небесной;
 Но рядъ безконечный отжитыхъ вѣковъ
 Ему не навѣялъ еще такой думы;
 Глазамъ Серафима предсталъ самъ Господь
 И съ Нимъ примиренные, падшіе люди,
 И личность святая Спасителя міра.
 Вложилъ ему въ сердце ту думу самъ Богъ.
 Съ молитвой встаетъ удивленный Архангелъ,
 Божественнымъ блескомъ сіялъ его ликъ,
 Земля озарилась подъ нимъ этимъ блескомъ,
 И видитъ его въ этотъ мигъ Искушитель.
 Къ нему Онъ свой взоръ обратилъ и сказалъ:
 — Ты хочешь служить Мнѣ и здѣсь, на землѣ?
 Снеси же молитву Мою ты къ Отцу,
 Чтобъ всѣ патріархи и силы небесъ
 Узнали о дивномъ свершеніи событій,
 Которыхъ давно такъ ужъ жаждетъ ихъ духъ.
 И тамъ ты сіяй, какъ Спасителя вѣстникъ.
 Средь полчища Ангеловъ, свѣтлой главою.
 И быстро поднялся съ горы Серафимъ.
 Слѣдилъ въ тишинѣ за нимъ міра Спаситель,
 И видѣлъ божественнымъ взоромъ Сынъ Божій,
 Какъ неся быстрѣй самой мысли Архангелъ:
 Но не былъ въ надзвѣздныхъ мірахъ еще вѣстникъ,
 Какъ тайная вновь началась бесѣда
 Спасителя міра съ Предвѣчнымъ Отцомъ.
 Въ бесѣдѣ божественной той открывались
 Великія, страшныя тайны судебъ.
 Темны были рѣчи ихъ даже безсмертнымъ...
 Межъ тѣмъ Серафимъ восходилъ, какъ заря,
 До крайняго блеска предѣла небесъ,
 Гдѣ солнца однѣ наполняютъ пространство,

И гдѣ первобытнаго свѣта лучи
 Безоблачный куполъ небесъ озаряютъ,
 Гдѣ нѣтъ уже мѣста для темной планеты. —
 Природой тумановъ и тучъ дождевыхъ
 Проходятъ міры тамъ, внизу, незамѣтно,
 Подобно тому, какъ ногой пѣшехода
 Подъемлется пыль съ непримѣтною жизнью,
 Кружится и вновь упадаетъ на землю.
 Вкругъ неба идутъ миллионы путей,
 Которыхъ конца не увидитъ глазъ смертный;
 Вездѣ по бокамъ расположены солнца
 Черезъ путь лучезарный, ведущій на землю
 Изъ сферы надзвѣздной, съ небесныхъ высотъ. —
 Текла тамъ небеснаго счастья рѣка,
 Въ Эдемъ направляясь теченьемъ своимъ;
 По свѣтлому берегу этой рѣки
 Самъ Богъ - Вседержитель и силы небесъ
 Невинныхъ людей принимали подъ кровъ.
 Когда жъ человѣкъ сталъ врагомъ Божества,
 Рѣка повернула назадъ свои волны.
 Безсмертные также взирать не хотѣли
 На доли прекрасные, гдѣ передъ ними
 Дыханье холодное смерти летало;
 Они отвернулися съ ужасомъ прочь.
 Священныя горы, гдѣ слѣдъ былъ Предвѣчныхъ;
 Шумящія рощи, гдѣ святость сіяла;
 Отрадные, тихіе доли, гдѣ рѣзво
 Играла невинная юность небесъ;
 Деревья тѣнистыя — кровь человѣка —
 Гдѣ плакали первые люди отъ счастья
 И сладкаго чувства земныхъ наслажденій,
 Теперь эта почва святая носила
 Проклятія страшнаго Божья печать,
 И въ ней открывалась могила для падшихъ;
 Когда же изъ непла суда міроваго
 Появятся съ новой краскою свѣтила;

Когда всестороннимъ своимъ созерцаньемъ
Сольетъ Вседержитель міры съ Своимъ небомъ,
Тогда вновь потокъ изъ святаго ключа
Направитъ могучія волны свои
Съ красой обновленною въ новый Эдемъ.

По этой священной дорогѣ Архангель
Приблизился къ небу божественной славы.
Среди міриады міровъ лучезарныхъ,
Сіяетъ пространство безбрежнаго неба,
А въ немъ первообразъ всего мірозданья,
Избытокъ красотъ, недоступныхъ для глаза;
Какъ рѣки могучія, эти красоты
Кругомъ разлилися въ пространствѣ міровъ.
Путемъ этимъ свѣтлымъ летѣлъ Серафимъ,
Доноситъ дыханіемъ вѣтра къ нему
Могучіе звуки божественной арфы,
Созвучія дивнаго, стройныя пѣсни.
То пѣсни небесныхъ, безсмертныхъ жильцовъ —
То льются такъ тихо, какъ вѣтра дыханье,
То слышатся стройно и звучно вдали,
Согласно сливаясь со звуками арфы;
И въ чудномъ сліяньи тѣ звуки несутся
До слуха Того, Кто и звукъ сотворилъ.
И взоръ Божества, созерцающій вѣчно,
Съ глубокимъ, отеческимъ чувствомъ любви
Объемлетъ прекрасные образы тварей. —

Поэзія чудная, неба жилица!
Доступно тебѣ созерцаніе Бога;
Скажи же, дочь неба, чтò Ангелы пѣли?
— Привѣтъ тебѣ, Бога святое жилище!
Мы зримъ Вседержителя вѣчно, въ томъ видѣ
Великомъ, какъ былъ Онъ, какъ есть и какъ будетъ!
Мы видимъ въ Немъ творчество, силу и благодать,
Какъ въ дальнихъ мірахъ Его видѣть не могутъ.
Мы зримъ Тебя, Боже! средь избранныхъ душъ,
Которымъ доступенъ восторгъ лицезрѣнья! —

Величье и слава Твои безконечны:
 Ты имя священное носишь Еговы!
 Но образа ищетъ напрасно нашъ голосъ,
 Тебя прославляя; напрасно нашъ умъ
 Стремится помыслить о божескихъ свойствахъ:
 Когда Ты и въ мысли себя созерцаешь,
 То всякая мысль та святѣе и выше,
 Чѣмъ наши мечты Тебя могутъ представить.
 Великъ милосердный, Божественный взоръ Твой,
 Тобой устремленный на тварь Твою, Боже!
 И Ты удостоилъ, Создатель, взглянуть
 На насъ всѣхъ, живущихъ отдѣльною жизнью,
 На тѣхъ, кому далъ животворный Свой духъ.
 Сначала Ты создалъ небесъ безпредѣльность,
 Потомъ сотворилъ Ты насъ, жителей неба;
 Но васъ еще не было, созданныхъ позже.
 Возникла ты послѣ, земля молодая,
 Вы — солнце и мѣсяцъ — спутникъ планеты.
 Что жъ было ты, первое міра созданье,
 Когда лишь изъ хаоса вызвано было?
 Въ тебя низошелъ твой Создатель и Богъ,
 Въ тебѣ основавшій престолъ Своей славы!
 Тогда лишь сложился въ свой образъ твой кругъ,
 Въ тотъ образъ великій, Имъ призванный къ жизни,
 И голосъ могучій Творца раздавался
 Средь гула морей и столпившихся горъ,
 Среди безпорядка — громады земли.
 Все стихло и стало мгновенно слагаться,
 Внимая вѣлѣнью могучаго слова;
 Но тамъ еще не было тварей разумныхъ,
 Стоялъ одиноко Ты въ строгомъ величьи,
 Свой образъ Божественный Самъ созерцая.
 Хвалите и славьте Создавшаго вся!
 Хвалите премудрость и благость Господню!
 Ему Аллилуіа вѣчное пойте!
 Ты хаосу мрака вѣлѣлъ разступиться,

Ты жизнь даровалъ всѣмъ разумнымъ созданьямъ!

При звукахъ божественной пѣсни безсмертныхъ
 Приблизился вѣстникъ Спасителя міра;
 Безсмертные взоромъ Творца наслаждались,
 Ниспосланнымъ свыше въ награду за пѣнье;
 Увидѣли ангелы свѣтлаго духа,
 Взглянулъ на него и самъ Богъ-Вседержитель.
 Упавъ на колѣни, Архангелъ молился,
 Звукъ имени Бога Отца повторяя. —
 Къ нему первородный Престоловъ спѣшилъ,
 Его съ торжествомъ чтобъ вести къ Всеблагому.
 Престоль этотъ Богомъ зовется — Избранникъ,
 А небо даетъ ему имя — Элоа.
 Онъ выше, святѣе всѣхъ прочихъ созданий,
 И послѣ Творца онъ могучѣе всѣхъ.
 Яснѣе его всеобъемлющій взоръ,
 Чѣмъ утра весенняго лучъ золотой;
 Отраднѣй сіянія тихаго звѣздъ,
 Когда предъ лицемъ Всемогущаго Бога
 Проходятъ, исполнены жизни и свѣта.
 Элоа былъ созданъ въ началѣ творенья;
 Онъ созданъ изъ утренней свѣтлой зари.
 Когда сотворенъ былъ Предвѣчнымъ Архангелъ,
 Предсталъ предъ лице онъ Зиждителя міра,
 Облитый лучами и въ облакѣ свѣтломъ, —
 Господь его тихо въ объятія принималъ.

— Я здѣсь предъ тобою, созданье мое,
 Сказалъ, осылая его, Вседержитель.
 Увидѣвъ Создателя вдругъ предъ собою,
 Стоялъ въ созерцаньи нѣмомъ Серафимъ.
 Безсильный — онъ палъ предъ величіемъ Бога,
 Потомъ свои думы открылъ Всеблагому. —
 Погибнуть міры и возникнуть изъ праха,
 Столѣтія цѣлыя въ вѣчность войдутъ,
 Но думы подобной возникнуть не можетъ
 Въ умѣ челоуѣка во вѣки вѣковъ.

Въ сіяньи небесной своей красоты
 Спустился Элоа на свѣтлыхъ лучахъ
 Къ посланному Бога — Спасителя міра,
 Чтобъ къ славѣ Творца подвести Серафима.
 Узналъ Гавріила онъ въ немъ далеко,
 Въ восторгѣ былъ самъ и Архангелъ пришедшій,
 Обрадованъ онъ лицезрѣньемъ Элоа,
 Съ которымъ онъ все сотворенное зналъ,
 Пространство небесное съ нимъ облетая.
 Престолы съ восторгомъ стремились другъ къ другу;
 Широко открылись объятія ихъ;
 Въ лобзаніи трепетномъ оба слились...
 Увидя Архангеловъ, Богъ-Вседержитель
 Рукой всемогущею ихъ осѣняетъ.
 Приблизились вмѣстѣ къ Создателю оба.

На выси горы, близъ величья Господня,
 Покоится ночи священный покровъ,
 А въ нѣдрахъ той ночи — святое сіянье
 Объемлетъ собою Предвѣчную тайну.
 Сокрыта тамъ тайная сущность бытия
 Отъ глазъ Серафимовъ божественнымъ мракомъ;
 Порой лишь, громами могучими Богъ
 Подъемлетъ предъ ними священный покровъ.
 Увидѣвъ ту тайну — ликуютъ они.
 Открылся глазамъ Гавріила теперь
 Алтарь искупленія, какъ горная высь;
 При входѣ въ святая-святыхъ онъ стоялъ.

Въ сіяньи небесномъ, объятый восторгомъ,
 Шелъ вѣстникъ Христа къ алтарю искупленія:
 Въ рукахъ своихъ несъ онъ двѣ чаши златыя;
 Чашами святаго полны были чаши.
 Съ глубокой молитвой вблизи сталъ Архангелъ,
 Избранникъ Элоа сталъ возлѣ него
 И вызвалъ изъ арфы могучіе звуки,
 Стараясь настроить къ высокой молитвѣ
 Стоявшаго съ жертвенной чашею духа.

Тѣмъ звукамъ священнымъ внималъ Серафимъ;
 Сильнѣе отъ нихъ возгорѣлся въ немъ духъ.
 Такъ зыбь океана, волнуясь, кипить,
 Когда ее голосъ Творца воздымаетъ.
 Смотрѣлъ на Создателя вѣстникъ Христа,
 И пѣснь его дивнымъ аккордомъ лилася.
 Отецъ и все небо внимали той пѣсни,
 Внимали они — Примирителя просьбѣ.
 Самъ Богъ своимъ пламенемъ жертву зажегъ
 И тихо, съ молитвеннымъ гимномъ поднялся
 Къ престолу Предвѣчнаго жертвенный дымъ.
 До этой минуты взиралъ Богъ на землю,
 И тайно Сынъ Божій бесѣдовалъ съ Нимъ.
 О тайнахъ завѣтныхъ бесѣды Ихъ были,
 И даже безсмертнымъ онѣ недоступны.
 Теперь же опять Вседержителя взоры
 Собой озарили небесную область.
 Всѣ голоса Бога въ тиши ожидали.
 Шумѣть перестали небесные кедры,
 Затихъ океанъ у крутыхъ береговъ,
 Божественный вѣтеръ стоялъ неподвижно;
 Онъ крылья свои распустилъ, ожидая
 Пока будетъ слышенъ глаголь Божества.
 Но слова еще не изрекъ Вседержитель;
 Лишь громы священные тѣ возвѣщали,
 Что скоро послышится Бога велѣнье.
 Затихли опять и священные громы.
 Тогда, передъ взоромъ великихъ престоловъ
 Открылъ свою тайну святую Господь! —
 Тогда обратился Архангелъ Уримъ,
 Повѣренный Вѣчнаго Духа, къ Элоа;
 — Что видишь ты, свѣтлый собратъ мой? спросилъ онъ.
 — Я вижу вдали, у столбовъ золотыхъ,
 На доскахъ начертаны воли судьбы.
 Тамъ жизни священныя книги лежатъ;
 Въ нихъ вѣтеръ могучій колышетъ листы;

На нихъ имена благодати сыновъ,
 Которымъ откроется царство небесъ.
 И точно знамена святыхъ Серафимовъ,
 Развернуты грозныя книги судебъ;
 Ужасенъ для взора безумныхъ ихъ видъ.
 Какъ чудно открылъ свою тайну Ты, Боже!
 Смотри, другъ Уримъ, какъ въ священной тиши,
 Въ серебряныхъ тучахъ мерцають огни;
 Ихъ тысячи-тысячъ, они возвѣщаютъ
 Число тѣхъ церквей, прославляющихъ Бога,
 Съ которыми Онъ примиренъ будетъ Сыномъ.
 Ты можешь ли счесть все число ихъ святое?

Урима спросилъ первородный Архангелъ.

— Мы можемъ міры всѣ исчислить, Элоа;
 Всѣ подвиги ангеловъ, радости ихъ,
 Но умъ нашъ не можетъ постигнуть всѣхъ слѣдствій
 Божественной жертвы — людей искупленья.

И снова избранникъ Творца продолжалъ:

— Я вижу судейское мѣсто Его.

Ты грозенъ, Мессія — Судья всего міра!

Смотри, что за форма священнаго трона.

Ты издали грѣшниковъ души мертвишь, —

И пламя готовое праведной мести

На тучахъ ужасныхъ подъемлетъ его.

Пощаду, Мессія! пощаду даруй!

Въ рукахъ Твоихъ право и жизни и смерти.

Такъ между собой говорили Престолы.

Семь разъ уже громъ прогремѣлъ въ отдаленъи,

На мигъ озаряя священную тьму.

Раздался потомъ Вседержителя голосъ:

— Творецъ есть любовь и любовь безъ предѣла!

И это святое, высокое чувство

Вдохнуло Мнѣ мысль о созданъи міровъ,

Оно жъ управляетъ Божественнымъ дѣломъ —

Великимъ спасеніемъ рода погибшихъ.

Глубокая тайна людей искупленья

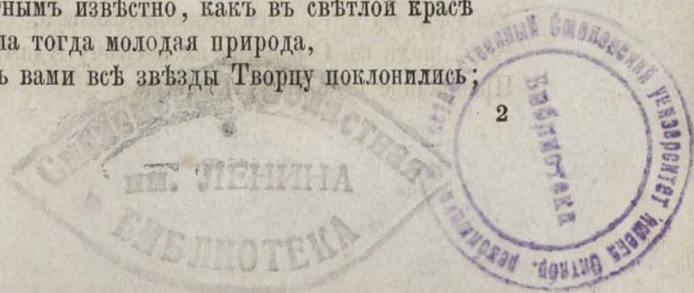
Доступна немногимъ и даже изъ васъ.
 Чрезъ смерть Сына Божья познать вы должны
 Зиждителя міра во мнѣ и Судью. —
 Та смерть, недоступная вашему духу,
 Вселить въ васъ глубокое, новое чувство.
 Могущество ваше имѣетъ предѣлы,
 И если бѣ Судья не поддерживалъ васъ,
 Погибли бы всѣ вы, ту смерть созерцаю.

Сказалъ Всемогущій — и снова все тихо. —
 Съ молитвой высокой предъ мощью Его
 Скрестились безплотныя руки безсмертныхъ.
 Элоа провидѣлъ вѣлѣніе Бога,
 Онъ понялъ великую думу Творца,
 И къ свѣтлому сонму, сказалъ, обращаясь:

— Взирайте на Вѣчнаго, дѣти безсмертья,
 Вы мыслью любимую были Его,
 Когда Онъ задумалъ спасенія подвигъ.
 Богъ вѣдалъ, какъ жаждалъ безсмертный вашъ духъ
 Увидѣть блаженные дни — и Мессію.
 Вы, дѣти Великаго, Вѣчнаго Бога,
 Отъ Духа Святаго Его рождены.
 Теперь торжествуйте, Отца созерцаю;
 Познайте въ Немъ сущность всего бытія!
 Омегу и Альфу и вѣчную благодать!
 Отечески сходить на васъ Іегова.
 Для васъ этотъ вѣстникъ спасенья явился
 Посланникомъ Сына къ небесному трону.
 Вы избранны видѣть всю тайну спасенья:
 Иначе вели бѣ совѣщанья объ этомъ
 Они одиноко и въ тайнѣ глубокой. —

Земли обитатели, вамъ суждено
 Блаженство и радость для жизни грядущей;
 Но горе врагамъ Икупителя падшихъ —
 Ихъ вычеркнулъ Вѣчный изъ книги судебъ;
 Однимъ лишь спасеннымъ Онъ шлетъ благодать.
 Должны они зрѣть искупленія кровь

Безъ скорби, безъ слезъ и волненья души.
 Увидать, какъ рѣки Божественной крови
 Расширятся въ морѣ блаженства и жизни —
 Утѣшатся здѣсь они, въ лонѣ покоя.
 Торжественнымъ блескомъ потомъ наслаждаться,
 Блаженство небеснаго мира вкусивъ.
 О вы, Серафимы, и души отцовъ,
 Спасенные сильнымъ Ходатаемъ міра!
 Начните же вѣчнаго праздника гимны,
 И пусть они льются во вѣки вѣковъ.
 Близъ васъ соберутся земные сыны,
 Всѣ станутъ они племена къ племенамъ,
 Пока, совершенства достигнувъ, проникнуть,
 Душой обновленные, въ райскую сѣнь.
 Вѣстите владыкамъ созданій Господнихъ
 Готовиться къ празднику полному таинствъ.
 И вы, благочестія полные, люди,
 Отцы Икупителя міра по плоти.
 Исходитъ Мессія отъ кости тѣхъ смертныхъ,
 Которые ждуть воскресенья во прахѣ.
 Мессія — и Богъ, и плотской человекъ,
 Всѣмъ вамъ даровалъ Онъ священную радость;
 Ее ощущаетъ и самъ Вседержитель.
 Спѣшите вы, души безсмертныя, къ солнцу.
 Оттуда вы издали будете видѣть
 Спасителя — вашего Сына — дѣянья.
 Отсюда на васъ, съ обновленной красою,
 Природа роскошная весело смотреть.
 Черезъ много вѣковъ и самъ Богъ — Іегова —
 Отпраздновать хочетъ вторую Субботу;
 Но день этотъ будетъ святѣе и выше
 Чѣмъ тотъ, о которомъ, блаженные духи,
 Воспѣли вы послѣ созданія міра.
 Безплотнымъ извѣстно, какъ въ свѣтлой красѣ
 Возникла тогда молодая природа,
 Какъ съ вами всѣ звѣзды Творцу поклонились;

Теперь же, Мессія — Предвѣчнаго Сына —
 Дѣянiя высшiя въ мiрѣ свершилъ, —
 Спѣшите, — всѣмъ тварямъ Его возвѣстите —
 Настала святая суббота Господня.
 Съ Божественной, вольною жертвой Мессii,
 И самъ Іегова тотъ день называетъ
 Святѣйшей Субботой любви и спасенья.

Умолкъ Серафимъ, погрузясь въ созерцанье.
 На Бога взглянуло безмолвно все небо:
 Богъ вѣстника ближе позвалъ ко престолу;
 Архангелъ предсталъ, повинувъсь велѣнью.
 Творецъ ему отдалъ свои назначенья, —
 Вѣстить Урилу и стражамъ земли
 О славной и вольной Спасителя смерти.
 Тогда съ своихъ мѣстъ поднялися Престолы,
 А вѣстникъ велѣнiе Творца совершалъ.
 Къ земному приблизился онъ алтарю,
 Оттуда онъ слышалъ стенанья и вопли,
 Летѣвшiе къ небу изъ сводовъ высокихъ, —
 Тамъ слезно болѣзненный голосъ просилъ
 Спасенiя вѣчнаго людямъ погибшимъ,
 Но громче другихъ голосовъ раздавались
 Мольбы задушевныя Богу-Отцу
 Адама, какъ перваго сына земли;
 И дума его обнимала вѣка
 Печальной погибели рода людскаго.

На Патмосѣ видѣлъ Пророкъ тотъ алтарь
 Завѣта, скрѣпленнаго кровью Христовой.
 Тамъ голоса эхо вздымалось изъ сводовъ,
 Страдальческiй стонъ истомленныхъ мученьемъ,
 Лилися обильно горячія слезы
 И къ Богу мольбы, чтобъ замедлилъ днемъ мщенья.

Когда Серафимъ къ алтарю опустился,
 Увидѣли въ мигъ тотъ безсмертныя всѣ,
 Какъ шелъ къ Серафиму на встрѣчу Адамъ.
 Прозрачное тѣло его изъ эфира ✓

Служило вмѣстилищемъ чистому духу;
 Прекрасенъ и свѣтель былъ образъ его,
 Какъ образъ, возникшій лишь въ мысли Творца,
 Когда предназначилъ создать Онъ Адама,
 И почва Эдема въ рукахъ Всемогущихъ
 Слагалась предъ Нимъ въ человѣческій обликъ.
 Такимъ Гавріилу явился Адамъ.

Онъ вѣстнику голосомъ страстнымъ сказалъ:

— Привѣтъ мой тебѣ, Серафимъ благодатный,
 Предвѣстникъ спасительный вѣчнаго мира!
 Когда благовѣстный намъ слышался голосъ,
 Воспрянулъ съ небеснымъ восторгомъ мой духъ.
 Мессія — Сынъ Божій! — О, еслибъ я могъ
 Увидѣть Тебя въ красотѣ Твоей плотской,
 Какъ видитъ Тебя Серафимъ Гавріиль;
 Въ томъ образѣ скромномъ, который избралъ Ты,
 Чтобъ родъ мой погибшій отъ грѣхъ искупить:
 Святой Херувимъ, укажи мнѣ тотъ путь,
 Гдѣ шель Искупитель и другъ мой.
 Я скромно пойду въ отдаленіи за Нимъ.
 Скажи ты мнѣ мѣсто молитвы усердной,
 Гдѣ нашъ Искупитель Отцу общалъ,
 Что падшій мой родъ Онъ спасетъ отъ грѣха. —
 О, еслибъ я, первый изъ грѣшниковъ, могъ
 Теперь со слезами взглянуть на Тебя!
 Когда-то я былъ обитателемъ первымъ
 Земли, этой матери общей людей.
 О, какъ бы желалъ я спуститься къ тебѣ,
 И нивы твои, раззоренныя словомъ
 Проклятія Божья, тогда бы мнѣ были
 Милѣй и дороже въ сообществѣ Спаса,
 Чѣмъ свѣтлая зелень твоя, о, Эдемъ,
 Утраченный рай, сотворенный для насъ
 По образу чудныхъ небесныхъ садовъ.

И съ чувствомъ ему отвѣчаетъ Архангелъ:

— Всего сотвореннаго первенецъ ты,

Для этаго избранъ ты Богомъ самимъ.
 Мольбы твои полныя чувствъ задушевныхъ,
 Повѣрь, передамъ я Спасителю міра:
 И если на то Божества будетъ воля,
 Тебѣ разрѣшитъ Онъ, какъ первенцу, видѣть
 Его, какъ Онъ есть — Божество въ униженіи.

По волѣ Всевышняго, силы небесъ
 Ликуя, разсѣялись быстро въ мірахъ.
 Спустился на землю опять Гавріиль...
 Землѣ посылали привѣтъ небеса,
 И громко звучали въ мірахъ отдаленныхъ
 Теперь обновленной земли имена;
 Внималъ тому стройному пѣнью Архангель:

«О, ты, между всѣми мірами царица!
 Ты цѣль и вѣнецъ сотвореннаго Богомъ!
 Подруга ты дивная свѣтлыхъ небесъ,
 Второе жилище величія Божья!
 Ты вѣчный свидѣтель великаго дѣла,
 Которое нынѣ свершаетъ Сынъ Божій!

Окрестность міровъ оглашалась той пѣснью,
 Внималъ ея звукамъ Спасителейъ вѣстникъ;
 Онъ тихимъ полетомъ спускался къ землѣ.
 Объяты дремотою были долины,
 Надъ ними висѣли тяжелыя тучи.
 Во мракѣ глубокомъ блуждалъ Серафимъ, —
 Искалъ онъ, тоскуя, Спасителя міра.
 И долго спустя, межъ вершинами горъ,
 Нашелъ онъ Мессію въ прохладной долинѣ.
 Душей погруженный въ глубокую думу,
 Господь-Искупитель, склоняясь, почивалъ.
 Пригорокъ постелью служилъ Божеству.
 Его созерцаетъ уснувшимъ Архангель,
 Спокойной и дивной красой восхищаясь,
 Которой сіяло лице человѣка,
 Когда сочеталось съ нимъ Божество.
 Улыбкой небесной, исполненной мира,

Сіяли черты Икупителя грѣшныхъ.
 Увидѣлъ Архангелъ слезу состраданья
 Въ очахъ Возлюбившаго родъ человѣка.
 Тамъ былъ полумракъ, гдѣ Спаситель почилъ.
 И долго стоялъ передъ Нимъ въ созерцаньи,
 Склонясь, Серафимъ. Наконецъ прошепталъ:

— Всевѣдущій Господи! Ты меня слышишь,
 Хотя Твое тѣло плотское и спитъ.
 Велѣнья Твои исполняя, Спаситель,
 Я, тамъ, первороднаго видѣлъ Адама;
 Какъ жаждетъ онъ видѣть Тебя, Икупитель!
 Теперь удалиться я долженъ отсюда,
 Такъ мнѣ повелѣлъ Твой Отецъ Всемогушій —
 Прославить въ мірахъ примиренье святое.

Умолкните твари на мигъ этотъ дивный; —
 Вашъ Богъ и Создатель почилъ среди васъ.
 Затихни движеніе воздуха здѣсь,
 Умчись ты дыханіемъ легкимъ зефира
 Въ пространную сферу міровъ отдаленныхъ,
 Ты, ближнее облачко, тихо навѣй
 Отрадный покой въ эту свѣжую тѣнь;
 Умолкните вы, всѣ, — долины и рощи,
 Склонитесь и будьте теперь неподвижны
 Предъ вашимъ Создателемъ, тихо заснувшимъ.

Затихъ въ отдаленіи Архангела голосъ.
 Пустился Архангелъ къ собранію Стражей,
 Которымъ открыты всѣ промыслы Божьи!
 Онъ долженъ былъ имъ возвѣстить о спасеніи;
 О близости свѣтлаго дня примиренья —
 О праздникѣ новомъ Божественной жертвы.

Когда въ иной міръ отлетѣлъ Гавріилъ,
 Ты сталъ управлять икупленной землею,
 Хранитель Божественный матери общей
 Дѣтей, предназначенныхъ къ жизни безсмертной,
 Которыхъ, съ теченьемъ столѣтій, она
 Въ иные міры отправляетъ всегда;

Развалину-жъ хижины вѣчнаго духа
Скрываетъ въ холмы, въ свое нѣдро опять;
Но тамъ, на холмахъ тѣхъ, стремящійся путникъ
Не можетъ спокойно душой отдохнуть.

О, ты, покровитель земли обновленной!
Простишь ли, Элоа, дней будущихъ другу,
Когда, наученный пѣвицей Сіона,
Покажетъ онъ смертнымъ жилище твое,
Которое видѣть не могъ еще смертный
Съ минуты великой созданія міра?
И если въ мечты погруженный поэтъ,
Въ моментъ умиленія, преступить предѣлы?
Но если-жъ глубокія думы поэта
Слились во едино съ мечтами безплотныхъ
И жителей неба усвоилъ онъ рѣчи,
Тогда, о, Элоа, послушай его,
Какъ славить онъ въ пѣсняхъ и бодро, и звучно,
Подобно божественной юности неба,
Рождаемыхъ смертными, павшихъ людей,
Потомъ ихъ грядущее вновь воскресенье;
И если подѣмлетъ предъ ними завѣсу
Глубокихъ онъ таинствъ, невѣдомыхъ имъ,
Введетъ ихъ къ совѣту небеснаго стражи,
Простишь ли тогда ты его, о, хранитель?

Гдѣ сѣверныхъ полюсовъ область лежитъ,
Покоится тихо, пустынно, тамъ полночь,
И движутся медленно мрачныя тучи,
Какъ моря приливъ и отливъ постоянный.
Въ такой-то божественный мракъ погружень былъ,
Когда-то, Египта потокъ Моисеемъ,
И вы, пирамиды — гробницы царей.
Обширны тѣ стени, и взоръ человѣка
Не можетъ объять безпредѣльности ихъ;
Еще не звучалъ человѣка въ нихъ голосъ,
Тамъ не было скрыто ничье еще тѣло,
Равно и воскреснуть не можетъ ничье.

Величія полонъ въ нихъ видъ Серафимовъ —
 Когда, погрузясь въ созерцаніе духа,
 Ихъ видишь идущихъ по мрачнымъ вершинамъ,
 Подобно созвѣздыямъ, въ ночной тишинѣ.
 Теряются тихо они, наблюдая
 За высимъ блаженствомъ, назначеннымъ смертнымъ.
 Среди тѣхъ степенъ зришь небесныя двери;
 Но съ вѣрою только въ Ходатая міра,
 Чрезъ нихъ можетъ смертный проникнуть въ святиню.

Какъ, послѣ ненастной погоды, зимою,
 Разсѣются тучи, исчезнетъ и сумракъ,
 Освѣтитъ вдругъ снѣжныя горы день ясный,
 Представятся взорамъ лѣса вѣковые
 Въ блестящей и дивной своей красотѣ.
 Такъ шелъ Гавріиль по полночнымъ горамъ.
 Уже достигали стопы Серафима,
 Въ полночныхъ степеняхъ тѣхъ, небесныхъ дверей;
 Открылись тѣ двери съ таинственнымъ шумомъ
 Предъ нимъ, точно шелестъ Архангельскихъ крыльевъ,
 И быстро за нимъ затворились опять.
 Блуждалъ Серафимъ по обрывамъ земли;
 По ней океаны, едва колыхаясь,
 Стремились къ пустынѣ безлюдныхъ степей.
 Сыны океановъ — могучія рѣки
 Катились съ грохотомъ, шумомъ за нимъ,
 Подобно стремленію бури въ степяхъ.
 Казалось къ святинѣ все ближе онъ шелъ.
 Разсѣялись быстро, подобно туману,
 Ворота изъ облакъ прозрачныхъ предъ нимъ,
 И мракъ подъ стопою безсмертнаго духа,
 Какъ дымъ исчезалъ постепенно вдали.

Далеко отъ области міра земнаго
 Лежитъ необъятный кругъ сферы небесной,
 Въ немъ движется солнце, безъ жгучихъ лучей,
 Облитое легкимъ мерцаніемъ свѣта;
 Исходятъ и жизнь, и тепло отъ него,

И тихо струятся по жиламъ земли.
 Въ связи съ этимъ спутникомъ верхнее солнце
 Даетъ намъ весну и цвѣты на лугахъ,
 Съ обильною жатвою знойное лѣто,
 И осень съ туманомъ густымъ на горахъ.
 Не знаетъ восхода, — не знаетъ заката
 То нѣжное солнце, безъ жгучихъ лучей;
 Кругомъ его царствуетъ вѣчное утро,
 Сіяя прекрасной, румяной зарею.

Безсмертнымъ жильцамъ того дальняго міра
 Порой въ облакахъ открываетъ Господь
 Свои назначенія и мудрую волю;
 Потомъ они слѣдствіе знамени видятъ.
 Такъ точно являетъ Творецъ Всемогуцій
 Тебѣ, міръ земной, милосердіе Свое, —
 Когда послѣ тихихъ дождей благотворныхъ,
 Разсѣются тучи, подобно туману,
 И радуга — вѣстникъ завѣта Господня,
 Представится взорамъ въ небесной лазури.

Спасителя вѣстникъ спустился къ свѣтилу,
 Дающему почвѣ земной плодотворность,
 И пищу всему, что той сферою дышетъ,
 Что есть подъ лучемъ беззакатнымъ его.
 Мы круговращенія видѣть не можемъ
 Того, окруженнаго мракомъ, свѣтила,
 Но жители Веспера видятъ его,
 Равно и Сатурна жильцы его видятъ.

Кругомъ Гавріила слетѣли силы небесъ, —
 Всѣ ангелы войны и всѣ ангелы смерти,
 Хранители царствъ и народовъ земныхъ;
 Хранители эти сопутствуютъ смертныхъ
 До трона и славы Зиждителя міра,
 Потомъ подошли къ нему пастыри добрыхъ,
 Хранители вѣрные мудрыхъ и кроткихъ;
 Они наставляютъ въ тотъ мигъ мудреца,
 Когда постигаетъ онъ вѣчности тайны,

И часто бываютъ въ собраніяхъ вѣрныхъ,
 Когда христіанинъ оставляетъ земное
 И чувствуетъ близость присутствія Божья;
 Когда прославляетъ Ходатая въ пѣсняхъ
 Народъ искупленный божественной кровью.
 Когда-жъ отлетѣвшія души умершихъ
 Увидятъ холодный, безжизненный трупъ свой,
 Уже искаженный дыханіемъ смерти, —
 Тогда эти пастыри ихъ утѣшаютъ:

Мы эти останки земнаго жилища,
 Упавшіе прахомъ, опять соберемъ,
 И все это тлѣнье пробудится снова
 Въ созданіи чудномъ и вновь возрожденномъ,
 Когда Судія къ воскресенью пробудитъ.

Придите, ликуя, бессмертныя души,
 Васъ ждетъ Примиритель Создателя съ тварью:
 Собирайтесь безъ страха кругомъ Серафима.

Такъ всѣхъ созываетъ Спасителя вѣстникъ, —
 И быстро, съ восторженнымъ чувствомъ летать,
 И даже нежившія души къ нему.

Отъ сладкаго чувства всѣ плачутъ какъ дѣти.

Ихъ робкіе взоры съ нѣмымъ удивленьемъ,

Увидѣли доли и нивы земныя;

Желають узнать они, что тамъ творится,

На сценѣ ужасной — погибшаго міра.

Хранители свѣтлые ихъ поучаютъ

Божественнымъ гимномъ, невѣдомымъ имъ;

Въ таинственныхъ звукахъ, на арфахъ небесныхъ,

Они открываютъ грядущее благо,

И то, какъ рождаются чудно всѣ души,

Какое величье души человѣка,

Какъ Богомъ изъ чистаго духа она,

Прекрасной, невинной была создана;

Какъ послѣ созданья вселенной явились

Къ Создателю міра и солнце, и мѣсяцъ.

Васъ души отцовъ ожидаютъ съ восторгомъ

Близъ высшаго трона Великаго Бога.
 Васъ ждетъ созерцанье Творца — Его славы.
 Познайте, о дѣти, премудрость святую,
 Которой стремитесь вы такъ подражать
 Въ безумномъ, земномъ ослѣпленіи Вашемъ.

Оставили всѣ они свѣтлую сѣнь,
 Слетѣлись къ Хранителямъ свѣтлымъ своимъ;
 Тогда имъ открылъ Искупителя вѣстникъ,
 Что Богъ повелѣлъ возвѣститъ о Мессіи.
 Всѣ были проникнуты чувствомъ восторга,
 Узнавъ о Великомъ Учителѣ смертныхъ.
 Ихъ взоры невольно стремились къ землѣ,
 Желая тамъ видѣть Спасителя міра.

Священною дружбою связаны были
 Двѣ нѣжныхъ, недавно отжившихъ души:
 Эдидъ и Іакова сынъ — Веньяминъ.
 Слились онѣ обѣ въ лобзаніи нѣжномъ,
 Бесѣдуя кротко въ тиши межъ собою:

— „Не тотъ ли Учитель, что былъ на землѣ,
 Теперь же, Эдидъ, Искупитель погибшихъ,
 Какъ намъ возвѣщаетъ о томъ Гавріилъ?
 Я помню, какъ крѣпко Онъ насъ цѣловалъ,
 Какъ билось въ Немъ сердце божественнымъ чувствомъ;
 То было высокое чувство любви!
 Я вижу такъ живо еще предъ собою
 Въ божественныхъ взорахъ слезу милосердья.
 Лобзаньемъ горячимъ я стеръ ту слезу.
 Я точно теперь еще вижу ее.

И я тоже помню, мой другъ Веньяминъ,
 Повѣрь мнѣ, забыть не могу я во вѣки
 Той свѣтлой, прекрасной минуты блаженства —
 Стояли спокойно тамъ матери наши,
 Онъ къ нимъ обратился и кротко сказалъ:

„О, будьте невинны и чисты, какъ дѣти,
 Иначе не внидите въ царство небесъ“.

Такъ точно, Эдидъ, говорилъ нашъ Учитель —

Теперь Искунитель погибшаго міра.
 И мы такъ блаженны теперь чрезъ Него.
 Мы видимъ, мы чувствуемъ радости неба;
 Дана намъ Спасителемъ вѣчная жизнь.
 Обнимемся снова души моей другъ,
 И вмѣстѣ прославимъ Предвѣчнаго Бога;
 Прославимъ Его — Побѣдителя смерти.

Такъ полныя чувствъ умиленія пѣли,
 Сливаясь въ объятія, отжившія души.

Встаетъ Серафимъ Гавріиль и несется
 Съ божественной вѣстью въ другіе міры.
 Торжественнымъ блескомъ стопы Херувима
 Сіяли далеко въ пространствѣ небесномъ,
 Отъ ногъ его свѣтлыхъ лилися лучи,
 Они озарили уснувшую землю
 И жители мѣсяца видятъ тотъ свѣтъ;
 Небеснымъ сіяньемъ его озарилось
 Туманное облачко въ сумракѣ ночи;
 Оно отразилось въ теченіи водъ,
 Уснувшія нивы какъ-будто проснулись.
 И такъ озаренный божественнымъ свѣтомъ,
 Спасителя вѣстникъ парить въ вышинѣ
 Надъ сонмомъ безчисленнымъ жителей неба.
 Послышались громкіе клики блаженства,
 И пѣсни восторга звучали въ пространствѣ.
 То громко, то тихо лилися тѣ пѣсни,
 То души умершихъ и ангелы пѣли;
 Они воспѣвали блаженную вѣсть.

Какъ изъ лука вырвавшись, свищетъ стрѣла;
 Такъ, съ звукомъ сребристымъ, взвился высоко
 Полетомъ орлинымъ Спасителя вѣстникъ.
 Все дальше и выше, быстрѣй и быстрѣ,
 Крылатый, на бой будто ратный летѣлъ.
 Несется онъ мимо сіяющихъ звѣздъ
 И къ солнцу свой быстрый полетъ направляетъ.
 Расправивши крылья, въ заоблачной выси,

Надъ храмомъ лучистымъ, парить Серафимъ.
 Восторженно смотрять отжившія души,
 На ангела свѣтлаго, — вѣстника жизни;
 Стоять они всѣ на зубцахъ того храма,
 Силился ихъ взоры съ сіяньемъ лучей,
 Они озарили божественнымъ свѣтомъ
 Роскошные доли земли Ханаанской:
 Но тамъ, между всѣми душами отцовъ,
 Блесталъ больше всѣхъ красотою небесной
 Исполненный чувства, задумчивый взоръ
 Адама, какъ перваго сына земли,
 Принявшаго образъ Великаго Бога
 Отъ рукъ Всемогущихъ, въ минуту созданья.
 Спасителя Вѣстникъ, всѣ солнца владыки
 И онъ, первородный, сынъ праха земнаго,
 Адамъ, прародитель погибшаго рода,
 Бесѣдуютъ вмѣстѣ о благѣ людей,
 О томъ, что готовитъ грядущая жизнь имъ,
 И съ чувствомъ глубокимъ стремятся ихъ взоры
 На мрачную землю, къ горѣ Елеонской.

ПѢСНЬ II.

Вадъ лѣсомъ кедровымъ едва загорѣлся,
Чертой золотою, денницы лучъ первый —
Проснулся Мессія. Его созерцали
Изъ солнца отжившія души отцовъ.
Тамъ первенцевъ души — Адама и Евы —
Небесными пѣснями славили утро
И стройно и звучно ихъ пѣсни лилися:
„О день благодатный! Ты лучшій изъ дней!
Ты будешь отнынѣ для насъ торжествомъ,
И чтить тебя будутъ всѣ больше другихъ;
Румяный восходъ твой и тихій закатъ
Привѣтствовать станутъ отжившія души
И всѣ Серафимы, и неба всѣ силы.
Лишь землю ты утромъ своимъ озаришь,
По небу твой свѣтъ пронесутъ оріоны;
Какъ отблескъ румяной зари долетитъ
До трона величія Божья твой лучъ.
Въ одеждѣ торжественной встрѣтимъ тебя,
Тебѣ Аллилуя будемъ мы пѣть.
Утѣшилъ ты взоры печальные наши,
Мессію и Господа намъ показавъ
Въ Его униженіи въ мірѣ земномъ.
Прекраснѣйшій ты изъ потомковъ Адама,
Мессія, Ты Богъ и — плотской человѣкъ!
О, какъ отразилось въ лицѣ Твоемъ свѣтломъ
Подобіе Бога во всей красотѣ.

О Ты, намъ Мессію родившая Дѣва!
 Блаженна ты будь и во вѣки свята;
 Блаженнѣе Евы, праматери смертныхъ.
 О, Евы безчисленны смертныя дѣти,
 Но также безчисленны ихъ прегрѣшенья. —
 Твой Сынь-же, о Дѣва, Одинъ у Тебя,
 Одинъ и божественный Онъ человѣкъ.
 Невиненъ и праведенъ Онъ лишь, Мессія!
 Одинъ Онъ, Тобою рожденный, Сынь Вѣчный,
 Никѣмъ Онъ не созданъ, какъ создано все!

Смотрю я съ любовью блуждающимъ взоромъ
 На землю, тебя-же не вижу, о рай мой!
 Судъ Божій изрекъ надъ тобой приговоръ:
 И воды потопа тебя поглотили;
 Проклятіе Бога надъ всѣмъ тяготѣть.
 Тѣнистые, мощные гдѣ твои кедры,
 Которые нѣкогда Богъ насадилъ?
 Густая и мягкая зелень твоя,
 Добра первобытнаго тихій пріютъ?
 Ни бури, ни грозы тебя не щадили,
 Ни губельной смерти карающій духъ!
 О, будь же ты раемъ моимъ — Виолеемъ,
 Гдѣ Дѣва Марія Ето родила,
 Ласкала, какъ сына, къ груди прижимая.
 Давидовъ источникъ, гдѣ я создана
 Творцомъ, и впервые увидѣла міръ.
 Ты хижина, гдѣ, какъ младенецъ, въ пеленкахъ,
 Онъ плакалъ и къ матери тихо ласкался, —
 Мнѣ будь первобытной невинности кровомъ.
 О, если-бъ Тебя родила я, Мессія
 Въ Эдемѣ и послѣ моихъ преступленій,
 Тебя родила-бы Божественный Сынь.
 Съ Тобою пришла-бъ я къ Судѣ всего міра,
 Туда, гдѣ Онъ былъ, гдѣ подъ Нимъ весь Эдемъ
 Разверзся широкою, страшной могилой,
 Гдѣ древо познанья шумѣло такъ грозно,

И гулъ его шума проклятьемъ звучалъ,
 Какъ громъ надо мной Вседержителя Бога.
 Гдѣ пала я жертвою гибельной смерти, —
 Туда я пришла-бъ со слезами къ Нему,
 Съ Тобою, младенецъ-мой сынъ, на рукахъ,
 Прижала-бы къ сердцу Тебя и сказала:
 — Не гнѣвайся, Господи, — Вѣчный Отецъ!
 Не гнѣвайся — мною Мессія рожденъ.
 Ты вѣченъ, Ты святъ, поклоненія достоинъ!
 Божественный Сынъ Твой отъ вѣка рожденъ.
 Ты далъ Ему образъ божественный Свой,
 Чтобъ родъ мой, оплаканный мной, искупить.
 О, видѣлъ самъ Богъ мои горькія слезы,
 И вы, Серафимы ихъ видя, считали,
 Отжившія души потомковъ моихъ,
 И вы, мои дѣти, ихъ также считали!
 О, если-бы Ты не явился, Мессія,
 Печальнымъ казался-бъ мнѣ вѣчный покой мой, —
 И только Твоимъ милосердьемъ небеснымъ,
 И въ самомъ страданіи я научилась
 Блаженство и радость спасенія видѣть.
 Союза предвѣчнаго Ты Основатель!
 Облекся ты въ плоть человѣка теперь,
 И принялъ, Великій Ты, смертнаго образъ.
 Ходатай! Самъ Богъ Ты и Ты-жъ человѣкъ!
 Услыши молитву усердную нашу,
 Священную жертву свою соверши —
 Ее ты предпринялъ за насъ добровольно,
 И къ смертнымъ на землю сойти Ты рѣшился.
 О Ты, Искупитель! Судья всего міра!
 Рѣшился очистить Ты міръ отъ грѣха, —
 Погибшую землю Собой обновить.
 Ее обнови Ты, О Боже! скорѣе,
 Отчизну Твою и всѣхъ грѣшныхъ людей,
 И вновь возвращайся къ небесному трону.
 Такъ пѣла праматерь погибшихъ людей.

Изъ сводовъ лучистаго храма, въ пространствѣ
 Далеко неслась ея звучная пѣсня ;
 Той пѣсни въ долинѣ внималъ Иисусъ.
 Кругомъ Его тихо, какъ будто въ пустынѣ.
 О будущемъ въ думу онъ былъ погруженъ.
 Предвѣстиемъ пророческимъ Вѣчнаго голосъ
 Надъ міромъ земнымъ въ тишинѣ раздавался,
 И слушалъ тотъ голосъ Мессія, моляся.

Спускался съ Масличной горы Иисусъ.
 Среди ея стройныя пальмы стояли ;
 Они возвышались надъ горной вершиной,
 И облако свѣтлое ихъ осѣняло,
 Какъ будто-бы утреннимъ легкимъ туманомъ.
 Подъ ними Архангела встрѣтилъ Мессія,
 То былъ Іоанна небесный хранитель,
 Его Рафаиломъ зовутъ въ небесахъ.
 Вокругъ него вѣяли тихіе вѣтры,
 Они доносили къ Спасителю голосъ,
 Котораго слышать не могутъ созданья.
 — Приблизься безплотный ко мнѣ Рафаиль,
 Сказалъ ему, кротко взирая, Мессія,
 И слѣдуй за мною, незримый никѣмъ.
 Скажи мнѣ, какъ ночь ты всю эту хранилъ,
 Избранника нашего чистую душу ?
 И думы какія, подобно твоимъ,
 Носились надъ спящимъ, скажи Рафаиль,
 И гдѣ мой любимецъ теперь Іоаннъ ?
 — Его охранялъ я, сказалъ Серафимъ,
 Какъ мы охраняемъ избранниковъ первыхъ.
 Ходатай надъ духомъ его вдохновеннымъ
 Носились тихо видѣнья святыхъ,
 Ему о Тебѣ говорили они.
 О, если-бъ ты спящимъ увидѣлъ его,
 Въ тотъ мигъ, какъ во спѣ Твой Божественный образъ
 Являлся отраднымъ видѣньемъ ему, —
 Какъ утра весенняго лучъ благотворный,

Уста освѣняла святая улыбка.
 Витая въ пространныхъ долинахъ Эдема,
 Адама видалъ Серафимъ Твой, о, Боже!
 И образъ прекрасный праматери Евы
 Въ томъ видѣ, какъ мыслью высокой Творца,
 Возникнувъ предъ нимъ, появились изъ праха,
 Едва сотворенными, первые люди.
 Но былъ ихъ прекраснѣй, во снѣ своемъ тихомъ,
 Божественный Твой ученикъ, Іоаннъ.
 Онъ спитъ еще тамъ среди мрачныхъ гробницъ,
 Гдѣ мужъ одержимый, стеная, лежитъ
 И страшный, и блѣдный, какъ будто мертвецъ.
 Костями стучить онъ, терзаясь жестоко.
 Когда бъ Іоанна Ты видѣлъ, Спаситель:—
 Смотри на больного въ раздумьи печальномъ,
 Сочувствуетъ съ грустью онъ мукамъ больного
 И сердце на части въ груди его рвется.
 Не могъ ѿ тамъ болѣе быть, о, Спаситель!
 Въ глазахъ моихъ скорби слеза навернулась
 И чувство страданья, лишь сродное духамъ,
 Которыхъ Ты вѣчными создалъ Господь,
 Проникло болѣзненно въ сердце мое“.

И, тихо склонившись, умолкъ Рафаиль.
 Божественный — поднялъ Свой взоръ къ небесамъ:
 — Услыши, Отецъ мой Всесильный, Меня!

Настала минута суда Твоего —
 И пусть совершается жертва святая,
 И силы небесъ, торжествуя, ликуютъ;
 Пусть рушится съ воплемъ вся адская пропасть, —
 Погибнетъ униженный врагъ челоуѣка!

Сказалъ и къ гробницамъ пошелъ Искушитель.
 Гробницы тѣ были въ срединѣ горы
 Изсѣчены въ камняхъ разрушенныхъ скалъ.
 Ихъ входъ сторожили лѣса вѣковые
 И путника взорамъ тотъ входъ недоступенъ.
 Когда уже полдень, роскошно сіяя,

Горить надъ божественнымъ градомъ, въ тотъ мигъ
 Туда лишь сомнительный свѣтъ долетаетъ.
 Тамъ холодомъ вѣетъ и мрака густаго
 Разсѣять не можетъ мерцающій свѣтъ.
 Лежалъ одержимый тамъ Зама несчастный.
 (На мигъ лишь оставилъ его Сатана,
 Чтобъ послѣ сильнѣе терзанья начать).
 Близъ тѣла истлѣвшаго сына, отецъ
 Лежалъ изнуренный, а подлѣ него
 Усердно молился другой его сынъ
 За душу давно ужъ умершаго брата,
 Котораго, нѣкогда, нѣжная мать,
 Рыдая, къ больному отцу поднесла,
 Но съ злобою адскою вдругъ Сатана
 Младенца рукою отца умертвилъ, —
 Такъ страшно свершилось событіе это.

— Отецъ мой! младенецъ Бенони вскричалъ,
 И быстро отъ матери вырвался онъ,
 И бросился прямо въ объятья къ отцу.
 О, милый отецъ! Обними же меня,
 И крѣпко схватилъ онъ рученкой своею
 Отцовскую руку и къ сердцу прижалъ.
 Отецъ его обнялъ, всѣмъ тѣломъ дрожа,
 И нѣжно малютка отца цѣловалъ,
 И кротко, какъ агнецъ, ему улыбался,
 Воркуя, какъ голубь, смотрѣлъ ему въ очи;
 Но вдругъ одержимый, костлявой рукою,
 Малютку схватилъ и обѣ камень скалы
 Ударилъ такъ сильно, что брызнулъ лишь мозгъ,
 И съ тихимъ хрипѣньемъ душа отлетѣла,
 Чиста и невинна въ невѣдомый міръ.

Съ тѣхъ поръ неутѣшный горюетъ отецъ.
 Теперь онъ близъ милаго праха лежитъ,
 Рукой полумертвой хватаясь за камни
 Холодной гробницы, гдѣ тлѣютъ останки.
 — О, сынъ мой, Бенони! Мой милый Бенони!

Взываетъ отецъ, и горячія слезы
Изъ глазъ потухающихъ льются на камни.
Въ то время Спаситель спускался съ горы.
Увидѣлъ идущаго къ нимъ Иисуса,
Больнаго отца другой сынъ, Иоиль, —
Съ восторгомъ малютка отцу говорить:

— Взгляни, о отецъ мой, къ гробницамъ подходитъ
Великій и славный пророкъ, Иисусъ.

Со злобою слову ребенка внимаетъ,
Глазами сверкая изъ щели гробницъ,
Скрывавшійся въ камняхъ духъ тьмы, Сатана.
До этой минуты терзалъ онъ больнаго
Лишь издали, медленно, духомъ своимъ;
Теперь-же, тревожимый близостью Бога,
Съ неистовой злобою бросился къ Заму.
Несчастный поднялся и въ мукахъ жестокихъ,
Стеная, безъ чувства на землю упалъ.
Бороться не въ силахъ была уже съ смертью
Душа потрясенная муками въ немъ.
Желая избѣгнуть терзаній врага,
Бросаясь на скалы онъ точно безумный.
И здѣсь предъ божественнымъ взоромъ Твоимъ,
Съ неистовой злобой хотѣлъ Сатана
Больнаго страдальца объ камни разбить.
Но Ты уже былъ тутъ. Твое милосердье
Носило на крыльяхъ могучихъ своихъ
Забутую тварь и спасало отъ смерти.
И врагъ челоуѣка, озлобленный духъ,
Страшась приближенія идущаго Бога,
Съ безсильною злобой затихъ, содрогаясь.
На Зама цѣлительный взоръ устремилъ
Спаситель и сила божественной жизни
Къ больному отъ взоровъ Его исходила.
Душою позналъ одержимый страдалецъ
Того, Кто избавилъ его отъ мученій.
Въ лицѣ полумертвомъ и блѣдномъ больнаго

Опять оживились черты человѣка.
 Онъ плакалъ и къ небу безъ словъ онъ взывалъ;
 Хотѣлъ говорить, но восторгомъ объятый,
 Лишь что-то несвязно и тихо лепечеть.
 Бойтся страданій, но полонъ надеждъ,
 Онъ страстно къ Спасителю руки простеръ;
 Глаза были полны слезами блаженства,
 Когда Икупителя ликъ созерцалъ онъ.
 Такъ точно мудрецъ, погруженный въ себя,
 Томится сомнѣньемъ о будущей жизни,
 Колеблется вѣрить онъ въ самую вѣчность,
 Но мысль, что разрушиться долженъ онъ въ прахъ
 Страшитъ, потрясая разсудокъ его.
 И вѣчныхъ законовъ Создателя міра
 Не можетъ умъ слабый его разгадать.
 Когда же вдругъ въ сердце проникнетъ надежда, —
 Исчезнетъ сомнѣнье; онъ вѣритъ въ блаженство,
 Которое Богомъ обѣщано намъ.
 Тогда онъ довѣрчиво смотритъ на небо.
 Какъ-бы въ благодарность за то, что онъ сердцемъ
 Прочувствовавъ, понялъ глубокую тайну.
 Онъ веселъ, — легко на душѣ его стало.
 Такъ понялъ и Зама присутствіе Бога,
 Почувствовавъ близость Его всей душою.

Потомъ къ Сатанѣ обратился Мессія
 И голосомъ мощнымъ и грознымъ спросилъ:
 — Духъ гибельный, кто ты? Порочный и злобный,
 Кто далъ тебѣ смѣлость при мнѣ такъ терзать
 Людей къ искупленью назначенныхъ Богомъ?

Глухое рыканье отвѣтило злобно:
 — Я самъ Сатана и подземнаго міра
 Я царь, и владыка духовъ непокорныхъ,
 Которыхъ кругъ дѣйствій обширнѣй и выше
 Небесныхъ пѣвцовъ, — Серафимовъ безсмертныхъ.
 Когда Твоя слава, о смертный пророкъ,
 Достигла подземнаго, адскаго трона, —

Оставилъ я тронъ и пустился на землю.
 Какъ вихрь прилетѣлъ я, могучій и грозный,
 Чтобъ взоромъ безсмертнымъ своимъ Тебя видѣть —
 Ты долженъ гордиться явленьемъ моимъ...
 Чтò долженъ прилти Ты, какъ міра Спаситель —
 Давно о томъ слухи небесъ возвѣщали.
 Но ты человѣкъ, — Ты пророкъ Боговидецъ,
 Подобный пророкамъ подверженнымъ смерти,
 А мнѣ одному лишь подвластна та смерть.
 Поэтому знать не заботился я,
 Чтò тамъ совершали безсмертные всѣ.
 Но здѣсь я терзаю любимцевъ Твоихъ,
 Чтобъ празднымъ не быть; это видишь ты Самъ.
 Смотри-же, какъ страшны созданья мои —
 Предсмертныя тѣни, на этомъ лицѣ.
 Теперь понесусь я къ подземному царству
 И слѣдъ мой гибельной, мощной стопы,
 Какъ грозное смерти дыханье, промчится.
 Тамъ будутъ пустыней и воды и суша,
 Гдѣ я разрушительнымъ вихремъ промчусь.
 Весь адъ, торжествуя, пусть видитъ тогда
 Владыку подземнаго царства во мнѣ.
 Но если ты хочешь творить что нибудь, —
 Твори-же теперь, иль я снова здѣсь буду,
 Чтобъ царство могучее тьмы защищать!...
 Умри-же при мнѣ ты, забытая тварь!
 Сказалъ онъ и бросился злобно къ больному, —
 Но тайная сила Спасителя міра,
 Какъ громъ, поразила порывъ Сатаны...
 Такъ сила Всесильнаго Бога-Отца
 Нисходитъ въ міры предъ паденіемъ ихъ.
 И ринулся въ бездну подземную духъ...
 Но воды и сушу забылъ превратить
 Онъ мощной стопой своею въ пустыни.
 Спустился межъ тѣмъ со скалы одержимый.
 Такъ царь Ассирійскій бѣжалъ отъ Ефрата, —

Когда его свѣтлый хранитель отвлекъ
 Оттуда священнымъ совѣтомъ своимъ
 И вновь небеса показалъ онъ ему.
 Остался въ душѣ его вѣчнымъ страхъ Божій.
 Его не разсѣяли грозы Синая,
 Ни даже и шумныя воды Ефрата
 Изгладить изъ сердца его не могли
 Священнаго страха, вселеннаго Богомъ,
 И царь Ассирійскій въ стѣнахъ Вавилона,
 Смиренно лежалъ и на небо смотрѣлъ,
 Моляся во прахѣ Предвѣчному Богу.

Сошелъ такъ больной къ Искупителю міра
 И палъ со слезами къ ногамъ Божества.

Осмѣлюсь ли, грѣшный, идти за Тобою,
 Божественный мужъ? Освяти мою жизнь,
 Которую Ты мнѣ сейчасъ возвратилъ,
 И будетъ чиста и безгрѣшна она
 Съ Тобою, Божественный, праведный мужъ.
 Валяясь во прахѣ больной говорилъ
 И страстно къ Спасителю руки вздымалъ.

Господь Искупитель взглянулъ на него
 И, съ чувствомъ любви, ему кротко сказалъ:
 — Не слѣдуй за мною! Замедли: но послѣ,
 Когда все сойдутся на лобное мѣсто,
 Тогда ты увидишь глазами своими
 Надежду и радость пророковъ святыхъ, —
 Надежду, которую ждалъ Авраамъ.

Пока говорилъ Искупитель съ больнымъ,
 Усердно просилъ Гоиль Іоанна
 Съ невинною, дѣтскою кротостью, тихо:

Веди меня, милый, къ пророку Господню.
 О, пусть Онъ, Великій, услышитъ меня...
 Тебѣ Онъ доступенъ и ты Его знаешь.

Наперстникъ Спасителя, тронутый просьбой,
 Подводитъ младенца къ Спасителю міра:
 — Скажи, отчего-же съ Тобою, Великій,

Ни я, ни отецъ мой не можемъ идти?—
 Печально невинный малютка спросилъ.
 Зачѣмъ-же Ты здѣсь остаешься такъ долго,
 Гдѣ стынетъ отъ страха вся кровь въ моихъ жилахъ,
 Когда я на мертвыя кости смотрю?
 Пойдемъ же домой, о, святой человѣкъ,
 Куда возвращается снова отецъ мой.
 Служить Тебѣ будетъ съ покорностью тамъ
 Моя одинокая, добрая мать.
 Мы будемъ Тебя угощать молокомъ,
 Душистаго меду Тебѣ подадимъ
 И лучшіе фрукты найдешь Ты у насъ.
 Тамъ много пасется овецъ на лугахъ, —
 Ихъ мягкою шерстью Тебя мы прикроемъ.
 Когда жъ возвратится къ намъ знойное лѣто, —
 Тебя провожу я въ прохладную тѣнь,
 Подъ зелень густую высокихъ деревьевъ,
 Въ мой собственный садъ, подаренный отцомъ...
 Бенони, мой милый! О, братъ мой Бенони!
 Тебя оставляю въ могилѣ я здѣсь...
 Со мною цвѣтовъ поливать ты не будешь
 И бѣгать въ минуты вечерней прохлады...
 Будить ты не будешь меня поцѣлуемъ,
 Когда зарумянится въ небѣ день новый,
 Когда полетятъ изъ гнѣзда утромъ птички,
 Встрѣчая восходъ восхитительной пѣсней.

Взгляни же сюда, о, Великій пророкъ,
 Здѣсь братъ мой, Бенони, въ могилѣ лежитъ...
 Мессія съ участиемъ взглянулъ на малютку
 И съ чувствомъ глубокимъ сказалъ Иоанну:
 — Утри ты малютки горячія слезы, —
 Его нахожу я и чище и выше,
 Чѣмъ много людей, уже видѣнныхъ мною“.

И долго потомъ съ Иоанномъ Мессія
 Бесѣдовалъ тихо, его поучая,
 Когда на гробницахъ остались они.

Въ тотъ мигъ Сатана черезъ Мертвое море
 Несется, окутанный облакомъ смрада...
 Пронесся уже Иосафата долиной,
 Достигнулъ туманной вершины Кармеля, —
 Съ Кармеля же, далѣе къ небу пустился.
 Блуждая въ пространствѣ, духъ злобой кипѣлъ,
 Созданья Творца своего созерцая:
 Великую цѣнь безпредѣльныхъ міровъ,
 Гдѣ было все близко, знакомо ему
 Когда-то, — за тысячи тысячъ вѣковъ, —
 Когда Громовержецъ его сотворилъ
 Въ сіяніи чудномъ лучей неземныхъ...
 Хотя и теперь онъ дышалъ еще ими,
 Но образъ его измѣнился съ тѣхъ поръ,
 И чуждъ онъ эфирному блеску небесъ, —
 Угрюмъ сталъ онъ, мраченъ и полонъ разврата...
 Кометы и звѣзды проходятъ тамъ мимо,
 Въ величіи дивномъ и стройномъ своемъ,
 Но мрачнаго духа не видятъ онѣ.
 И сталъ ему страшень ихъ блескъ лучезарный.
 Несется онъ быстро изъ области свѣта
 И жаждетъ достигнуть подземнаго ада.
 Къ нему направляя свой бурный полетъ,
 Стремительно къ низшему міру спустился:
 Предъ нимъ безпредѣльно тянулись пространства.
 Не видитъ конца, ни начала духъ падшій, —
 То мрачныхъ міровъ отдаленная область,
 Которою править одинъ Сатана.
 Отсюда онъ, издали, видитъ мерцанье, —
 То лучъ умирающій вышихъ свѣтилъ;
 Изъ сферы онъ свѣтлой едва долеталъ,
 Черезъ даль безпредѣльную темной пустыни,
 Но ада оттуда духъ видѣть не могъ.
 Во тьмѣ, отдаленной, его помѣстилъ,
 Отъ міра и свѣтлыхъ духовъ, Вседержитель, —
 Вдали отъ Себя и отъ цѣлой Вселенной.

Нашъ міръ же такъ близокъ Создателю-Богу...
 Поэтому быть не могло къ нему близко
 То мѣсто проклятыя и вѣчныхъ мученій.
 Ужаснымъ то царство Господь сотворилъ, —
 Для гибели вѣчной и казни послѣдней...
 Въ три бурныя ночи Онъ создалъ его,
 И ликъ свой навѣкъ отъ него отвратилъ.

У входа той бездны стояли на стражѣ
 Два Ангела, — точно два воина мощныхъ, —
 На то была воля Создателя міра.
 Тѣмъ Ангеламъ далъ Онъ священную силу
 И мрачное мѣсто проклятыя велѣлъ
 Имъ вѣчно въ границахъ его содержать,
 Чтобъ духъ — возмутитель разширить не могъ
 Владѣній губительныхъ, страшныхъ своихъ,
 Не могъ чтобы вида прекрасной природы
 Своимъ приближеніемъ онъ исказить.
 И тамъ, гдѣ могучій ихъ взоръ сторожитъ
 Ворота зіяющей пропасти ада, —
 Тамъ путь пролегаетъ блестящій,
 Какъ-будто два слившихся вмѣстѣ ручья.
 Какъ свѣтлыя волны, сверкаетъ тотъ путь,
 Ведущій въ пространство безбрежнаго неба
 И къ верху, — въ міры, сотворенные Богомъ.
 Божественный путь этотъ лучъ озаряетъ,
 Приноситъ онъ радости Ангеламъ свѣта
 Изъ высшаго міра небесныхъ красоть.

Пронесся тѣмъ свѣтлымъ путемъ Сатана
 И мраченъ, и злобенъ, въ подземную пропасть.
 Промчался въ воротахъ онъ въ смрадномъ туманѣ
 И сѣлъ на высокій проклятій тронъ...
 Все страшно, темно тамъ кругомъ его было...
 Незримый, на тронѣ сидѣлъ Сатана.
 Одинъ Софоилъ лишь какъ ада Герольдъ
 Увидѣлъ туманъ, поднимавшійся къ верху
 По чернымъ ступенямъ подземнаго трона.

И духу, стоявшему подлѣ, сказалъ:
 — Вернулся ли снова въ подземное царство
 Властитель могучій, нашъ царь Сатана?
 И что предвѣщаетъ туманъ этотъ мрачный,
 И къ адскому трону возвратъ его тайный?
 Не тѣмъ ли возвратомъ намъ Богъ угрожалъ?..

Въ то время, какъ ада Герольдъ говорилъ,
 Отъ темнаго трона, гдѣ былъ Сатана,
 Разсѣялась всюду глубокая тьма.
 Отверженный злобно кругомъ посмотрѣлъ, —
 И быстро понесся подвластный Герольдъ
 Къ вершинѣ горы, постоянно пылавшей,
 Которая прежде всегда возвѣщала
 Потоками пламя возвратъ Сатаны,
 Всѣ доли и скаты кругомъ озаряя. —
 На бурныхъ крылахъ, черезъ горную пропасть,
 Къ пылающей безднѣ летѣлъ Софоилъ.
 Окрестности темныя вдругъ озарились,
 Пылая пожаромъ огней разноцвѣтныхъ, —
 И каждый увидѣлъ, въ мерцаньи далекомъ,
 Сидѣвшаго злобно, властителя ада.
 Поспѣшно стекались всѣ жители бездны,
 Сильнѣйшіе быстро спѣшили къ нему,
 Чтобъ сѣсть на ступеняхъ подземнаго трона...

Тебѣ все доступно, о муза Сіона,
 Ты видишь свободно всю адскую пропасть,
 Какъ видишь и свѣтлый Божественный образъ,
 Когда наказанье онъ грѣшнымъ даетъ.

Открой же, о, Муза! теперь, предо мною
 Всю адскую бездну; дай голосъ мнѣ сильный,
 Подобный раскатамъ небесныхъ громовъ,
 Чтобъ могъ я, какъ буря, о ней возвѣстить.

Является первый духъ Адрамелехъ, —
 То духъ ненавистный, лукавый и злобный, —
 Духъ болѣе хитрый, чѣмъ самъ Сатана.
 Въ душѣ развращенной немолчно кипѣли

И зависть, и злоба къ властителю ада
 За то, что тотъ первый поднялся къ возстанью,
 Которое онъ такъ задумалъ давно.
 Когда, для защиты подземнаго царства,
 Придумаетъ что-нибудь самъ Сатана, —
 И къ общему дѣлу тотъ духъ равнодушенъ —
 Онъ дѣлаетъ все для себя одного.
 Онъ думаетъ тысячи-тысячъ столѣтій
 О томъ, чтобъ властителемъ сдѣлаться ада,
 Когда возбудитъ Сатану противъ Бога
 Онъ снова къ ужасной неравной войнѣ.
 Иль если удастся ему удалить
 На вѣкъ Сатану въ безпредѣльность міровъ;
 Но если жъ и это ему не удастся, —
 Онъ думаетъ силой его побѣдить...
 Объ этомъ задумалъ тогда еще духъ,
 Когда отложились отъ Бога они,
 И сброшены были Имъ въ адскую пропасть.
 Тогда онъ послѣдній явился, какъ воинъ,
 Съ собою влача двѣ доски золотыя,
 Какъ-будто свои боевыя доспѣхи.
 Тѣ доски пылали ужаснымъ огнемъ
 И голосъ его точно громъ загремѣлъ,
 И эхомъ по темному царству разнесся:
 — Зачѣмъ вы, о, Боги! такъ быстро бѣжите?
 Должны вы торжественно, гордо входить
 Въ пространное царство безсмертья и славы.
 Мы смѣло свободу свою отстояли!
 Пока васъ преслѣдовалъ Богъ и Мессія
 И съ ними небесныя силы всѣ Ихъ,
 Ударами новыхъ громовъ васъ карая,
 Спокойно вошелъ я въ Святая-Святыхъ
 И тамъ я увидѣлъ таблицы судебъ;
 Читалъ въ нихъ великую будущность нашу...
 Сбирайтесь подземнаго царства жильцы,
 Чтобъ вмѣстѣ небесную хартію видѣть:

Одинъ изъ безсмертныхъ, которыми нынѣ,
 Какъ будто рабами, владѣетъ Егова,
 Постигнетъ, что самъ онъ всемогущъ какъ Богъ,
 И небо оставитъ съ друзьями своими.
 Найдеть себѣ царство въ пространствѣ безбрежномъ,
 И будетъ сначала онъ тамъ съ отвращеньемъ,
 Какъ самъ Міроздатель, изгнавшій его,
 Былъ нѣкогда, тамъ, одинокій и скучный,
 Пока до созданья міровъ обнималъ
 Одинъ Онъ, весь хаосъ Его окружавшій.
 (На то есть священная воля моя,
 Такъ самъ Іегова о томъ говорилъ).
 Но духъ тотъ, возставшій, пусть вступитъ безъ страха
 Въ подземное царство и вѣчную тьму.
 Со временемъ пропасть измѣнится эта,
 Въ прекраснѣйшій міръ превратится она,
 И самъ Сатана возсоздастъ этотъ міръ.
 Но приметъ онъ планъ тому новому міру
 Отъ рукъ моихъ сильныхъ, близъ трона небесъ.
 Одинъ Я объемлю міровъ безпредѣльность,
 Пространство безбрежное съ ихъ Божествами,
 Моимъ, совершеннѣйшимъ міромъ и высшимъ.

Напрасно такъ Адремелехъ говорилъ, —
 Ему не повѣрили жители ада,
 Но Богъ самъ услышалъ порочнаго голосъ:
 — Тотъ грѣшникъ погибшій, сказалъ Всемогущій,
 Былъ также свидѣтелемъ славы Моей! —
 И быстро судъ Божій надъ нимъ совершился:

Изъ мертваго моря, съ ужаснѣйшимъ гуломъ,
 Плававшая глыба изъ волнъ поднялася
 И рухнула въ мутныя волны назадъ...
 Окрестности грохотомъ все огласились...
 Та глыба низвергла вдругъ Адремелеха
 Въ пучину кипящую гибельныхъ водъ,
 Гдѣ страшная ночь продолжалась семь сутокъ.
 Лежалъ все то время въ пучинѣ погибшій,

Но послѣ воздвигнулъ онъ храмъ Божеству,
 Куда золотыя тѣ доски судьбы
 Со страхомъ, какъ жрецъ, на алтарь возложилъ.
 Хоть лжи той старинной не вѣрилъ никто,
 Однако приверженцы Адрамелеха —
 Лъстецы, какъ невольники въ храмъ приходили.
 Когда въ немъ присутствовалъ Адрамелехъ,
 Они небылицамъ его поклонялись.
 Когда жъ его не было въ храмѣ томъ мрачномъ,
 Смѣялись съ безстыдствомъ, смотря на таблицы...
 — Явился теперь, по призыву герольда,
 Изъ храма и съ тайною злобою сѣлъ
 На тронъ онъ, рядомъ съ самимъ Сатаню.

Затѣмъ появился воинственный духъ
 Съ высокихъ* волкановъ, свирѣпый Молохъ.
 Крутые волканы — жилище свое —
 Онъ цѣпью громадною горъ окружилъ,
 Чтобъ ими себя и весь адъ защищать,
 Когда Громовержецъ въ ихъ царство сойдетъ, —
 Егову онъ именемъ тѣмъ называетъ.
 И часто, когда надъ пылающимъ моремъ,
 Мерца въ туманѣ, день мрачный восходитъ, —
 Всѣ жители пропасти видятъ Молоха,
 Стоящаго съ злобой на горныхъ вершинахъ.
 Онъ горы на горы кругомъ громоздитъ,
 Задумчиво, въ тучахъ угрюмо стоитъ
 Надъ страшными сводами бездны подземной,
 И тучами тѣми надъ адомъ гремитъ,
 И вторитъ далекое эхо въ ущельяхъ...
 Неистовый громъ оглушителенъ, страшенъ...
 Изъ сумрака бездны подземной своей,
 Игнанники неба всѣ слышатъ его.
 Съ стремительной силой, шума, съ своихъ горъ
 Пришелъ онъ къ подземному трону теперь,
 И трепетно воина всѣ избѣгаютъ.
 Тяжелой и мрачною броней своею,

Подобно громовымъ раскатамъ, гремить, —
 Предъ нимъ потрясаются адскія горы,
 За нимъ разрушаются, падая, скалы...

Явился и мрачный потомъ Бѣліилъ,
 Покинувъ лѣса и долины свои,
 Гдѣ духъ тотъ печальный живетъ одиноко.
 Напрасно онъ трудится, бѣдствуя вѣчно,
 Желая проклятыя страну измѣнить
 Въ міръ лучшій, подобный тѣмъ чуднымъ мірамъ,
 Которые дивно такъ созданы Богомъ.

О, Вѣчный! Ты смотришь съ величья небесъ —
 Съ улыбкой глубокой, когда онъ стремится
 Порывами бури ужасной привлечь
 Къ источникамъ мрачнымъ, безсильной рукою,
 Роскошного Запада тихую свѣжесть.

Сердито тамъ буря реветъ, неумолчно,
 Какъ вѣчная кара Всесильнаго Бога.
 Въ странѣ безобразной и вѣчно туманной
 На крыльяхъ губительныхъ носятся вѣтры.
 Бесплодной и мертвой пустыней лежатъ
 Обрывы надъ страшной, разрушенной бездной.
 Былъ бѣшеной думой томимъ Бѣліилъ
 При мысли о чудной веснѣ непрерывной,
 Которая, будто-бы свѣтлый Архангелъ,
 Улыбкой небесную сѣнь озаряетъ.
 О, какъ бы желалъ Бѣліилъ оживить
 Весной благотворною мрачные долы, —
 Но пусты, печальны лежатъ передъ нимъ,
 Покрыты ночью глубокою, нивы.
 Когда появился къ подземному трону,
 Съ тоскою, изъ темныхъ лѣсовъ, Бѣліилъ,
 Пылалъ къ Всемогущему Богу онъ мщеньемъ
 За то, что изъ райскихъ прекрасныхъ долинъ,
 Былъ сброшенъ онъ Имъ въ эту темную бездну,
 И съ каждымъ протекшимъ столѣтьемъ грозилъ,
 Страшнѣе ту бездну Господь сотворить.

И ты, обитатель пучинъ водяныхъ,
 Увидѣлъ тревожный возвратъ Сатаны.
 Духъ вѣчно витающій въ мертвыхъ водахъ,
 Ты вышелъ, Могогъ, изъ шумящихъ стремнинъ.
 Какъ горы, вздымалось свирѣпое море,
 Когда онъ тяжелой стопой разсѣкалъ
 Кипящія волны тѣхъ гибельныхъ водъ...
 Безумно Могогъ проклинаетъ Творца
 Съ минуты изгнанья мятежниковъ падшихъ
 Изъ сѣни небесной; звучать безобразно
 Проклятья Могога надъ бездною адской.
 Проклятья тѣ дико ревутъ надъ водами,
 Ужасно всю пропасть собой оглашая.
 Онъ, мщеніемъ вѣчнымъ томимый, желалъ бы
 Водами морскими весь адъ потопить.
 На почву сухую ступилъ онъ теперь,
 Въ обрывъ цѣлый берегъ съ горами обрушивъ.

Всѣ главные духи подземнаго царства
 Толпой собралися вокругъ Сатаны;
 За ними тянулись, несмѣтнымъ числомъ,
 Подвластные имъ легіоны духовъ.
 Катились, какъ волны всемірнаго моря,
 Волна за волной, разбиваясь о камни
 Подножья высокой прибрежной горы, —
 Такъ къ трону изгнанники неба стекались.
 Ихъ тысячи тысячъ къ нему собралось.

Идутъ, воспѣвая свои злодѣянья;
 Но стыдъ и позоръ имъ готовится вѣчный...
 Божественнымъ громомъ разбиты арфы
 Нестройными звуками вторять ихъ пѣснямъ.
 Какъ плачь надъ усопшимъ, несутся тѣ звуки,
 Неистовства полные визги и крики.

Восторгомъ неистовымъ, дикимъ пылая,
 Идущихъ толпой созерцалъ Сатана
 И слышалъ всѣ адскія пѣсни онъ ихъ.
 Встааетъ онъ съ подземнаго мрачнаго трона,

Чтобъ видѣть собравшихся всѣ легіоны.
 И видить въ толпѣ отдаленной, внизу,
 Онъ низшихъ духовъ, отвергающихъ Бога;
 Съ насмѣшкою злою на все они смотрятъ.
 Тамъ былъ и безумный владыка ихъ, Гогъ, —
 Онъ выше былъ всѣхъ и безумнѣе всѣхъ...
 Они утверждаютъ, что въ мірѣ все сонъ,
 Игривыя грезы лишь пылкой мечты.
 Что видѣли нѣкогда въ сѣни небесной
 Они отвергаютъ съ безстыдствомъ и то,
 И самую сущность Всесильнаго Бога,
 Который караетъ и милуетъ грѣшныхъ;
 Что самая жизнь есть обманчивый сонъ;
 Замѣнитъ ничтожество тлѣнья ее.

Съ презрѣніемъ смотритъ на нихъ Сатана:
 Хотя ослѣпленный, — но чувствуетъ онъ,
 Что есть Всемогущій и Вѣчный Господь!

Поникнувъ главою, утрюмъ и безмолвенъ;
 То въ мрачную думу стоитъ погруженный,
 То дико на павшихъ глядитъ Сатана, —
 И снова уходитъ къ подземному трону.

Утихло мгновенно все въ пропасти ада,
 Подобно тому, какъ на мигъ затихаетъ
 Въ пустынныхъ горахъ, передъ страшною бурей.
 На тронъ свой высокій онъ медленно сѣлъ,
 Тревожимый черной, тяжелою думой.

Уста Сатаны вдругъ какъ буря взревѣли,
 Изъ нихъ загремѣли раскаты громовъ,
 И страшно раздался потомъ его голосъ:

— Не всѣ ли явились вы, страшные сонмы?
 Какъ нѣкогда всѣ мы томились, страдая
 Три дня безконечныхъ въ обители неба,
 Ликуйте и слушайте, что вамъ открою,
 Зачѣмъ я такъ долго виталъ на землѣ, —
 О, духи, вамъ много узнать предстоитъ.
 А также рѣшенъе узнайте мое —

Прославить величіе наше оно,
А имя Еговы навѣкъ посрамить...

Скорѣе разрушится адская пропасть,
Скорѣй Онъ созданье свое уничтожить,
Которое нѣкогда Самъ сотворилъ
Изъ хаоса страшнаго ночи глубокой,
И будетъ опять одиноко тамъ жить,
Чѣмъ силой принудить Себѣ уступить
Владычество наше надъ смертными всѣми.
Не знали побѣдъ надъ собою мы Бога,
Такъ будемъ всегда непокорны Ему,
Хотя бы онъ тысячи тысячъ послалъ
Своихъ Примирителей противу насъ;
А если бѣ на землю сошелъ онъ Мессіей,
То развѣ не встрѣтилъ бы гнѣвъ мой Его?...
И кто же тотъ новый, рожденный Егова,
Который и въ тѣлѣ плотскомъ человѣка
Хранить неизмѣнно Свое Божество?
О комъ такъ глубоко задумались Боги,
Какъ-будто бы снова они обрѣли
Высокія думы объ ихъ Божествѣ,
Иль вспомнили снова прошедшія битвы?

Родится-ль отъ смертной, подверженной тлѣнью,
Одинъ изъ Предвѣчныхъ, чтобъ намъ облегчить
Побѣду, когда Онъ войною придетъ
На насъ, ужъ отчасти извѣстныхъ Ему?
Возможно ли это, чтобъ дѣйствуя такъ,
Онъ силою могъ бы смирить Сатану?
Хоть многіе здѣсь предо мною стоятъ,
Которые нѣкогда, съ страхомъ невольнымъ,
Бѣжали въ смущеніи отъ взоровъ Его.
Покинувъ поспѣшно загнившія кости
Терзаемыхъ смертныхъ, — они ускользнули:
Стыдитесь вы, трусы, предъ этимъ собраньемъ!
Всѣ Боги здѣсь знаютъ о вашемъ побѣгѣ!
Ничтожные! Что васъ принудило къ бѣгству?..

Кого называете вы Иисусомъ,
Тотъ, вѣрьте, ни васъ, ни меня недостойнъ.
И сынъ ли Творца Онъ великой вселенной?

Узнайте же кто онъ, назвавшійся Богомъ,
Явившійся гордо въ народъ Еврейскомъ.
О, радуйтесь Боги, и слушайте всѣ, —
Его я исторію вамъ расскажу:

Въ народъ, живущемъ кругомъ Иордана,
Когда-то давно ужъ пророчество было,
(Гласить такъ преданье временъ отдаленныхъ),
Что долженъ отъ племя ихъ выйти Спаситель,
Который избавить народъ свой отъ плѣна,
Предъ всѣми народами ихъ возвеличить
И будетъ ихъ царство сильнѣе другихъ.
А помните вы, какъ за нѣсколько лѣтъ
Предъ этимъ, явились иные въ собранье
И намъ возвѣстили, что видѣли сами
Они на Фаворѣ ликующихъ сонмы.
Какъ чудно и стройно тѣ Ангелы пѣли,
И набожно славили всѣ Иисуса.
Внимая ихъ пѣнію, тучи дрожали,
И въ пальмовыхъ рощахъ далекое эхо
Восторженнымъ пѣснямъ тѣмъ вторило громко.
Въ окрестностяхъ дальнихъ Фавора звучало
Воспѣтое имя Его — Иисусъ.
Съ горы той торжественно шелъ Гавріилъ
И гордо къ Еврейкѣ пошелъ въ Назаретъ.
Какъ смертный, привѣтливо ей поклонился,
Ей именемъ Бога-Отца возвѣстилъ,
Что царь отъ нея Іудейскій родится,
И будетъ защитникомъ царства Давида.
Его Иисусомъ она назоветъ —
Такъ долженъ быть названъ рожденный Сынъ Божій;
И вѣчно могущество будетъ Его,
Царя и владыки сильнѣйшаго всѣхъ...
Вѣстившаго голосъ услышала Дѣва.

Чему-жъ вы дивитесь, о, адскіе Боги?
Иль васъ испугало, что слышите Вы?

Я видѣлъ и больше того еще самъ,
Но все-же ничто не смутило меня.
Я все передъ вами открою здѣсь смѣло,
Чтобъ знали, какъ духъ возвышается мой,
Когда я предвижу опасности мигъ.
Но можно ль опасностью это назвать,
Что смертный мечтатель, на нашей землѣ,
Себя называетъ Всесильнымъ предъ нами?...
...Вдругъ громъ разразился небесный надъ духомъ,
И робко кругомъ посмотрѣлъ Сатана,
Но скоро, оправившись, вновь продолжалъ:

— Рожденъе высокое Божья младенца
Я самъ ожидалъ съ нетерпѣньемъ и думалъ:
Марія! о, скоро изъ нѣдровъ твоихъ
На землю Сынъ вѣчнаго Бога придетъ;
Скорѣе мгновенія ока придетъ Онъ
И даже скорѣй самой мысли Боговъ,
Когда она адскою злобой пылаетъ.
До неба возвысится быстро Твой Сынъ.
Теперь покрываетъ въ своемъ Онъ величьи
Одною стопою всѣ воды морей,
Другою-жъ стопою всю область земную
И держитъ въ десницѣ всесильной своей
Луну серебристую, жаркое солнце,
А лѣвой рукою объемлетъ всѣ звѣзды.
Онъ шествуетъ тамъ среди собранныхъ бурь
Съ міровъ безконечныхъ и грозно караетъ.
Зоветъ насъ Онъ громко на смертную битву...
Спасайся, бѣги, Сатана злополучный!
Чтобъ громомъ всесильнымъ не бросилъ тебя
Тотъ Вѣчный, за тысячу тысячъ земель,
Гдѣ, Имъ побѣжденный, ты будешь безъ жизни
Лежать, искаженный, въ пространствѣ безбрежномъ...
Такъ думалъ я... Слышите ль адскіе Боги?

Но онъ челоѣкъ, и до этой минуты
 Онъ плачущій, слабый ребенокъ, какъ всѣ;
 Подобенъ онъ дѣтямъ ничтожнаго праха,
 Которыя плачутъ, едва лишь родятся,
 О смертности, Богомъ назначенной имъ.
 Хотя воспѣвали рожденіе Его
 Святые Соборы Архангеловъ неба, —
 Они же такъ часто приходятъ на землю,
 Чтобъ видѣть могилы недавно умершихъ,
 Гдѣ, нѣкогда, рай охраняли Они,
 Гдѣ мы основали владычество наше, —
 И вновь со слезами уходятъ потомъ
 На небо и гимны святые поютъ,
 Себя утѣшая... Такъ было теперь:
 Они отлетѣли, оставивъ младенца;
 Иль лучше сказать, они бросили тамъ,
 Во прахѣ лежащаго, Господа Силь.
 Поэтому Онъ отъ меня ускользнулъ; —
 Вѣрниѣ, я самъ тому быть допустилъ.
 Врага боязливаго могъ ли я гнать?
 Свое я величіе тѣмъ бы унижилъ.
 Но я не оставилъ Его тамъ свободнымъ.
 Царю и жрецу моему въ Виѣлеемѣ,
 Избраннику Ироду, далъ приказанье
 Младенцевъ родившихся всѣхъ убивать.
 Текущая кровь, исполнителей визгъ
 И всѣхъ матерей неутѣшныя слезы,
 Стенанія страшныя труповъ убитыхъ, —
 И все это, вмѣстѣ, ко мнѣ возносилось,
 Ко мнѣ, какъ къ владыкѣ страданій и бѣдствій —
 И было пріятной, достойною жертвой.

Не тѣнь ли то Ирода вижу я тамъ?
 Откройся предъ нами отверженный грѣшникъ.
 Не я ли внушилъ тебѣ страшную мысль,
 Чтобъ всѣхъ Виѣлеемскихъ младенцевъ избить?

Что можетъ придумать Владыка небесъ,

Желая созданье свое защитить —
 Безсмертныя души — отъ власти моей,
 Чтобъ ихъ вдохновеньемъ порочнымъ своимъ
 Не могъ ослѣпить и своихъ тѣмъ владѣній
 Разширить далеко въ пространствѣ міровъ?

Твой жалобный визгъ и отчаянный ужасъ
 И вопли невинно убитыхъ тобою,
 Которые умерли всѣ, согрѣшая
 Тебя проклиная, съ тобой и Творца, —
 Все это отрадная жертва тому,
 Кто такъ безусловно владѣетъ тобою.

О, слушайте Боги! Когда же онъ умеръ
 Избранникъ мой Иродъ и царь мой, и рабъ,
 Назадъ изъ Египта вернулся Младенецъ.
 Провелъ онъ въ объятіяхъ матери нѣжной
 Всѣ юные годы, незнаемъ нѣжѣмъ.
 Ни свѣтлой отваги порывъ благородный,
 Ни юности пылъ не подвигнулъ Его
 Въ величіи полною себя показать.

О, адскіе Боги! Ходилъ онъ одинъ
 Задумчивъ по дикимъ морскимъ берегамъ
 Иль часто въ пустынныхъ лѣсахъ отдаленныхъ
 И вѣрно задумывалъ что нибудь тамъ,
 Чтобъ царство подземное наше сгубить,
 Иль мужество наше опять испытать
 Хотѣлъ онъ, бродя одиноко въ пустынѣ...
 И думалъ не разъ я съ собой разсуждая:

Скорѣе онъ занятъ серьезною думой,
 Чѣмъ видомъ окрестностей дикихъ, пустынныхъ,
 Лѣсовъ вѣковыхъ и роскошныхъ цвѣтовъ,
 Когда Онъ дѣтьми окружаетъ Себя
 И ихъ заставляетъ Создателя славить,
 Который изъ праха Его сотворилъ.

Да, много бы время утратить я долженъ,
 Когда бы помочь не хотѣли мнѣ люди,
 Которые въ жертву приносятъ мнѣ души.

Я къ небу тѣ души опять посылаю, —
Тамъ ими Эдемъ населяетъ Создатель.

Однажды представилось мнѣ, что Онъ хочетъ
Значенье и славу Свою показать.

Спустилось на землю величіе Божье,
Когда одинъ разъ Онъ пришелъ къ Иордану
Въ сіяніи дивномъ небеснаго свѣта.

Я видѣлъ глазами безсмертными самъ
Величіе то на водахъ Иордана.

То не былъ обманчивый призракъ небесный, —
То было во истину Бога величье,

Подобно тому, какъ нисходитъ Оно
Съ небеснаго трона, въ торжественномъ блескѣ

И тихо проходитъ въ рядахъ Серафимовъ,
Хотѣло-ль почтить Оно сына земли,

Иль наше вниманіе лишь возбудить?
Того и теперь я постигнуть не въ силахъ!

Хотя и небеснаго грома раскаты
Я слышалъ тогда, содрогаюсь невольно, —

Мнѣ слышался голосъ какой-то въ томъ громѣ:

„Вотъ Сынъ Мой любимый, въ немъ благодать моя!“
— То голосъ Элоа навѣрное былъ,

Иль высшихъ Престоловъ, меня чтобъ смутить...
Но не былъ то голосъ Всесильнаго Бога.

Во мракѣ глубокомъ подземнаго царства
Страшнѣй надо мною звучалъ Его голосъ,

Когда Онъ намъ Сыномъ Предвѣчнымъ грозилъ.
О Сынъ томъ вѣчномъ предсказывалъ также

Бродившій въ пустынь угрюмый пророкъ
И громко на встрѣчу къ нему онъ взывалъ:

„Вотъ Агнецъ Божественный, посланный съ неба
Очистить собою грѣхи всѣ земные.

О, Ты, исходящій отъ вѣчности, Вѣчный,
Ты, бывшій задолго еще до меня!

Привѣтъ мой Тебѣ, милосердія полный,
Тобою отъ блага нисходитъ къ намъ благо!

О томъ возвѣщать намъ законъ Моисея,
 Съ Собой Ты приносишь, Помазанникъ Божій,
 Намъ правду святую и милость Его!

Мечтатели такъ воспѣвають другъ друга
 И думы святія себѣ создаютъ.
 Мы слишкомъ ничтожны, безсмертные Боги,
 Чтобъ скрытыя тайны могли мы провидѣть
 Отъ насъ ли Мессію снѣ думаетъ скрыть
 Въ томъ образѣ смертномъ, который мы часто
 Караемъ тяжелой и страшною смертью?
 И скрыть ли Мессію, Владыку небесъ,
 Такъ грозно возставшаго противу насъ,
 Пока не достигли мы новыхъ міровъ?
 О комъ же пророкъ ослѣпленный мечтаетъ?
 Онъ самъ представляетъ себя Божествомъ,
 Хотя Онъ созданіе праха, какъ всѣ.
 Онъ часто заснувшихъ больныхъ пробуждаетъ
 И ихъ воскрешаетъ, считая за мертвыхъ...
 Но въ этомъ начало дѣяній Его,
 А высшія послѣ дѣла совершатся.
 Онъ думаетъ родъ человѣка избавить
 Отъ смерти и страшныхъ ихъ всѣхъ прегрѣшеній,
 Съ которыми люди, со дня ихъ рожденья,
 Сближаются тѣсно и въ нихъ возрастаютъ.
 Они возбуждаютъ людей противъ Бога
 И противъ неволи священнаго долга,
 Въ которомъ, ихъ совѣти внутренній голосъ
 Напрасно стремится порой удержать.
 Людей искупить Онъ мечтаетъ отъ смерти, —
 Отъ смерти, подвластной однимъ только намъ.

И васъ Онъ искупить, отжившія души,
 Которыхъ, съ минуты созданія міра,
 Сбиралъ я, какъ волны съ всемірнаго моря,
 Какъ звѣздъ легіоны, иль сонмы пѣвцовъ,
 Творца воспѣвающихъ вѣчно и робко.
 Искупить изъ пропасти ада Онъ всѣхъ,

Терзаемыхъ вѣчнымъ мученіемъ здѣсь,
 Томимыхъ въ огнѣ безнадежностью вѣчной, —
 И васъ Онъ стремится избавить отъ смерти.
 И будемъ тогда мы, забывшіе Бога,
 Предъ новымъ Божественнымъ тѣмъ человѣкомъ
 Валяться во прахѣ, подобно рабамъ...
 Къ чему насъ принудить не могъ Саваоувъ
 Громами всесильными, то совершить
 Онъ въ области смертной рукой безоружной!

Вставай-же, отважный! И самъ себя прежде
 Отъ смерти и бѣдствій ея защити,
 А послѣ ужъ мертвыхъ людей воскрешай!

Онъ долженъ погибнуть и смертью погибнуть,
 Царя, Сатаны побѣдитель могучій!
 И пусть всемогущею волей Своею,
 Тогда онъ отъ смерти избавить Себя.

Безжизненный трупъ Твой я брошу въ могилу,
 Гдѣ смерти дыханье Тебя исказить,
 Гдѣ ночь постоянная мракомъ глубокимъ
 Глаза безъ возврата Твои ослѣпить.
 Смотри же! тихонько тогда я шепну,
 Какъ тамъ воскресаютъ умершіе люди!
 Умершему слуху для звуковъ скажу я:
 Послушай, какъ чудно все поле шумить,
 Воскресшіе ходятъ по немъ мертвецы!...
 Когда-же оставитъ душа Его тѣло
 И къ намъ она въ адъ обратится, быть можетъ,
 Чтобъ насъ непокорныхъ и смерть побѣдить, —
 Ей голосомъ грома тогда я воскликну:

Спѣши ты отсюда, изъ темнаго царства;
 Ты здѣсь оковала безсмертныхъ Боговъ!
 Спѣши! Предъ тобою отворятся сами
 Торжественно двери подземнаго ада.
 Здѣсь хоромъ хвалебнымъ тебя прославляютъ
 Отжившія души и адскіе боги,
 Тебя воспѣваетъ вся адская бездна.

Скорѣ пусть землю теперь Іегова,
 А съ нею Его и людей вознесетъ
 Къ себѣ, въ безпредѣльность небеснаго міра,
 Пока возсѣдаю я здѣсь, какъ Властитель, —
 Иль я тó исполню, что словомъ могучимъ
 Давно предназначивъ, премудро рѣшилъ я!
 Клянусь я, какъ Богъ и страданій, и смерти,
 Клянусь вамъ грядущею вѣчностью Бога —
 Умретъ Онъ и бранный тогда Его прахъ
 По свѣтлой дорогѣ подземнаго ада
 Развѣю предъ взорами Вѣчнаго я...
 Узнайте-жъ мой планъ и рѣшеніе мое!
 Такъ мститъ Сатана! — торжествуя сказалъ онъ
 И грозно взревѣла вся адская пропасть!!..

Сидѣлъ въ отдаленныхъ гробницахъ Спаситель, —
 Тамъ съ шумомъ слова Сатаны пронеслися...
 Къ ногамъ Іисуса листокъ подкатился.
 Червякъ уже мертвый висѣлъ на листкѣ...
 Господь Всемогуцій его оживилъ, —
 Тебѣ-жъ Сатана, всеобъемлющимъ взоромъ,
 Какъ кару, послалъ Онъ презрѣнье Свое...
 И быстро надъ павшими судъ совершился...
 Вся бездна подземная вдругъ потряслася,
 Покрыла глубокая ночь Сатану...
 И съ ужасомъ смотреть всѣ адскіе духи,
 Но ада владыки не видятъ они.
 Какъ будто сраженные громомъ небеснымъ,
 Подобно гранитнымъ скаламъ онѣмѣли
 Мятежные жители пропасти адской...

Внизу, подлѣ трона, задумчивъ, угрюмъ,
 Поникнувъ печально челомъ, одиноко
 Сидѣлъ Серафимъ Абдіиль-Аббадонна.
 Онъ думалъ о будущемъ грозномъ своемъ,
 Въ душѣ содрогаясь невольно отъ страха.
 Предъ нимъ проносилось, какъ будто въ туманѣ,
 Минувшее все, пережитое имъ.

На мрачномъ и грустномъ челѣ Серафима
 Тоски безнадежной лежала печать;
 Предъ взоромъ его, истомленнымъ печалью,
 Носились, какъ тѣни, за муками муки, —
 Сливались съ вѣчностью эти видѣнья.
 Припомнилъ теперь онъ блаженное время,
 Когда еще чистъ былъ, невиненъ душою
 И другомъ великаго былъ Абділа,
 И какъ, въ день возстанья, великое дѣло
 Свершилъ предъ лицемъ онъ Создателя міра,
 Мятетниковъ бросивъ, рѣшилъ остаться
 Одинъ; непреклонно опять возвратился
 Подъ кровъ милосердный Всесильнаго Бога
 И съ тѣмъ Серафимомъ, великимъ душою,
 Казалось, избѣгнулъ врага Іеговы.
 Но въ пламенной вдругъ колесницѣ своей
 За ними, какъ вихрь, Сатана возвратился,
 И голосъ его, будто звукъ трубы бранной,
 Все полчище грозно къ себѣ призывалъ.
 Всѣ адскіе духи его обольстили,
 Онъ ими, какъ бурей, былъ увлеченъ.
 Напрасно летѣлъ за нимъ другъ его милый,
 И взоромъ сердитымъ, но полнымъ любви,
 Хотѣлъ его снова къ Творцу обратить.
 Увы! Но безумной мечтой увлеченный,
 Мечтой, что онъ равенъ Всесильному Богу,
 Летѣлъ Аббадонна все дальше и дальше,
 И взоровъ онъ друга понять ужъ не могъ...
 Пришелъ, какъ въ туманѣ, потомъ къ Сатанѣ...
 Съ тоскою глубокой, въ себя погруженный,

Событіе то страшное онъ воспоминалъ.

Припомнилъ блаженную юность, — то утро,
 Когда былъ онъ созданъ для жизни небесной —
 Предвѣчный ихъ всѣхъ сотворилъ въ одно время;
 Едва были созданы сонмы безсмертныхъ,
 Съ небеснымъ восторгомъ, они, межъ собою,

Бесѣду отрадную дружно вели:

— О, кто же мы, свѣтлыя всѣ Серафимы?

— Откуда блаженный? — Давно ли ты созданъ?

— Ты видѣлъ ли прежде меня, Серафимъ мой?

О, точно-ль живемъ мы? — Какою же жизнью?

— Меня обними ты, божественный другъ мой,

Открой мнѣ завѣтныя думы свои.

...Какъ послѣ спустилося, изъ дали свѣтлой

Величіе Бога, ихъ всѣхъ осѣняя.

И видятъ кругомъ себя тамъ Серафимы

Несчетное воинство силы небесной.

Сребристое облако подняло всѣхъ ихъ

Къ величію высшему Господа силъ.

Увидѣвъ величіе то предъ собою,

Познали они въ немъ Зиждителя міра.

Той думою мучился духъ Аббадонна,

Изъ глазъ его горькія слезы лилися.

Такъ съ горъ Виолеемскихъ потоками кровь

Струилась, когда убивали младенцевъ...

Онъ съ ужасомъ слушалъ рассказъ Сатаны, —

Не вытерпѣлъ — всталъ, чтобы съ нимъ говорить,

Но прежде три раза глубоко вздохнулъ.

Такъ въ битвѣ кровавой два брата, не знавши,

Сражаются другъ друга, потомъ узнаютъ —

Когда упадаютъ съ предсмертнымъ хрипѣньемъ

И вздохъ сожалѣнья ихъ грудь надрываетъ...

Но скоро оправившись, началъ онъ такъ:

— Хотя ненавидимъ я буду собраньемъ,

Но мало заботится духъ мой объ этомъ;

Не въ силахъ молчать я, скажу передъ всѣми, —

Чтобъ карой ужасною Вѣчнаго Судъ

Здѣсь также меня самого не постигнулъ,

Какъ онъ надъ тобой, Сатана, разразился.

Тебя ненавижу я всею душою,

Ужасный и гибельный духъ Сатана!

Отвлекъ ты безсмертнаго духа, меня

На вѣки отъ мощной десницы Творца.
 Пусть требуетъ въ томъ Всемогушій отчета,
 Погибшій, отверженный духъ отъ тебя
 За всѣ эти страшныя, вѣчныя муки.
 Здѣсь, въ пропасти адской, средь ночи глубокой,
 Среди всего сонма безсмертныхъ духовъ,
 Тобой соблазненные грозно возстанутъ...
 Ихъ стоны и вопли, какъ громъ, раздадутся,
 Какъ волны свирѣпыя Мертваго моря,
 Бушуютъ, ихъ голосъ взрветъ на тебя...

Не буду сообщникомъ съ грѣшникомъ вѣчнымъ—
 Отступникъ! — не буду участвовать я
 Съ тобою въ рѣшеніи гнусномъ твоёмъ,
 Чтобъ смерти предать Искупителя міра!

О, противъ Кого говорилъ ты, проклятый!
 Не противъ Того-ли, предъ кѣмъ ты трепещешь,
 Предъ чѣмъ Всемогушествомъ самъ признаешь
 Свое все ничтожество, съ ужасомъ робкимъ?
 А ежели смертнымъ потомкамъ Адама
 Творецъ-Вседержитель пошлетъ искупленье
 Отъ смерти и ада, — не ты-ль помѣшаешь
 Божественной волѣ Его совершиться?
 Не ты ли, погибшій, задумалъ убить
 Священное тѣло Мессіи и Бога?
 Ты будто не знаешь Его Сатана?
 Иль мало карали Всесильнаго грома
 Тебя, непокорный, отверженный духъ?
 Еще-ль на челѣ твоёмъ мало слѣдовъ
 Осталось отъ гнѣвнаго грома небесъ?
 Ужели не въ силахъ Онъ будетъ, Всесильный,
 Себя защитить отъ коварства ничтожныхъ?

О, мы, увлекашіе родъ человѣка
 Къ погибели вѣчной и смерти ужасной, —
 (Но горе мнѣ — самъ я виновенъ былъ въ этомъ)
 Осмѣлимся-ль снова возстать мы теперь
 На ихъ Искупителя, Бога, Мессію?

И можемъ-ли Сына Его — Громовержца —
 Погибшіе, жалкіе, смерти предать?
 Хотимъ-ли, блаженные нѣкогда духи,
 Прервать ко спасенію грядущему нить,
 Навѣкъ у себя тѣмъ возможность отнять
 Къ смягченію страшныхъ и вѣчныхъ терзаній?!
 Мы всѣ здѣсь страдаемъ съ тобой, Сатана,
 Въ ужаснѣйшихъ мукахъ томимся всѣ вѣчно,
 А ты это мѣсто проклятѣя и мрака
 Безстыдно и ложно предъ всѣми же нами
 Зовешь своимъ царствомъ могучимъ и славнымъ.
 Такъ точно ты ложно теперь торжествуешь,
 Съ позоромъ и срамомъ назадъ возвратившись
 Отъ Бога и даннаго людямъ Мессіи...

Ужасенъ отъ злобы сидѣль Сатана
 И грозно внималъ Серафима словамъ.
 Онъ бросить скалою хотѣлъ въ Аббадонну,
 Но въ гнѣвѣ безсильномъ, повисла назадъ,
 Какъ-бы пораженная громомъ, рука.
 Трясаясь весь отъ гнѣва, сверкая глазами,
 Три раза въ душѣ Сатана содрогнулся,
 Три раза безумно, свирѣпо взглянулъ
 Въ лице Аббадонны — но быстро затихъ...

Въ величіи строгомъ, стоялъ Серафимъ,
 Печальный, спокойный, безъ злобы, предъ нимъ.
 Вдругъ врагъ Божества, Сатаны и людей,
 Всталъ Адрамелехъ и со злобой сказалъ:

— Тебѣ я отвѣчу громами и бурей,
 О, ты, ослабѣвшій отъ ужаса трусь!
 Пусть грозы и бури тебѣ отвѣчаютъ!
 Какъ смѣлъ оскорблять ты здѣсь высшихъ Боговъ?
 Дерзнетъ ли изъ мрака возвысить кто голосъ
 Изъ низшихъ духовъ и возстать противъ насъ,
 Иль дерзко меня съ Сатаной оскорбить?
 О, ежели будешь терзаться ты, низкій, —
 Своими-жъ мечтами ты мучиться будешь.

Бѣги, малодушный, изъ области мрака,
 Гдѣ царствуютъ Боги подземнаго ада;
 Исчезни въ пустынь и пусть тамъ Всесильный
 Создастъ тебѣ новое царство страданья,
 Гдѣ будешь внимать ты раскаянныя стомамъ
 И тамъ ты получишь достойно безсмертье!
 Исчезни презрѣнный! Умри же тамъ рабъ,
 Склонивъ передъ небомъ съ покорностью взоры.

О, ты, среди неба возставшій на Бога,
 Считаая Всесильнаго равнымъ себѣ,
 Создатель грядущихъ міровъ безконечныхъ!
 Пойдемъ, о, могучій! Пойдемъ Сатана!
 О, пусть предпріятія наши покажутъ
 Весь ужасъ могущества нашей руки.
 Пусть видятъ всѣ адскіе, низшіе духи, —
 Могущество то ослѣпить ихъ внезапно
 И быстро сразитъ непокорныхъ, какъ громомъ.

Откройтеcя теперь предо мной лабиринты,
 Вы, полные гибельной хитрости скрытой;
 Хранится въ васъ вѣрная, страшная смерть
 И нѣтъ изъ васъ нити, ведущей къ исходу;
 Оттуда никто не избавитъ Его...
 Но ели хитрости нашей избѣгнетъ,
 Наставленный разумомъ, Онъ, Божества,
 Тогда, передъ нами сразитъ Его грозы,
 Подобныя страшной, великой грозѣ той,
 Которою Іова мы погубили,
 Любимца Его — Вседержителя Бога, —
 У неба отнявъ его чистую душу.
 Земля, трепещи передъ нами, идемъ мы
 Одѣты, какъ броней, смертью и адомъ,
 И горе возставшему тамъ противъ насъ,
 Въ великой той области нашего міра!..

Окончилъ свирѣпый такъ Адрамелехъ
 И буйно собраніе все поднялося.
 Восторженно ринулись всѣ къ Сатанѣ.

Подъ мощной стопою ликующихъ духовъ
 Тряслась и стонала подземная пропасть,
 Какъ-бы разрушались и падали горы.
 Шумѣли съ неистовствомъ тамъ голоса,
 Побѣдою близкой гордясь, всѣ кричали.
 Съ востока на западъ гремѣли ихъ крики;
 Ревѣло, какъ буря, собраніе ада.
 Предать оно жаждало смерти Мессію:
 Съ момента созданія Богомъ вселенной
 Не видѣла вѣчность такого дѣянья.
 Его совершители, Духъ Сатана
 И Адремелехъ, вдругъ, покинули тронъ.
 Въ тотъ мигъ, когда буйно неслись по ступенямъ,
 Неистойвой злобой и мщеніемъ пылая,
 Звенѣли подземнаго трона ступени,
 Готовыя рушиться въ прахъ подъ стопой ихъ,
 Трещали, гремѣли; какъ скалы гранита,
 Разбитыя, рушатся въ страшную пропасть.

Всѣ ринулись буйно, толпою мятежной.
 Далеко неслись ихъ безумные клики,
 Сонутетвуя ихъ до исхода изъ бездны.
 За ними, съ поникшимъ челою, въ отдаленіи,
 Шелъ тихо, задумчиво, духъ Аббадонна.
 Онъ думалъ избѣгнуть сообщества дерзкихъ
 Въ томъ дѣлѣ неслыханномъ, или погибнуть...
 Вотъ, съ этою думой подходитъ изгнанникъ
 Ко входу, гдѣ Ангелы были на стражѣ.

О! что испыталъ ты въ тотъ мигъ, Аббадона,
 Когда Абділа увидѣлъ ты тамъ?
 Со вздохомъ глубокимъ закрылъ онъ лице
 И долго стоялъ въ нерѣшимости грустной.
 Хотѣлъ бы въ подземную пропасть вернуться,
 Желалъ подойти-бы и къ прежнему другу;
 Иль думалъ умчаться въ безвѣстную даль...
 Такъ долго стоялъ онъ, въ печальномъ раздумьи,
 Не зная, что дѣлать и что предпринять!

Потомъ, вдругъ, рѣшился ко входу идти:
 Болѣзненно сжалось въ груди его сердце
 И жгучія слезы изъ глазъ покатались,
 И скрыли отъ взоровъ небесную стражу.
 Жестоко страдалъ въ этотъ мигъ Аббадонна,
 И трепеть ужасный, невѣдомый смертнымъ,
 Потрясъ въ немъ все кости, когда проходилъ онъ.

А другъ его юности, стражъ Абдіиль,
 Восторженно созданный міръ-созерцаль —
 Твореніе Господа, мощной десницы
 Того, Кому вѣренъ остался Архангелъ.
 Замѣтить не могъ Аббадону въ тотъ мигъ онъ.

Какъ дивный лучъ солнца, блеснувшій впервые,
 Иль первое утро весны первобытной,
 Собой озарившее все мірозданье, —
 Блистателенъ, дивенъ такъ былъ Абдіиль.
 Но блескъ лучезарный его недоступенъ
 Глазамъ Аббадонны, печальнаго духа,
 И онъ отлетѣлъ одинокій, печальный
 Въ безвѣстную даль, гдѣ тоскливо зывалъ:
 — Ужель разлучиться со мною навѣки
 Ты хочешь мой свѣтлый собратъ, Абдіиль?
 Оставить съ тоскою меня, одинокимъ??
 О, плачьте, вы, дѣти небеснаго свѣта, —
 Не будетъ любить меня вновь Абдіиль.
 Почтите слезой состраданья меня, —
 Навѣки я съ другомъ моимъ разлученъ.
 Увяньте, изсохните свѣтлыя сѣни,
 Гдѣ мы съ нимъ, въ бесѣдѣ о Богѣ и дружбѣ,
 Такъ часто блаженные дни проводили...
 Умолкните дивно журчащія воды
 Потоковъ Эдема, гдѣ крѣпко и нѣжно
 Обнявши другъ друга, небесною пѣснью
 Хвалили мы славу Предвѣчнаго Бога...
 Онъ умеръ навѣкъ для меня, мной любимый!..
 О, адская бездна, жилище мое!

О, ты, всѣхъ терзаній жестокихъ начало!
 Ты, вѣчнаго мрака глубокая ночь! —
 Оплачьте со мной вы потерю мою!
 Пусть вопли ночные, съ холмовъ твоихъ страшныхъ,
 Далеко, печально несутся въ пространство,
 Въ тотъ мигъ, когда Богъ устрашаетъ мой духъ!
 Теперь я утратилъ надежду на все —
 Онъ умеръ, собратъ мой, навѣкъ для меня!..

Болѣзненно, грустно стоялъ такъ одинъ онъ,
 Поникнувъ главою близъ входа въ міры.
 Его устрашало сіянье и громы,
 Несущихся мимо него Оріоновъ.
 Томимый столѣтъя тоской неумолчной,
 Въ себя погруженный, терзаемый думой,
 Невидѣлъ онъ дивнаго строя міровъ, —
 Теперь передъ ними стоялъ въ созерцаньи
 И тихо съ собой разсуждалъ такъ изгнанникъ:
 — Осмѣлюсь ли снова проникнуть туда,
 Чрезъ входъ благодатный, къ мірамъ Всеблагаго,
 Покинувъ навѣки то царство проклятъя?
 Зачѣмъ не могу я опять залетѣть
 Въ отчизну прекрасную, къ свѣтлымъ мірамъ?
 Безчисленны солнца — вы, дѣти вселенной!
 Но не былъ-ли я уже въ мигъ тотъ великій,
 Когда васъ Создатель изъ хаоса вызвалъ
 И далъ вамъ сіянія блескъ лучезарный?
 О, не былъ-ли, въ мигъ тотъ, прекраснѣй я васъ,
 Когда вы всеильной рукою Творца
 Разсѣяны были въ пространство безбрежномъ?
 Я лучшей блисталъ красотою въ то время
 Чѣмъ вы, лучезарны Божьи созданья.
 Теперь-же, стою я отверженный, мрачный,
 Какъ ужасъ великаго, дивнаго міра.
 Проклятію преданный, жалкій изнанникъ!
 Великое небо! О небо родное!
 Отъ страха невольно въ душѣ содрагаюсь,

Впервые величье твое созерцаю!
 Въ тебѣ я утратилъ блаженство свое,
 Возсталъ противъ Вѣчнаго тамъ я, безумецъ!
 О, ты, благодати покой безконечный!
 Блаженная юность обители свѣтлой,
 О, гдѣ-жъ ты, сообщница мирныхъ долинъ?
 Судья мой оставилъ въ душѣ утомленной
 Одно удивленье и грустное чувство,
 Когда вспоминать о тебѣ я осмѣлюсь.
 Тожъ тяжкое чувство при видѣ вселенной...
 О, еслибъ, валяясь во прахѣ, я смѣлъ
 Создателя имя святое призвать!
 Я съ радостью-бъ нѣжное имя Отца,
 Которымъ когда-то Его называлъ,
 Тогда уступилъ-бы имъ, жителямъ свѣта.
 О Ты, правосудный Судья всего міра!
 Теперь и молить Тебя даже не смѣю,
 Чтобъ Ты однимъ взглядомъ меня осѣнилъ —
 Меня, истомленного въ безднѣ подземной
 Тоской неумолчной и мрачною думой.
 Отчаянье дикое! О, продолжай ты
 Терзанья и муки свои совершать.
 Какъ сталъ я ничтоженъ и какъ злополученъ!
 Увы! Но я могъ-бы не быть таковымъ!...
 Тебя проклиная я, день первобытный,
 Съ минуты той первой, когда загорѣлся
 Ты тамъ, отъ предѣловъ востока сіяя,
 Услышавъ Создателя мощное: „Буди“.
 Тебя проклиная я, первое утро,
 Тотъ мигъ, какъ безсмертные громко зывали:
 „И ты также созданъ, собратъ нашъ небесный!“
 Зачѣмъ ты, о вѣчность, тотъ день сотворила —
 Тотъ день, безконечныхъ терзаній начало?
 Но если ужъ быть суждено ему было —
 Зачѣмъ-же не быть ему мрачнымъ, печальнымъ,
 Какъ Богомъ проклятая, вѣчная ночь,

Которая грозною бурей и смертью,
 Кругомъ себя все поражаетъ нещадно?
 Зачѣмъ не подобенъ тотъ день первобытный
 Той ночи, всему сотворенному чуждой, —
 Гдѣ видно одно лишь проклятіе Божье?

Но, противъ Кого возропталъ ты, погибшій,
 Среди всего дивнаго Божья созданья?
 Обруштесь скорѣе вы, солнца и звѣзды,
 И скройте меня вы отъ гнѣвнаго взора
 Того, Кто, съ предвѣчнаго трона небесъ,
 Меня устрашаетъ карающимъ взглядомъ —
 Какъ вѣчный мой врагъ и судья непреклонный.
 О Ты, неизмѣнный въ своемъ правосудьи!
 Ужели нѣтъ въ вѣчности цѣлой Твоей
 Надежды и въ будущемъ мнѣ ко спасенью?
 Божественный мой Судія! О, Отецъ!
 Создатель мой! Богъ мой!.. Безумецъ!!! я снова,
 Томимый отчаяньемъ, смѣлъ называть
 Его — оскорбленнаго мной Іегову —
 Дерзнулъ называть именами святыми,
 Которыхъ не можетъ отверженный грѣшникъ,
 Не смѣетъ помыслить во вѣкъ произнестъ,
 Безъ помощи вышей Спасителя міра!
 Я слышу, какъ громъ всемогущій Его
 Ужасно гремитъ въ безпредѣльномъ пространствѣ —
 Сразить меня быстро божественный громъ тотъ...
 Отсюда умчусь я скорѣй — но, куда-же?
 Куда полечу я? Гдѣ-жъ скрыться могу???
 Сказалъ — и стремительно бросился дальше
 Въ пространство безбрежное дальнихъ міровъ,
 И тамъ, отуманенный страхомъ невольнымъ,
 Безмысленно смотритъ въ ужасную глубь.
 — Ужасенъ Ты въ гнѣвѣ Своемъ, о, Всесильный,
 И страшны, о, Боже, Твои всѣ рѣшенія!
 Пошли мнѣ огонь свой, подземная бездна,
 Чтобъ адскаго духа спалилъ тотъ огонь!

Но смерти напрасно просилъ Аббадонна —
 Огонь разрушитель на зовъ не являлся.
 Онъ вновь отвернулся отъ пропасти темной,
 Къ мірамъ снова тихо полетъ свой направилъ.
 Томимый тоскою, стоялъ онъ надъ солнцемъ
 И съ горестью глубь созерцалъ мірозданья.
 Вращались тамъ звѣзды, сіяя огнями,
 И къ этому морю огней разноцвѣтныхъ,
 Блуждая, планета внезапно коснулась:
 Казалось, послѣдній насталь ея часъ,
 Она ужъ дымилась и тлѣла... И къ ней-то
 Съ отчаяньемъ ринулся духъ Аббадонна,
 Желая погибнуть съ ней вмѣстѣ на вѣки...
 — Разсѣялась быстро планета, какъ дымъ,
 И съ нею погибнуть не могъ Аббадонна...
 Все той-же тоскою томимый, упалъ онъ...
 Такъ падаютъ быстро громадныя горы,
 Когда потрясаются нѣдра земныя:
 Мгновенно нѣтъ признака горъ величавыхъ.

Межъ тѣмъ съ Сатаною духъ Адрамелехъ
 Все ближе и ближе къ землѣ подходили
 И были безмолвны и сумрачны оба.
 Тревожимъ былъ каждый изъ нихъ своей думой.
 Вдругъ Адрамелехъ въ отдаленіи увидѣлъ
 Во мракѣ, спокойно лежащую землю.

И такъ, наконецъ, предо мною она.
 Подумалъ онъ, тихо съ собой разсуждая,
 И дума за думой, какъ волны морскія,
 Въ коварной его головѣ закипѣли.

О, точно, тотъ міръ предо мною теперь,
 Которымъ я буду владѣть безъ раздѣла,
 Какъ вѣчнаго зла торжествующій Богъ,
 Когда Сатану удалить мнѣ удастся,
 Иль Бога, создавшаго все, побѣдить.
 Предъ всѣми тогда я себя возвеличу.
 Зачѣмъ-же лишь землю одну я желаю?

Къ чему оставлять и другіе міры,
 Которые столько столѣтій живутъ
 Въ блаженномъ покоѣ, въ пространствѣ небесномъ.
 На каждой планетѣ я смерть водворю,
 До самыхъ предѣловъ, гдѣ царствуетъ Вѣчный.
 Тогда вся природа могилою будетъ
 И будутъ сыны ея всѣ предо мною,
 Во прахѣ склоняся, лежать униженно.
 Въ то время одинъ я торжественно буду
 Владыкой иль здѣсь, или тамъ возсѣдать.
 Природа, по волѣ моей, превратится
 Въ могилу потомъ безпредѣльную вся,
 И смѣхомъ своимъ оглашая пространство,
 Я стану заглядывать, полный восторга,
 Въ могилу ту страшную, полную тлѣнья,
 И если захочетъ Предвѣчный тогда, —
 Пусть Онъ, надъ всемірной гробницею, вновь
 Создастъ для того и міры и созданья,
 Чтобъ смертью ихъ снова я могъ погубить.
 И я, отъ планеты къ планетѣ летая,
 Какъ прежде, вездѣ соблазнять и всѣхъ буду,
 Съ собой разрушеніе и смерть приносить.
 Таковъ ты могучій, о, Адрамелехъ!
 О, еслибъ тебѣ, наконецъ, удалось
 Придумать, какъ адскихъ духовъ убивать, —
 Тогда-бы погибъ чрезъ тебя Сатана
 И былъ-бы тобой онъ въ ничто обращенъ.
 Пока ты подъ властью его состоишь
 Не можешь исполнить ты страшнаго дѣла,
 Которое было-бъ достойно тебя.
 Духъ мощный и страшный поземнаго ада,
 Вселяющій думы тѣ Адрамелеху,
 Придумай ты смерть для безсмертныхъ Боговъ,
 Тебя заклинаю, ты ихъ умертви, —
 Иль самъ, духъ, погибни, когда ты безсиленъ,
 И власти высокой достигнуть не можешь.

Давно я стремлюсь и всѣ мысли мои
 Къ тому, чтобы всѣхъ ихъ собрать и, какъ Боги,
 Должны они выдумать смерть и — погибнуть.
 Настала теперь роковая минута,
 Я цѣлую вѣчность объ ней лишь мечталъ.
 Теперь-же опять пробудился Всесильный
 И къ намъ госылаетъ Спасителя міра,
 Чтобъ царство, давно покоренное нами,
 Отнявъ, покорить Своей волѣ Всесильной.
 Пора мнѣ исполнить рѣшеніе свое.
 И ежели духъ Сатана не ошибся —
 Настала минута исполнить его.

Что тотъ человѣкъ — величайшій пророкъ
 И большій изъ всѣхъ появлявшихся въ свѣтѣ
 Съ минуты созданія Богомъ Адама
 И Онъ есть Мессія, обѣщанный людямъ, —
 Въ томъ духъ Сатана обмануться не могъ.
 Побѣда надъ Нимъ возвеличить меня
 Прель всѣми Богами подземнаго царства
 И дастъ мнѣ владычество адскаго трона.
 Дѣянія большія можетъ свершить
 Великая сила божественной воли
 Твоей, о бессмертный духъ, Адрамелехъ;
 Но ежели прежде убью Сатану я,
 Тогда исполненіе большаго дѣла,
 Какъ рабъ совершить самъ обязанъ я буду.
 Пусть первый же будетъ Тотъ мной побѣжденъ,
 Достигну владычества я чрезъ него
 Надъ всѣми Богами подземнаго царства.
 Хотя будетъ трудно тебѣ, Сатана,
 Священное тѣло Мессіи убить,
 Но это исполнить, какъ меньшее дѣло; —
 Тебѣ уступаю, пока еще живъ ты;
 А самъ я убью Его душу потомъ,
 Ее погублю, уничтожу, навѣрно, —
 Развѣй же усердно ты прахъ Его смертный.

Въ намѣреніяхъ дерзости полныхъ и черныхъ
 Погрязь его духъ; онъ томимъ былъ желаньемъ.
 Грядущее знающій Богъ Всемогущій
 Тѣ замыслы слышалъ, но — грозно молчалъ.

Волнуемъ глубокою, черною думой,
 Измученный замысломъ Адрамелехъ
 Стоялъ незамѣтный на облакъ черномъ.
 Горѣло чело его будто въ огнѣ.
 Лежала кругомъ его темная ночь.
 Онъ слышалъ, какъ въ мракѣ той ночи глухой,
 Земля волновалась, шумѣла подъ нимъ.
 Тотъ шумъ пробудилъ вдругъ мятежнаго духа
 И вызвалъ его изъ томительной думы.
 Теперь къ Сатанѣ обратился онъ снова,
 И быстро направились оба они
 Къ горѣ Элеонской, гдѣ былъ Іисусъ
 Въ бесѣдѣ священной съ друзьями Своими.
 Съ горы смертоносная такъ колесница
 Несется въ долину и давить неожиданно,
 Спокойно стоящаго тамъ полководца
 И армію воиновъ смѣлыхъ его, —
 Такъ Адрамелехъ съ Сатаной появились
 Къ горѣ Элеонской, гдѣ былъ Искушитель.

ПѢСНЬ III.

давшая жизнь мнѣ, родимая почва,
Привѣтъ мой тебѣ, ты опять предо мною!

Настанетъ минута, когда въ своихъ нѣдрахъ

Прохладныхъ и чистыхъ покоить ты будешь,

Сномъ смерти заснувшее, тѣло мое;

Покроешь могильнымъ холмомъ мои кости.

Но смѣю надѣяться я на Мессію,

Что прежде окончитъ поэтъ свои пѣсни

О новомъ союзѣ Творца съ человѣкомъ.

Воспѣвшіе славу страдавшаго Бога,

Уста его, пусть онѣмѣютъ потомъ;

Тогда пусть и взоры его помрачатся,

Такъ много пролившіе слезъ умиленья,

Когда созерцали величіе Божье

И славу, и прелесть небеснаго міра.

Друзья задушевные могутъ тогда

Поэта безжизненный трупъ опустить

Въ могилу сырую съ уныньемъ и грустью.

Но къ вамъ обращаюсь я съ просьбой, друзья:

Вы тамъ насадите душистые лавры,

Тѣнистыя, вѣчно зеленыя пальмы

Кругомъ одинокой могилы моей, —

Чтобъ въ день воскресенія общаго смертныхъ,

Когда, обновленный, я встану изъ гроба,

Увидѣть бы могъ просвѣтлѣвшее тѣло

Подъ тѣнью прохладной роскошныхъ деревьевъ;
 Чтобъ могъ я съ душевнымъ волненіемъ вспомнить
 И въ это святое мгновенье объ васъ.

О, ты, вдохновенная муза Сіона
 Величіемъ строгимъ божественной правды!

Ты бездну подземную мнѣ показала,
 И страхомъ невольнымъ мой духъ потрясенный,
 Ты вывела снова на землю родную.

Теперь, потрясенную душу поэта
 Видѣньями страшными бездны подземной,

Ты вновь осѣни-же улыбкой своею,

Ее просвѣти ты божественнымъ свѣтомъ,

Чтобъ снова могла она славить Мессію,

И лучшаго Сына земли воспѣвать!..

Еще на гробницахъ горы Элеонской,

Гдѣ, въ сумракѣ ночи, подъ тѣнью деревьевъ

Покоятся, тлѣя, останки умершихъ, —

Сидѣлъ Іисусъ съ Іоанномъ, одинъ.

Онъ, — Богъ и безсмертный, какъ самъ Богъ Отецъ,

Сидѣлъ, погруженный въ глубокую думу.

Онъ мыслить о людяхъ на смерть обреченныхъ,

Божественнымъ взоромъ Своимъ созерцая

Всѣ тѣ заблужденья, въ которыхъ погрязли

Потомки Адама, со дня ихъ созданья.

Онъ видѣлъ грядущихъ вѣковъ поколѣнья, —

Всѣ также грѣшили они передъ Богомъ,

Надъ ними господствовалъ духъ Сатана,

И весь человѣческій родъ отдалялъ онъ

Все дальше и дальше отъ взоровъ Творца;

Съ собой увлекалъ ихъ въ подземную бездну,

Подобно тому, какъ пучина морская,

Волнуясь въ пространной своей колыбели,

Еще незнакомыхъ съ опаснымъ путемъ,

Всѣхъ путниковъ смѣлыхъ въ пучину влечетъ,

И ихъ поглощаетъ въ волнахъ своихъ мутныхъ.

Съ печалью глубокой смотрѣлъ Іисусъ

На падшаго духа и всѣхъ согрѣвшихъ,
Потомъ обратилъ Свой взоръ Онъ тихо
На небо, къ Предвѣчному Богу Отцу.

Съ невѣдомой думой, Отецъ Вседержитель
Изъ облачной выси на Сына взираль,
И грознымъ величьемъ сіяль Его взоръ,
Какъ будто готовъ былъ Онъ судъ совершить
Правдивый, но страшный надъ Сыномъ Предвѣчнымъ.
Гремѣль въ отдаленіи громъ Божества.
Услыша тотъ громъ, Иисусъ содрогнулся.
Однако, во взорѣ божественномъ Бога
Еще милосердья улыбка блистала,
Любовь и отеческой горести слезы.
Отца Вседержителя слезы свѣтыя
Сіяли предъ взорами всѣхъ Серафимовъ:
То тихія слезы любви безпредѣльной.
Ихъ видятъ съ восторгомъ всѣ силы небесъ,
Готовясь отпраздновать снова Субботу.
То были далеко не прежнія слезы,
Впервые пролитыя Богомъ въ то время,
Когда былъ проклятію преданъ Адамъ;
Предъ ними затихла, въ нѣмомъ удивленіи,
Природа всего мірозданія Божья.
Міры неподвижно стояли въ пространствѣ,
Какъ-бы ожидая чего-то со страхомъ:
Они созерцали Отца Всеблагаго
И Сына Его — Искупителя міра...

Въ то время, на облакѣ, тихо спускался,
Проникнутый думой божественной тайны,
Среди мірозданья, съ небесъ, Серафимъ.
Въ сіяньи небесномъ, отъ трона летѣль
За нимъ, въ облакахъ лучезарныхъ, Элоа.
Слетѣль онъ къ гробницамъ, туда, гдѣ Спаситель
За смертныхъ молился предъ Богомъ Отцомъ.
И видитъ Элоа Спасителя слезы,
Пролитыя Имъ изъ любви къ человѣку, —

Онъ счелъ эти слезы и снова вознесся
 На небо, сіяя божественнымъ блескомъ.
 Когда восходилъ къ небесамъ Серафимъ,
 Увидѣлъ его ученикъ Іоаннъ,
 Но видѣлъ не смертными взорами онъ, —
 Очей его тихо коснулся Мессія
 И далъ ему зрѣніе жителей неба,
 Чтобъ видѣть величье онъ могъ Серафима.
 И долго смотрѣлъ Іоаннъ, удивленный,
 На блескъ лучезарный избранника Божья;
 Забилось въ немъ сердце восторгомъ небеснымъ,
 Въ объятія къ Учителю бросился онъ —
 И назвалъ, со вздохомъ глубокимъ, Его,
 Впервые — Спасителемъ міра и Богомъ.
 Проникнутый чувствомъ блаженства, Наперстникъ
 Въ объятіяхъ божественныхъ долго лежалъ.

Не видя давно Искупителя міра,
 Другіе Апостолы ждали Его,
 И съ грустью душевной искали вездѣ,
 Во мракѣ ночномъ, близъ горы Элеонской,
 Но только одинъ среди ихъ, недостойный,
 Не чувствовалъ прежней любви къ Іисусу.
 Другіе-жъ, невинные, сами не знаютъ,
 Какъ много таится въ сердцахъ ихъ святаго, —
 Одинъ Сердцевѣдецъ все знаетъ и видитъ.
 Для вѣчной Онъ славы ихъ всѣхъ сотворилъ,
 Которую будутъ они созерцать
 Въ обители тихой блаженства святаго.
 Одинъ недостойный, предавшій Мессію,
 Не вкуситъ той славы въ сообществѣ свѣтлыхъ.
 Но былъ Искупителемъ избранъ и онъ,
 И также могъ видѣть онъ свѣтъ Божества.
 Еще до великой минуты созданья
 Господь, облакая ихъ въ смертное тѣло,
 Назначилъ двѣнадцать престоловъ для нихъ,
 Гдѣ двадцать четыре Архангела Божьи,

Изъ первыхъ Престоловъ, давно возсѣдаютъ.
 Но скоро одно изъ двѣнадцати мѣстъ
 Утратило дивный свой блескъ лучезарный,
 И темное облако скрыло то мѣсто;
 Потомъ этотъ блескъ загорѣлся опять.

Тогда объявилъ всему небу Элоа:

— Навѣки лишень онъ небеснаго трона,
 И имъ награждаетъ Создатель другаго,
 Который и лучше, и выше его.

Покинули небо хранители душъ
 Апостоловъ, избранныхъ Богомъ — Мессіей,
 И къ нимъ они тихо спустились на землю,
 Къ горѣ Элеонской, гдѣ былъ и Спаситель.

Предвѣчнымъ на небѣ тѣ Ангелы свѣта
 Довѣрены взорамъ святымъ Гавріила.

Съ печалью глубокой Апостолы всѣ
 Искали Мессію во мракѣ ночномъ.
 Неразъ ихъ глаза наполнялись слезами,
 И съ чувствомъ любви въ отдаленіи слѣдятъ
 Хранители свѣтлые тихо за ними.
 Къ тѣмъ Ангеламъ быстро изъ солнца спустился,
 Въ то время Архангелъ въ сіяніи чудномъ,
 Четвертый изъ первыхъ Престоловъ небесныхъ,
 Которые всѣ управляютъ мірами,
 Какъ править землей Серафимъ Уріилъ. —
 Его Зелеиломъ все небо зоветъ.

Слетѣвшій хранителей свѣтлыхъ спросилъ:

— Скажите, собратья небесные, мнѣ,
 Гдѣ видѣть могу я божественный слѣдъ
 Небеснаго Странника, спешаго къ людямъ,
 Гдѣ долженъ искать я Мессію и Бога?
 Меня патріархи послали на землю,
 Чтобъ тихо, незримый, слѣдилъ я за Нимъ
 Въ путяхъ предназначенныхъ Богомъ Ему;
 Чтобъ взоромъ безсмертнымъ я могъ наблюдать
 За дѣломъ великимъ спасенія смертныхъ.

Божественныхъ устъ Его каждое слово
 И каждый Страдальца безсмертнаго вздохъ
 Въ душѣ моей свято я долженъ хранить, —
 Все нашимъ небеснымъ друзьямъ передать.
 И взгляды утѣшительный каждый Мессіи
 И каждую каплю божественныхъ слезъ,
 Пролитую Имъ — Божествомъ воплощеннымъ —
 Увидѣть я долженъ и имъ сообщить.

О, рано отъ взоровъ отжившихъ отцевъ,
 Земля, ты сокрыла прекрасныя нивы,
 Гдѣ Богъ облеченный во плоть человѣка,
 Какъ странникъ проходитъ. Все ближе и ближе
 Подходить Онъ Самъ къ алтарю искупленья,
 Гдѣ долженъ на жертву себя принести.
 Ты рано отъ взоровъ святыхъ Уриила
 Денницы сіяющей лучъ закатился;
 Теперь ты долины священнаго града
 Едва озаряешь сіяньемъ своимъ.
 Невидно прекрасныхъ долинъ и пригорковъ;
 По нимъ не гуляетъ великій Мессія!

Печально сказалъ Зеліиль и умолкъ.
 Хранитель Петра, Оріонъ, отвѣчаетъ:

— Внизу, на гробницахъ печальныхъ и темныхъ,
 Гдѣ горы склоняются плавно къ землѣ,
 Поникнувъ безсмертной главою, стоитъ,
 Въ глубокую тайну божественныхъ думъ
 Давно-погруженный, Мессія великій.

И взоръ вдохновленный туда обративъ,
 Увидѣлъ въ прохладной тѣни Зеліиль,
 Пылая восторгомъ, Предвѣчнаго Сына, —
 И долго Его Серафимъ созерцаетъ.
 Но быстро блаженства часы пролетаютъ,
 Въ тиши, надъ безсмертной главой Серафима,
 Такъ съ вѣчностью скоро слились два часа...
 Но, полный блаженства стоялъ Серафимъ
 Еще неподвижно, въ нѣмомъ созерцаньи

И тихо съ небесныхъ высотъ опускался
 Отрадный и сладостный сонъ на Мессію.
 То сонъ былъ послѣдній въ земномъ пребываньи
 Пришедшаго въ міръ, Икупителя грѣшныхъ.
 Дремотою тихой смыкаются очи.
 Ниспосланный свыше покой осѣнялъ
 Душистую свѣжесть прохлады вечерней.
 Стихалъ постепенно таинственный шелестъ
 Великой природы и все вдругъ затихло,
 Вездѣ и во всемъ тишина воцарилась...
 Какъ праведникъ, тихо заснулъ Икупитель...
 Тогда Зеліиль обратился къ собратьямъ,
 Подобно дыханью зефира ночнаго,
 Спросилъ ихъ неслышимымъ шепотомъ, легкимъ:

— Скажите мнѣ, братья небеснаго міра,
 Какіе тамъ люди внизу подъ горою?
 На лицахъ ихъ грустныхъ замѣтны слѣды
 Глубокой печали; какъ-будто тоскуютъ
 И плачутъ о другѣ умершемъ своемъ.
 Такъ выснія души всегда выражаютъ
 Томительной скорби унылое чувство.
 — О, радуйся духомъ, собратъ Зеліиль,
 Ему Серафимъ Оріонъ отвѣчаетъ,
 Ты видишь двѣнадцать друзей Исуса, —
 Ихъ выбралъ изъ смертныхъ себѣ Икупитель —
 Блаженны ихъ души и чисты, и святы.
 Безмѣрно мы счастливы всѣ, Зеліиль,
 Что избраны Богомъ ихъ души хранить.
 Мы слышимъ такъ часто, какъ дружески съ ними
 Господь-Икупитель бесѣду ведетъ.
 Божественной рѣчью Онъ ихъ поучаетъ,
 Высокія тайны имъ всѣмъ открывая
 Въ картинахъ доступныхъ уму человѣка;
 Къ добру безконечному ихъ наставляетъ;
 Онъ къ жизни небесной готовитъ ихъ души.
 О, сколько мы слышимъ святыхъ поученій,

И какъ увлекають примѣры Его
 Къ возвышеннымъ думамъ объ истинѣ свѣтлой;
 Они заставляютъ всѣхъ насъ съ умиленьемъ
 Ему неизбѣжно во всемъ подражать.
 О, еслибъ ты видѣлъ, собрать Зеліиль,
 Мессіи вседневную, тихую жизнь:
 Божественной дружбою дышетъ она,
 И жизнь та достойна Предвѣчнаго Бога.
 Забилось-бы сердце въ безсмертной груди
 Еще неиспытаннымъ, чуднымъ восторгомъ —
 Такъ сладко, отрадно безсмертному слуху
 Звучать задушевные рѣчи Мессіи,
 Когда всѣ друзья непорочные съ нимъ
 Бесѣдуютъ дружно, какъ братья родные.
 Какъ между собой Серафимы всѣ дружны,
 Такъ точно они Іисуса всѣ любятъ.

Я часто въ собраньи хранителей свѣтлыхъ
 Высказывалъ тихо желанія сердца;
 Теперь повторяю ихъ вновь предъ тобою:

Желалъ-бы не разъ я безсмертной душою
 Родиться отъ плоти потомковъ Адама,
 И также какъ люди желалъ-бы быть грѣшенъ.
 (Безгрѣшный не можетъ быть смерти подверженъ).
 Тогда, какъ собрата по плоти и крови,
 Быть можетъ, сильнѣй я любилъ-бы Мессію.
 Тогда за Него бы съ восторгомъ я умеръ,
 Какъ умеръ Онъ прежде, спасая меня;
 И слабые стоны страданій предсмертныхъ
 Тогда вознеслись-бы гармоніей дивной
 До слуха Предвѣчнаго Бога Отца,
 Какъ звучныя, чудныя пѣсни Элоа
 Возносятся къ высшему трону Творца.
 Тогда, о божественный другъ Зеліиль,
 Закрылъ-бы ты тихо, незримой рукою,
 Погасшіе взоры умершаго тѣла,
 А душу принесть-бы чрезъ свѣтлое солнце,

Торжественно, къ славѣ Предвѣчнаго Бога!
 — О, какъ задушевно сладка твоя рѣчь,
 Отвѣтилъ съ восторгомъ ему Зеліиль,
 Сочувствую думамъ твоимъ я душею!...
 И такъ, эти люди, что тамъ, подъ горою —
 Двѣнадцать друзей Икупителя грѣшныхъ.
 И ты имъ завидуешь свѣтлый Хранитель,
 Желая быть смертнымъ, подобно имъ всѣмъ?

Пусть будетъ надъ вами небесъ благодать
 Безсмертныя души. Вполнѣ вы достойны,
 Чтобъ васъ всѣхъ, какъ братьевъ, Мессія любилъ!
 Вамъ Богъ предназначилъ мѣста золотыя
 Близъ высшаго трона величья Господня.
 Тамъ будутъ судить они съ вѣчнымъ Судьею
 Дѣянія царствъ и народовъ земныхъ.
 Ты мнѣ назови-же ихъ всѣхъ, Серафимъ;
 Желалъ-бы я знать имена ихъ святыхъ.
 Давно они вписаны въ книгѣ судебъ
 И ярко сіяютъ божественнымъ блескомъ.

Скажи мнѣ, собратъ мой, ты имя того,
 Чьи взоры пылаютъ такъ живо огнемъ,
 Когда онъ тамъ ищетъ въ лѣсу, въ темнотѣ
 Съ тоскою глубокой Спасителя міра?
 Я вижу въ прекрасныхъ чертахъ его смѣлость;
 Рѣшимость видна на челѣ его строгомъ...
 Скажи откровенно мнѣ думы свои
 Объ этомъ великомъ избранникѣ Божьемъ?
 — То высшій избранникъ Спасителейъ — Петръ,
 Межъ ними онъ Симономъ также зовется.
 Ему я въ Хранители Богомъ назначенъ,
 И ты справедливо сказалъ Серафимъ —
 Я съ нимъ неразлучно бываю всегда,
 Когда онъ восторженно слушаетъ слово
 Мессіи, наставника свѣтлаго ихъ.
 А также въ то время бываю я съ нимъ,
 Когда погруженный въ глубокую думу,

Вдали отъ божественныхъ взоровъ Мессіи,
 Гуляетъ одинъ онъ по берегу моря.
 Всегда сторожу я и сонъ его сладкій,
 И въ эти минуты онъ видитъ все Бога.
 О, еслибъ ты видѣлъ его, Серафимъ,
 Въ мгновенія тихаго отдыха ночью
 Узналъ-бы ты чистое сердце его.

Однажды Божественный всѣхъ ихъ спросилъ,
 Кого они видятъ въ Учителѣ ихъ?

„Христось Ты и Господа Вѣчнаго Сынъ“,
 Сказалъ онъ поспѣшно и радости слезы

По блѣднымъ щекамъ его вдругъ заструились,
 И вмѣстѣ мы плакали съ нимъ, Серафимъ.

Когда произнесъ тѣ святыя слова

Смотрѣлъ на Мессію онъ полный восторга.

Но горе мнѣ, горе! Я слышалъ что послѣ

Петру, передъ всѣми, сказалъ Искупитель:

„Три раза откажешься ты отъ Меня“.

Что значать ужасныя эти слова

И слышалъ-ли ты ихъ, о Симонъ, мой братъ?

А ежели слышалъ, то что совершилось

Въ душѣ твоей въ страшную эту минуту?

Хотя ты и смѣло отвѣтилъ Мессіи,

Что будешь душею всегда Ему преданъ,

(И можешь-ли Господу ты измѣнить?)

Однако Онъ тоже опять повторилъ!

О, еслибы зналъ ты, какъ сильно тоскуетъ

Душа, когда вспомню я эти слова...

О, лучше бы умеръ ты, ежели точно

Способенъ отречься отъ лучшаго друга!

Ты знаешь, какъ любить тебя Иисусъ: —

И еслибъ ты видѣлъ тотъ взоръ Божества,

Когда объ измѣнѣ сказалъ тебѣ Онъ.

Съ какою безмѣрной любовью смотрѣлъ

Тогда твой божественный другъ на тебя...

— О, Симонъ!.. Ты вѣрно Ему не измѣнишь...

Поникнувъ главою, Серафимъ Зелилъ
 Съ глубокою грустью разсказъ его слушалъ.
 — О, нѣтъ, мой возлюбленный, нѣтъ, Оріонъ!
 Повѣрь, не захочетъ отречься твой Симонъ
 Отъ друга святаго! Взгляни на него, —
 Какъ въ чудныхъ чертахъ отражается ясно
 Его благородное, доброе сердце!

Но кто-же другой тамъ съ челомъ возмужалымъ?
 Въ лицѣ его видно стремленье къ добру,
 А гнѣвъ и презрѣнье къ тому, что порочно?
 Гонителемъ ревностнымъ кажется мнѣ
 Онъ всѣхъ отвергающихъ вѣчнаго Бога?
 Не другъ-ли онъ Симона? Съ нимъ, будто съ братомъ,
 Онъ такъ задушевно теперь разсуждаетъ?

— Такъ точно, собрать мой, — то Симона братъ.
 Андрей его имя, сказалъ Серафиму
 Хранитель небесный Апостола — Сифа.
 Росли они вмѣстѣ, и мы съ Оріономъ
 Съ младенческихъ дней наставляли ихъ души,
 Отъ зла сохраняя съ заботою нѣжной.
 Бывало въ объятіяхъ матери ихъ
 Ласкаются съ дѣтской любовью они.
 Невидимый ими, тогда я внушалъ
 Имъ къ матери чувство любви безпредѣльной.
 Съ младенческихъ лѣтъ я его научилъ,
 Какъ, нѣкогда, долженъ онъ будетъ познать
 Мессію и свято душой полюбить,
 Какъ Бога, взлюбившаго родъ человѣка
 Еще до минуты созданья міровъ.
 Когда онъ былъ взятъ отъ рѣки Іордана
 Спасителемъ грѣшныхъ къ великому дѣлу,
 Тогда Іоанновъ онъ былъ ученикъ,
 И слышалъ священное слово не разъ
 О будущемъ скоро Спасителѣ міра.
 Когда всеобъемлющимъ взоромъ своимъ,
 Съ любовью взглянулъ на него Іисусъ, —

Въ ухахъ его вновь раздалось то слово
И свѣтомъ небеснымъ лице озарилось.
Явленье то чудное видѣлъ я самъ:
Огонь вдругъ божественный въ немъ загорѣлся
Въ то время, какъ шелъ онъ на встрѣчу къ Мессіи.

— Того-же, что видишь близъ Симоновъ, ты,
Стоящимъ спокойно, — Филиппомъ зовутъ,
Сказалъ Зелилу Хранитель Филиппа,
Наставникъ и другъ его — Либаніиль.
Вглядишь, Серафимъ мой, какой благодатью
Сіяетъ лице его полное жизни.

Стремятся всѣ думы къ Предвѣчнаго славѣ.
Его одарилъ краснорѣчіемъ Богъ,
И льется оно животворной росой,
Подобно росѣ благодатной и чистой,
Которая все освѣжаетъ собою,
И въ мигъ пробужденія свѣтлаго утра,
Какъ дивный алмазь, на растеньяхъ сіяетъ.
Какъ запахъ масличныхъ деревьевъ струится,
Такъ льется изъ устъ его сладкая рѣчь.

— Но кто тамъ безмолвно, задумчиво ходитъ
Подъ тѣнью густою развѣсистыхъ кедровъ?
Спросилъ у собратій своихъ Зеліиль.
Въ лицѣ его видно стремленіе къ славѣ.
Онъ ходитъ тамъ тихо, поникнувъ челою,
Съ глубокою думой, какъ геній безсмертный,
Который дѣянья свои оставляетъ
Для пользы потомства грядущихъ столѣтій.
И быстро летитъ отъ планеты къ планетѣ
Подобная слава, о братья мои,
А часто до высшаго неба доходить.
И если достойны дѣянья предъ Богомъ,
То знаете сами вы, жители свѣта,
Какъ громко мы славимъ тогда ихъ предъ трономъ.
— Ты видишь Іакова, братъ мой небесный,
Онъ сынъ Заведеевъ, сказалъ Зелилу

Апостола свѣтлый хранитель — Адона.
 Къ божественной славѣ стремится онъ духомъ,
 Желая на судъ Всеблагаго предстать
 Великимъ и чистымъ — достойнымъ той чести,
 Чтобъ первымъ избранникомъ Вѣчнаго быть, —
 Вотъ слава, къ которой стремится Іаковъ,
 И меньшая слава была бы мученьемъ
 Душѣ благородной и чистой его.
 Съ какимъ онъ блаженствомъ всегда поспѣшаетъ
 На встрѣчу къ великому Сыну земли.
 Я видѣлъ однажды его на Фаворѣ,
 Когда озарилась внезапно гора
 Сіяніемъ чуднымъ небесныхъ лучей.
 Они освѣтили Спасителя міра,
 Какъ солнце весь міръ озаряетъ земной,
 И дивно сіяло Мессіи лице,
 Блестала серебряннымъ блескомъ одежда.
 Какъ прежде входилъ во Святая Святыхъ
 Великій служитель Творца Ааронъ, —
 Такъ точно Іаковъ стремился къ Мессіи.
 Ему предназначено въ книгѣ судьбы
 Изъ этихъ двѣнадцати, первому быть
 Страдальцемъ великимъ за вѣру святую.
 И скоро предстанетъ торжественно онъ
 Въ далекій невѣдомый смертными край,
 Гдѣ жажда безсмертнаго духа его
 Вполнѣ утолится блаженствомъ небеснымъ. —
 — А тотъ, Серафимъ мой, котораго видишь
 Сидящимъ съ поникшей главою на камнѣ,
 То Симонъ Зилотъ, мнѣ довѣренный Богомъ —
 Сказалъ Серафиму Мегиддонъ съ восторгомъ.
 Въ долинахъ Сарона онъ былъ пастухомъ,
 И взятъ былъ отъ стада Спасителемъ грѣшныхъ.
 Невинная жизнь и смиреніе его
 Къ нему обратили Спасителя сердце.
 Однажды усталый Мессія пришелъ

Его посѣтитъ въ его хижинѣ бѣдной.
Онъ лучшаго агнца убилъ для Него,
Съ восторгомъ пророку Господню служилъ
Во время обѣда, и кушалъ Христосъ,
Какъ нѣкогда кушалъ Господь съ Авраамомъ,
Съ нимъ вмѣстѣ два Ангела были тогда.

Зилоту съ любовью сказалъ Иисусъ:

„Оставь свое стадо и слѣдуй за мною.

„Я Тотъ, о которомъ ты слышалъ какъ пѣли

„Хвалебныя пѣсни небесныя силы.

„И самъ близъ источника ты Виелеема,

„Дитятею бывши, пѣвалъ эти пѣсни“.

И Симонъ съ восторгомъ пошелъ за Мессіей.

— Но вотъ приближается мною хранимый,

Сказалъ Серафимъ Адарамъ Зеліилу,

Іаковъ Алфеевъ, зовутъ его всѣ.

Въ лицѣ его строгомъ видна добродѣтель;

Уста молчаливы, — но громки дѣянья.

Объ нихъ не узнаешь, быть можетъ, потомство,

Но будутъ извѣстны Предвѣчному Богу.

Быть можетъ, всѣ люди забудутъ о немъ, —

Но Богъ ему вѣчную славу готовить.

— А видишь-ли юношу тамъ, Зеліиль,

Близъ лѣса задумчиво, тихо онъ ходитъ?

То юный и пылкій Апостоль Ѳома.

Съ восторгомъ сказалъ Умбіиль Серафиму.

Душа его въ мысляхъ живетъ, развиваясь,

И въ каждой онъ мысли находитъ другую,

И часто не видитъ конца своимъ думамъ, —

Когда, какъ безбрежное море, тѣ думы

Предъ нимъ развиваются шире и шире.

Такъ, въ хаосѣ мыслей глубокихъ и темныхъ

Погибъ-бы, страдая, навѣрное онъ,

Но спасъ чудесами его Искупитель.

Тогда, лабиринтъ заблужденій оставивъ,

Ѳома за Спасителемъ міра пошелъ.

Теперь, еще больше заботится-бъ долженъ
О мыслящей вѣчно душѣ его я,
Когда-бы природа ему не дала
Такого прекраснаго, добраго сердца.

— А тотъ-же, сказалъ Серафиму Бильдай,
Который стоитъ подъ горой, одиноко,
То мною хранимый Апостоль Матѳей.
Воспитанъ былъ въ нѣгѣ и роскоши онъ.
Родители съ дѣтства его приучали
Стараться богатства свои увеличить,
И къ алчности душу его развивали;
Какъ будто бы вѣчно богатство земное!
Когда-жъ онъ увидѣлъ потомъ Иисуса,
Душа его сильная вновь пробудилась
И, бросивъ сокровища всѣ нажитыя,
Которыя прежде любить заставляли,
И нѣгу, и жизни земной наслажденья, —
Онъ вслѣдъ за Спасителемъ міра пошелъ.
Такъ воинъ бросаетъ всѣ прелести нѣги,
Охотно на смерть за отчизну идетъ.
Но славы земной не желаетъ Матѳей,
А тамъ лишь, гдѣ спорить съ грѣхомъ добродѣтель,
Геройски душою сражается онъ,
И небо побѣды его воспѣваетъ.

Потомъ Зелилу Сіона сказалъ:

— Смотри, сѣдинами украшенный старецъ
Сидитъ, погруженный въ глубокую думу;
То — Вареоломей, охраняемый мною.
Въ лице его чудное, другъ мой, взглядишь
Какъ взглядъ его добрый, разумный и свѣтлый
Вполнѣ гармонируетъ съ образомъ мыслей.
Заставишь ты многихъ познать Иисуса;
Всѣ будутъ кончинѣ твоей удивляться,
Когда ты, въ предсмертныхъ страданьяхъ своихъ,
Друзей и жестокихъ убійцъ кровожадныхъ
Улыбкой радушною будешь дарить —
Небесной улыбкой святыхъ Серафимовъ.

Тогда поспѣшите со мною, собратья,
 Кровавыя капли съ лица его смыть,
 Чтобъ видѣли всѣ на лицѣ его мертвомъ
 Святую улыбку небеснаго счастья.
 И многіе Сына познають Господня,
 Къ нему обратятся душою и сердцемъ.
 — А юноша этотъ, безмолвный и блѣдный,
 Котораго видишь ты тамъ Серафимъ,
 Апостоль Леввей, *), охраняемый мною, —
 Сказалъ Серафиму хранитель Леввея.
 Подобной чувствительной, кроткой души
 Немного найдешь ты въ созданіяхъ смертныхъ.
 Когда ее вызвалъ Создатель изъ міра,
 Гдѣ души витають со дня ихъ рожденья,
 Ее близъ источника быстрого я
 Нашелъ, углубленную въ грустныя думы.
 Какъ плачущій голосъ, вдали тотъ источникъ
 Струился, уныло журча, чрезъ долину.
 Тамъ, гдѣ, утверждаютъ всѣ Ангелы неба,
 Когда-то горячія слезы лились
 Изъ глазъ Аббадонны, печальнаго духа,
 Когда изъ Эдема назадъ онъ вернулся
 И видѣлъ праматери тамъ непорочность,
 Для смертныхъ навѣкъ омраченную ею;
 Ты знаешь, какъ Ангелы неба тоскуютъ
 Всегда о душахъ, охраняемыхъ ими,
 Погрязшихъ во мракѣ земныхъ заблужденій,
 И кончившихъ жизнь свою въ тяжкихъ грѣхахъ,
 Такъ плакалъ и духъ у источника водъ.
 Здѣсь душу Леввея, хранимую мною,
 Нашелъ я прикрытую облакомъ свѣта.
 Съ тѣхъ поръ ей знакомы печальные звуки,
 А также сочувствіе къ тихимъ слезамъ,

*) Леввемъ названъ Іуда, братъ Господень — у Маттея и Марка. Леввей и Ёаддей, — смотри прологъ, мѣсяць іюнь.

(Зам. переводчика).

Которое дремлетъ пока еще сильны
 Въ созданіи смертномъ всѣ страсти земныя;
 Когда-же изъ тѣла душа улетитъ,
 Она первобытную жизнь свою вспомнить,
 И тихое чувство бывалой печали
 Пробудится снова въ душѣ обновленной,
 Ея первообразъ и прежняя жизнь,
 И вспомнить пролитыя Ангеломъ слезы.

Я въ утреннемъ облакѣ свѣтломъ принесъ
 Тогда ее къ бренному, смертному крову.
 Подъ пальмами здѣсь родила его мать.
 На землю спустился я съ пальмовъ шумящихъ
 И долго, невидимый, воздухомъ чистымъ
 Младенца Леввея лице освѣжалъ.
 Онъ плакалъ и въ эти минуты сильнѣе,
 Чѣмъ плачутъ всѣ люди съ минуты рожденья,
 Предчувствуя смерть, предстоящую имъ.
 И вмѣсто дней свѣтлыхъ, всегда беззаботныхъ,
 Чарующихъ юность людей на землѣ,
 Томился онъ грустью, да слезы все лилъ.
 Когда-же съ Собой его взялъ Иисусъ,
 Сильнѣе проснулась чувствительность въ немъ,
 И онъ привязался къ Спасителю міра
 Съ любовью безмѣрной, невѣдомой людямъ.
 Какъ сильно тревожусь я часто душею: —
 Погибнетъ подъ гнетомъ онъ скорби тяжелой,
 Когда Искушитель ихъ землю оставить.

Къ Тебѣ обращаюсь, Господь милосердный, —
 Его подкрѣпи Ты, о, міра Спаситель,
 Чтобъ скорбью убитый, не умеръ и онъ.
 Смотри, какъ задумчиво къ намъ онъ подходитъ,
 Отсюда ты можешь, святой Серафимъ,
 Увидѣть высокую душу Леввея.

Приблизился тихо Леввей къ Серафимамъ;
 Собранье разсѣялось быстро предъ смертнымъ.
 Такъ быстро весной разсѣкается воздухъ,

Когда заунывные пѣсни свои
 Поетъ сиротливо, въ тѣни соловей;
 Далекою трелью разносятся пѣсни.
 Съ заботою нѣжной всѣ Ангелы неба,
 Какъ люди, Леввея кругомъ обступили.
 Онъ думалъ никто его видѣть не можетъ
 И скорби глубокой душой предался.
 Съ отчаяньемъ руки простеръ къ небесамъ
 И, громко рыдая, онъ такъ говорилъ:
 — Ужели нигдѣ не найду я Его?
 Прошелъ безконечный и горестный день,
 Прошли и двѣ ночи — Его же все нѣтъ!
 Увы! Онъ навѣрно попался врагамъ,
 И нѣтъ Иисуса — Его умертвили!
 А я, Имъ оставленный, все-еще живъ!
 Убили безжалостно люди Тебя,
 Божественный мужъ, и я не былъ съ Тобою,
 Безсмертныхъ очей Твоихъ я не закрылъ!
 Безбожники! Гдѣ вы убили Его?
 Въ какую пустыню Его завели вы,
 Чтобъ чистое тѣло убить Иисуса?
 Съ какими костями Тебя положили?
 О, гдѣ-же лежишь Ты, божественный другъ,
 Безжизненный, блѣдный; съ какими тѣлами?
 Затмили Твой взоръ милосердный убійцы,
 Святую улыбку и кротость Твою,
 И не было близкихъ съ Тобою въ тотъ мигъ,
 Когда умиралъ Ты, Божественный мужъ!
 О, еслибы биться въ груди перестало
 Мое сиротливое сердце на вѣки!
 И духъ мой, какъ темное облако это,
 Унесся-бы въ царство и ночи, и смерти.
 Окончивъ страданья земныя свои,
 Я сномъ непробуднымъ заснулъ-бы въ землѣ!

Сказалъ со слезами Леввей и упалъ
 Безъ чувства, разбитый душевнымъ страданьемъ.

Вѣтвями деревьевъ поспѣшно прикрылъ
 Леввея хранитель небесный Элимъ.
 Лице освѣжилъ ему воздухомъ чистымъ,
 И жизнь ему снова вдохнулъ Серафимъ.
 Онъ сонъ безмятежный навѣялъ внезапно
 Заботливой, нѣжной рукою, безсмертной,
 И тихо заснулъ утомленный Леввей.
 Носились надъ нимъ благодатные сны:
 Онъ видѣлъ Спасителя вновь предъ собою
 Съ улыбкою нѣжной, привѣтливымъ взоромъ,
 И полонъ былъ жизненныхъ силъ Искупитель.
 — Но кто-же съ горы той подходить сюда?,
 Собратій небесныхъ спросилъ Зеліиль.
 Волнистыя, темныя кудри его
 Покрыли роскошно широкія плечи;
 А строгаго мужества видъ осѣняетъ
 Прекрасный задумчивый образъ лица?
 Онъ выше Апостоловъ всѣхъ головою.
 О, смѣю-ль сказать вамъ, небесные братья: —
 Въ лицѣ его вижу я чувство волненья,
 Въ немъ будто недоброе что-то таится...
 Но онъ, какъ и всѣ, вѣдь, Апостолъ Мессіи,
 И будетъ тамъ, нѣкогда, вмѣстѣ судить
 Въ день страшный суда со Спасителемъ міра?
 Но, что-жъ вы молчите, безсмертные братья?!
 Зачѣмъ вы и слова сказать не хотите?
 Иль васъ опечалилъ я тѣмъ, что не знаю
 Кто юноша этотъ, скажите друзья мнѣ?
 Ошибся-ли въ думахъ своихъ я объ немъ?
 А ты, о, не гнѣвайся юноша свѣтлый,
 Когда ты, какъ мученикъ, къ Богу предстанешь,
 И тамъ, торжествуя, ты встрѣтишь безсмертныхъ.
 Тогда, за ошибку мою предъ тобою,
 Тебя, о, избранникъ, я дружески встрѣчу,
 При всѣхъ Серафимахъ, которые здѣсь!
 — Увы, мой небесный собратъ Зеліиль,

Я долженъ отвѣтить тебѣ наконецъ,
 Сказаль опечаленный Итуріиль,
 И съ грустью приблизился онъ къ Серафиму.
 О, долженъ ли далѣе я объяснять,
 Не лучше-ль молчаніе вѣчное будетъ?!
 Оно не взволнуетъ печали моей,
 Равно и тебя, мой собратъ, не встревожитъ.
 Но знать ты желаешь, кто этотъ Апостолъ?!
 Такъ слушай: то — Искаріотскій Іуда...
 Повѣрь, что я плакать о немъ не желалъ-бы,
 Смотрѣлъ-бы безъ слезъ на него и печали;
 И самъ обличилъ-бы виновнаго гнѣвно, —
 Когда-бъ, создавая, Господь ему не далъ
 Невиннаго сердца и доброй души,
 И еслибъ Мессія его не нашелъ
 Достойнымъ божественной дружбы Своей,
 Какъ прочихъ Апостоловъ, вѣрныхъ Ему.
 Но больше не въ силахъ тебѣ объяснять я
 Всего, что печалитъ такъ душу мою!

Увы! Лишь теперь мнѣ понятно все стало,
 Все то, что тамъ было тогда въ небесахъ!
 Когда говорили мы всѣ о душахъ
 Апостоловъ Божьихъ, со дня ихъ рожденья,
 Велѣньямъ божественной воли послушный,
 Великій Архангелъ Элоа спустился,
 Печальный, отъ высшаго трона Господня,
 И облакомъ мрачнымъ отъ всѣхъ онъ закрылъ
 Одно изъ двѣнадцати мѣстъ золотыхъ.
 Съ поникшей главою прошелъ Гавріиль,
 Печаленъ и сумраченъ, мимо меня.

Заблудшій! О, лучше бъ тебѣ не родиться,
 Чѣмъ званье Апостоловъ такъ осквернить;
 Не знали-бъ о вѣчной душѣ Серафимы,
 Сказаль опечаленный Итуріиль
 И грустно склонился главою на грудь.
 — Во мнѣ содрогается сердце невольно

И облакомъ мрачнымъ туманить глаза,
 Со вздохомъ отвѣтилъ ему Зелиль.
 Одинъ изъ двѣнадцати? Можетъ-ли быть?!...
 О, могъ-ли представить себѣ кто нибудь
 Изъ Ангеловъ неба такое событіе?
 Апостоловъ славу проступкомъ затмить?!
 И высказать страшно... трепещуть уста...
 Но что-же онъ сдѣлалъ, и чѣмъ осквернилъ,
 Заблудшій, себя предъ Мессіей и небомъ?

— Вдругъ тайная злоба къ Спасителю міра
 Въ душѣ злополуной его пробудилась.
 Давно Іоанна не любитъ Іуда
 За то, что Мессіей любимъ онъ всѣхъ больше.
 Теперь ненавидитъ онъ даже Мессію!
 Явилась въ душѣ его нѣкогда чистой
 Порочная алчность къ земному богатству,
 И въ сердце тяжелая дума запала,
 Что славу сокровища царства небесъ
 Спаситель любимцу отдастъ Іоанну.
 Неразъ отъ Іуды я слышалъ объ этомъ,
 Когда онъ, задумавшись, ходитъ одинъ
 И громко, тревожно съ собой разсуждаетъ.
 О, долго предъ взоромъ печальнымъ моимъ
 Картина ужасная будетъ носиться:

Однажды въ Бенинской долині онъ былъ,
 Тревожимый злобой, Христа обвинялъ.
 Стоялъ я съ глубокой печалью предъ нимъ,
 И взоръ обратилъ свой съ молитвою къ небу.
 Вдругъ вижу, какъ мимо летитъ Сатана,
 И злобно, и громко смѣется духъ мрачный.
 Увы! Отъ Іуды летѣлъ Искушитель,
 И съ гордымъ участіемъ смотрѣлъ на меня.
 Съ тѣхъ поръ, его сердце достойно презрѣнья;
 Гнѣздится въ немъ буря ужасныхъ пороковъ,
 И каждое чувство, и каждая дума
 Все ближе къ гибели тянетъ Іуду.

О, если-бъ Ты волей своей всемогущей
 Въ подземную бездну низвергъ Сатану,
 И тамъ бы цѣпями сковаль его духъ,
 Чтобъ душу, Тобой сотворенную, Боже,
 Возможно бы было достойною сдѣлать
 Великаго званья избранниковъ Бога;
 А для Искуителя сдѣлать ужасной
 И чистой, какъ души святыхъ Серафимовъ.

— Но что же Спаситель объ немъ говорить?
 И можетъ-ли видѣть безъ страха заблудшій
 Божественный взоръ Искуителя міра?
 И любить-ли также Іуду Мессія?
 Хранителя съ грустью спросилъ Зеліиль.
 — Меня вынуждаешь сказать ты все то,
 Что я отъ тебя и отъ братій скрываль:
 Мессія все также преступнаго любить;
 Однако недавно, на вечера тайной
 Сказаль Онъ Іудѣ, близка та минута,
 Когда онъ предасть Искуителя міра.
 О, братъ мой небесный, уйдемъ-же отсюда, —
 Я больше не въ силахъ заблудшаго видѣть...

И тихо, печально пошли они оба
 Къ горѣ Элеонской, гдѣ были гробницы.
 За ними слѣдилъ въ отдаленьи Залемъ,
 Небесный Хранитель второй Іоанна —
 Мессія любимцу двухъ Ангеловъ даль —
 А первымъ хранителемъ былъ Рафаиль.
 Когда-же къ гробницамъ пришли Серафимы,
 Ихъ встрѣтилъ прекрасный и юный Залемъ.
 Божественнымъ свѣтомъ блисталъ его взоръ;
 Съ улыбкой онъ въ очи смотрѣлъ Серафимамъ
 И нѣжно, и дружески ихъ обнималь.
 Чело его радостью тихой сіяло,
 Какъ утра весенняго первенецъ — лучъ,
 Собою озаряющій землю впервые.

Къ Хранителю грустному онъ обратился:

— Небесный собратъ мой, мой другъ, успокойся.
 Взгляни; тамъ лежитъ Іоаннъ близъ Мессіи.
 Лице его юное кротостью дышетъ,
 И ты позабудешь Іуду невольно.
 Какъ житель небесъ, онъ невиненъ душою,
 И сердце Мессіи открыто ему.
 Его Искупитель избралъ Своимъ другомъ,
 Нѣжнѣе и болѣе всѣхъ его любить,
 Какъ любятъ другъ друга Архангелы неба,
 Святой Гавріиль и великій Элоа.
 Какъ былъ Аббадонна когда-то любимъ
 Собратомъ и другомъ своимъ Абдіиломъ,
 Когда тотъ невиненъ и святъ еще былъ.
 Съ минуты священнаго творчества Божья
 Ни разу не создалъ Великій Создатель
 Души такой чудной, какою владѣтъ
 Любимый Апостоль Христовъ, Іоаннъ.
 Я видѣлъ, какъ къ новой подругѣ своей
 Приблизилась юность небесная тихо
 И пѣла въ минуту рожденья души:
 „Привѣтъ нашъ тебѣ, сотворенная Богомъ,
 Подруга безсмертная, дочь благодати!
 Дыханьемъ Создателя ты создана
 И также прекрасна, какъ нѣжный Залемъ;
 Чиста и блаженна, какъ самъ Рафаиль.
 Въ тебѣ возродятся отрадные думы,
 И будутъ онѣ, какъ роса благотворны,
 Которая землю собою освѣжаетъ
 И утромъ алмазною искрится пылью
 На каждомъ растеніи живительной влагой.
 Божественнымъ чувствомъ исполнится сердце,
 И будутъ велики и святы тѣ чувства,
 Какъ слезы блаженства всѣхъ жителей неба,
 Когда они праведныхъ видятъ дѣянъ.
 Сестра и подруга ты вѣрная душъ,
 Которыхъ въ невинные, юные дни

Рождалъ непорочный въ Эдемѣ Адамъ.
 Пойдемъ, мы проводимъ тебя въ твое тѣло;
 Какъ вѣчный твой духъ оно будетъ прекрасно,
 И въ немъ отразится божественный образъ.
 Настанетъ минута, и храмъ этотъ чистый,
 Истлѣя, разрушится прахомъ ничтожнымъ.
 Тогда, между всѣми останки твои
 Отыщетъ твой вѣрный хранитель Залемъ,
 Разбудитъ онъ тѣло твое; обновивъ,
 Подниметъ на облакъ свѣтломъ на небо;
 Опять приведетъ онъ въ объятія Мессіи,
 Сіяющій новой красою, твой образъ“.
 Такъ пѣли о другѣ моемъ Іоаннѣ
 Торжественнымъ хоромъ небесныя силы.

Кругомъ Іоанна стоятъ Серафимы,
 Восторженно смотрятъ на сонъ безмятежный.
 Такъ нѣжные братья, любясь, глядятъ
 На сонъ беззаботный сестры ихъ любимой,
 Которая тихо, какъ Ангелъ, предъ ними,
 Во снѣ улыбаясь лежитъ, и не знаетъ,
 Что нѣжно любимый отецъ умираетъ.
 Глубокою скорбью убитые, братья
 Пришли ей печальную новость открыть,
 Но сонъ безмятежный увидѣвъ сестры,
 Стоять и украдкой слезы глотаютъ.

Межъ тѣмъ, утомленные скорбью душевной,
 Давно отдыхали Апостолы Божьи.
 Иные въ долину подъ тѣнью деревьевъ;
 Другіе лежали подъ кедромъ высокимъ,
 Поднявшимъ чело свое съ гордостью къ небу.
 Качаясь могучей главой, онъ шумѣлъ,
 Рососою жемчужной главы осыпая
 Избранниковъ Божьихъ, уснувшихъ спокойно.
 Одинъ Іоаннъ отдыхалъ съ Іисусомъ
 Подъ хладными сводами темныхъ гробницъ,
 Гдѣ тлѣютъ давно ужъ останки умершихъ.

Но Искаріотскій спалъ рядомъ съ Леввеемъ,
 Который по крови былъ близокъ ему.
 Тревожень, томителенъ сонъ былъ Іуды.
 Тамъ, въ трещинѣ темной сидѣлъ Сатана.
 Онъ слышалъ рассказы Хранителей свѣтлыхъ
 И вылетѣлъ съ злобой изъ щели своей.
 Исполненный замысловъ адскихъ и мрачныхъ,
 Спустился надъ спящимъ Іудю тихо.
 Такъ, въ полночь глухую приходитъ чума
 На жителей города, спящихъ спокойно,
 И страшныя крылья раскинувъ свои,
 Широко надъ городомъ, тихо заснувшимъ,
 Заразою страшною дышетъ повсюду,
 И смерть въ ея страшномъ дыханьи таится.
 А жители спятъ беззаботно и тихо.
 Сидитъ надъ рѣшеніемъ задачи ученый;
 Друзья тамъ за чаркой веселой пируютъ,
 И въ дружбѣ взаимной клянутся другъ другу...
 Но день на востокѣ едва загорѣлся
 Зарю румяной, — слышались стоны,
 Отчаянья крики, хрипѣніе смерти...
 Здѣсь плачетъ невѣста надъ другомъ любимымъ;
 Рыдаютъ тамъ дѣти надъ тѣломъ отца,
 И просятъ сироты голодныя хлѣба;
 Тамъ бѣдная мать надъ малютками стонетъ,
 Себя проклиная, клянеть ихъ рожденье.
 Какъ тѣнь, истомленный страданіемъ могильщикъ
 Печально проходить межъ горами труповъ,
 Которыхъ не въ силахъ онъ въ землю зарыть, —
 И падаетъ самъ между ними безъ жизни.
 Тогда вдругъ изъ тучи громовой и мрачной
 Слетаетъ торжественно духъ разрушитель,
 И тамъ, надъ широкой могилою онъ,
 Въ пустынѣ безлюдной, надъ горами труповъ,
 Стоить въ созерцаньи задумчивъ, безмолвенъ,
 Какъ будто довольный дѣланьемъ ужаснымъ.

Такъ точно слетѣлъ Сатана на Іуду,
 Порочные сны навѣвая ему.
 Онъ злобою сердце его возмущаетъ;
 Въ душѣ его замыслы страшные сѣетъ.
 Съ заботою нѣжной стремится напрасно
 Къ Іудѣ задумчивый Итуріилъ.

Онъ видитъ, какъ вѣется надъ нимъ Сатана.
 На небо печально Хранитель глядитъ,
 Рѣшается спящаго онъ разбудить;
 Махаетъ крылами, какъ буря, три раза,
 Качая вершины развѣсистыхъ кедровъ,
 И вѣтромъ ужаснымъ въ лице ему вѣетъ.
 Хранитель три раза тяжелой стопою
 Проходитъ, и горы трясутся за нимъ, —
 Но спитъ, будто мертвый, заблудшій Іуда,
 И блѣдны, и холодны щеки его.
 Лице свое съ грустью закрылъ Серафимъ,
 И прочь отъ Іуды отходитъ, печальный.

Надъ соннымъ летаютъ ужасныя тѣни....
 Вдругъ видитъ Іуда отца своего...
 Отчаяннымъ голосомъ, жалкій скелетъ
 Изъ нѣдръ замогильныхъ ему говоритъ:

— Ты спишь беззаботно и сладко, мой сынъ,
 Такъ долго, о, другъ мой; вдали отъ Мессіи;
 Какъ будто не знаешь ты, какъ ненавидитъ
 Тебя твой Учитель, — и какъ Ему милы
 Другіе Апостолы, братья твои!
 О, сынъ мой, зачѣмъ ты не подлѣ Мессіи?
 Зачѣмъ не стараешься снова привлечь
 Къ себѣ его сердце, какъ было то прежде?
 Кому-же довѣрилъ, Іуда, тебя
 Отецъ твой, стена на смертной постели?
 О Боже! Что сдѣлалъ мой родъ предъ Тобою,
 Что долженъ изъ гроба подняться мертвецъ
 И плакать надъ сыномъ несчастнымъ своимъ,
 Оплакивать горькую участь его!

Быть можетъ счастливѣе думаешь быть ты
 Въ томъ царствѣ, Іуда, которое будетъ
 Основано нѣкогда Имъ — Іисусомъ?
 Несчастный! Напрасны надежды твои!
 Иль души собратій тебѣ не знакомы, —
 Петра и подобныхъ ему Заведеевъ?
 Богаты, все счастливы будутъ они
 И выше тебя, злополучный мой сынъ!
 Стекутся съ богатаго царства къ нимъ въ руки
 Сокровища дивныя все Іисуса,
 И лучшія части получаютъ другіе
 Чѣмъ ты, о несчастный, отъ друга Мессіи...
 Оставленъ, забытъ ты Учителемъ славнымъ...
 Пойдемъ, мой возлюбленный, я покажу
 Тебѣ ихъ богатыя, чудныя царства.
 Иди-же безъ страха за мною, мой сынъ,
 Иди, не колеблясь, мой милый Іуда.

Смотри-же! Вонъ видишь ты тамъ, передъ нами,
 Какъ цѣпь безконечная, тянутся горы.
 Ихъ грозныя тѣни ложатся въ долинахъ.
 Подъ ними скрываются золота груды —
 Его не исчерпать во вѣки вѣковъ.
 Пройдутъ еще годы, и въ этихъ долинахъ
 Найдется несмѣтныхъ сокровищъ богатство, —
 И всеѣмъ этимъ будетъ владѣть Іоаннъ,
 Возлюбленный другъ, ученикъ Іисуса.

Взгляни! Виноградники тянутся тамъ
 Сплошною стѣной по пригоркамъ высокимъ;
 А дальше, тамъ, нивы засѣяны хлѣбомъ;
 Какъ море безбрежное тихо волнуясь
 Подъ легкимъ дыханіемъ тихаго вѣтра, —
 Колосья тяжелые, такъ колыхаясь,
 Ложатся волнами и снова встаютъ.
 — Все это Петру отдаетъ Іисусъ.

А видишь-ли дальше, какъ много народа
 Въ богатой волнуется той сторонѣ.

Тамъ городъ обширный, какъ Ерусалимъ.
 И много громаднѣхъ такихъ городовъ
 Разсѣяно въ этихъ роскошныхъ долинахъ.
 И множество рѣкъ, какъ рѣка Иорданъ,
 Роскошные ихъ берега омываетъ.
 Сады въ нихъ прекрасны, какъ рощи Эдема,
 И тамъ-то, въ тѣни ихъ, песокъ золотой;
 Лежитъ тотъ песокъ неисчерпаннымъ слоємъ.
 Богатства несмѣтны въ тѣхъ чудныхъ мѣстахъ.
 И все эти царства Мессіа раздастъ
 Друзьямъ своимъ вѣрнымъ — собратьямъ твоимъ!!!

Иуда!.. Взгляни-же!.. вонъ тамъ, въ отдаленіи
 Лежитъ небольшая, гористая почва.
 Пустыня, дика и безъ жизни она!
 Тамъ камни и кой-гдѣ колючій кустарникъ!
 Надъ нею глубокая, вѣчная ночь!
 Тамъ страшной мятежью крутятся снѣга,
 Безплодную почву собой прикрывая.
 Въ лѣсахъ, опаленныхъ грозой небесной,
 Летаютъ, какъ духи, съ неистовымъ крикомъ,
 Громадныя, хищныя птицы ночныя...
 Все бѣдно и жалко въ странѣ безобразной...
 Несчастный Иуда!.. О, бѣдный мой сынъ!...
 Страну безобразную, мертвую эту —
 Тебѣ назначаетъ великій Мессіа!!.
 Какъ гордо одиннадцать братьевъ твоихъ
 Съ презрѣніемъ будутъ смотрѣть на тебя,
 Едва бѣдняка замѣчая во прахѣ.

О, бѣдный, о, жалкій Иуда! Ты плачешь,
 И въ сердцѣ кипитъ справедливая злоба.
 Въ тебѣ пробудился вдругъ гнѣвъ благородный!
 Но сынъ мой, напрасно текутъ твои слезы,
 И душу напрасно отчаянье гложетъ.
 Ты самъ себѣ долженъ помочь злополучный!
 Послушай меня ты, о, сынъ мой забытый!
 Тебѣ я открою отцовское сердце.

Ты видишь, какъ долго замедлилъ Мессія
 Назначеннымъ днемъ искупленья людей
 И царствомъ богатымъ, обѣщаннымъ вамъ.
 Ты знаешь, какъ знатные люди боятся
 Подъ властью царя Назаретскаго быть.
 Они ежедневно о томъ разсуждаютъ
 Какою бы смертию Мессію убить.
 Представься, что хочешь помочь ты жрецамъ
 И выдай живаго имъ въ руки Мессію.
 Тогда, утомленный угрозами ихъ,
 Покажетъ Онъ страшную силу Свою;
 Враговъ посрамленныхъ своихъ поразивъ,
 Онъ царство то дивное вдругъ оснуетъ,
 Котораго ждете такъ долго вы всѣ.
 Тогда тебя будетъ бояться Учитель;
 Отдастъ тебѣ раньше Онъ часть твою въ руки,
 Хотя небольшую, но взявъ ее раньше,
 Трудомъ неусыпнымъ, счастливой торговлей
 И золотомъ, даннымъ жрецами тебѣ
 За мнимую выдачу имъ Іисуса,
 Ты можешь, о сынъ мой, ту часть увеличить
 И равною сдѣлать наслѣдьямъ собратій,
 А, можетъ быть, даже богаче другихъ.
 Иуда несчастный, о милый мой сынъ!
 Послушай совѣтовъ отца твоего,
 Тоскующій прахъ ты отца упокой,
 Чтобъ могъ быть спокоенъ въ могилѣ мертвецъ!
 Въ лице мое блѣдное сынъ мой взглядишь;
 Хотя и давно ужъ безъ жизни оно,
 Но въ немъ ты навѣрно узнаешь отца!
 Пришелъ я изъ нѣдра Ливанскихъ долинъ,
 Тебѣ чтобъ во снѣ показать твою пользу.
 Когда ты проснешься, не выдай, мой сынъ,
 Совѣтовъ сердечныхъ отца твоего.
 Меня не заставь ты, мой другъ, возвратиться
 Съ печалью глубокой въ сырую могилу

Къ собратьямъ моимъ; какъ и я, — мертвецамъ!“

Исчезло видѣнье, и гордо поднялся
Надъ спящимъ Іудою духъ Сатана.

Проснулся Іуда, и съ горькою думой
Встаетъ и печально съ собой разсуждаетъ:
— Я слышалъ дѣйствительно голосъ знакомый,
То голосъ печальный отца-старика.
Лице его мертвое видѣлъ такъ живо,
И голосъ родной, мнѣ знакомый звучалъ!
А то, что казалось мнѣ — правда святая;
Меня ненавидитъ Учитель Мессія!

Уже и всѣ мертвые знаютъ объ этомъ;
Ихъ души невольно сочувствуютъ мнѣ.
И такъ, я исполню совѣтъ привидѣнья!
Но дѣйствовать такъ мнѣ, и противъ кого-же??
А ежели сонъ этотъ слѣдствіе гнѣва,
Иль замыселъ адскій порочнаго духа?..
Но, прочь ты, ничтожная, слабая дума!
Я чувствую въ сердцѣ влеченье къ богатству!
Кроваваго мщенія жаждетъ душа!..
Чего-жъ ты боишься, о, слабое сердце?
Зачѣмъ поддаешься вліянію ничтожныхъ,
Тебя недостойныхъ и трепетныхъ думъ?
Тебѣ въ сновидѣннѣ являлся отецъ, —
Видѣнье то къ мести тебя побуждаетъ!
А ежели къ мести зоветъ насъ видѣнье,
То мечь та священна должна быть для смертныхъ!..

Тѣ слышалъ слова его духъ соблазнитель,
Восторгомъ сверкнули глаза Сатаны,
И въ нихъ отразилось его торжество.
Духъ ада спѣшитъ довершить свое дѣло:
Онъ быстро несется въ Іерусалимъ,
И долго паритъ надъ дворцомъ Каиафы.
Онъ первосвященника сердце волнуетъ,
Тревожныя думы ему навѣвая,
Рисуетъ предъ спящимъ ужасныя тѣни..

Надъ міромъ уснувшимъ восходитъ день новый...
 Въ раздумьи глубокомъ Іуда стоитъ...
 Проснулся Спаситель, оставилъ гробницы;
 Съ нимъ вышелъ наперстникъ его Іоаннъ.
 Къ Апостоламъ спящимъ подходятъ они.
 Коснулся Леввея рукою Спаситель,
 Сказавъ пробужденному тихо и кротко:

Я здѣсь предъ тобою, и видишь, я живъ.

Апостоль съ восторгомъ Его обнимаетъ,
 И льются по блѣднымъ щекамъ его слезы.
 Онъ съ радостью будить собратій своихъ;
 Они къ Іисусу стекаются быстро.

— Идите ко мнѣ, о, священное стадо,
 Отпразднуемъ вмѣстѣ мы нынѣшній день;
 Закатъ его будетъ лобзаньемъ прощальнымъ!..
 Со вздохомъ глубокимъ сказалъ Искупитель:

— Еще передъ нами долина Сарона;
 Ее окропляютъ росой священной,
 Какъ въ знакъ благодати своей, небеса;
 И раннее облачко мчитъ надъ нами.
 Смотрите, Отцомъ моимъ кедръ посаженный
 Прохладную тѣнь посылаетъ землѣ,
 Какъ бы въ благодарность за то, что она
 Питаетъ могучіе корни его.

Теперь еще вижу я образъ людей
 И въ немъ Божества отпечатокъ священный.
 Но скоро, о, горе, исчезнетъ все это!
 Покроется черными тучами небо;
 Земля потрясется, и пропасть поглотитъ
 Прекрасныя нивы, цвѣтушіе долы, —
 И будетъ вездѣ запустѣнье въ то время!..
 О, скоро настанетъ минута, и люди
 Со злобою станутъ смотрѣть на меня,
 И будутъ они моей смерти искать!..
 Покинете также и вы всѣ меня!..
 Не плачь-же, о, милый мой Петръ, обо мнѣ,

И ты, о, мой добрый Леввей, не тоскуй!
 Не плачьте въ то время о дивной невѣстѣ,
 Когда передъ нею женихъ ея милый.
 Но скоро опять возвратится то время, —
 Увидите снова Меня предъ собою,
 Какъ въ день воскресенья, единственный сынъ
 Съ восторгомъ увидить любимую мать!
 Сказалъ Искупитель, и блескомъ небеснымъ
 Божественный образъ Его озарился;
 Но въ сердцѣ Онъ чувствовалъ трепетъ невольный:
 То было предчувствіе вольныхъ страданій,
 И близость минуты святой искупленья.
 Онъ далѣе шелъ и Апостолы съ Нимъ.
 Одинъ лишь Іуда подъ тѣнью деревьевъ
 Стоялъ и внималъ Іисуса словамъ.
 — Онъ Самъ уже знаетъ, что день этотъ грустный
 Готовитъ несчастье и горе Ему;
 Поэтому знаетъ, какъ встрѣтить врага,
 Но знаетъ-ли то, что предпринялъ Іуда?
 Такъ думалъ погибшій, мечтая подъ тѣнью. —
 Предать онъ Мессію, Учителя хочетъ!
 Но ежели призракъ тебя обманулъ,
 И если видѣнье твое, о несчастный,
 Небольше, какъ сонъ или грезы пустыя?
 Пусть будешь ты проклятъ ужасный моментъ,
 Въ который такъ сладко Іуда заснулъ,
 И видѣлъ въ тревожныхъ видѣніяхъ сна
 Отца замогильную, грустную тѣнь!
 И пусть разразится проклятіе Іуды
 Надъ мѣстомъ, гдѣ отдыхъ спокойный нашелъ онъ.
 И пусть тамъ рукой святотатственной сынъ
 Съ неистовою злобой удавить отца.
 То адское мѣсто пусть кровью залъется
 Горячей, невинной любимого друга,
 Себя умертвившаго въ злобѣ безсильной!..
 Къ чему увлекаться такъ, бѣдный Іуда?

И въ чемъ обвиняешь себя ты, заблудшій?
 Ты дѣйствовать долженъ безъ всякой боязни!
 О вы, привидѣнья, посланники ада!
 — Предать Іисуса меня научите!!..

Пусть будешь ты проклятъ, о, день ненавистный,
 Въ который избралъ меня Самъ Іисусъ.
 Когда Онъ такъ нѣжно и кротко смотрѣлъ
 Въ глаза мои, полные горестныхъ слезъ,
 И такъ дружелюбно потомъ мнѣ сказалъ:

„Приди, о, Іуда! Послѣдуй за мною?..“
 Достоенъ проклятья ты, день злополучный!!..
 Ты долженъ быть страшенъ, какъ вѣчная ночь
 Съ развѣтомъ угрюмымъ, печальнымъ своимъ!
 Ты долженъ заразу и скорбь приносить!
 О, пусть не осмѣлится смертный во вѣки
 Тебя, день проклятый и страшный, назвать!
 Пусть Самъ Всемогущій Творецъ всего міра
 Забудетъ, что созданъ когда-то ты былъ!
 Невольно я чувствую ужасъ въ душѣ,
 Во мнѣ содрогаются кости отъ страха,
 И трепетъ въ груди моей сердце сжимаетъ!

О, гдѣ ты Іуда? Опомнись несчастный!
 За что ты терзаешь напрасно себя?
 Тебя не обманывалъ призракъ печальный,
 Изъ гроба поднявшійся жалкій скелетъ.
 Ты видѣлъ отца замогильную тѣнь;
 А еслибъ и точно обмануть ты былъ,
 То развѣ ты можешь иначе достигнуть
 Стремленій души благородной твоей?!

Томимый тревожною, страшною думой,
 Свой ужасъ и бѣшенство такъ выражалъ
 Іуда. Съ минуты явленья отца, онъ
 Ужасною, адскою думой своею
 Приблизился на два ужасныхъ часа
 Къ порогу высокому вѣчности темной!

Не в чем обвинить, ведь ты, злодей!
 Ты действительно должен быть вон из страны!
 О вы, привидения, покиньте нас!
 — Прощай! (Исходит, не выходя за дверь.)
 Пусть сгинет и провалится, как невинный,
 В тот миг, когда жила душа моя!
 Когда Огг был жив и в крови спорил
 В лазах моих, ночью торжественно
 И так дружелюбно потаивал, как
 "Ах, не, не, не!" (Посадил на стул.)
 Потом, когда ты, не выходя из
 Ты должен был остаться, как и был,
 С тобой, как и прежде, как и прежде!
 Ты должен был остаться, как и прежде!
 О, не в чем обвинить, ведь ты, злодей!
 Тогда, когда был жив и в крови спорил
 Пусть Огг был жив и в крови спорил
 Когда Огг был жив и в крови спорил
 Неужели я должен был быть
 Во миг, когда ты был жив и в крови спорил
 И теперь, когда ты был жив и в крови спорил
 О, не в чем обвинить, ведь ты, злодей!
 Неужели ты должен был быть
 Тогда, когда ты был жив и в крови спорил
 Неужели ты должен был быть
 Ты должен был остаться, как и прежде!
 А когда я был жив и в крови спорил
 То пусть ты был жив и в крови спорил
 Стремился, как и прежде, как и прежде!
 Топил, как и прежде, как и прежде!
 Огг, жила и была душа моя!
 И так, как и прежде, как и прежде!
 Ужасно, ужасно, ужасно!
 Прощай, как и прежде, как и прежде!
 Не забуду, как и прежде, как и прежде!

ПѢСНЬ IV.

Летался въ постелѣ своей Каиафа;
Видѣнными страшными былъ онъ тревожимъ. —
Леталъ Сатана привидѣніемъ мрачнымъ
Надъ нимъ, нарушая сонъ сладостный утра.
И Первосвященникъ, то сномъ забывался,
То вскакивалъ съ ужасомъ, вновь пробужденный,
И быстро, съ испугомъ, тревожимый думой
Глазами чего-то какъ будто искалъ, —
То вновь упадаль головой къ изголовью.
Такъ въ мукахъ жестокихъ терзаясь, отступникъ
Томится убитый на полѣ сраженья;
Предсмертныя грезы летаютъ надъ нимъ; —
И воиновъ крики, и ржанье коней,
Оружія звуки, раскаты громовъ, —
Несется стремительно все на него,
И рушится небо какъ будто надъ нимъ.
На груди онъ труповъ безъ чувствъ упадаетъ,
И думаетъ — смерти минута настала;
Но вотъ поднимается снова несчастный,
Въ немъ жизнь и страданія вновь пробудились,
И дума за думою мучить его. —
Клянеть онъ проснувшейся жизни минуту,
Ломаетъ съ отчаянья руки; и кровь
Изъ раны глубокой фонтанами бьетъ.
Клянеть онъ въ безумьи Всесильнаго Бога
И радъ бы отвергнуть Его бытіе...

— Такъ точно томился и первосвященникъ.
Покинуль Каіафа со страхомъ постель,
Поспѣшно въ собранье созвать повелѣлъ
Священниковъ всѣхъ и старѣйшихъ народа.

Изъ кедровъ Ливанскихъ построено было
Собранье, какъ храмъ Соломоновъ великій;
Туда собрались старшины Іудей,
А съ ними Іосифъ изъ Аримаѳеи;
Чистѣйшій и сердцемъ, и духомъ изъ всѣхъ
Оставшихся въ жизни сыновъ Авраама.

Какъ тихо сіяетъ надъ міромъ въ часъ ночи
Изъ облака темнаго мѣсяцъ сребристый, —
Такъ кротко Іосифъ въ собранье вошелъ;
Съ нимъ вмѣстѣ пришелъ его другъ Никодимъ,
Любившій, какъ друга, Мессію душою.
Волнуемый злобой торжественно вышелъ
Къ собранью Каіафа и началъ такъ рѣчь:
— Настала минута, — подумать намъ должно
О томъ, чтобъ Пророка отъ насъ удалить,
Иль какъ нибудь силой его истребить.
Давно онъ недоброе что-то задумалъ,
О, Ерусалима отцы, противъ насъ!
И вѣрьте! исполнить свое предпріятіе
Онъ рано иль поздно и горе намъ будетъ!
Быть можетъ сегодня мы въ этомъ собраньи
Бесѣдуемъ съ вами въ послѣдній ужъ разъ. —
И это священство, открытое Богомъ
Давно на Синайской горѣ Моисею,
Изъ рода и въ родъ заповѣдное намъ,
Рядами вѣковъ освященный законъ,
Который ничто потрясти не могло,
Ни тягостный плѣнъ въ Вавилонскихъ стѣнахъ,
Ни сила оружія могучаго Рима,
И эту священную заповѣдь Бога
На горе всѣмъ намъ, о, Израиля дѣти,
И Храму Господню на вѣчный позоръ, —

Теперь истребить этотъ смертный на вѣки.
 Не всѣ-ль города Іудеи давно
 Его раболѣпно и набожно чтутъ,
 А съ ними же вмѣстѣ нашъ Ерусалимъ?
 И развѣ изъ храмовъ премудрыхъ отцовъ,
 Народъ суетѣрный за нимъ не бѣжитъ
 Въ пустыни далекія съ тѣмъ, чтобы видѣть
 Творимыя будто бы имъ чудеса?
 Но ихъ Сатана чрезъ него совершаетъ. —
 А больше всего ослѣпляетъ народъ
 Онъ тѣмъ, что изъ мертвыхъ людей воскрешаетъ,
 На самомъ же дѣлѣ, навѣрное, будить
 Больныхъ, утомленныхъ, забывшихся сномъ.
 А мы беззаботно здѣсь ждемъ той минуты,
 Когда всѣ приверженцы злобно возстанутъ
 И насъ умертвятъ предъ глазами его,
 Чтобъ могъ онъ и насъ воскресить предъ народомъ.
 Съ нѣмымъ удивленіемъ всѣ вы глядите
 Теперь на меня, о, отцы Іудеи.
 Я вижу сомнѣніе въ вашихъ глазахъ.
 О, да, сомнѣвайтесь! Дремлите спокойно!
 А онъ, между тѣмъ, Іудеею цѣлой
 Царемъ уже названъ — имъ признанъ давно. —
 Вы развѣ не знаете сами объ этомъ?
 И развѣ предъ Нимъ, не бросали вы пальмовъ?
 Вы развѣ не пѣли „Оссанна“ ему?
 О, пусть же услышитъ онъ съ этой минуты
 На мѣсто „Оссанна“ — проклятiе Божье!
 И вмѣсто торжественной пѣсни теперь
 Пусть громомъ звучитъ надъ тобой то проклятiе!
 И тамъ, чтобы въ безднѣ и мрака, и смерти,
 Поднявшись съ желѣзнаго трона, духъ ада
 Короной тяжелой тебя увѣнчалъ,
 Съ насмѣшкою злобной „Оссанна“ крича.
 Вы всѣ недостойны отцами назваться!
 (Невольно изъ устъ моихъ вырвалось слово,

Встревоженный гнѣвомъ священнымъ, мой духъ
Его произнесъ, — вы простите мнѣ это).
Не разумъ одинъ, но и высшее что-то
И даже Самъ Богъ намъ подумать велить,
Какъ землю очистить на вѣкъ отъ него. —
Вы знаете праотцамъ нашимъ когда-то
Господь открывалъ Свою волю въ видѣньяхъ, —
Рѣшите же сами, не Богомъ ли посланъ
Мнѣ свыше сегодня былъ сонъ такой страшный?

Лежалъ на постели и долго я думалъ
О всѣхъ настоящихъ, тревожныхъ событіяхъ.
(Казалось ужасной мнѣ темная ночь).
Событіямъ я горькимъ не видѣлъ исхода,
Заснулъ я съ печальною мыслью объ этомъ.
И снилось мнѣ, будто я въ храмъ Господнемъ,
Стремлюся народъ съ Божествомъ примирить,
И кровь задымилась отъ жертвы моей.
Со страхомъ я шелъ во Святая-Святыхъ,
Съ молитвой божественный входъ отворилъ...
— Трепещутъ отъ страха всѣ кости мои
И въ эту минуту при мысли одной
О томъ, что я видѣлъ глазами своими: —
Какъ кара, гнѣвъ Божій вдругъ палъ на меня,
Я видѣлъ въ одеждѣ святой Аарона;
Съ сердитымъ лицомъ онъ ко мнѣ подходилъ,
Кипѣлъ въ немъ божественный гнѣвъ смертоносный;
Надъ самымъ ковчегомъ священнымъ носились,
Крылами ужасно шумя, Херувимы.
Печально и грозно тотъ шумъ раздавался. —
Съ меня облаченіе спало святое,
Какъ прахъ или пепелъ внезапно на землю,
И вдругъ будто громъ надо мной разразился, —
То голосъ могучій гремѣлъ Аарона:
„Бѣги, недостойный священнаго сана!
Бѣги, о, несчастный, скорѣе отсюда
И больше не смѣй приближаться къ святынь,

Какъ Бога Великаго церкви служитель, —
Собой оскверняешь ты званіе это! “ —

И гнѣвно, и страшно глядѣль на меня онъ,
Какъ смотрять на вѣчнаго только врага,
Желая какъ гада его раздавить. —

„О ты, недостойный! Ты смѣль допустить,
Чтобъ могъ безнаказанно такъ наругаться
Надъ нашей святыней, презрѣнный тотъ мужъ;
Всѣхъ насъ: Моисея, меня, Авраама
На вѣкъ посрамить и святую Субботу
Предъ всѣми такъ дерзко чтобъ смѣль онъ отвергнуть, —
О, скройся отсюда скорѣ несчастный,
Пока еще гнѣвъ Милосердаго Бога,
Грозой разразившись, небеснымъ огнемъ
Тебя не спалилъ у святаго престола!“

Такъ голосъ гремѣль надо мной Аарона, —
Бѣжалъ я оттуда, не помня себя,
И сыпался пепель ко мнѣ на главу.
И я, безъ одежды, явился къ народу.
Народъ волновался — мнѣ смертью грозилъ.
Испуганный криками я пробудился,
Томился жестоко три цѣлыхъ часа,
И послѣ, какъ мертвый, безъ чувства лежалъ.
Дрожать и теперь еще кости отъ страха,
Трепещеть болѣзненно сердце въ груди,
Въ засохшихъ устахъ костенѣть языкъ...
Погибнуть Онъ долженъ и смерти быть преданъ, —
Отъ васъ ожидаю, народа отцы,
Совѣта разумнаго, какъ поступить,
Чтобъ землю очистить отъ дерзкаго намъ.

Затихъ онъ, и долго стоитъ предъ собраньемъ,
Потомъ вдругъ, какъ будто отъ сна пробудился: —
— О, лучше убить одного мы должны,
Чѣмъ всѣмъ намъ погибнуть чрезъ козни его. —
Однако разумно здѣсь дѣйствовать надо;
Его не должны мы въ дни праздниковъ трогать,

Чтобъ низкая чернь за него не возетала.

Умолкнулъ Каіафа. — Все тихо, — ни звука —
И только какъ эхо, по сводамъ собранья
Еще отголосокъ шумѣлъ его рѣчи.
Какъ будто нѣмые, всѣ молча сидѣли.
Хотѣлъ лишь Іосифъ нарушить молчанье;
Предъ всѣми желалъ оправдать онъ Мессію,
Но гнѣвно поднялся вдругъ съ буйною рѣчью
Одинъ изъ жрецовъ, предъ которымъ собранье,
Считая премудрымъ его, трепетало.
Объ немъ и Каіафа такъ думалъ всегда.
Филонъ его имя, онъ слишкомъ былъ гордъ,
Чтобъ сталъ разсуждать о вещахъ непонятныхъ;
Еще не сказалъ онъ ни разу и слова,
Ни съ кѣмъ о дѣяніяхъ бывшихъ Мессіи. —
Филонъ Фарисей ненавидѣлъ Каіафу.
Торжественно всталъ онъ предъ цѣлымъ собраньемъ,
Задумчивый взоръ его, грустный, но мрачный
Пылалъ, непонятнымъ сверкая огнемъ.
Онъ голосомъ гнѣвнымъ Каіафѣ сказалъ:

— Ты смѣешь разсказывать намъ сновидѣнья,
Какъ будто бы высшее въ нихъ откровенье
Божественной воли тебя ослѣпило! —
Ты развѣ не знаешь, что Богъ никогда
Еще не являлся душамъ увлеченнымъ
Страстями земными и ихъ наслажденьемъ?
И кто Садукееанинъ въ тайнѣ, — тому —
Не можетъ и быть откровеній духовныхъ,
Поэтому ты или лжешь передъ всѣми,
— Или же сонъ твой и точно отъ Бога,
Всежъ Богъ не унизится такъ, чтобъ явиться
— Тому, кто унизился рабски предъ Римомъ,
Тому, кто за деньги священство купилъ;
А если дѣйствительно сонъ твой былъ свыше,
То знай-же, что Богъ въ наказанье преступнымъ,
Имъ ложныхъ пророковъ порой посылалъ. —

Такъ было съ Ахавомъ, за то, что убилъ онъ
 Раба по совѣту своей Езавели. —
 И долго взывала невинная кровь
 Къ престолу Творца и Его правосудью.
 Тогда Ангелъ смерти явился съ небесъ
 Къ Ваала жрецамъ и чрезъ нихъ предсказалъ.
 Онъ ложно побѣду Ахаву царю. —
 Ты знаешь, безъ жизни Ахава везли
 На дрогахъ печальныхъ оттуда назадъ,
 Онъ умеръ, и кровь его тамъ пролилася,
 Гдѣ камнемъ побить былъ невинный Набодъ;
 На самомъ томъ мѣстѣ, предъ Богомъ духъ смерти
 Убийцу преступнаго вдругъ поразилъ;
 Но сонъ твой Пророка велить истребить!
 Не видѣлъ ты сна! А разумно придумалъ!
 Ужель не страшить тебя грозное имя
 И Ангела смерти, котораго я
 Не разъ предъ тобою теперь называлъ?
 Быть можетъ, и скоро онъ кровь твою тамъ,
 Предъ трономъ Всевышняго взвѣшивать будетъ. —
 Не думай, чтобъ счелъ я невиннымъ Мессію!
 Въ сравненіи съ выходцемъ тѣмъ Назаретскимъ —
 Ты мелкій и жалкій преступникъ, не больше;
 Ты лишь оскверняешь святыню; а онъ
 Сремится совѣмъ уничтожить ее. —
 Давно на вѣсахъ правосудія Божья —
 Еще до минуты рожденія Мессіи —
 Была уже взвѣшена тамъ его кровь,
 И смерть предназначена свыше ему; —
 Еще не одинъ угнетатель народа,
 Ни даже ужаснѣйшій самый преступникъ
 Не видывалъ смерти подобной его.
 Погибнетъ онъ смертию! Я видѣть хочу,
 Какъ члены его костенѣя застынутъ.
 Возму я руками кровавую землю
 Съ пригорка того, гдѣ онъ будетъ убитъ, —

Въ Святая-Святыхъ отнесу ее самъ,
 Иль камни съ дымящейся кровью его
 Я самъ возложу на священный алтарь, —
 Какъ памятникъ вѣчный сынамъ Авраама.
 Напрасно страшить насъ презрѣнная робость.
 Зачѣмъ намъ бояться волненія черни!
 Отцы наши не были такъ малодушны!
 Но если, страшася небеснаго грома,
 Замедлимъ гнѣвъ Господа мы отворотить,
 Тогда насъ съ нимъ вмѣстѣ Господь разразитъ.
 И мы, нечестивые, съ нимъ же умремъ.
 Глазами померкшими будемъ мы видѣть,
 Когда умирая испуститъ онъ духъ!
 Боялся-ли черни Пророкъ Ілія,
 Когда убивалъ онъ Ваала жрецовъ, —
 Ваала, который не могъ пробудиться,
 Чтобъ жертву священнымъ огнемъ опалить?
 Но еслибъ Ваалу онъ болѣе вѣрилъ,
 Послалъ-ли бы съ неба огонь ему Богъ?
 Хотя не владѣемъ, какъ онъ, мы громами,
 Но я безъ боязни къ народу пойду,
 И горе тому изъ народной толпы,
 Кто противъ меня возмутится посмѣетъ!
 Кто скажетъ тогда, что изъ тѣла пророка
 Не къ славѣ Творца проливается кровь!
 Увидите всѣ вы, что взгляды мой одинъ
 Заставитъ толпу его камнемъ побить!
 Умереть предъ глазами Израиля онъ,
 Умереть передъ взорами гордаго Рима.
 Тогда на судилищѣ сядемъ мы гордо;
 Съ душею веселой тогда мы приступимъ
 Къ святынѣ Господней всѣ, чистые сердцемъ.
 Окончилъ Филонъ, и съ поднятой рукою
 Прошелъ по собранью, какъ бы вдохновенный
 Наитіемъ духа, и снова воззвалъ:
 — О, гдѣ бы ты ни былъ духъ чистый, блаженный!

И если въ небесной одеждѣ своей
 Покоишься тихо ты близъ Авраама,
 Вокругъ себя свѣтлыхъ пророковъ собравъ,
 Иль можетъ дѣтей своихъ ты удостоилъ
 И снова невидимый къ нимъ возвратился,
 Витаешь теперь ты въ собраніи смертныхъ.
 О, духъ Моисея! Клянусь предъ тобою
 Тѣмъ вѣчнымъ союзомъ, который отъ Бога
 Ты самъ получилъ, и изъ бури, и грома
 Принесъ намъ святыми руками своими, —
 Не буду спокоенъ до той я минуты,
 Пока не погибнетъ онъ — твой ненавистникъ;
 Пока его кровь не прольется до капли,
 И ею я руки наполнѣю свои,
 Ее на священный алтарь принесу;
 Надъ дряхлой своей и сѣдой головою
 Ихъ тамъ вознесу передъ Богомъ съ молитвой.

Сказалъ онъ и самъ устранивъ своей рѣчью,
 Но думалъ, что Богъ не проникнетъ личины
 Закрытаго гроба, гдѣ кроется тлѣнье;
 Но совѣсть не скрыла его лицемѣрья;
 Онъ чувствовалъ это, хотя предъ собраньемъ
 Со взоромъ безстыдно-спокойнымъ стоялъ.

Сидѣлъ на златомъ своемъ стулѣ Каіафа,
 Томимый подавленной злобою въ сердцѣ.
 Отъ гнѣва всѣ члены его трепетали
 И яркимъ румянцемъ горѣло лице;
 Сидѣлъ онъ безмолвно, потушивши взоры.
 Увидѣвъ волненіе его, Садукееи
 Возстали, какъ буря, всѣ противъ Филона.
 Такъ точно бываетъ средь грознаго боя,
 Когда пораженный врагомъ полководецъ
 Вдругъ падаетъ мертвый съ своей колесницы,
 Тогда его кони, почуявъ свободу,
 Отсутствіе власти могучей руки,
 Еще за мгновеніе правившей ими,

Становятся съ бѣшенствомъ вдругъ на дыбы
 И ржутъ они, злобно другъ друга кусая;
 Глаза ихъ заискрятся, кровью нальются,
 И клубомъ валить у нихъ паръ изъ ноздрей,
 И стонетъ земля подъ копытами ихъ.
 Какъ вихрь они ринутся быстро впередъ...
 Такъ точно бы злоба теперь раздѣлила
 На части собранье, когда бъ между ними
 Не сталъ примирителемъ Гамалеиль.
 За кротость и умъ его все уважали.
 Сіяло чело его разумомъ свѣтлымъ.
 Онъ всталъ и къ собранію рѣчь свою началъ:

— О, ежели въ бурномъ волненіи ссоры
 Подѣйствовать можетъ разумное слово,
 И если доступна душѣ вашей мудрость,
 То выслушать всехъ васъ совѣтъ мой прошу.
 Когда вы все будете въ вѣчномъ раздорѣ
 И ежели всехъ васъ раздѣлитъ на части
 Пустое названье враждебное сектъ:
 Одни Фарисеи, а тѣ Садукеи,
 И ежели въ ссорѣ двѣ партіи будутъ, —
 То какъ же пророка погубите вы?
 Но впрочемъ, быть можетъ, Господь посылаетъ:
 Межъ вами раздоры, народа отцы,
 Лишь съ тѣмъ, чтобъ вы здѣсь не судили Мессіи.
 Самъ Богъ положилъ на судъ своемъ высшемъ
 Исполнить рѣшенье Свое надъ пророкомъ;
 Оставьте-жъ судъ Божій свершиться нимъ.
 Вы, можетъ быть, слабы и слишкомъ ничтожны,
 Чтобъ грома Всесильнаго Бога коснуться.
 Предъ этимъ оружіемъ могучимъ и грознымъ
 Трепещетъ все небо и рушится прахомъ.
 Умолкните все предъ могуществомъ Божьимъ
 И слушайте, молча, Грядущаго судъ!
 О, если, какъ громъ загремитъ Его голосъ,
 Съ востока до запада онъ пронесется,

И съ трепетомъ земли услышать велѣнье.
 Богъ скажетъ громамъ: Разразите его!
 И скажетъ Онъ бурѣ: Развѣй его кости,
 Какъ брѣнную пыль во все страны вселенной!
 Иль можетъ Онъ острому скажетъ мечу:
 Возстань ты въ рукахъ приготовленныхъ къ мщенью,
 И выпей до капли всю грѣшника кровь!
 Иль скажетъ Онъ пропастямъ страшнымъ земли:
 Раскройтесь и въ бездну его поглотите!
 Такъ вотъ что съ виновнымъ пророкомъ быть можетъ!—
 Но если же дастъ онъ божественнымъ чудомъ
 Землѣ благодать на грядущее время,
 И если слѣпецъ, чрезъ посредство его,
 Съ восторгомъ на солнце свой взоръ обратитъ,
 И взоромъ прозрѣвшимъ увидитъ Отца,
 Который божественной славой сіяетъ;
 (Простите мнѣ все вы, когда увлеченный
 Дѣлами великими здѣсь Иисуса,
 Быть можетъ, по вашимъ сужденьямъ, отцы,
 Я слишкомъ высоко объ немъ разсуждаю):
 Но если глухому онъ слухъ возвратитъ,
 Услышитъ тотъ ласковый голосъ невѣсты,
 Иль плачущей матери нѣжной рыданье,
 Услышитъ благую священника рѣчь,
 И въ пѣсняхъ священныхъ хвалу Божеству;
 О, ежели имъ воскрешенные придутъ,
 Укажутъ намъ взоромъ опять оживленнымъ
 На небо и гнѣвно посмотрятъ на насъ,
 Покажутъ могилы, гдѣ мертвыми были,
 И станутъ грозить намъ грядущимъ судомъ, —
 Судомъ, предъ которымъ они уже были.
 И ежели будетъ все такъ безпорочно
 Онъ жить между нами; подобиться Богу
 Своей добродѣтелью сильной Мессіа,
 Тогда, о отцы, заклиная васъ Богомъ,
 Скажите, должны-ли судить мы пророка?

Окончилъ такъ рѣчь свою Гамалеиль,
Но все еще тихо собраніе было,
Какъ будто бы слушая старца слова. —

Свѣтило роскошное солнце полудня —
Давно надъ стѣнами священнаго града,
Отъ зноя все пусто на улицахъ было.
Какъ воръ пробирался по стѣнкамъ Іуда,
Къ собранью старѣйшихъ народа онъ шелъ, —
И весело неся надъ нимъ Сатана,
А Итуріиль, его Ангелъ печальный,
Поникнувъ главою, шелъ тихо за нимъ.
Невидимо въ залу вступили они
И оба смотрѣли на бывшихъ въ собраньи.

Унылый, безмолвно сидѣлъ Никодимъ,
За дѣйствиємъ рѣчи слѣдилъ онъ спокойно;
Всѣ блѣдны и трепетны были, какъ грѣшникъ,
Когда надъ нимъ громъ раздается небесный.
Казалось Филонъ и Каіафа дрожали
Отъ слова премудраго Гамалеила.
Съ невольнымъ презрѣньемъ окинулъ глазами
Сидѣвшихъ народа отцовъ, Никодимъ, —
И всталъ, чтобы высказать мнѣнье свое.
Привѣтливый взглядъ его, мудрости полный
Души благородство вполне выражалъ.
Лице его грустно задумчиво было,
Но въ немъ отражалось такъ ясно
Спокойствіе совѣсти чистой души.
Глаза его, вѣрное зеркало сердца,
Полны были слезъ и тѣхъ слезъ не скрывали.
Онъ думалъ, что слушать его будутъ люди
Съ возвышеннымъ чувствомъ, какимъ обладалъ онъ.
— Пусть свыше Господь тебя благословить,
Ты лучшій изъ всѣхъ насъ, собравшихся здѣсь;
Блаженный изъ смертныхъ, о, Гамалеиль!
Господь тебя воинѣмъ сдѣлалъ великимъ,
Даръ слова Онъ далъ тебѣ вмѣсто меча.

Отъ словъ твоихъ сильныхъ потрясся нашъ мозгъ.
 Невольно отъ страха трясется всѣ члены,
 Темнѣть, мутится свѣтъ Божій въ глазахъ,
 Какъ будто мы видимъ теперь предъ собою,
 Въ карающей бурѣ Всесильнаго Бога,
 Въ грозѣ обращающей въ пепель мятежныхъ
 И самую землю, создавшую ихъ! —
 О, пусть защититъ тебя Самъ Всемогуцій,
 Внушившій душѣ твоей доблести мужа,
 И Божій посланникъ, Мессія, пусть будетъ
 Твоимъ покровителемъ, Гамалеиль.
 Пусть будетъ во вѣки Мессія твоимъ
 И всѣхъ благодатныхъ потомковъ твоихъ! —
 Но вамъ, о, пошлетъ-ли Господь благодать
 За то, что посмѣли преслѣдовать вы
 Святѣйшаго духомъ Пророка Господня?
 Надъ вами не будетъ Творца благодати,
 Погибшіе люди — Филонъ и Каіафа,
 Объ васъ только плакать я горько могу;
 А если доступны сердцамъ вашимъ слезы,
 Пролитыя мной за невиннаго духомъ,
 Взываютъ тѣ слезы къ вамъ голосомъ скорби
 И просятъ: Спасите невиннаго вы!
 Услышите ту просьбу, народа отцы!
 Но если священную кровь вы прольете,
 Какъ буря Господня она воззоветъ.
 До слуха Предвѣчнаго вопли той крови
 Достигнутъ, и мщеніе на страшномъ судѣ
 Свершится надъ вами за смерть Іисуса.
 И спроситъ Всесильный Судья Іудею:
 „Что сдѣлала ты, Іудея, съ Мессіей?“
 И если не будетъ межъ нами Мессіи, —
 Съ востока до запада всѣхъ Онъ погубитъ,
 Всѣхъ тѣхъ, кто виновенъ въ пролитіи крови
 Святаго Мессіи, — посланника Божья! —
 Сказалъ Никодимъ и на мѣсто вновь сѣлъ.

Филонъ оскорбленный, сверкая глазами,
 Сидѣлъ еще молча на мѣстѣ своемъ;
 Отъ злобы всѣ члены дрожали его;
 Но гордость невольно его заставляла
 Волненіе гнѣва въ себѣ подавить.
 Угрюмо, свирѣпо сверкалъ его взоръ;
 Казалось ему, что мракъ ночи глубокой.
 Наполнилъ собраніе все, какъ туманомъ.
 Готовъ былъ отъ злобы упасть онъ безъ чувства,
 Иль долженъ былъ кровь свою вдругъ оживить,
 Изливъ предъ собраньемъ кипѣвшую желчь.
 Въ волненіи быстро вскочилъ онъ вдругъ съ мѣста
 И сталъ среди залы; какъ черная туча
 Стоитъ неподвижно въ минуту грозы
 Надъ горной вершиной. — Вдругъ бури порывъ
 Отторгаетъ ее и помчится она
 И молніей съ громомъ потомъ разразится
 Надъ городомъ пыльнымъ; ударъ за ударомъ
 Тамъ, смерть и пожаръ, и въ развалинахъ стоны;
 Весь городъ дымится подъ грудой пепла. —
 Такъ ринувшись вышелъ Филонъ на средину,
 И радостно, въ тайнѣ, коварною рѣчью
 Его возбуждаетъ самъ духъ Сатана: —
 — Пусть будетъ могучее слово твое
 Подобно ужаснымъ и буйнымъ потокамъ
 Подземнаго мрачнаго адекаго царства;
 Тебя посвящаю на это Филонъ,
 Какъ мы посвящаемъ тамъ въ пропасти ада.
 Пусть дико и страшно та рѣчь твоя льется,
 Пусть будетъ могуча, какъ бури дыханье,
 Которою дышутъ уста мои въ безднѣ.
 О, пусть загремитъ твое сильное слово,
 Какъ нѣкогда съ горъ бесконечно высокихъ
 Гремѣло всесильное слово Егвы
 И гнѣвно, и страшно надъ пропастью ада,
 Что стихли потоки, какъ будто изсякли,

И трепетно слушали грозный глаголь,
 Волнуясь другъ другу его сообщали. —
 Филонъ, торжествуй, увлекая народъ!
 Подумай! Пусть сердце проникнется злобой
 И пусть переполнится желчью оно,
 Чтобъ рѣчи твоей позавидовать могъ
 Самъ Адрамелехъ — еслибъ былъ человѣкомъ.
 Надъ ложнымъ пророкомъ ты выскажи здѣсь
 Послѣдній и смертный его приговоръ.
 Въ награду я радостью сердце наполню,
 Въ тотъ мигъ, когда кровь ты увидишь пророка,
 Той радостью адской, которая намъ,
 Лишь жителямъ ада, доступна бываетъ. —
 Когда-же придешь ты въ подземное царство,
 Тебя твои спутники прямо проводятъ
 Къ отжившимъ душамъ тѣхъ героевъ великихъ,
 Которые всѣхъ убивали безъ страха. —

Такъ тихо съ собой разсуждалъ Сатана;
 Словамъ его злобнымъ съ тоскою внималъ
 Архангелъ задумчивый Итурилъ.

Филонъ-же глаза обратилъ къ небесамъ;
 Восторженно страшную рѣчь свою началъ:

— О, вѣчно дымящійся Божій Алтарь,
 Гдѣ въ знакъ примиренья, во славу Творца,
 Заколанъ быть долженъ божественный агнецъ,
 Создателя вышіе всѣ алтари,
 Гдѣ жертвы святые когда-то курились,
 Отраднымъ вздымаясь къ Творцу приношеньемъ;
 Святая-Святыхъ! Ты, союза ковчегъ
 И вы, Херувимы, и Ангелы смерти,
 И ты, Милосердія Божья Престоль,
 Гдѣ прежде Предвѣчный Господь возсѣдалъ
 Во мракѣ священномъ и судъ непреложный,
 Надъ грѣшнымъ преступникомъ Самъ совершая!
 Присутствіемъ Бога наполненный храмъ,
 И ты, о, Морія, царица всѣхъ горь,

Гдѣ голосъ божественный часто звучалъ,
 Когда Онъ бесѣдовалъ съ смертными въ мірѣ!
 Пусть Назарянинъ этотъ все уничтожить!
 А имъ совращенные, злобные люди,
 Въ пустыню печальную васъ обратятъ!
 Виновенъ не буду я въ этомъ злодѣйствѣ!
 Невиненъ предъ будущимъ я поколѣньемъ,
 Когда наши дѣти съ испуганнымъ взоромъ,
 Съ поднятыми къ небу отъ страха руками,
 Трясясь всѣмъ тѣломъ, во храмахъ отцовскихъ
 Искать будутъ Бога въ святыни Его
 И въ нихъ не отыщутъ присутствія Божья!
 Надъ силами неба, гдѣ Богъ возсѣдалъ,
 Воздвигнуть тамъ люди престолъ Іисусу
 И рабски всѣ будутъ ему поклоняться,
 И въ честь его жертвы тамъ будетъ дымиться,
 Гдѣ прежде святая завѣса висѣла,
 Куда лишь съ молитвой входили жрецы,
 Съ покрытымъ лицомъ, приступая со страхомъ,
 И благоговѣньемъ къ Святой-Святымъ!
 О, Боже! Не дай мнѣ увидѣть тѣхъ бѣдствій!
 Лиши меня зрѣнья скорѣе чѣмъ видѣть
 Подобное горе въ народѣ Твоемъ!
 Но все, что могу я теперь еще сдѣлать,
 Чтобъ предотвратить злодѣянія эти,
 Готовъ я исполнить предъ Господомъ Богомъ!
 Молюся я здѣсь, предъ лицомъ Твоимъ, Боже!
 О, если когда нибудь тамъ, въ небесахъ,
 Ты слушалъ молитвы изъ устъ чловѣка,
 Израилевъ Боже! Услыши мой голосъ!
 Какъ нѣкогда внялъ Ты мольбамъ Іліи,
 По просьбѣ его на вершинѣ Кармея,
 Пославъ на убійцъ свой небесный огонь,
 Какъ нѣкогда внялъ Моисея молитвамъ, —
 Землѣ въ свои нѣдра велѣлъ поглотить
 Дафана и Хора, а съ нимъ Авирона;

Услыши, о Боже, мое Ты моленье! —
 Я здѣсь проклиная Тебя посрамившихъ,
 Защитниковъ грѣшника, всѣхъ и его —
 Врага Моисея! Пусть всѣ тѣ мученья,
 Которымъ подвергнется тотъ ясновидецъ,
 Какъ кара падутъ на тебя, Никодимъ.
 Пусть будутъ съ нимъ вмѣстѣ останки твои
 Съ костями преступниковъ брошены тамъ,
 Гдѣ камнемъ побиты они за злодѣйства, —
 Далеко отъ храма Всесильнаго Бога!
 О, пусть Божеству непокорное сердце
 Въ тебѣ очерствѣетъ въ часъ смерти твоей,
 Не могъ чтобъ покаяться ты передъ Богомъ.
 Пусть высохнутъ слезы навѣки въ глазахъ,
 Чтобъ плакать не могъ ты въ минуту кончины,
 Когда обратиться захочешь ты къ Богу, —
 За то, что проклятаго здѣсь защищая,
 Объ немъ проливалъ ты нечистыя слезы
 И смѣлъ возставать за него противъ Бога!
 Недавно ты здѣсь защищалъ ясновидца,
 А прежде тебя еще Гамалеиль!
 Закроются взоры твои пусть навѣки
 Вдругъ мракомъ глубокой, ужаснѣйшей ночи, —
 И жди ты напрасно въ томительныхъ мукахъ,
 Чтобъ зрѣнье тебѣ возвратилъ Іисусъ.
 На вѣкъ глухотою пусть слухъ поразится,
 И страшная смерть твои дни прекратитъ.
 Тогда согнивая, валяйся и жди ты,
 Пока не разбудитъ тебя Іисусъ.
 Лежи ты и тлѣй въ ожиданьяхъ напрасныхъ.
 И чернь, предъ которой еще такъ недавно
 Мечтая, торжественно ты говорилъ:
 „Настанетъ минута, меня воскреситъ Онъ!“
 Пусть чернь та, которая вмѣстѣ съ тобою
 Ему удивлялась смотря на него,
 Придетъ на могилу твою эта чернь

Ругаться надъ тѣломъ истлѣвшимъ твоимъ,
 И будетъ смѣяться она надъ пророкомъ!
 А тамъ, на послѣднемъ Господнемъ судѣ,
 Услышитъ душа твоя свой приговоръ. —
 О, Боже! Воздвигни Ты грозную руку
 И этого грѣшника здѣсь порази!
 Творецъ Всемогущій! Рази Никодима!
 Исполни, о Боже! мое Ты проклятье
 Надъ ними во славу святую Твою!
 Повергни Ты Гамалеила здѣсь въ прахъ
 И въ бездну низвергни, гдѣ смерть обитаетъ. —
 Но гнѣвъ обрати свой карающій, страшный,
 Тотъ гнѣвъ, предъ которымъ вселенная вся
 И бездна подземнаго ада трепещетъ
 Съ громами своими, гремящими грозно
 Въ Твоихъ небесахъ, о Господь Безконечный,
 Тотъ гнѣвъ обрати на главу Іисуса,
 Какъ большаго грѣшника имъ порази!

Я также когда-то былъ молодъ и бодръ,
 Но сдѣлался дряхлымъ теперь старикомъ,
 Однако всю жизнь я, подобно отцамъ,
 Тебя неизмѣнно и набожно чтилъ;
 Но если преступный тотъ сынъ Назарета,
 Теперь торжествуя, въ ничто обратитъ
 Союзъ, предъ которымъ всѣ благоговѣли,
 Въ ничто обратитъ онъ святыню Твою
 И данный Тобою обѣтъ Аврааму:
 Земныя въ немъ благословить племена!
 Тогда я торжественно здѣсь отрекаюсь
 На вѣкъ отъ Тебя передъ всей Іудеей.
 Отвергну законъ Твой Божественный я,
 Не зная Тебя свои дни доживу,
 На камень холодный могилы своей
 Склонюсь безъ Тебя посѣдѣвшей главою!
 И если съ земли не сотрешь Ты теперь
 Преступнаго, дерзкаго Назарянина,

Тогда не являлся Ты предъ Моисеемъ!
 Но видѣлъ онъ призракъ въ пустой купинѣ,
 Объятой огнемъ, у подножья Хорива;
 И въ образѣ дивномъ ему не являлся
 Ты тамъ, на вершинѣ Синайской горы!
 Не слышались звуки трубы Твоей грозной!
 Тамъ мощные громы Твои не гремѣли,
 Гора не тряслась подъ стопами Твоими!
 Съ временъ незапамятныхъ наши отцы
 Обмануты были, а съ ними и мы;
 Межъ всѣми народами міра земнаго
 Мы самые горькіе, жалкіе люди!
 О, горе намъ! Горе! Тогда нѣтъ закона!
 Не можешь Ты Богомъ Израиля быть!

Такъ яростно кончилъ Филонъ свою рѣчь
 И снова на мѣсто свое возвратился.

Однако спокойно стоялъ Никодимъ,
 Какъ съ совѣстью чистой стоитъ человѣкъ,
 Вполнѣ сознавая свою непорочность,
 И терпѣть гонителей всѣ притѣсненья. —
 Лице его было серьезно и строго.
 Невольно Божественный мужъ вспоминалъ
 Священную ночь ту, когда Икупитель
 О вѣчности кротко ему говорилъ
 И тайны Господни предъ нимъ открывалъ.
 Когда Онъ, проникнутый мыслью глубокой,
 Съ улыбкой небесной стоялъ передъ нимъ.
 И образъ Божественный, полный любви,
 Спокойно тогда Никодимъ созерцалъ;
 Въ Немъ видѣлъ онъ болѣе чѣмъ человѣка.
 Онъ видѣлъ невинность въ Божественномъ взорѣ
 И прелесть небесную жителя рая.
 Въ возвышенныхъ, кроткихъ чертахъ отражался
 Предвѣчнаго Бога Божественный образъ.
 Въ Немъ видѣлъ онъ Сына Отца Всеблагаго. —
 Стоялъ онъ въ молитву душой погруженный,

Огонь благодати и трепеть небесный
 Его возносили превыше людей;
 Неправаго гнѣва онъ ихъ не страшился.
 Онъ думалъ, что взоръ Всемогущаго Бога
 Съ небесныхъ высотъ обращенъ на него.
 Казалось, что все человѣчество здѣсь,
 Пришедшее слышать всемірный свой судъ,
 Спокойствія полный, стоялъ Никодимъ.
 Со злобой смотрѣли жрецы на него,
 Но слово свое онъ ихъ слушать принудилъ:
 — Хвала мнѣ, что смертные взоры мои
 Тебя удостоились видѣть, Мессія!
 Хвала мнѣ и слава! Я видѣлъ Его —
 Надежду отцовъ, Искупителя міра,
 Котораго въ роцѣ Мамврійской неразъ,
 Сидя одиноко, стремился душою
 Увидѣть самъ праотецъ нашъ Авраамъ!
 Увидѣть Тебя, объ которомъ напрасно
 Давидъ, погруженный душою въ молитвы,
 Усердно просилъ Вседержителя Бога,
 Чтобъ шель Ты изъ рукъ Всеблагаго Отца!
 Увидѣть Тебя, объ которомъ Пророки
 Мечтали и плакали горько во прахѣ,
 Желая мгновенье одно созерцать
 Тебя, возлюбившаго родъ человѣка! —
 Тѣ слезы самъ Богъ собиралъ и считалъ!
 А намъ недостойнымъ послалъ Его Богъ!
 Расторгнулъ Ты небо и къ намъ поспѣшилъ,
 Чтобъ благо народу любимому дать.
 О, дивный Сынъ Вѣчнаго Бога Отца,
 Иль какъ называютъ Тебя эти люди,
 Ты грѣшникъ преступный и Ты Ясновидецъ!
 О, Агнецъ невинный! Но кто-же они
 Которые смѣли назвать Тебя такъ?
 Когда-же Ты что нибудь ложное видѣлъ?
 Когда согрѣшалъ Ты здѣсь въ мірѣ земномъ?

И развѣ Онъ не былъ предъ цѣлымъ собраньемъ,
 Народомъ Израильскимъ всеѣмъ окруженный?
 Тамъ не былъ-ли самъ ты Филонъ въ это время,
 Когда Онъ такъ громко спросилъ у народа:
 „Кто можетъ меня обвинять въ прегрѣшеняхъ?“
 Гдѣ былъ въ ту минуту твой гнѣвъ, о, Филонъ?
 Зачѣмъ такъ безмолвно стоялъ ты тогда?
 Молчанье глубокое было кругомъ.
 Лишь все вопросительно, молча смотрѣли
 И дикія лица сіяли восторгомъ;
 Другіе-жъ смотрѣли съ заботливымъ страхомъ,
 И тихо и долго толпа ожидала,
 Чтобъ кто нибудь вышелъ Его обвинить.
 Когда-жъ ни одинъ изъ ужасной толпы
 Возстать не посмѣлъ на Пророка святаго,
 Тогда прославляя Его передъ Богомъ,
 Воззвалъ въ одинъ голосъ стоявшій народъ.
 Отъ радостныхъ криковъ тряслася Морія,
 И камни и горы тогда застонали.
 Тряслася и вершина горы Елеонской,
 Покрытая вся вѣковыми лѣсами.
 Тѣснились прозрѣвшіе, громко взывая,
 Тамъ Имъ исцѣленные были глухіе,
 Толпою безчисленной сбился народъ,
 Который Онъ нѣкогда чудомъ святымъ
 Насытилъ въ бесплодной и дикой пустынѣ, —
 Какъ друга людей всеѣ Его прославляли, —
 Тогда изъ толпы, вдругъ, послышался голосъ;
 То юноша, Имъ воскрешенный когда-то,
 Кричалъ онъ: „Ты болѣе, чѣмъ человекъ.
 И Ты не рожденъ, чтобъ какъ мы согрѣшать!
 Ты истинно Сынъ Вседержителя Бога!
 Рукою простертой теперь предъ Тобою
 Не могъ-бы владѣть я безъ помощи чудной;
 Глаза мои, полные слезъ, не смотрѣли-бъ,
 Теперь, о, Божественный, плачутъ они.

И радостно плачутъ, Тебя созерцая,
 И этой, восторгомъ объятой, души,
 Тогда больше не было въ тѣлѣ моемъ.
 Несли меня люди въ могилу къ умершимъ,
 Въ могилу, едва лишь начавшаго жить!
 Но Ты, Всемогущій, вдохнулъ въ меня жизнь:
 Глаза мои снова огнемъ загорѣлись,
 И двигаться стали застывшіе члены.
 Опять я увидѣлъ и землю, и небо,
 Увидѣлъ я подлѣ дрожащую мать!
 Ты вызвалъ назадъ отлетѣвшую душу.
 И къ мертвымъ въ могилу меня не зарыли.
 О, нѣтъ-же, Ты болѣе, чѣмъ человѣкъ,
 И Ты не рожденъ согрѣшать на землѣ!
 Хвала мнѣ! Ты истинно Вѣчнаго Сына!
 Ты міру обѣщанный Богомъ Спаситель!
 Блаженство и благо родившей Тебя!
 Блаженство вселенной, которую Ты
 Пришелъ искупить!“ Говорилъ такъ ребенокъ.
 Ты самъ былъ Филонъ тамъ и въ землю смотрѣлъ.
 Зачѣмъ-же молчалъ ты предъ всей Іудеей?
 Къ чему, повторяю я; бывшее все,
 Вы всё это знаете также, какъ я!
 И всё вы могли его видѣть и слышать,
 Когда бъ не затмился вашъ разумъ и сердце.
 И ты бы могъ видѣть давно въ Немъ Филонъ,
 Отца Вседержителя Вѣчнаго Сына,
 Но въ васъ человѣческихъ не было чувствъ!

Религія Божья! Ты радость всѣхъ смертныхъ!
 Какъ самъ благодатный Господь ты прекрасна,
 Ты лучшія думы всё намъ создаешь.
 О, ты добродѣтели чистой начало!
 Ты невыразима, какъ тамъ называютъ,
 Тебя Серафимы въ обители неба,
 Когда твой божественный лучъ проникаетъ,
 Въ высокую душу и въ чистое сердце! —

Когда-же ты черною тучей, какъ ночь,
 Бываешь закрыта, тогда ты ужасна!
 Какъ мечъ сокрушитель въ рукахъ палача,
 И крови, и смерти ужасной ты жрица!
 Страшна, какъ невинно убитого кровь,
 Тогда ты изчадь мятежнаго духа!
 Тогда ты лишь хищница грома святаго,
 Который Себѣ предоставилъ Судья.
 Стоишь ты ногою надъ бездною ада,
 А голову гордо подъемишь ты къ небу. —
 Когда безобразье порока въ душѣ,
 И врагъ челоуѣчества сердцемъ владѣть, —
 Тебя, о, Религія, онъ обращаетъ
 Тогда на ужасныя всѣ злодѣянья.
 Кого обучаешь теперь ты убить?
 Того, безъ котораго быть не могла-бъ ты,
 Кого уже славили дѣти твои
 И прежде, чѣмъ люди познали тебя;
 Того опозорить, кто твой Основатель,
 Кто самая сущность святости твоей!
 Того, какъ преступника смерти предать,
 Религія, можешь ли ты научать насъ!
 О, нѣтъ, ты не учишь подобнымъ злодѣйствамъ,
 Далеко отъ злобы ученье твое;
 Дочь Вѣчнаго ты, и начало ты мира!
 Ты даже и грѣшника смерти не хочешь,
 Тебя ужасаетъ пролитіе крови.
 Союзъ ты Божественный! Вѣчная жизнь!
 Душа содрогается въ тѣлѣ невольно,
 Згибаясь трепещутъ колѣна мои,
 Уныніе и страхъ потрясаютъ всѣ кости,
 Когда размышляю серьезно объ этомъ.
 И люди приводятъ меня въ содроганье.
 Меня проникаетъ при мысли одной
 Тогда отвращеніе къ созданіямъ Божьимъ.
 Я вижy, какъ мало подобныхъ въ васъ чувствъ,

Не можете вы и Религіи самой
 Отъ зла кровожаднаго здѣсь отличить!
 Ничтожны вы, жалки, какъ грубая чернь,
 Лучъ свѣтлый, прекрасный невинности чистой
 Невидѣнъ для васъ ослѣвленныхъ порокомъ.
 Хотя не нуждается въ этомъ невинность, —
 Ее видитъ небо и видитъ Самъ Богъ!
 Повѣрьте, не можетъ она содрогнуться,
 Когда ей проклятіемъ грѣшникъ грозитъ,
 Стоять удивляясь предъ ней Серафимы,
 Улыбкой святою дарить ее Вѣчный,
 И если изъ праха, въ которомъ живемъ мы,
 Возстанемъ мы противъ нее обвиняя,
 Презрительны, жалки съ своимъ обвиненьемъ,
 Появимся мы на послѣдній судъ Божій
 Предъ всѣмъ человѣчествомъ, вставшимъ изъ мертвыхъ;
 И насъ обвинять тогда будутъ предъ всѣми,
 Летая кругомъ, Серафимы небесъ,
 Какъ громъ загремитъ и Архангела голосъ,
 И гнѣвно отвергнетъ всѣхъ насъ согрѣшившихъ...
 Другихъ назоветъ онъ святыми предъ Богомъ;
 Господь повелитъ тогда праведныхъ всѣхъ
 Торжественно силамъ своимъ привести
 Къ Божественной славы своей и величью!
 Тогда мы, съ отчаяньемъ, будемъ просить
 Холодную землю: „покрой насъ собою!“
 Къ горамъ обратимся: „Обруштесь на насъ!“
 Къ глубокимъ морямъ: „Поглотите вы насъ!“
 Чтобъ гнѣвный Отецъ насъ увидѣть не могъ.
 О, ты, день послѣдній и страшный для всѣхъ,
 Во мнѣ укрѣпи ты душевныя силы,
 Горою божественной будь для меня,
 Куда-бы душою я могъ вознестися,
 Когда умирающій нашъ Икупитель
 Меня потрясетъ своимъ взглядомъ послѣднимъ,
 Заранѣ чувствуетъ сердце мое,

Какъ душу послѣдній тотъ взглядъ поразить.
 Когда твою близкую смерть, Искупитель,
 Я смутно, лишь въ мысляхъ моихъ созерцаю, —
 То чувствую, въ черепъ вливается мнѣ
 Сверкающій, гибельно рѣжущій мечъ;
 Напрасно возносишь ты душу мою
 Высокая дума. — Для сердца, въ которомъ
 Есть чувство и есть состраданье и страхъ,
 Ужель недоступны тому твои громы?
 И Ты умереть здѣсь Божественный долженъ!
 Когда-то носилъ я Тебя, какъ младенца,
 Съ душевнымъ восторгомъ держа на рукахъ.
 Съ какимъ-то невольнымъ, святымъ удивленьемъ,
 Съ любовью я къ сердцу Тебя прижималъ.
 Вокругъ Тебя были тогда Мудрецы,
 И все удивляясь, стояли они,
 Изъ устъ Твоихъ слыша ученье святое,
 И цѣлое небо Тебя окружало:
 Явились изъ вѣчности Ангеловъ сонмы,
 Все тихо ученю святому внимали,
 И пѣли восторженно гимны святыя.
 Потомъ Ты изъ мертвыхъ людей воскрешалъ;
 Твой взоръ укрощалъ и могучія бури;
 Послушны велѣньямъ Твоимъ они были,
 И страшныя бури стихали мгновенно;
 Иль волны сердитыя въ морѣ вздымались,
 Но вдругъ затихали предъ взоромъ Твоимъ,
 И Ты по утихшему морю ходилъ,
 Какъ будто на сушѣ, по гладкой равнинѣ.
 Смотрѣло все небо, какъ шествовалъ Ты. —
 И долженъ Божественный Ты умереть!
 Но пусть совершится Предвѣчнаго воля!
 Когда такъ назначено Имъ — умирай!
 Къ Твоей я могилѣ пойду со слезами,
 Къ святому источнику стѣнъ Виелеема,
 Гдѣ Дѣва Марія Тебя родила;

Хочу я тамъ плакать и тамъ умереть.
 О, Ангель союза! О, юноша свѣтлый!
 Пусть смерть Твоя будетъ и смертью моею,
 И тамъ-же пусть будетъ могила моя,
 Гдѣ будетъ покоиться Праведникъ Божій!
 Но что-жъ еще медлю я въ этомъ собраніи?
 И чистъ я и святъ удаляюсь отсюда;
 Услышалъ Ты, Боже, молитву мою.
 Я чистъ, отъ пролитія крови невинной.
 Зови-же къ Себѣ меня Боже! Отецъ!
 Участникомъ не былъ въ совѣтѣ я грѣшныхъ, —
 Ты видишь и знаешь Судья всего міра!

Сказавъ это, долго стоитъ Никодимъ,
 И тихо съ молитвою падаетъ ницъ:
 — О, Ты! еще бывшій здѣсь до Авраама,
 Свидѣтелемъ будь на послѣднемъ судѣ,
 Тебя я, какъ Бога молю, о, Мессія!

Какъ ликъ Серафима сіяетъ прекрасный,
 Такъ вдругъ просіяло лице Никодима,
 И тихо къ Филону онъ вновь обратился:

— Меня проклиналъ ты, а я, о, Филонъ,
 Тебѣ посылаю я благословенье;
 Вотъ такъ научилъ меня дѣйствовать Тотъ,
 Кому я, какъ Богу, смиренно молюся;
 Прости-же меня, и познай Его самъ,
 Когда твоей смерти настанетъ минута.
 И если тогда тебя будетъ страшить,
 Какъ море волнуясь, Невиннаго кровь,
 Готовая въ бездну тебя потопить,
 И станетъ гремѣть надъ тобою она
 Грозою небесной, какъ мстительный голосъ,
 И будешь ты слышать изъ вѣчнаго мрака,
 Какъ, грозно ступая стопою желѣзной,
 На судъ будетъ шествовать грозный Судья,
 Услышишь меча ты пронзительный звукъ, —
 То будетъ точить Онъ тотъ мечъ на вѣсахъ, —

И если въ то время, въ присутствіи Бога,
 Родятся въ душѣ твоей думы иныя,
 И ты потухающимъ взоромъ увидишь
 Минуту послѣдняго Божья суда,
 И слезно молить о прощеніи будешь,
 Раскаясь смиренно въ грѣхахъ передъ Богомъ,
 Услыши тебя Милосердый Господь,
 Тебя да проститъ Онъ, принявъ покаянье!

Сказалъ онъ и вышелъ изъ залы собранья;
 Съ нимъ вмѣстѣ изъ залы ушелъ и Іосифъ.
 Слѣдилъ за нимъ весело Итуріиль,
 Надъ нимъ, какъ объятія, крылья раскинувъ.
 Божественной думой сіялъ его взоръ,
 Улыбкой святою уста озарились,
 Главу его радости свѣтъ освѣнилъ;
 Такъ житель небесъ на землѣ охраняетъ
 Тѣ души, которыя любятъ другъ друга
 Взаимной и чистой святою любовью. —
 Въ забвеніи сидятъ они тихо подъ тѣнью,
 Ихъ нѣжная рѣчь упоительно летитъ;
 Ей тихо съ любовью внимаетъ Хранитель,
 И вмѣстѣ онъ слышитъ и пѣнье Элоа,
 Какъ дивно звучитъ его пѣнье святое
 Предъ вышнимъ престоломъ Предвѣчнаго Бога.
 Поетъ тамъ о вѣчномъ блаженствѣ избранникъ,
 Какъ смертные въ жизни загробной и вѣчной
 Увидятся снова съ любимыми ими;
 Внимаетъ Архангелъ тѣмъ пѣніямъ отраднымъ.
 И мощные звуки той арфы несутся,
 И льются далеко за звуками звуки, —
 За думами думы наводятъ они.
 Ихъ слушая, юноша таетъ въ восторгѣ,
 И нѣтъ выраженья, чтобъ выразить точно,
 То чувство блаженства, которымъ онъ полонъ, —
 Въ такомъ упоеніи Итуріиль
 Стоялъ безмятежно, съ собой разсуждая:

— Какое блаженство тебя увѣнчаетъ
По смерти Спасителя, родъ человѣка,
Когда твои души, подобныя этой,
Познаютъ святое ученье Христово,
И будутъ, какъ праведный мужъ Никодимъ,
Они христіане душою и сердцемъ.

Увидѣвъ восторженный духъ Серафима,
Невольно предъ нимъ Сатана содрогнулся,
Онъ Ангела думу высокую понялъ.

Иосифу кротко сказалъ Никодимъ;

— Ужель устыдился ты, милый Иосифъ,
Вступитья, какъ я, за пророка Мессію?

Упрекъ этотъ горько проникъ въ его сердце,
Не разъ уже плакалъ Иосифъ о томъ.
Задумчивый, грустный оставилъ онъ друга,
Отъ горя и слова не могъ произнести,
Лишь къ небу невинный свой взоръ обративъ,
Какъ будто искалъ утѣшенія въ немъ.

Когда Никодимъ удалился изъ залы,
Въ глубокомъ раздумьи осталось собранье,
О страшномъ судѣ размышляли отцы,
О днѣ томъ великомъ, когда всѣ страданья,
Душевные раны пробудятся снова,
И въ день воздаянья открыты предъ всемія,
Создавъ человѣка, Судья всего міра
Вложилъ въ его сердце тотъ внутренній голосъ,
Который, какъ тайный свидѣтель дѣлъ нашихъ,
Припомнитъ ихъ всѣ намъ въ день Божья суда.
Не будемъ мы въ силахъ тогда заглушить
Въ насъ грознаго голоса совѣсти нашей.

Сидѣли всѣ молча, потупивши взоры,
И скоро собранье бы все разошлось,
Когда-бъ не пришелъ Ученикъ Іисуса,
Погибшій Іуда явился къ старѣйшимъ;
За нимъ, съ удивленьемъ, слѣдили всѣ молча,
Когда приближался онъ тихо къ Каіафѣ,

И сталъ ему тайно о чемъ-то шептать. много рече
 Съ улыбкою слушалъ Каіафа Іуду, ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
 Потомъ, обратившись къ собранью, сказалъ: ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~

— Смотрите! въ Израилѣ есть еще люди,
 Которыхъ колѣна не гнуется предъ тѣмъ,
 Всеобщимъ кумиромъ. Вы видите здѣсь,
 Стоитъ передъ вами его Ученикъ;
 Не хочетъ закону отцовъ измѣнить онъ,
 За это достоинъ онъ быть награжденъ.

Іуда награду свою получилъ,
 И съ гордостью вышелъ изъ залы собранья,
 И только теперь онъ увидѣлъ ничтожность
 Награды за жалкій, презрѣнный поступокъ,
 Но льстилъ себя все еще сладкой надеждой,
 Что будетъ дано ему болѣе послѣ,
 Когда осторожно исполнить онъ дѣло. —

Надменный Филонъ, ненавистно, смотрѣлъ
 На мимо идущаго Искаріота;
 Досадовалъ онъ, что ничтожный изъ черни
 Съ нимъ вмѣстѣ одной удостоится чести;
 Однако съ улыбкой поклонъ посылалъ
 Іудѣ, какъ будто его ободряя
 Исполнить скорѣе начатое дѣло,
 И долго слѣдилъ за погибшимъ глазами. —

Такъ призракъ убійства съ насмѣшкой слѣдитъ,
 Когда побѣдитель на битву уходитъ;
 Его поощряетъ онъ тайно къ злодѣйству,
 Отрадныя грезы ему навѣвая,
 Вѣнчаетъ чело его лаврами славы,
 И тотъ очарованный грезами мчится
 Въ кровавую сѣчу, не помня себя,
 И сладко звучитъ ему грохотъ орудій;
 Въ глазахъ его тѣ только люди достойны,
 Которые ищутъ безсмертія въ славѣ,
 И дѣйствуютъ также злодѣйски, какъ онъ;
 Не слышитъ онъ раненныхъ жалобныхъ криковъ,

Ихъ стоны не трогаютъ сердца его,
И онъ забываетъ, что будетъ минута,
И громъ загремитъ и разбудить его,
Съ умершими вмѣстѣ на судъ призывая.

И скрылся Іуда отъ глазъ Фарисея,
Надеждой отрадной въ мечты погруженный.
Мессію, Учителя шелъ онъ искать. —

Покинувъ прохладную тѣнь, Іисусъ
Проходитъ спокойно долиною Кедрона,
Гдѣ въ чудной равнинѣ высокія пальмы
Скрываютъ въ тѣни своей быстрый потокъ.

Весь городъ священный Онъ видитъ вдали,
И храмъ его славный; а далѣе, тамъ,
Собранья враговъ своихъ пышный дворецъ;
Предвидитъ, что многіе скоро изъ нихъ

Къ Нему обратятся, и первыми будутъ
Они христіанами сердцемъ и духомъ.

— Свидѣтели будьте, сказалъ Искупитель
Апостоламъ тихо, Я больше не плачу.

О дѣтяхъ священнаго Града теперь.

Смотрите, тамъ праведныхъ кости въ могилахъ,
Всѣ Ерусалимомъ убиты они.

Но между живыми дѣтьми его есть

Тамъ много, которые будутъ Моими.

Свидѣтели будутъ мои они съ вами.

Теперь я исполнить спокойно готовъ

Святое рѣшеніе Отца моего,

О, все передъ вами откроется скоро;

Идите вы оба съ Петромъ, Іоаннъ,

И въ Ерусалимѣ тамъ встрѣтите вы

Близъ стѣнъ его юношу съ кружкой воды.

Онъ будетъ привѣтливо, часто смотрѣть

На васъ и полюбитъ двухъ странниковъ сердцемъ.

Идите за нимъ безъ боязни въ тотъ домъ,

Куда онъ войдетъ и скажите ему:

„Учитель, Мессія, прислалъ насъ сюда,

Чтобъ праздновать пасху здѣсь въ домѣ твоёмъ.
И праведный мужъ тотъ поспѣшно проводить
Васъ въ верхнюю залу, гдѣ все ужъ готово. —

И такъ, какъ предсказывалъ имъ Іисусъ, —
Нашли они все и хозяину дома
Велѣли готовить для пасхи ягненка;
Но Петръ не дождавшись уходитъ на кровлю,
Чтобъ видѣть идущаго къ нимъ Іисуса.
Тамъ, гдѣ пролегаетъ въ Вифанію путь,
Въ ту сторону города страстно смотрѣлъ онъ,
И взоръ, обнимая окрестности даль,
Увидѣлъ идущую мать Іисуса,
И съ нею немногихъ друзей ея вѣрныхъ.

Марія, не видя любимаго сына,
Тоскуя, усталая, ищетъ Его.
Проводить въ слезахъ она цѣлыя ночи.
Однако страданія не измѣнили
Всей прелести образа юной Маріи.
Ей много достоинствъ дала непорочность,
Чужда была гордость душѣ ея свѣтлой,
Исполненной истинныхъ чувствъ чловѣка;
Такими бы были всѣ дочери Еввы,
Когда-бъ непорочною Евва осталась. —
Марія шла тихо съ друзьями своими,
Которые всюду ее провожали. —
И Лазарь, недавно Христомъ воскрешенный,
Шелъ рядомъ съ Маріею Дѣвой святой;
Глаза его въ землю потуплены были;
Но къ небу стремились всѣ думы его.
Они вспоминали ему ту минуту,
Когда съ него смерти оковы упали,
Какъ созданный снова изъ праха онъ всталъ,
Предсталъ онъ предъ взоры Спасителя міра
Съ божественнымъ трепетомъ, Имъ воскрешенный;
И духомъ спокоенъ и полонъ блаженства,
Теперь убѣжденный въ безсмертіи своемъ. —

Такое блаженство мы видимъ нерѣдко
 Въ лицѣ христьянина, когда онъ отходитъ
 Съ улыбкой веселой въ загробную жизнь;
 Въ улыбкѣ той много возвышенныхъ чувствъ,
 Но бѣденъ, безсиленъ языкъ человѣка,
 Чтобъ выразить могъ онъ вполнѣ эти чувства.
 Была и Марія, сестра его съ ними,
 Избравшая лучшую, вѣчную часть;
 Когда такъ спокойно, невинная сердцемъ,
 Сидѣла у ногъ Иисуса, внимая
 Священному слову Спасителя грѣшныхъ.
 За праведнымъ братомъ шла тихо Марія,
 Лице ея было, какъ мертвое, блѣдно,
 Въ глазахъ ея полныхъ унынья и грусти
 Не разъ появлялись горячія слезы;
 Всѣ думы невинной души ея были
 Направлены къ брату и къ Нафанаилу,
 Котораго называлъ Мессія правдивымъ. —
 Съ тѣхъ поръ, какъ изъ мертвыхъ воскресъ ея братъ,
 Ей сномъ непонятнымъ казалась вся жизнь,
 И тихо ждала она смерти минуту,
 И только за брата и Нафанаила,
 Любимаго истинной, чистой любовью,
 Страшилась невольно той блѣдности смертной,
 Которую видятъ подруги ея
 И ей говорятъ объ ней съ грустью тревожной.
 Съ Марією рядомъ шла дочь Гаира,
 Какъ Ангелъ прекрасная, скромная Сидли.
 Едва ей двѣнадцать исполнилось лѣтъ,
 Когда она весело съ жизнью простилась,
 Безжизненнымъ трупомъ лежала ужъ Сидли
 Предъ взорами матери, плакавшей горько,
 Но прибылъ Мессія и слезы утѣшилъ
 Онъ плачущей матери дочь возвратилъ. —
 Хранятся въ невинной душѣ молодой
 Слѣды воскресенія свято съ тѣхъ поръ

Но Сидли не знаетъ любви той высокой,
Которою полно такъ сердце ея. —

Такъ нѣкогда взрослая шла Суламита,
Прекраснѣе всѣхъ соплеменницъ своихъ,
Когда ее мать разбудила въ день знойный
Подъ яблоней, гдѣ родилася малютка.
И голосомъ нѣжнымъ уснувшую дочь
Тихонько, по имени, кликала мать:
„Моя Суламита! О, милая, встань,
Иди, тебя мать твоя тихо проводитъ
Подъ мирты душистыя, въ мрачную тѣнь“.
Пахнуло ей въ сердце тамъ первое чувство,
И трепеть желаній ее научилъ
Достойнаго юношу сердцемъ избрать.

Такъ точно и Сидли идетъ, опираясь
На руку Маріи, внимавшей Мессіи.
Какъ цвѣтъ молодой еще жизни прекрасенъ,
За скромною Сидли шелъ тихо Семида,
Вились его кудри волной по плечамъ,
И былъ онъ прекрасенъ, какъ юный Давидъ,
Когда близъ источника онъ Виелема
Сидѣлъ одиноко и слушалъ съ восторгомъ
Въ журчаніи водъ Вездѣсущаго Бога. —
Лишь не улыбался подобно Давиду
Семида, воскрешенный Мессіей въ Наинѣ.

Увидѣвъ Петра, Искупителя мать
Поспѣшно пошла, чтобы видѣть Мессію;
Но Петръ съ Іоанномъ къ ней вышли навстрѣчу.

Когда подошли они ближе къ Маріи,
То оба, увидѣвъ ее, удивились. —
Такъ много высоко-святаго въ ней было,
Въ такое величье облекъ ее Тотъ,
Кто прежде чѣмъ сдѣлался Самъ человѣкомъ,
Создателемъ былъ и опять же Имъ будетъ,
Когда возсоздастъ воскресеньемъ изъ праха
Съ тѣлами безсмертными новыя души.

Какъ чудно великъ ты, священный Фаворъ,
 Предъ всѣми горами во всей Палестинѣ,
 Какъ бывший свидѣтель величія Спаса,
 Хотя и покоится тихо Сіонъ,
 Подъ взоромъ могучимъ Всесильнаго Бога;
 Хотя принимала Спасителя міра
 И часто вершина Масличной горы,
 Когда Онъ въ молитвахъ своихъ подвизался;
 Хотя на высокой вершинѣ Моріи
 Покоится вѣчно Святая-Святыхъ, —
 Но всеже святѣе всѣхъ горъ Палестины
 Свидѣтель великаго Преображенья. —
 Такъ точно и Дѣва святая Марія
 Святѣе всѣхъ смертныхъ и выше всѣхъ женъ. —

Не видя Мессіи съ любимцами вмѣстѣ,
 Она къ Іоанну свой взоръ обратила:
 — Но гдѣ-же, мой милый, скажи мнѣ, гдѣ Тотъ,
 Кого на рукахъ я носила своихъ,
 Который такъ часто съ младенческимъ взглядомъ
 Ко мнѣ приклонился на сердцѣ главою?
 — Мнѣ страшно назвать Его сыномъ своимъ —
 Онъ слишкомъ возвышенъ и полонъ чудесъ,
 Чтобъ быть отъ Маріи рожденнымъ и ею
 Быть нѣжно и страстно любимымъ какъ сынъ.
 Скажи-же мнѣ, милый, скажи Іоаннъ,
 Ахъ, гдѣ-же Онъ, гдѣ-же Предвѣчнаго Сынъ?
 Чтобъ Онъ не отправился въ Ерусалимъ, —
 Они все убить Его думаютъ тамъ.
 О, люди! Убить они ищутъ Того,
 Котораго грудь вскормила моя,
 Его, на котораго я со слезами
 Смотрѣла какъ мать, когда былъ Онъ младенцемъ.

Тогда Іоаннъ ей отвѣтилъ съ волненіемъ:
 — Останься здѣсь съ нами, сюда Онъ послалъ насъ,
 И агнца для пасхи велѣлъ заколотъ.
 Онъ самъ изъ Вифаніи скоро придетъ;

Марія, дождись Его съ нами ты здѣсь,
 Ему ты расскажешь, что сердце твое,
 Какъ матери нѣжной, тебѣ говорить;
 О, мать ты достойная Сына, какъ Онъ.

Стояли всѣ молча, потупивши взоры.
 Сестра воскрешеннаго Лазаря, тихо
 Склонилася къ Сидли, подругѣ любимой.
 Приблизился къ Сидли Семидъ и, безмолвно,
 Стоялъ онъ за нею потупивши взоры.
 Давно она знала какое страданье
 Скрывается въ любящемъ сердцѣ Семида,
 И бросила косвенный взглядъ на него;
 Въ глазахъ его полныхъ унынья и грусти
 Вполнѣ отражалось души его чувство.
 И млѣло въ ней сердце; за думою дума
 Смѣняется быстро — такъ думала Сидли:
 — О, юноша чистый, томишься ты грустью,
 И дни твои вянуть подъ гнетомъ печали,
 Страданія эти всѣ ради меня!
 Достояна-ли Сидли любви твоей чистой?
 Желала-бъ душею твоею я быть,
 Давно отъ тебя научиться желаю
 Святой добродѣтели истинныхъ чувствъ,
 Чтобъ свято и нѣжно любить тебя такъ,
 Какъ нѣкогда было при нашихъ отцахъ, —
 Любили тѣ дщери Іерусалима:
 Желала-бы слѣдовать я за тобою,
 Какъ агнецъ послушный, и всѣ твои мысли
 Угадывать сердцемъ, и ихъ исполнять;
 Какъ вдругъ оживаетъ отъ первыхъ лучей
 Денницы привѣтливой роза въ долинѣ,
 Такъ точно въ объятіяхъ чистыхъ твоихъ
 Душею желала-бы я возродиться, —
 Чтобъ вѣкъ быть твоею и вѣчно любить!
 Зачѣмъ посвятила меня моя мать
 Небесному строгому Божью закону?...

Но нѣтъ, я молчу и спокойно склоняюсь жод, идаМ
 Предъ волею мудрою матери нѣжной, ивевр ит уиТ
 Я ей повинуюсь и — голосу Бога, жин иветск гивИ
 Я встала изъ мертвыхъ и жизни земной ит итаи О
 Должна быть чужда, какъ и самой землѣ, —отО
 Чтобъ смертныхъ дѣтей ей родить я могла; вртсО
 О, если-бы могъ ты въ себѣ утишить ги ивекноиО
 Души своей скорби, о, юноша чистый, ивекнидиП
 Нашла-бъ утѣшенье я въ счастья твоемъ, ивекно О
 О, если-бъ могла на устахъ твоихъ снова ивекно О
 Увидѣть промчавшихся дней я улыбку, ивекниО
 Тѣхъ дней беззаботныхъ, ребяческой жизни, ивекно П
 Когда незнакомы тебѣ были слезы; ивекни О
 Когда, ускользя отъ нѣжныхъ объятій, ивекно П
 Твоей милой матери, быстро спѣшила ивекно П
 Я съ дѣтскимъ восторгомъ въ объятія твои, ивекно О

Такъ думала Сидли и сердце невольно ивекно О —
 Стѣснилось въ груди ея чувствомъ тяжелымъ, ивекно П
 Горячія слезы въ глазахъ наворачнулись; — ивекно О
 Тѣ слезы не скрылись отъ взоровъ Семида, ивекно О
 Хотя и накинута быстро покровъ ивекно О
 Себѣ на лице свое грустное Сидли, ивекно О

Уходить печальный Семидъ изъ покоя. — ивекно О
 Стоитъ онъ, тоскливо поникнувъ главою, ивекно О
 И съ грустью глубокою тихо мечтаетъ: ивекно О

Зачѣмъ эти слезы! О чемъ она плачетъ? ивекно О
 Не въ силахъ былъ видѣть я больше тѣхъ слезъ, — ивекно О
 Они раздирали на части мнѣ сердце, ивекно П
 О, вы, драгоценныя, чистыя слезы! ивекно О
 Дрожали такъ тихо вы въ кроткихъ глазахъ ивекно П
 И точно огнемъ мою душу сжигали, ивекно О
 О, если-бъ одна хоть изъ слезъ тѣхъ прекрасныхъ ивекно О
 Скатилась изъ глазъ ея, ради меня, ивекно О
 Тогда я спокойнѣй смотрѣлъ-бы на жизнь, ивекно О
 Вся жизнь моя полная горькихъ страданій, ивекно О
 Есть только глубокая дума объ ней, ивекно О

Во мнѣ ты безсмертна! Жилица святая,
 Владычица бренной ты хижины этой!
 Рожденная Божьимъ дыханьемъ душа!
 Тебя Сотворившаго образъ ты вѣрный!
 Наслѣдница свѣтлая вѣчности цѣлой!
 Иль какъ ты въ минуту созданья была
 Безсмертными силами названа тамъ. —
 Скажи ты мнѣ, Сидли, къ тебѣ обращаюсь,
 Открой предо мной мою темную участь,
 Скажи мнѣ, душа, я къ тебѣ обращаюсь,
 Давно утомленный печальною жизнью,
 Скажи, отчего, когда вижу тебя,
 Воскресшую къ жизни безсмертной и лучшей,
 Иль даже далека я когда отъ нея,
 Но только объ Сидли подумаю тихо,
 Родятся вдругъ новыя думы въ душѣ,
 Совсѣмъ незнакомыя прежде мнѣ думы?
 Зачѣмъ, когда слышу я голосъ серебристый
 Изъ устъ моей Сидли, иль взоръ ея встрѣчу, —
 Забьется такъ быстро въ груди моей сердце,
 Пробудятся сильно въ немъ чувства святые
 Въ душѣ моей быстро тѣсняются тѣ чувства,
 Невинны и чисты, и, такъ благородны
 Они, какъ дѣянiя мудраго мужа?
 Скажи, отъ чего-же, при мысли одной,
 Что Сидли не любить, — сожмется вдругъ больно
 Въ груди моей сердце и темная ночь
 Разсудокъ затмить и, какъ будто сонъ смерти
 Гнететъ меня страшно и тянетъ въ могилу, —
 Тогда я тоскливо брожу надъ могилой,
 Къ которой такъ близокъ когда-то я былъ,
 И плачу объ горѣ своемъ я надъ нею?
 Какъ часто принудить себя я хотѣлъ-бы
 Забыть образъ Сидли; но тщетны старанья!
 Какой-то божественный голосъ такъ сладко
 И такъ гармонически въ сердцѣ звучить,

И тихо онъ сердце мое принуждаетъ
 Любить мою Сидли, любить ее вѣчно.
 Хотя и молчишь ты и чувства твои
 Сокрыты глубоко въ душѣ твоей чистой,
 Однако любить тебя вѣчно я буду. —
 Какъ билось спокойно въ груди моей сердце
 Въ тѣ дни, когда съ трепетомъ смѣлъ я мечтать,
 Что ты для меня создана, — моя Сидли.
 Осмѣлюсь-ли снова душой обратиться
 Къ той мысли отрадной и полной блаженства?
 И могутъ-ли быть униженьемъ твоимъ
 Страданія сердца, когда самимъ небомъ
 Ты мнѣ предназначена въ жизни была?
 Къ тебѣ безпредѣльное чувство любви
 Меня научило душой понимать
 Святой добродѣтели признакъ малѣйшій,
 Котораго прежде замѣтить не могъ я;
 Сталъ слышенъ мнѣ голосъ священнаго долга,
 Теперь даже издали звукъ его легкій,
 Божественный звукъ тотъ, какъ шелестъ невнятный,
 Неслышенъ другимъ; для меня-же доступенъ!
 Какъ кроткій, невинный ребенокъ внимаетъ
 Велѣніямъ нѣжнаго голоса сердца,
 Такъ слѣдовалъ свято закону я долга;
 Тебя, чрезъ ошибку какую нибудь,
 Боялся утратить на вѣкъ я для сердца.
 Такимъ-то возвышеннымъ даромъ ты Божиимъ
 Была въ этой жизни всегда для меня.
 О, какъ благодаренъ я былъ Всеблагодуну
 За то, что на крыльяхъ воздушныхъ и чистыхъ
 Невинности свѣтлой твоей, моя Сидли,
 Я ближе и ближе къ Тому возвышался,
 Кто создалъ такъ дивно, прекрасно тебя,
 Кто чувство святое вложилъ въ мое сердце,
 Создавъ твое сердце божественно такъ.
 Какъ нѣкогда съ сладкой улыбкой восторга,

Родивъ тебя, мать твоя тихо склонялась
 Надъ юной головкой со страхомъ смертельнымъ,
 Чтобъ ты не заснула сномъ тихимъ на вѣки,
 Тогда еще не было слышно шаговъ ей
 Помощника, шедшаго къ намъ въ Іудею,
 И не былъ ей слышенъ тогда Его голосъ. —
 Такъ точно душа, потрясенная чувствомъ,
 Приходитъ къ той мысли высокой, блаженной,
 Что ты для нея создана была Богомъ. —
 Душа, созерцающая ту дивную думу,
 Въ ней видитъ глубокую вѣчности мысль
 И видитъ конечную цѣль бытія. —
 Она, упоенная чувствомъ восторга,
 Тогда озаряется свѣтомъ небеснымъ,
 Который такъ рѣдко съ небесныхъ высотъ
 Нисходитъ, касаясь души человѣка. —
 Когда во мнѣ дума иная рождалась
 Печальная, черная дума, какъ ночь,
 Что вѣкъ одинокимъ мнѣ быть суждено, —
 Во снѣ будто смертномъ душа изнывала,
 Теряла съ тобою, о, Сидли, все въ жизни, —
 Я былъ въ мірозданіи цѣломъ одинъ.

Во имя святаго всего въ этомъ мірѣ
 Тебя заклинаю, о, Сидли моя!
 Во имя любви, — добродѣтели чистой
 И дивной, небесной твоей красоты,
 Которая душу твою возвышаетъ
 Надъ прахомъ земнымъ, и во имя святаго
 Возстанья изъ мертвыхъ, во имя безсмертья, —
 Тебя заклинаю, мой другъ, моя Сидли,
 Скажи мнѣ, могло-ль твое сердце не знать,
 Какъ много таится любви въ моемъ сердцѣ?

О, мысль благодатная, сладкая мысль,
 Что оба мы вмѣстѣ воскресли изъ мертвыхъ,
 И, можетъ быть, вновь не умремъ никогда,
 Что оба для лучшей назначены жизни. —

Умолкните дерзкія сердца желанья,
 Тѣ думы далеко меня увлекутъ!
 Быть можетъ, я пламенно слишкомъ люблю!
 Могу-ли съ избыткомъ тебя я любить?
 Съ кѣмъ лучшую жизнь я желалъ-бы вкусить,
 Чѣмъ эта земная жизнь полная тлѣнья?
 Но съ нею, будь тамъ я, иль здѣсь на землѣ, —
 Вездѣ буду сильно душою любить
 Творца сотворившаго насъ, и все небо. —
 Но время ли думать объ этомъ теперь,
 Когда Иисусъ — Тотъ божественный Сынъ
 И мой избавитель, въ опасности Самъ —
 Когда Ему смерть угрожаетъ? Но нѣтъ!
 Могу-ль я повѣрить, чтобъ могъ умереть Онъ,
 Недавно изъ мертвыхъ меня воскресившій?
 И Онъ же такъ часто уже избѣгалъ
 Отъ дерзкихъ попытокъ безумныхъ враговъ!
 Но все же могу-ли и смѣю-ли я
 Страданьямъ и грусти своей предаваться,
 Когда угрожаетъ опасность Ему?
 Прости мнѣ, Божественный мой Избавитель! —
 Забудь мимолетное горе свое,
 И будь всей душою ты преданъ Тому,
 Кто разъ изъ могилы сырой тебя вызвалъ.
 Стремись всей душою и сердцемъ, Семидъ,
 Увидѣть исходъ предназначенный Вѣчнымъ
 Тому, Кто избавилъ отъ смерти тебя. —
 Такъ думалъ Семидъ и поспѣшно оставилъ
 Высокія стѣны Іерусалима,
 И быстро направилъ шаги свои онъ
 Къ скалѣ одинокой, пустынной и дикой,
 Въ которой недавно готова была
 Могила для мертвого тѣла его.
 Всѣ молча и трепетно ждали Мессію,
 Томимая страхомъ невольнымъ Марія
 Привстала съ волненьемъ, сказавъ Іоанну:

— Нейдетъ Онъ! Пойду я на встрѣчу къ Нему,
 И если враги не убили Его,
 И если достойна хоть разъ еще видѣть
 Я образъ Пророка, — то Онъ, милосердно,
 Съ улыбкой на мать свою взоръ обратить. —
 Тогда я осмѣлюсь, взглянувъ на Него,
 Къ небеснымъ стопамъ Его пасть со слезами:
 Вѣдь былъ Милосердъ же Онъ, Самъ, допустивъ,
 Въ слезахъ Магдалину къ ногамъ своимъ пасть,
 Хотя и не мать Магдалина Ему.
 Я брошусь со страхомъ къ ногамъ Его чистымъ,
 И крѣпко обнявъ ихъ руками своими,
 У ногъ буду плакать, когда же глаза
 Отъ слезъ утомятся, взгляну я, какъ мать,
 На образъ небесный Его и скажу:
 „О, ради пролитыхъ Тобою слезъ первыхъ
 Здѣсь въ знакъ милосердья, когда Ты родился,
 И ради блаженства того и восторга,
 Которые влилъ Ты мнѣ въ сердце мое,
 Когда такъ восторженно Ангелы пѣли,
 Твое рождество на землѣ прославляя,
 О, если была я когда нибудь прежде
 Тебѣ драгоцѣнна, какъ мать — и Ты помнишь
 То время, когда съ благосклонностью сына,
 Ты радости Матери такъ наградилъ,
 Въ то время, какъ тщетно Тебя я искала,
 И въ храмъ нашла среди мудрыхъ ученыхъ,
 Которые слушали слово Твое,
 Смотря на Тебя съ удивленьемъ нѣмымъ.
 И храмъ, и всѣхъ мудрыхъ забывъ въ то мгновенье,
 Я бросилась съ радостнымъ крикомъ къ Тебѣ
 И нѣжно, и крѣпко къ груди прижимала,
 И только съ молитвою взоръ обратила
 Къ Тому я, кто Вѣченъ и все сотворилъ. —
 О, ради небесной той радости свѣтлой,
 Блаженной, какъ вѣчность быть можетъ сама,

Во имя великой любви къ человѣку,
 Которою смертныхъ Ты всѣхъ награждаешь, —
 Молю Тебя, сжался надъ матерью бѣдной
 И ради меня Свою жизнь сохрани!

Сказала Марія и скрылась изъ залы...

Сынъ Вѣчный увидѣлъ идущую мать.

Онъ взоромъ не смертнаго видѣлъ ее,
 Но видитъ божественнымъ взоромъ, который
 Предъ Нимъ открываетъ рожденіе червя,
 Въ ничтожной пылинкѣ, гдѣ движется онъ,
 И гдѣ незамѣтно течетъ его жизнь. —
 И видитъ божественнымъ взоромъ Онъ тѣмъ,
 Высокія думы святыхъ Серафимовъ. —

Когда Я воскресну, тогда надъ тобою
 Я сжалюсь, Марія, и больше чѣмъ можетъ
 Надъ сыномъ когда нибудь сжалиться мать. —

Такъ думалъ Мессія и тихо пошелъ
 Дорогой другой Онъ въ Ерусалимъ.
 Ужъ сумракъ вечерній спускался на землю,
 Окрестность далекая въ мракъ погрузилась;
 Апостолы шли за Мессіею молча,
 И даже незримые спутники всѣ
 Слѣдили безмолвно за Нимъ въ отдаленіи.
 Такъ шествуя тихо, они подходили
 Все ближе и ближе всѣ къ лобному мѣсту.
 На склонѣ скалы, отъ холма недалеко,
 Изсѣчена въ камнѣ гробница была,
 Ничье еще тѣло до этой минуты
 Не тѣло въ томъ мѣстѣ пустынномъ и дикомъ;
 Гробницу ту вырубилъ мудрый Іосифъ,
 Въ ней думая бrenный свой прахъ успокоить.
 Онъ могъ-ли предвидѣть, кому ее роетъ?
 Какой воздвигаетъ въ гробницѣ той храмъ?
 И долго стоитъ близъ гробницы Мессія,
 Съ божественной душой Онъ взоръ устремилъ
 Къ вершинѣ Голгоѣы и думаетъ тихо:

Стихаютъ труды и заботы дневныя,
 Колышась, зефиры дремотою вѣютъ,
 Все ниже и ниже желанная ночь
 Спускается надъ Гевсиманіей тихо,
 И сладкій покой ей приносить съ собою.
 Но скоро день новый опять загорится,
 Онъ тамъ надъ вершиной Голгоѣы взойдетъ,
 Гдѣ кости преступниковъ только лежатъ;
 Назначена быть Алтаремъ ты, Голгоѣа,
 Гдѣ жертва святая должна совершиться;
 Прольется невинная, чистая кровь.
 Тебя Я привѣтствую дивная смерть!
 Тобою искупится родъ человѣка!
 И съ высшаго трона, гдѣ Я возсѣдалъ,
 Меня будетъ видѣть Отецъ мой небесный,
 И будутъ меня созерцать Серафимы,
 И много свидѣтелей будетъ изъ тѣхъ,
 Которыхъ я ради теперь умираю. —
 Привѣтъ тебѣ смерть, я тебѣ отдаю
 За тѣхъ, кто наслѣдуетъ вѣчную жизнь. —

Создатель, Я смертныхъ и другъ сотворенныхъ.
 Сидѣль облеченный божественной славой
 По правую сторону Бога Отца,
 И сдѣлался братомъ роднымъ ихъ теперь!
 И тою-же славой Я облеченный,
 Но полный глубокихъ, прекраснѣйшихъ ранъ,
 Хочу на вершинѣ твоей, о, Голгоѣа,
 Проливъ свою кровь, умереть на крестѣ
 За нихъ, моихъ братій по плоти и крови. —
 Потомъ, (обратился Онъ тихо къ гробницѣ,
 И долго съ глубокою думой смотрѣлъ),
 Потомъ, отдохнувъ подъ сводомъ прохладнымъ
 Здѣсь въ этой могилѣ, немного часовъ,
 Какъ тамъ отдыхаютъ, въ блаженныхъ странахъ.
 И сонъ мой спокойный отраднѣе будетъ
 Того, о которомъ мечталъ здѣсь Адамъ,

Когда ужъ загадка великая смерти
Внезапно сама разъяснилась ему.
И слышалъ однажды въ печальный онъ вечеръ,
Какъ Стражи святаго рѣшенъе звучало,

Что долженъ онъ мертвымъ лежать въ той землѣ.
И рядъ безконечный столѣтій пройдетъ,
А онъ все покоиться будетъ подъ нею,
Сыны его странствовать будутъ по немъ,
Но слышать не будетъ онъ голоса ихъ.
А также и тѣ въ свое время умрутъ,
И также ихъ дѣти стопою тяжелой
По праху отцовъ своихъ стануть ходить.
И много такъ новыхъ пройдетъ поколѣній,
Теряясь въ развалинахъ прошлыхъ вѣковъ. —

Найдутся-ли радости въ вѣчности цѣлой,
Которыя можно бы было сравнить
Съ безмѣрно высокимъ блаженствомъ Моимъ,
Когда изъ могилъ своихъ встанутъ всѣ люди
Въ назначенный день и день полный блаженства;
Возстанутъ, ликуя, съ слезами восторга
И праздновать будутъ они, торжествуя,
Свое возрожденіе къ вѣчной ихъ жизни.
А все отъ того, что здѣсь тѣло Мое
Покоилось мертвое въ нѣдрахъ земли;
Я къ жизни воззвалъ безконечной и новой
Сыновъ человѣческихъ бренное тѣло. —
Не будетъ ничтожныхъ заботъ, ни сомнѣній,
Умолкнуть и горести слезы въ то время,
И смерть лишь отрадною памятью будетъ,
Побѣды торжественной сладкою думой. —
Ни страшной могилы, ни смерти не будетъ
На нивахъ прекрасныхъ земли обновленной. —
Восторгъ проникаетъ все тѣло Мое,
Когда я подумаю только объ этомъ;
Нѣмбуютъ всѣ чувства во мнѣ человѣка, —
Я вижу какъ взадъ и впередъ они ходятъ,

Украшены свѣтлою, бѣлой одеждой.
 И видны на многихъ глубокія раны,
 Блестятъ онѣ свѣтомъ, подобно тѣмъ ранамъ,
 Которыя Сынъ человѣческій носить.
 И славятъ они Побѣдителя смерти
 И сыномъ, и братомъ Его называютъ.
 Кто можетъ исчислить ихъ всѣхъ на землѣ?
 А кто-же сочтетъ ихъ и тамъ въ небесахъ?
 Ихъ тысячи тысячъ! Мои они все!
 Прошло все бывшее, забыто оно,
 Я все обновилъ въ мірозданіи цѣломъ,
 И дней первобытныхъ всѣмъ далъ непорочность!
 Но прежде ты видѣть должна, о, Голгоѳа,
 Здѣсь смерть мою. — Тихая эта гробница
 Мнѣ мѣстомъ покоя не долго здѣсь будетъ. —

Такъ думаетъ Онъ и, поспѣшно уходитъ. —

Они подходили все къ Ерусалиму;
 Ихъ встрѣтилъ Іуда, стоявшій во мракѣ,
 И тайно вмѣшался онъ между святыми;
 Напрасно хотѣлъ онъ казаться невиннымъ,
 Его обличалъ его совѣсти голосъ,
 И сердце тревожно въ груди его билось.
 Слѣдившій печально за нимъ въ отдаленіи,
 Задумчивый Итуріилъ удалился,
 И издали слышать онъ съ пальмы высокой
 Какъ ближе и ближе подходитъ Мессія;
 Склоняется тихо въ тѣни Серафимъ,
 Когда мимо дерева шелъ Іисусъ;
 Идетъ онъ невидимый вмѣстѣ съ Мессіей,
 Бесѣдуя съ Нимъ языкомъ неземнымъ;
 Подобно тому, какъ душа христіянина
 Съ послѣднею думой возносится къ небу,
 Когда онъ отходитъ въ невѣдомый міръ. —
 Та дума Творцу одному лишь понятна. —

И нѣжно звучали слова Серафима:
 — Всевѣдущій Господи! Здѣсь, предъ Тобою

Прокрался тихонько заблудшій Іуда —
 Извѣстно Тебѣ недостойнаго дѣло?
 Онъ предаль Тебя, поучавшаго въ жизни
 Божественнымъ словомъ и дѣломъ святымъ!
 Тотъ самый, кто видѣлъ творимыя здѣсь
 Тобой чудеса, и кому открывали
 Уста Твои тайны той жизни блаженной,
 Кого удостоилъ Ты самъ, Искушитель,
 Названьемъ Апостола вмѣстѣ съ другими,
 И этотъ преступный, — онъ предаль Тебя!
 Еще раздастся въ ухахъ моихъ голосъ
 Элоа, первѣйшаго Ангела свѣта,
 И въ это мгновеніе, какъ будто отверзты
 Еще предо мною уста Серафима,
 Когда меня къ трону онъ звалъ Твоему,
 И быстро на землю велѣлъ мнѣ спуститься,
 Чтобъ быть здѣсь Хранителемъ свѣтлымъ Іуды;
 Но я оставляю преступнаго самъ,
 И больше не буду его охранять!
 Хочу обвинителемъ, въ день воздаянья,
 Явиться предъ всѣми я противъ Іуды,
 Въ то время, какъ будешь судить Ты, Господь,
 Грѣхи всего міра съ друзьями Своими. —
 Тогда передъ трономъ суда всего міра
 Какъ громъ загремитъ моя грозная рѣчь:
 Во имя Умершаго тамъ на крестѣ,
 Истекшаго кровью отъ рукъ Имъ любимыхъ,
 Явлюсь, какъ страшный я здѣсь обвинитель!
 Преступный Іуда себя заклеимилъ
 Позоромъ ужаснаго, чернаго дѣла;
 Къ Божественной истинѣ призванъ онъ былъ
 Дѣяньями громкими, полными славы,
 Но самъ онъ проклятіе навлекъ на себя!
 Онъ долженъ судимъ быть и долженъ лишиться
 На вѣки блаженнаго здѣсь созерцанья
 Божественной славы Предвѣчнаго Сына. —

Достоенъ онъ вѣчнаго мрака и смерти,
И пусть его кровь на него же падетъ,
Невиненъ я въ капли той грѣшника крови. —

Печально безсмертный взглянулъ на Мессію,
Во взорахъ спасительныхъ видитъ онъ ясно,
Что можетъ вполнѣ своей скорби предаться.
И съ грустью глубокой сказалъ Серафимъ :
— Когда-то инья я думы лелѣялъ
Объ участи свѣтлой Апостола Божья.
Тебѣ предназначено было Іуда
Извѣдать прекрасныя раны и смерть.
Какъ мученикъ долженъ былъ ты умереть
И наши слышать небесные гимны. —
Тогда-бъ твою душу, одѣтую свѣтомъ,
Твой другъ, торжествуя, принесъ-бы въ объятыхъ
Къ стопамъ Побѣдителя смерти — Мессіи. —
И тамъ, изъ двѣнадцати мѣстъ золотыхъ,
Назначенныхъ чистымъ избранникамъ Божиимъ,
Я самъ показалъ-бы тебѣ твое мѣсто,
И блескъ лучезарный его созерцаю,
Ты былъ-бы въ восторгѣ и полонъ блаженства,
И голосомъ, полнымъ небеснаго счастья,
Тогда бы я назвалъ тебя Серафимомъ.
А ты, о Іуда, меня научалъ-бы
Въ то время всѣмъ тайнамъ святымъ христіанъ :

Что чувствовалъ въ свѣтлой безсмертной душѣ
Тогда, какъ Пророка Божественный духъ
Спустился съ небесныхъ высотъ на тебя.
Какъ Духомъ святымъ, поучаемый свыше,
Почувствовалъ мужество къ смерти въ душѣ.
Какъ съ этой минуты грѣшить ты не могъ.
И, какъ къ непорочности жителей рая,
Внезапно все сердце твое обновилось. —

Но думы отрадныя тѣ миновали,
А съ ними и чистый, небесный восторгъ !
Какъ въ юношѣ полномъ надежды, цвѣтъ жизни

Съ годами на вѣкъ безъ возврата мертвѣеть,
Такъ точно надежды мои всѣ поблекли. —

Еще такъ недавно Хранителемъ былъ я
Апостола Божья, теперь-же оставленъ
Бродить одинокимъ среди Серафимовъ,
Которые съ грустью печальные взоры
При видѣ моемъ потупляютъ невольно.

Мессія! Господь мой! О, что-же велишь Ты,
Чтобъ дѣлалъ Твой вѣрный теперь Серафимъ:
Опять вознестись-ли къ обители неба?
Иль можетъ быть, Господи! Ты удостоишь
Меня, чтобы видѣлъ я здѣсь Твою смерть?

Тогда Иисусъ обратилъ къ Серафиму
Свой кроткій и полный величія взоръ,
И Ангелу грустному тихо сказалъ:
— Духъ мрака преслѣдуетъ также Петра,
Два стража пусть будетъ у Симона также, —
Вторымъ ты Хранителемъ будешь его.
Услышитъ онъ нѣкогда пѣсни небесъ,
И смерть его будетъ равна моей смерти.

И дивною радостью вдругъ озарилось
Чело Серафима, когда онъ услышалъ
Слова милосердія Бога-Мессіи.
Въ объятія бросился онъ къ Оріону,
Хранителю первому, другу Петра. —

Идетъ Искупитель теперь раздѣлить
Трапезу послѣднюю съ Учениками. —
Проходитъ Онъ мимо дворцовъ величавыхъ,
Въ которыхъ богатые грѣшники жили, —
Туда не заходитъ Спаситель людей,
Но тихо въ жилище онъ скромное входитъ
Къ извѣстному честностью, доброму мужу.

Склонились всѣ, молча, предъ агнцемъ пасхальнымъ
И долго молились. — Съ Мессіею рядомъ
Палъ ницъ Іоаннъ, и Божественнымъ взоромъ
Окинулъ Спаситель собранье съ любовью:

Спокойствіе, грусть и блаженство на всѣхъ
Отъ лика святаго тогда разлилося. —

Такъ въ первый моментъ и съ Іосифомъ было,
Когда своихъ братьевъ увидѣлъ онъ снова, —
Отъ слезъ на устахъ замирали слова,
И лишь къ Венямину онъ броситься могъ,
И долго въ объятіяхъ брата сжималъ,
И могъ только сердцемъ понять свою радость,
Что живъ еще добрый, любимый отецъ. —

Воспой, моя пѣсня, прощаніе милыхъ
И истинной дружбы послѣднія рѣчи. —

Склонясь головою къ груди Іисуса,
Наперстникъ любимый внималъ Его слову
И съ грустью глубокой смотрѣлъ на Него.
Такъ послѣ, на Патмосѣ дикомъ, пустынномъ,
Смотрѣлъ онъ восторженнымъ чувствомъ на небо,
Когда откровеніе было ему. —

О, лейся ты, пѣснь моя полная чувства,
Какъ звукъ задушевный стройна и чиста.

Съ любовью и грустью взглянулъ Искупитель
На всѣхъ окружавшихъ Его и сказалъ:

— Желалъ я душевно ѣсть съ вами здѣсь пасху

Еще до грядущихъ страданій моихъ,

Но сбудется скоро пророчества слово,

Которое вамъ обо мнѣ возвѣщало.

Вы знаете всѣ здѣсь пророка того *),

Который отъ Господа былъ удостоенъ

Увидѣть явленіе ему Божества.

Онъ слышалъ и пѣнье святыхъ Серафимовъ,

Приведшихъ его ко Всевышнему трону,

И громко небесная пѣсня звучала;

Отъ звуковъ той дивной, божественной пѣсни

Дрожало преддверье великаго Храма,

Святыня полна была благоуханья

*) Здѣсь рѣчь идетъ о пророкѣ Ісаіѣ.

Отъ жертвъ приносимыхъ во славу Творца.
 Въ то время и Я былъ съ Отцомъ моимъ тамъ,
 И мнѣ воспѣвались хвалебныя пѣсни, —
 Такъ пѣли мнѣ громко всѣ силы небесъ:

„Ты святъ, и трикраты Ты святъ нашъ Господь!“
 Ко мнѣ воздымались священные жертвы,
 Во славу мою, со святыхъ Алтарей,
 И храма святаго преддверье дрожало. —
 Я былъ до рожденія еще Авраама,
 Еще до того, какъ изъ хаоса водъ
 Явилась съ горами святая земля;
 И прежде чѣмъ міръ сотворенъ былъ, Я былъ! —
 Но умъ вашъ не въ силахъ обнять этой мысли.
 Пророкъ-же тотъ видѣлъ того челоуѣка,
 Котораго видите вы предъ собою,
 И такъ его слово пророчить объ немъ:

„Исчезъ въ немъ прекрасный, божественный образъ,
 Улыбка лѣтъ юныхъ и жизни покой
 Исчезли на вѣки, и все миновало.
 Всѣ бѣдствія грѣшниковъ вдругъ собралися,
 Какъ тучи, надъ бѣдной его головою.
 При видѣ душевныхъ страданій его,
 Всѣ люди безмолвно, лице отворотивъ,
 Его избѣгаютъ, а онъ же несетъ,
 Безъ ропота, всѣ ихъ страданья и бѣды.
 А мы, заблуждаясь, мечтаемъ, что онъ
 Томится подъ гнетомъ своихъ преступленій,
 Что Богъ за грѣхи его такъ сокрушилъ.
 Но ради насъ льется изъ ранъ его кровь.
 Преступны мы — люди, но онъ за насъ терпитъ,
 Чтобъ мы лишь спокойны душею всѣ были,
 Чтобъ благо крыломъ осынило насъ свыше.
 Мы были такъ жалки и такъ безразсудны,
 Что думали сами себя просвѣтить.
 Поэтому Богъ возложилъ на него
 Всѣ наши проступки и всѣ заблужденья.

Онъ нашъ Примиритель! Онъ терпитъ за насъ,
 И будетъ судимъ Онъ, и будетъ страдать,
 Но будетъ послушенъ до самой Онъ смерти,
 И молча какъ Агнецъ на жертвенникъ будетъ
 Влачимъ беззаконными Онъ судіями!
 Идетъ онъ и все переноситъ за насъ,
 Такъ выведенъ онъ изъ судилища ими. —
 Кто можетъ исчислить искупленныхъ имъ?
 Приноситъ Онъ жизнь свою въ жертву за грѣшныхъ
 И всѣ поколѣнія имъ обновятся,
 И новымъ созданьемъ воскреснутъ всѣ люди, —
 Чтобъ лучшую, вѣчную жизнь получить! —

Сказалъ Іисусъ и Свой взоръ обратилъ
 Съ молитвою къ небу, потомъ продолжалъ:
 — То будетъ послѣдняя наша трапеза,
 Которую вмѣстѣ я съ вами вкушаю!
 Я больше не буду съ друзьями моими
 Вкушать винограднаго сока отъ лозъ,
 Ни Агнца, который пасется въ долинахъ.
 Но въ скиніи мира, гдѣ много жилищъ, —
 Увидите снова Мессію вы всѣ.

И праздновать будемъ мы съ вами тамъ вмѣстѣ
 Въ собраніи старцевъ, союза отцовъ,
 Тамъ насъ опечалить не можетъ разлука! —

Умолкнулъ Спаситель — молчали и всѣ. —
 Такъ нѣкогда стихла подъ портикомъ храма
 Святая толпа на вершинѣ Моріи,
 Когда Соломонъ, предъ святымъ Алтаремъ,
 Съ главы своей сбросилъ корону предъ Тѣмъ,
 Кто Вѣченъ; — и такъ совершалъ посвященье,
 И храмъ весь внезапно, во очію всѣхъ,
 Наполнился облакомъ славы Господней,
 И жертвъ приносить не посмѣли жрецы;
 Хвалебная пѣснь: Аلیلуіа стихла,
 Замолкли всѣ звуки и каждый молчалъ,
 Пока вдругъ божественнымъ страхомъ объятый

Одинъ изъ молящихся въ храмъ Господнемъ,
 Съ молитвою взоръ устремивъ къ небесамъ,
 Увидѣлъ явленіе славы Господней
 И голосомъ трепетнымъ началъ молитву:

О, святъ Ты, мой Боже! Ты святъ Вседержитель!
 Хранили молчанье Апостолы такъ,
 Пока, обратившись къ Іудѣ Леввѣй,
 Не началъ печально ему говорить:

— Я знаю, что скоро настанетъ минута,
 И Сынъ человѣческой смерти предастся,
 Но что-жъ заключаютъ изъ словъ Его всѣ,
 Что часто такъ намъ говоритъ Онъ о смерти?
 Приди-же о смерть, ты—отъ горя покой!

О, сжался-же ты надо мною тогда,
 Когда этотъ лучшій изъ смертныхъ, какъ Агнецъ,
 На жертвенникъ будетъ людьми возведенъ,
 Приди, какъ послѣднее мнѣ утѣшеніе! —

Мессія, съ любовью, взглянулъ на Леввея,
 А также взглянулъ на тебя, Онъ, Іуда;
 Потомъ и на всѣхъ посмотрѣлъ Онъ печально,
 И съ тихою грустью всѣмъ бывшимъ сказалъ:

— Увы! Здѣсь я долженъ сказать вамъ теперь,
 Что скоро предастъ меня кто-то изъ васъ.

Одинъ изъ двѣнадцати мною любимыхъ.

И ужасъ невольный потрясъ все собраніе,

И спрашивалъ каждый: „Не я ли Господь мой?“

Тогда имъ опять повторилъ Іисусъ:

— Одинъ изъ двѣнадцати избранныхъ мною,
 Вкусившій союза трапезу теперь!

(И строгъ Его взоръ былъ, какъ взоръ Судіи)

Хоть Сынъ человѣческой долженъ идти

Дорогой божественной, чудной своею,

Какъ было сказанье пророка того;

Однако-же горе тому человѣку,

Который предастъ Его въ руки враговъ,

И лучше бы было ему не родиться! —

И грозно смотрѣлъ Иисусъ въ это время...

— Не я-ли? „Спросилъ Его также Іуда,

И голосомъ тихимъ отвѣтилъ Мессія:

— Іуда, ты самъ называешь себя! —

Одинъ лишь Іуда отвѣтъ Его слышалъ.

И вновь просіяло лице Иисуса,

Въ немъ думы спокойствія вдругъ отразились, —

То сладкія думы о вѣчномъ блаженствѣ,

И всталъ Онъ, чтобъ въ память о смерти Своей

Союза здѣсь новый завѣтъ основать.

Торжественно, громко тогда передъ всѣми,

Слова Онъ великія тѣ произнесъ,

Которыя часто такъ здѣсь повторяютъ

Церквей христіанскихъ служители намъ.

И сами влекутъ на себя приговоръ.

Не знаетъ тѣхъ грѣшниковъ міра Ходатай,

И здѣсь не для нихъ Тотъ Божественный жилъ,

И умеръ тяжелою, крестною смертию, —

Онъ здѣсь не за тѣхъ, кто черствѣетъ въ грѣхахъ.

Такъ приняли всѣ освященный Имъ хлѣбъ,

И приняли чашу святую они.

Всѣ съ тихою скорбью къ Нему подходили.

Когда-же къ нему подошелъ Іоаннъ

И чашу увидѣлъ въ сіяющемъ блескѣ, —

Упалъ со слезами къ ногамъ Иисуса,

И долго, и крѣпко онъ ихъ цѣловалъ,

И послѣ горячія слезы обтеръ

Съ Божественныхъ ногъ волосами своими.

Да будетъ дозволено видѣть ему

Величіе полное славы Моей,

Подумалъ, на небо взглянувъ, Иисусъ.

Встаетъ Іоаннъ удивленный и видитъ

Собраніе свѣтлое всѣхъ Серафимовъ;

Архангелы знали, что видитъ онъ ихъ.

Смотрѣлъ съ упоеньемъ Наперстникъ Мессіи

И видѣлъ величіе все Гавріила,

Сіянье небесное зрѣлъ Рафаила,
 А также и кроткаго видѣлъ Залема,
 Доступнѣ блескъ его былъ человѣку,
 И этотъ небесный Хранитель съ улыбкой
 Простеръ къ Іоанну объятья свои.
 Когда Іоаннъ обратился къ Мессіи —
 Увидѣлъ величіе онъ Божества
 Въ глазахъ Его полныхъ спокойствія духа.
 Какъ-бы утомленный блаженствомъ небеснымъ,
 Склонился онъ тихо къ груди Іисуса,
 Тогда Гавріиль обратился къ Мессіи:
 — О, если-бы смѣлъ я, Божественный мой,
 Обнять Тебя также, какъ онъ обнимаетъ.
 — Ты служишь мнѣ тамъ, близъ небеснаго трона,
 Отвѣтилъ ему Искушитель людей.
 Стоишь ты на высшихъ, блестящихъ ступеняхъ,
 Гдѣ прежде Архангелъ Элоа стоялъ,
 Гдѣ свято хранится Святая-Святыхъ“.

И тихо склонился предъ Нимъ Серафимъ.

Приблизился послѣ другихъ и Іуда,
 Онъ также къ ногамъ Іисуса упалъ.

— О, встань-же Іуда! Сказалъ Искушитель,
 И чашу Онъ подаль ему, какъ и всѣмъ,
 И принялъ Іуда ту чашу спокойно...
 Тогда Іисусъ посмотрѣлъ на него,
 Отъ скорби невольной въ Немъ духъ содрогнулся;
 Сказалъ Онъ торжественнымъ голосомъ снова:

Я знаю всѣхъ избранныхъ Мною, любимыхъ,
 Одинъ же изъ васъ меня скоро предастъ,-
 И вамъ говорю я, чтобъ знали вы всѣ,
 И вѣрили мнѣ, когда это случится.
 И знайте, какъ преданныхъ я награждаю.
 Принявшій того, кого Я посылаю,
 Въ посланникъ приметъ Меня Самого,
 А кто-же меня самого принимаетъ,
 Тотъ приметъ Того, Кто послалъ меня въ міръ.

Не будетъ предателю этой награды,
И снова еще повторяю я вамъ,
Что сынъ человѣческій скоро предастся,
И будетъ Онъ преданъ однимъ-же изъ васъ. —

Со страхомъ Апостолы все посмотрѣли
Другъ на друга, молча, не зная что дѣлать,
Но Петръ показаль Іоанну глазами,
И тотъ преклонился къ груди Іисуса:
— Скажи мнѣ, о, Господи! Кто-же изъ насъ?
— Кому я, съ любовью, подамъ этотъ хлѣбъ,
И въ соль обмакну его, — тотъ мой предатель.
И подаль Іудѣ Онъ дружески хлѣбъ. —

Со страхомъ смотрѣль Іоаннъ и молчалъ.

Іуда поспѣшно изъ залы ушелъ, —
Давно наступила глубокая ночь,
И призраки ночи страшили Іуду;
Онъ пристальнымъ взглядомъ проникнуть хотѣлъ
Той ночи печальной глубокую тьму,
И тихо заблудшій съ собой разсуждаетъ:

— Онъ все уже знаетъ и скажетъ, какъ другу,
Потомъ Іоанну, узнаютъ и все.

Пусть будетъ и такъ! И владѣтели эти
Пусть все до момента ихъ царства падутъ.

Утратить улыбку свою Іоаннъ,
А также и Петръ побоится оковъ.

Но, Самъ Іисусъ мнѣ такъ грозно сказалъ:

„О, встань-же Іуда!“ Онъ такъ никогда

Еще не приказываль Самъ Іоанну,

И можно-ль давать приказанье царямъ!

Но прежде чѣмъ будутъ царями они,

Я всехъ ихъ увижу въ желѣзныхъ оковахъ.

Но другъ ихъ Мессія мечтаетъ о смерти,

Что значить все это? Но что за мечты!

Какъ-будто бы смерть для Него создана.

Не Самъ-ли Онъ мертвыхъ людей воскрешаетъ?

Не хочеть-ли сердце мое Онъ тѣмъ тронуть?

А если-жъ умереть Онъ! То значить случайность
 Спасала такъ часто Его отъ враговъ!
 И посланъ не Богомъ, а лишь ясновидецъ, —
 Премудры, какъ Онъ, и всѣ наши жрецы,
 И избранны Богомъ Самимъ они были,
 Всѣ также они ненавидятъ Его;
 Но всѣ по законамъ живутъ Моисея. —
 Повѣреннымъ тайны ихъ сдѣлался я,
 Но думаю, все-жъ умереть Онъ не можетъ!
 Хочу я лишь видѣть, что скажетъ Учитель,
 Когда Онъ цѣпями окованъ ужъ будетъ,
 Забудетъ любимцевъ своихъ поневолѣ
 И къ низкому Самъ обратится Іудѣ.
 Но надо спѣшить мнѣ! меня ожидаютъ, —
 И быстро идетъ во дворецъ онъ Каиафы.

И свято собраніе стало теперь,
 Среди его не было больше нечистыхъ,
 Могущихъ порочной душею своею
 Нарушить святое согласіе вѣрныхъ.

Чѣмъ ближе моментъ Искушенія былъ,
 Тѣмъ болѣе слово Христа возвышалось,
 И вѣчность святую оно обнимало.
 Съ величьемъ божественнымъ Онъ говорилъ
 Спокойно Апостоламъ избраннымъ Имъ:
 — Такъ нынѣ прославится Сынъ человѣка,
 Хотя еще самъ человѣкъ Онъ теперь.
 Въ Немъ Богъ Вседержитель прославится также.
 И если прославится въ Немъ Вседержитель,
 И Самъ безконечно прославитъ Его
 Отецъ милосердіемъ вѣчнымъ Своимъ.
 Въ величій полномъ покажетъ Онъ скоро
 Его, передъ всѣмъ человѣческимъ родомъ,
 И выпія тайны небесъ чрезъ Него
 Откроются людямъ въ Самомъ Божествѣ.
 И скоро познаютъ всѣ славу Его.
 Но ваша печаль прерываетъ меня,

Тоскою убитымъ друзьямъ Онъ сказалъ.
 О чемъ-же вы плачете, дѣти мои?
 О, да! Я не долго останусь здѣсь съ вами,
 Искать меня будете вы, — не найдете;
 Туда не придете, куда я отправлюсь!
 Однако не плачьте такъ горько, друзья, —
 Увидите снова меня вы и скоро.
 Я заповѣдь новую вамъ оставляю,
 И заповѣдь эта святѣе, и выше,
 Чѣмъ всякое въ мірѣ другое сказанье:
 Любите другъ друга, какъ Я васъ любилъ,
 По этому въ мірѣ узнаютъ васъ всѣ,
 Что Ученики вы мои; но тогда лишь,
 Когда вы полюбите сердцемъ другъ друга.

Тогда къ Иисусу приблизился Петръ
 И тихо спросилъ: — О, куда-же идешь Ты?
 На это отвѣтилъ ему Искушитель:
 — Не можешь идти ты, куда иду я,
 Пойдешь по стопамъ моимъ послѣ и ты.

И съ жаромъ спросилъ Его снова Петръ Симонъ:
 — Скажи, отчего, о, Божественный мой,
 Теперь не могу я идти за Тобою?
 Отдамъ я съ восторгомъ и жизнь за Тебя!
 — Отдашь-ли ты жизнь свою, другъ, за меня?
 И снова я тоже тебѣ повторяю:
 Еще не засвѣтитесь новое утро,
 Три раза пѣтухъ не успѣетъ пропѣть,
 Трикратно откажешься ты отъ меня.

Мессія съ молитвой колѣни склонилъ,
 Съ Нимъ вмѣстѣ Апостолы пали всѣ ницъ.

И съ грустью глубокой спросилъ Искушитель: —
 — О, всѣ-ли вы здѣсь, предо мною, теперь?
 — Мы всѣ здѣсь съ Тобою, друзья отвѣчали.
 — Не слышу я голоса здѣсь одного, —
 И точно-ли всѣ предо мною теперь вы?

— Лишь Искаріотскаго нѣтъ здѣсь Іуды,
 Отвѣтилъ Леввей и склонился къ землѣ.
 Мессія на небо Свой взоръ устремилъ
 И голосомъ полнымъ величья молился:
 — Отецъ мой Божественный, часъ тотъ насталь.
 Прославь-же Ты Сына, какъ Сынъ Твой прославилъ
 Тебя, Мой Небесный Отецъ, въ этомъ мірѣ.
 Ты отдалъ во власть Его смертныхъ людей,
 Чтобъ Онъ ихъ избавилъ на вѣки отъ смерти,
 И далъ чтобы всѣмъ имъ Онъ вѣчную жизнь. —
 Не въ томъ-ли и вѣчная жизнь состоитъ,
 Чтобъ люди познали Тебя, мой Отецъ,
 Какъ Бога Отца — Іисуса, какъ Сына,
 Который былъ посланъ Тобою на землю?
 Провижу я духомъ, какъ все совершится.
 Исполнивъ рѣшеніе Божественной воли,
 Прославилъ я въ мірѣ величье Твое,
 И славы вѣнецъ ожидаетъ меня.
 По правую руку Твою въ небесахъ
 Мнѣ прежнюю славу отдашь Ты тамъ снова,
 Какую имѣлъ до созданья міровъ я.
 Не грѣшникамъ я, но лишь избраннымъ мною
 Здѣсь страшное имя Твое возвѣстилъ.
 Ты далъ мнѣ ихъ, Боже! И я научилъ ихъ
 Постигнуть премудрое слово Твое,
 И всѣ они вѣрно его сохранили, —
 Я въ этомъ свидѣтель, Отецъ мой, за нихъ.
 А также узнали теперь они то,
 Что все, что Ты далъ мнѣ, то все отъ Тебя;
 Я ихъ научилъ здѣсь, Отецъ мой, всему
 Тому, чему Самъ научилъ Ты меня.
 Въ ихъ чистое сердце запало глубоко
 Божественной истины слово Твое,
 Что я произшелъ отъ Тебя, они вѣрятъ,
 — И посланъ на землю Тобою, Отцемъ.
 За нихъ я молюсь предъ Тобою, о, Боже!

Молю не за весь міръ, но только за тѣхъ,
 Которыхъ Ты далъ мнѣ, они-же Твои, —
 И все, что мое есть, то есть и Твое.
 Съ Тобой безъ раздѣла владѣли мы благомъ. —
 За нихъ я усердно молю, Вседержитель,
 Я ими прославленъ былъ въ мірѣ земномъ.
 Теперь я къ небесному трону иду,
 И міръ оставляя, къ Тебѣ возвращаюсь, —
 Они-же всѣ въ мірѣ еще остаются,
 И долго заботиться будутъ о грѣшныхъ,
 И чувствовать будутъ всѣ бѣдствія ихъ.
 Но Ты сохрани ихъ, Отецъ Милосердый,
 Чтобъ вѣрны ученью высокому были,
 Которое имъ Искупитель ихъ далъ;
 Чтобъ всѣ они въ мірѣ одно составляли,
 Какъ Мы, безъ раздѣла, одно составляемъ, —
 И Ты Богъ Отецъ, и Я Самъ, и Богъ Духъ;
 Чтобъ жили какъ братья родные они.
 Когда я былъ равнымъ всѣмъ имъ человѣкомъ,
 Я самъ сохранялъ ихъ во имя Твое.
 Былъ въ мірѣ я стражею душъ ихъ безсмертныхъ.
 Теперь они всѣ предъ Тобою, Отецъ мой,
 И я не утратилъ изъ нихъ никого,
 Оставилъ меня лишь погибели сынъ;
 Но въ немъ подтвердилось сказанье пророка.
 Теперь-же, Отецъ мой, къ Тебѣ возвращаюсь,
 И это при нихъ и для нихъ говорю я,
 Чтобъ помнили всѣ они славу мою,
 Чтобъ радость была ихъ подобна моей.
 Я передалъ имъ Твое слово святое,
 И возненавидѣли грѣшники ихъ,
 Какъ возненавидѣли всѣ и меня.
 Тебя не молю я, чтобъ взялъ ихъ изъ міра,
 Но Ты сохрани ихъ отъ злаго врага,
 Отъ духа погибели всѣхъ сохрани:
 Они не изъ грѣшниковъ міра земнаго,

Невинны въ пути своемъ также, какъ я,
 Ихъ всѣхъ освяти Ты божественной правдой. —
 Священная истина слово Твое!
 Какъ я былъ ниспосланъ Тобою на землю,
 Такъ точно и ихъ посылаю я въ міръ,
 Я жизнь оставляю свою здѣсь за нихъ,
 Чтобъ были и чисты, и святы всѣ духомъ,
 Когда предъ Тобой они, Боже, предстанутъ.
 Тебя не за нихъ я однихъ умоляю,
 Пусть будетъ ихъ слово, какъ утра роса,
 И много созданий она обновить,
 Душей возрожденныхъ, ко мнѣ приведетъ.
 И также за тѣхъ я молю Тебя, Боже,
 Чтобъ также слилися въ одно и они,
 Какъ мы составляемъ съ Тобою едино,
 Чтобъ знала вселенная вся, что Тобою
 На землю ниспосланъ я былъ, мой Отецъ;
 Я далъ мою славу и вѣчную жизнь
 Всѣмъ избраннымъ мною, которыхъ Ты далъ мнѣ,
 Пусть будутъ всѣ также одно и они,
 Для высшей, божественной цѣли, какъ Мы.
 И духомъ пусть будутъ они непорочны,
 Чтобъ грѣшники міра земнаго узнали,
 Что съ неба отъ Бога былъ посланъ Мессія,
 Что любить Господь примиренныхъ дѣтей,
 Какъ нѣкогда первыхъ сыновъ Онъ любилъ.
 Отецъ мой! О, пусть всѣ спасенные мною
 Туда соберутся, гдѣ буду я самъ,
 И пусть созерцаютъ всѣ славу мою,
 Которую далъ Ты мнѣ самъ, мой Отецъ!
 И далъ потому, что любилъ Ты меня
 Еще до созданія міра всего.
 Не могъ Тебя, Боже, міръ грѣшный постигнуть,
 Но я оцѣнилъ, Правосудный, Тебя.
 Открылъ я всѣмъ избраннымъ тайну посланья;
 Предъ ними открылъ и Твое Божество.

Открою любовь Твою также ко мнѣ,
 Чтобъ въ сердце запала къ нимъ эта любовь,
 Чтобъ чисты ихъ души безсмертныя были, —
 Наполнились мной — Искупителемъ грѣшныхъ.

Окончивъ молитву, поднялся Спаситель,
 На встрѣчу къ Отцу Онъ пошелъ чрезъ Кедронъ,
 Чтобъ выслушать судъ, совершаемый Богомъ.
 Апостолы, молча, слѣдили за Нимъ.

Когда-же Онъ ближе къ ручью подходилъ,
 Дыханіемъ вѣтра къ Нему доносился
 Сильнѣе таинственный шелестъ ночной
 И листьевъ масличнаго дерева шопотъ.
 И сталъ на высокомъ холмѣ Икупитель,
 И голозомъ тихимъ сказалъ Гавріилу,
 Который невидимо шелъ въ отдаленіи:

— На склонѣ горы, въ углубленіи сада
 Сокрыто пустынное, тихое мѣсто,
 Высокія пальмы его окружаютъ;
 Ихъ двадцать стоитъ тамъ, и тѣнью густою
 Они осѣняютъ долину кругомъ;
 Надъ ними спустилась глубокая ночь,
 И грозныя тѣни тѣхъ пальмовъ ложатся
 Въ долину, какъ будто нависшія горы, —
 Туда созови ты всѣхъ Ангеловъ неба.

Сказалъ Іисусъ и приблизился тихо
 Къ дѣяніямъ высшимъ, подобно которымъ
 Еще не свершалось нигдѣ во вселенной
 Съ минуты рожденія Ангеловъ неба,
 И солнца, и всѣхъ сотворенныхъ міровъ.
 Спокойно и тихо все было въ природѣ...
 Ни звука, ни шелеста не было слышно,
 Когда Икупитель Божественный міра
 Къ возвышенной цѣли своей приближался,
 Чтобъ актъ Искупленія людей совершить.

Ни вишняго шума, ни криковъ толпы,
 Которые сладко звучать такъ героямъ,

Тщеславнымъ сынамъ этой бренной земли, —
 Тамъ не было близъ Икупителя смертныхъ,
 Ни близъ Вседержителя Бога Отца,
 Когда изъ ничтожества, творческой думой
 Они безконечную цѣпь создавали —
 Міровъ безпредѣльность — громаду вселенной.

ПѢСНЬ V.

Въ величїи грозномъ, сидѣль Іегова
На вѣчномъ престолѣ въ сіяніи славы;
Предъ нимъ былъ Элоа, онъ такъ говорилъ:
— Какъ грозенъ, о, Вѣчный, Твой образъ теперь!
Во взорѣ великомъ сіяетъ судъ правды!
И какъ раздаются, торжественно, громы,
И тысячи слышится въ нихъ голосовъ:
Божественной воли въ нихъ слышу я слово!
Вотъ слово другое вѣщаютъ они;
Но вотъ уже слышится мнѣ въ отдаленны
И третій, могучій глаголь Божества!—
Вращались міры тамъ и тихо, и стройно.
Едва обратилъ Ты, о, Боже, Свой взоръ,—
Мгновенно міры всѣ какъ будто исчезли;
Зачѣмъ-же не слышится болѣе мнѣ
Торжественныхъ пѣсень въ мірахъ отдаленныхъ?
Куда обращаешь Ты взоры въ пространство,
Въ странѣ той міры затихаютъ мгновенно:—
Затихли и сонмы святыхъ Серафимовъ,
Умолкло и воинство всѣхъ Херувимовъ.—
Не слышится гимновъ о Сынѣ Предвѣчномъ,
Въ безчисленномъ строѣ всего мірозданья.
О Немъ не поетъ своей пѣсни священной
Теперь ни одна изо-всѣхъ міріадъ.—
О, если-бы всѣ міріады міровъ
Пришлось мнѣ исчислить по волѣ Творца,

Столѣтія цѣлыя ихъ бы считаль я!
 Никто не прославить Предвѣчнаго Сына,
 И стали безмолвны и тихи вы всѣ!
 Въ молитвѣ вы всѣ передъ Богомъ сокрыли
 Міры, лучезарные образы ваши. —

Быть можетъ, Ты хочешь, Господь мой, возстать,
 Чтобъ судъ совершить надо всѣми мірами —
 Въ нихъ видѣнь губителя образъ вездѣ?
 То видить божественный взоръ Судіи. —
 Иль Ты предназначилъ, о, Боже великій,
 Разрушить на вѣки подземное царство?
 Иль хочешь карать Ты хулителя Божья, —
 Для этого шествуешь въ сумракѣ ночи,
 Чтобъ вѣчнаго грѣшника вдругъ сокрушить,
 А съ нимъ и подземную адскую бездну?
 И въ книгѣ животныхъ, Тобой сотворенныхъ,
 Тогда его имя изгладить на вѣки?
 Межъ вѣчными всѣми погубленъ онъ будетъ;
 Его я увижу тогда предъ Тобою,
 О, праведный Мститель, лежащимъ во грѣхѣ;
 Надъ нимъ тяготѣя, Твой праведный судъ,
 Какъ громъ разразится мученіемъ вѣчнымъ,
 Всю бездну наполнить отчаянья вой,
 Услышать его и міры, и все небо.
 Въ теченіи стройномъ встрѣчаясь, міры
 Всѣ будутъ другъ друга о томъ извѣщать:

„Смотрите, лежитъ тамъ мятежникъ сраженный!
 Пока не лишитъ его жизни Создатель
 Порывами грозными бури и пламя“. —

О, ежели хочешь исполнить Ты это,
 Судья Правосудный, то дай мнѣ оружье,
 Дозволь мнѣ идти на возставшаго духа,
 И дай Ты мнѣ тысячи тысячъ громовъ,
 Изъ грозъ этихъ, полныхъ ужаснаго гнѣва,
 Дай страшную ночь и могущество Божье,
 Чтобъ могъ предъ лицемъ Божества Твоего,

Въ воротахъ подземнаго ада, сразить
Клянушихъ раскаянье, всѣхъ непокорныхъ.

Ужасенъ Ты въ гнѣвѣ своемъ, Іегова!
И карой пылаеть Твой взоръ смертоносный.
Я былъ до момента созданья міровъ,
И дни безконечнаго не были равны
Днямъ краткимъ конечнаго Сына земли,
Который, отцвѣтши, становится прахомъ.
Когда-же смотрю я въ минувшую вѣчность —
Вѣковъ вереницы мой взоръ обнимаетъ,
И много промчалось ужъ ихъ предъ Элоа.
Тебя Іегова вѣка созерцаю,
Но гнѣвенъ Ты не былъ такъ, Боже великій.
Ты гибельный гнѣвъ Свой и Судъ пробудилъ
И вмѣстѣ величіе Божеской славы;
Любовью глубокой величье то было;
Теперь-же, въ карающій гнѣвъ обратилось.
Дыханіе Божья созданіе я,
Ничтожный, Тобой сотворенный изъ облакъ,
Осмѣлился съ Вѣчнымъ бесѣдовать Богомъ!
Не гнѣвайся Боже, Отецъ Всемогушій!
И грозный Свой взоръ отъ меня отврати,
Который на землю Тобой устремленъ,
Иль смертью погибнетъ безсмертный Архангелъ.
Тогда его имя исчезнетъ на вѣки
Изъ книги животныхъ, и мѣсто его,
Въ Святая-святыхъ навсегда упразднится. —
— На землю иду Я, чтобъ судъ совершить
Надъ Богомъ Мессією, мой Серафимъ,
Онъ сталъ между Мною и родомъ людскимъ.
Какъ Богъ и плотской человѣкъ ожидаетъ
Суда правосуднаго тамъ на землѣ Онъ. —
За мною послѣдуешь Ты мой избранникъ,
Въ сіяньи небесной своей красоты,
И будешь присутствовать тамъ, въ отдаленіи.
Сказалъ Іегова; — съ предвѣчнаго трона

Поднялся въ Божественной славѣ своей. —
 Отъ трона слышались дивные звуки,
 И горы Святая-святыхъ задрожали,
 А съ ними алтарь Икупителя Бога.
 Священнаго мрака тряслися и тучи,
 Клубяся трикраты, назадъ относились;
 Въ четвертый затресея престоль Судіи
 До самой высокой ступени своей;
 Тряслися ступени примѣтно для взора,
 Когда со священнаго трона небесъ,
 Въ величїи строгомъ, Творецъ нисходилъ.
 Такъ въ дни празднества, въ небесахъ торжествуя,
 Когда созерцаетъ Создатель міры,
 Встаютъ Серафимы съ сіяющихъ троновъ;
 Ихъ тысячи тысячъ; святые ихъ арфы
 Молитвеннымъ гимномъ звучать передъ Богомъ, —
 Такъ дивно звучалъ и божественный тронъ,
 Когда покидалъ его Богъ Вседержитель. —

И шествовалъ Вѣчный стопою могучей
 Путемъ лучезарнымъ, склоненнымъ къ землѣ,
 Гдѣ солнца одни лишь, вращаясь, пылали.
 Тамъ съ Господомъ силъ Серафимъ повстрѣчался,
 Летѣлъ онъ на небо отъ міра земнаго,
 И души, свершившія жизненный путь,
 Онъ тихо въ объятыхъ хранительныхъ несь.
 И было ихъ шесть, они всѣ избѣжали
 Тяжелого, вѣчнаго сумрака ада.
 Тѣла имъ воздушныя, новыя давъ,
 Ихъ всѣхъ озарялъ Серафимъ своимъ блескомъ:
 То души отжившія были волхвовъ,
 Которые шли за звѣздой къ Іисусу,
 И первые съ сонмами Ангеловъ свѣтлыхъ,
 Пришли поклониться Младенцу святому,
 Когда Онъ, какъ смертный ребенокъ, родился. —

Хадиѣ, было перваго имя изъ нихъ;
 Далеко онъ милую сердцу оставилъ;

Она не страдала по смерти его,
 Въ томъ давъ ему клятву при жизни еще,
 Въ минуты восторговъ любви неземной,
 Любили другъ друга любовью иною
 Они въ этой жизни, чѣмъ смертные любятъ.

— Съ терпѣньемъ страданья свои все сносилъ
 Селимъ и довольный судьбою онъ умеръ. —

Жилъ праведный Симра, народъ поучая,
 Народъ-же безумный ругался надъ нимъ
 И жизнью грѣховною жить продолжалъ.
 Но Симра, предъ смертью своею, поучилъ
 Еще одного и скончался потомъ. —

Въ святой добродѣтели Мирья взростилъ
 Любимыхъ своихъ пятерыхъ сыновей;
 Онъ имъ не оставилъ богатства земнаго.

Бѣледъ, со слезами враговъ вразумлялъ,
 Къ познанью добра открывая имъ взоры.
 Умѣлъ онъ прощать оскорбленія людямъ,
 И отдалъ полцарства врагу своему,
 Ему, за злодѣйство, добромъ заплативъ:
 И жилъ тотъ подобно Бѣледу потомъ. —

Въ долинахъ Парфара, Сунидъ воспѣвалъ
 Младенца святаго, Его прославляя.
 Три дочери вмѣстѣ съ нимъ славили Бога,
 Теперь надъ могилой твоею, Сунидъ,
 Въ одеждѣ печальной, тѣ дочери плачутъ,
 И льются потоки ихъ дѣвственныхъ слезъ,
 Гдѣ тихо ручей Едидотъ протекаетъ,
 И съ шумомъ могучихъ, развѣсистыхъ кедровъ,
 Унылые звуки ихъ арфы златой,
 Сливаясь печально, мѣшаются стройно. —

Безмерные взоры, тѣхъ душъ просвѣтленныхъ
 Далеко въ пространствѣ могли углубляться
 И видѣть величье Предвѣчнаго Бога.

Легко и свободно стремились они
 Туда, — въ безконечную, новую жизнь. —

Но въ это мгновеніе, мимо тѣхъ душъ
 Величіе Божіе быстро неслоя,
 И голосомъ нѣжнымъ небесный ихъ спутникъ
 Къ отжившимъ съ молитвою теплою воззвалъ:
 — Вотъ мимо проходить, въ сіяніи славы,
 Самъ Богъ Вседержитель, Создатель вселенной. —

И голосомъ звучнымъ, едва обновленнымъ,
 Селима впервые промолвить дерзнулъ,
 И самъ удивился онъ звукамъ прекраснымъ,
 Когда зазвучалъ его голосъ сребристый,
 И тихо пронесся въ пространствѣ безбрежномъ,
 Какъ стройнаго пѣнія звуки несутся:
 — О, Ты! Предо мною представшій мгновенно,
 Какое осмѣлюсь я дать Тебѣ имя?
 Впервые я взоромъ моимъ просвѣтленнымъ,
 Съ блаженствомъ небеснымъ, Тебя созерцаю.
 Господь! Иегова! Судья всего міра!
 О, Ты! Мой Создатель! Отецъ-Вседержитель!
 Иль Необъяснимымъ Тебя мнѣ назвать?
 Отцомъ-ли Предвѣчнаго Сына, Который
 Рожденъ въ Вѣчествѣ и сталъ человѣкомъ?
 Его созерцали мы набожно тамъ,
 И съ ними всѣ сонмы Святыхъ Серафимовъ!
 Хвала Тебѣ Боже, меня сотворившій!
 Предвѣчнаго Сына Ты Вѣчный Отецъ!
 Тебя воспѣваютъ безсмертныя души,
 Которыхъ Ты создалъ дыханьемъ Своимъ,
 Дозволивъ наследовать вѣчную жизнь имъ.
 Я слышалъ какъ смертные всѣ называли
 Святою любовью Тебя Милосердый.
 Зачѣмъ-же такъ грозенъ Ты въ это мгновеніе,
 Какъ будто-бы смертию Твой взоръ ополченъ?
 Когда я жилище земное покинулъ,
 Тогда Серафимъ Твой меня утѣшалъ,
 Что я не къ суду Твоему возношуся.
 Хотя Ты не судишь меня въ этотъ мигъ,

Но все-же Ты страшенъ, Творецъ Всемогущій.
 То чувствуетъ духъ, погруженный въ молитву,
 Тобою для вѣчности созданный духъ,
 Которому далъ Искушителя Ты. —
 Идешь-ли сразить Ты врага, человѣка?
 Иль хочешь Предвѣчный на вѣкъ уничтожить
 Всю землю, гдѣ грѣшныя люди живутъ,
 Чтобъ взоръ Твой не могъ ее болѣе видѣть?
 Стремишься-ли, Господи, тѣхъ сокрушить,
 Которые Сына познать не хотѣли?
 Тогда непреложный Ты судъ свой отложишь.
 Вѣдь Ты-же для всѣхъ человѣковъ послалъ
 На землю Мессію — и Бога во плоти. —
 И такъ, Ты не будешь Свой судъ совершать!
 Хвала Тебѣ Вѣчнаго Сына Отецъ!
 Дозволь, въ отдаленіи, намъ созерцать,
 О, Боже! Слѣды Твоей славы небесной!

Окончилъ Селима и, вмѣстѣ съ другими,
 Паль ницъ передъ блескомъ величія Божья.

Съ другой стороны лучезарной дороги,
 Гдѣ солнца одни лишь, вращаясь, пылали, —
 Несется въ своей колесницѣ Элоа.
 Торжественно въ той колесницѣ летѣлъ,
 Въ которой, когда-то, вознесъ онъ на небо
 Пророка Илью, и тогда съ удивленьемъ,
 Пророкъ Елисей созерцалъ тотъ полетъ. —
 Стоялъ въ колесницѣ тогда Серафимъ,
 Въ лице ему вѣяло страшною бурей,
 И ось золотая, отъ грознаго вихря,
 Звенѣла и гнулась, а кудри Элоа
 Порывами бури отброшены были
 Волнами назадъ, отъ лица Серафима.
 И вихремъ срывало одежду съ него.
 Но онъ, въ колесницѣ, спокойно стоялъ,
 Въ высоко поднятой десницѣ держалъ
 Громадную тучу ужаснѣйшихъ грозъ,

И съ каждой возвышенной думой его,
Ударъ за ударомъ гремѣлъ въ отдаленнѣ. —

Сопутствовалъ такъ и теперь Іегову,
Въ мигъ тысячи солнечныхъ миль пролетая,
Онъ быстро несется отъ солнца къ другому,
Слѣдя за Предвѣчнымъ Творцомъ, въ отдаленнѣ. —

Такъ прибылъ Создатель къ собранію звѣздъ,
Въ то мѣсто, которое мы называемъ
Великимъ созвѣздіемъ млечныхъ путей;
Но тамъ, въ небесахъ, называютъ его
Всѣ мѣстомъ покоя и отдыхомъ Божьимъ.

Когда совершилось созданье вселенной,
Насталъ и день первый небесной Субботы,
Тогда тамъ, Зиждитель стоялъ, созерцая
Торжественно первой Субботы восходъ. —

Приблизился Вѣчный въ полетѣ Своемъ
Къ одной изъ безчисленныхъ звѣздъ мірозданья,
Гдѣ люди подобные намъ обитаютъ.
Но смерти не знаютъ, — они непорочны;
Тѣла ихъ подобны тѣламъ человѣковъ,
Но святы тѣ люди и грѣхъ незнакомъ имъ.
Стоялъ прародитель ихъ полный блаженства,
Въ чертахъ его юныхъ видна была сила,
Какъ будто протекшія мимо столѣтья
Его не касались и взоръ его не былъ
Померкшимъ отъ время; онъ видѣлъ потомковъ
И слезы восторга очей не затмили;
Доступенъ и внятень былъ слуху его,
И голосъ Творца, и Его Серафимовъ.
И слышалъ блаженный, какъ все поколѣнье,
Съ любовью, отцомъ называло его.
По правую руку отца всего рода
Стояла праматерь всего поколѣнья;
Все также прекрасна, какъ будто Создатель
Боземертную только-что создалъ теперь
И тихо въ объятія къ мужу привелъ.

По лѣвую сторону праотца былъ
Его первородный, возлюбленный сынъ.
Подобіемъ былъ онъ отца своего,
И также невинности полонъ и силы;
Вокругъ прародителя съ свѣтлой улыбкой,
Лежали у ногъ, на зеленыхъ пригоркахъ,
Потомки его и, цвѣтами украсивъ
Роскошныя волны бѣгущихъ кудрей,
И бились сердца ихъ горячей любовью;
Едва лишь родившихся, новыхъ потомковъ
Всѣ матери къ Праотцу тихо подносятъ
И онъ ихъ съ любовью цѣлуетъ впервые
И благословляетъ, какъ нѣжный отецъ. —

Теперь онъ на небо свой взоръ устремилъ,
И видитъ какъ шествуетъ Богъ Вседержитель;
Съ молитвою тихо склоняется онъ,
И съ чувствомъ потомкамъ своимъ говоритъ:
— Вотъ шествуетъ Богъ, сотворившій всѣхъ насъ,
Онъ дивно украсилъ долины цвѣтами,
И горы всѣ эти обнесъ облаками;
Но не далъ безсмертной души ни долинамъ,
Ни этимъ громадно высокимъ горамъ.
Имъ не далъ прекраснаго, стройнаго стана, —
Вамъ далъ Онъ и душу и станъ этотъ стройный,
Глубокія думы и разумъ, и слово,
И видъ человѣка, и взоръ этотъ свѣтлый,
Который признательно можете къ небу
Всегда обращать и глаголомъ живымъ,
Въ молитвахъ, съ небесными силами славить,
Того, Кто предсталъ мнѣ въ долинахъ Эдема,
Когда Онъ изъ праха меня сотворилъ,
И вашу праматерь привелъ осѣняя
Святой благодатью, въ объятія мои. —

Шуми и волнуйся развѣсистый кедръ,
Бесѣдуй со мною, о, старецъ могучій;
Подъ тѣнью твоею я видѣлъ впервые,

Какъ шествовалъ въ славѣ Творецъ Вседержитель!
 Умолкни ты, грозно шумящій потокъ,
 Я видѣлъ, какъ шель Онъ чрезъ воды твои!
 Дыханіе нѣжное тихаго вѣтра,
 О немъ прошепчи мнѣ таинственнымъ шумомъ,
 Какъ нѣкогда тихо и стройно шептало,
 Когда Безконечный спускался въ долины,
 Съ улыбкой небесной, съ пригорка того!
 Движеніе свое прекрати, ты, земля,
 * Какъ было въ то время, когда Всемогущій,
 Въ величіи полномъ, ступалъ по тебѣ. —
 Когда Его свѣтлый, божественный образъ,
 Безбрежное небо Собой озарялъ.
 И несъ Онъ въ десницѣ громаднаго солнца,
 А въ лѣвой держалъ Онъ планеты и звѣзды. —
 О, смѣю-ли вновь созерцать Тебя, Боже?
 Но пусть-же исчезнетъ ужасная ночь,
 Которой объять Ты, Создатель Великій,
 Оставитъ Твой взоръ Всемогущій ту грозность, —
 Не могутъ конечные видѣть ее.
 Кто-жъ вызвалъ, о, Боже, Твой гнѣвъъ правосудный?
 Конечно, никто, изъ любимыхъ Тобою
 И созданныхъ словомъ Всесильнымъ Твоимъ!
 О, вѣрно то племя отверженныхъ духовъ,
 Дерзнуло Создателя гнѣвъъ пробудить, —
 (Не смѣю я высказать мысли ужасной!)
 Старался, о, дѣти, скрывать я отъ васъ,
 Бояся печалью покой вашъ нарушить.
 Далеко отъ насъ, на одной изъ планетъ,
 Такіе-же люди живутъ какъ и мы,
 Но только давно непорочности первой
 И образа Божья они лишены, —
 Удѣломъ ихъ сдѣлалась страшная смерть!
 Я вижу, о, дѣти, какъ васъ удивляетъ,
 Что можетъ быть смертнымъ, когда нибудь тотъ,
 Кого удостоилъ Богъ вѣчнымъ создать: —

Въ нихъ смертенъ не духъ ихъ, а тѣло одно,
 Оно обращается въ землю опять,
 Въ тотъ прахъ, изъ котораго Богъ сотворилъ
 Въ моментъ мірозданья, того человѣка;
 Тѣлесная ихъ красота увядаетъ,
 Какъ ихъ первобытная вся непорочность
 Исчезла давно, до минуты рожденья.
 Душа оставляетъ свою оболочку,
 Въ міръ лучшій, невѣдомый имъ, отлетаетъ,
 Гдѣ ждетъ ее судъ справедливый Творца.
 О, дальше умчись ты, ужасная дума!
 Доступна Создателю ты одному, —
 И даже подумать безсмертному страшно
 О томъ, чтобъ увянуть и смертью погибнуть!
 Когда человѣкъ на землѣ умираетъ,
 То взоръ его меркнетъ и онъ ужъ не видитъ,
 Предъ нимъ, какъ въ туманѣ, вертится земля
 И небо скрывается ночью глубокой.
 Не слышитъ и голоса онъ человѣка,
 Несчастный и слова не можетъ промолвить,
 И только прощаніе, съ близкими сердцу,
 Едва пролепечетъ дрожащій языкъ.
 Становится тише и тише дыханье,
 Лице покрывается потомъ холоднымъ,
 И медленнѣй сердце забьется въ груди....
 Потомъ ... остановится, — онъ умираетъ....
 Въ объятіяхъ матери дочь умираетъ,
 Охотно бы съ ней умерла сама мать,
 Но часть ея смерти еще не пробилъ;
 Иль часто послѣдняго сына теряютъ
 Отецъ и горячія слезы онъ льетъ. —
 Родители мрутъ и безъ помощи всякой
 Оставлены юныя дѣти — сироты;
 Иль часто убитая скорбью невѣста,
 Въ объятіяхъ любимыхъ, на вѣкъ увядаетъ.
 И всѣ благородныя, пылкія чувства,

Которыхъ немного осталось на долю
 Тѣмъ людямъ, утратившимъ всю непорочность,
 Проходятъ, какъ слабыя, жалкія тѣни,
 Проходятъ мгновенно — и всѣ умираютъ;
 Надъ ними не сжалится Богъ правосудный,
 Не сжалится Онъ надъ прощальною улыбкой,
 Ни даже надъ взоромъ угасшимъ для жизни,
 Надъ взоромъ, который Творца умоляетъ,
 Еще хоть мгновеніе жизни подать.
 Не сжалится Онъ надъ отчаяннымъ стономъ
 Несчастнаго юноши, сжавшаго крѣпко
 Въ объятіяхъ, страстно любимую имъ.

Такъ Праотецъ дѣтямъ своимъ говорилъ...
 Вдругъ, общія слезы прервали его:
 Вокругъ прародителя плакали дѣти,
 Отцы цѣловали своихъ сыновей,
 И матери нѣжно, съ испугомъ, прижавъ
 Къ груди дочерей своихъ, съ чувствомъ смотрѣли,
 Какъ будто страшились на вѣкъ ихъ утратить.
 Младенцы колѣна отцовъ обнимали,
 Лобзаніемъ нѣжнымъ они отирали
 Горячія слезы родителей милыхъ,
 И съ братьями сестры сидѣли обнявшись,
 Другъ на друга грустно съ боязнью смотрѣли...
 Но вотъ прародитель оправился снова,
 (Праматерь людей приклонилась къ нему)
 Взглянувъ на дѣтей своихъ, онъ продолжалъ:

— О, ежели точно они возбудили
 Такъ страшно Создателя гнѣвъ непреклонный,
 Что шествуетъ Онъ ополченный грозою
 На нихъ беззаконныхъ, и даже, быть можетъ,
 Нисходитъ на землю Онъ въ эту минуту,
 Чтобъ страшною смертію ихъ всѣхъ погубить. —

Собратья безсмертные наши по плоти,
 О, если-бъ вы знали, какъ любимъ мы васъ,
 Какою печалью за васъ мы томимся:

Тогда не прогнѣвали такъ бы вы Бога,
Творца не принудили-бъ съ неба сойти,
Чтобъ васъ, о, собратія, смертию карать. —
Въ подземную пропасть низринетъ васъ Богъ, —
Оплакивать будемъ мы, Богомъ убитыхъ,
И будемъ съ тоскою на землю смотрѣть,
На мѣсто покоя костей вашихъ мертвыхъ. —

Но Ты, о, Отецъ мой, послалъ тому роду,
Мессію принявшаго плоть человѣка,
И хочешь-ли, Боже, судить ихъ теперь?

Что долженъ Мессія тотъ родъ искупить,
И снова пробудятся мертвые къ жизни, —
О томъ возвѣщаютъ небесныя силы,
И всѣ Серафимы, когда здѣсь витають! —
И тѣхъ-ли Ты хочешь, Господь мой, судить?

Смотрите! Онъ образъ божественный Свой
Теперь отъ меня отвратилъ и нисходитъ
На землю въ величіи строгомъ и грозномъ. —
Намѣренъя страшны Твои, Вседержитель!
И сумраченъ вѣчный Твой путь передъ нами;
Но святъ Ты, Создатель! Себѣ лишь подобенъ!
Хвала, Тебѣ Боже, меня сотворившій!
Къ Тебѣ, Всемогущій, съ земли освященной
Возносятъ молитвы безсмертные люди,
И молятъ первѣйшій изъ всѣхъ Серафимовъ,
Склонившихся предъ вѣчнымъ престоломъ Твоимъ.

Сказалъ такъ, блаженныхъ людей прародитель
И набожно, молча, стоитъ, созерцая,
Какъ быстро несется величіе Божье; —
Оно приближалось со славой къ землѣ.

Архангелъ Элоа увидѣлъ Творца,
И видѣлъ онъ въ облачной выси Мессію. —
Тогда Серафимъ неподвижно стоялъ
Въ густыхъ облакахъ и громами гремѣлъ.
Потомъ онъ восторгомъ объятый промолвилъ:
— Какъ долженъ быть дивно-великъ Ты, Мессія,

Отца Вседержителя Вѣчнаго Сынъ.
 Когда переносишь Ты судъ этотъ грозный.
 О, если-бъ въ конечномъ пространствѣ сіяли
 Познанья, чтобъ тайну святую обнять,
 И зрѣнемъ проникнуть всю глубь Божества!

Умолкни Элоа! И съ тихой молитвой
 Ты благоговѣнно закрой свои взоры. —
 Хвала Тебѣ, слава, о, родъ человѣка,
 О, скоро блажененъ ты будешь, какъ я!

Элоа торжественно такъ говорилъ,
 И руки безплотныя тихо скрестивъ,
 Къ землѣ обращаясь ее осѣнялъ. —

Объятый туманомъ глубокаго мрака,
 Взошелъ Вседержитель на гору Фаворъ.
 Оттуда всю область земную Онъ видѣлъ:
 Покрыта была алтарями Боговъ
 Часть міра и множество грѣшниковъ было,
 А далѣе, тамъ, на пространныхъ долинахъ,
 Лежалъ всюду смерти ужасный покровъ,
 Какъ вѣчный свидѣтель Судбы всего міра.
 Грѣхи всѣ, съ минуты созданья вселенной
 До часа послѣдняго Божья суда, —
 Возносятся все къ созерцавшему Богу:
 И рабъ многобожья, служитель Егovy,
 И вѣрный до гроба Христа обожатель. —
 И всѣ возносились къ Создателю міра
 Изъ бездны подземной, куда ихъ скрывала
 Ужасная злоба мятежнаго духа. —
 Уже заклеянное вѣчнымъ позоромъ
 Являлось предъ взоры Создавшаго все.
 И кто согрѣшалъ мимолетною думой,
 Кого вовлекли и нѣжнѣйшія чувства
 Въ тончайшія сѣти грѣха и порока,
 Съ границъ отдаленныхъ являлися души;
 Грѣховъ безобразныхъ, ужасные сонмы,
 Со злобою страшной, влекли эти души,

Которыя видѣли даже тебя,
 Въ небесной красѣ, добродѣтель святая —
 Тебѣ-же послѣдовать все не хотѣли,
 Хотя были полны нѣжнѣйшаго чувства.
 Бродили они, какъ гигантскія тѣни.
 Приблизилъ ихъ къ Богу ихъ совѣсти голосъ,
 И далъ предъ лицомъ Его всеѣмъ имена,
 Но прежде безъ имени были они,
 Среди поколѣнія рода людскаго,
 Который блуждаетъ во мракѣ грѣховномъ,
 Не зная посредницы между ихъ Богомъ
 И тяжкимъ грѣхомъ до минуты ихъ смерти.
 Подобно волненію грознаго моря,
 Всеобщія жалобы къ небу восходятъ;
 Съ громаднаго поля кроваваго боя,
 Далеко неслись умирающихъ вопли, —
 Они Побѣдителя все познавали.

Божественный голосъ и бури, и грома
 Дарованъ былъ крови священной страдальцевъ...

Смотри-же! такъ къ небу взывала ея голосъ,
 О, Ты! Возсѣдающій тамъ на престолѣ,
 Держащій въ десницѣ трубу правосудья,
 Которая міръ весь на судъ созоветъ.
 Я здѣсь неповинно была пролита,
 Я чистая кровь, какъ то видишь Ты самъ,
 И я, Тебя ради, Господь, проливалась!!

Въ глубокую думу Творецъ погруженъ былъ;
 Онъ мыслить о сонмахъ небесныхъ духовъ,
 И думалъ о грѣшникахъ рода людскаго. —
 Покоившись гнѣвно на выси Фавора,
 Держалъ Онъ десницею міръ весь земной,
 Трепещущій міръ и готовый разпасться
 И въ прахъ превратиться несчетныхъ песчинокъ.
 Онъ вдругъ обратилъ созерцающій образъ
 Въ избранному Имъ Серафиму Элоа, —
 И понялъ Архангелъ глаголъ Божества

Въ лицѣ, обращенномъ къ нему Іеговы.
Онъ быстро съ Фавора возносится къ небу.

Такъ облако съ скинии Божья завѣта
Возносится быстро туманомъ небеснымъ:
То облако видимый, дивный свидѣтель
Рожденнаго Сына въ стѣнахъ Виелеема;
Оно отъ пустыни къ пустынь проноситъ
Кивоть до завѣта, который былъ данъ
Творцомъ на Синайской горѣ Моисею.

Во мракѣ глубокомъ стоялъ Серафимъ,
Посланникъ Егвы, и тихо взиралъ
Съ небесныхъ высотъ на Масличную гору;
Онъ медленно поднялъ трубу громовую,
И грозно къ землѣ обратившись трубилъ
Весь ужасъ суда предстоящаго міру;
Изъ устъ Серафима труба такъ гласила:

— Во имя ужасное Бога — Егвы,
Которому нѣтъ ни конца, ни начала,
И чье правосудіе во вѣкъ безконечно,
Кто держитъ подземнаго ада ключи,
Кто мрачную бездну караетъ огнемъ,
Кто держитъ, рукой Всемогущею, смерть,
Кто страшнымъ, но правымъ судомъ ополченъ, —
О, есть-ли одинъ въ небесахъ безпредѣльныхъ,
Кто смѣлъ-бы за родъ человѣка предстать
На судъ Вседержителя грозный, послѣдній!
Пусть явится тотъ предъ лице Божества.

Вдругъ слышитъ громовые звуки трубы
Господь воплощенный; Онъ смотритъ на небо
Въ лице Серафима, избранника Божья,
И Самъ въ Геосиманію тихо уходитъ,
За нимъ изъ любимыхъ Апостоловъ трое
Слѣдятъ въ эту, полную ужасовъ, ночь;
Отъ нихъ Онъ скрывается въ мѣстѣ пустынномъ.
И судъ начинается свой Богъ Іегова.

Меня ты вводила пѣвица Сіона

Въ святыню не разъ; но я не былъ вводимъ
 Тобою, о, Муза, въ Святая-святыхъ.
 О, если-бъ владѣлъ я божественнымъ даромъ,
 Тѣмъ даромъ пророковъ, объемлющимъ вѣчность
 Безсмертной, великой души человѣка,
 И ежели-бъ данъ мнѣ былъ голосъ могучій
 Святыхъ Серафимовъ, которымъ они
 Всегда воспѣваютъ величіе Бога,
 Тогда-бы въ устахъ моихъ страшно гремѣла
 Суда правосудія Божья труба.
 Отъ звуковъ ея бы дрожали всѣ горы,
 Тогда-бъ Серафима громовое слово
 Глубокія думы мои возвѣстили;
 Онѣ были-бъ выше и трубнаго звука, —
 Но все-же осмѣлюсь воспѣть я страданья
 Его — Примирителя Бога съ созданьемъ.

Боролся Ты съ страшною смертію въ то время,
 Когда непреклоненъ былъ Богъ и Отецъ Твой.
 О, Ты! изъ союза пророковъ первѣйшій!
 О, мощный и свѣтлый Ходатай людей,
 Представшій предъ грозные взоры Еговы,
 Сошедшій въ подземную адскую бездну,
 Когда проходило величіе Бога.
 Ты издали видѣлъ всю славу Того,
 Кто Вѣченъ, и слышалъ глаголь Божества.

Духъ вѣчный Отца и Предвѣчнаго Сына,
 Я болѣе прахъ, чѣмъ былъ самъ Моисей,
 И тлѣнье, и смерть назначенье мое. —
 О, Ты освати и направь мои думы,
 Во тѣмъ меня мощнымъ крыломъ осени,
 Дозволь мнѣ увидѣть, о, Боже Великій,
 Страданья предсмертныя Божьего Сына. —

Склонившись надъ прахомъ и тлѣньемъ земли,
 Которая въ ужасъ тамъ трепетала
 Предъ грознымъ лицомъ Судіи всего міра, —
 Мессія смиренно лежалъ и молился;

Костями и прахомъ потомковъ Адама
 Онъ былъ окруженъ; утомленные взоры
 Стремилась къ высокой вершинѣ Фавора;
 Но все сотворенное было сокрыто
 Отъ взоровъ Его, устремленныхъ со страхомъ.
 И потомъ предсмертнымъ лице покрывалось,
 Болѣзненно руки сжимались Его,
 Безъ словъ и, подавленный чувствомъ глубокимъ,
 Лежалъ Онъ и быстро, какъ мысль Божества,
 Ужаснѣйшій трепетъ Его потрясалъ.
 Одни ощущенія смѣнялись другими:
 То были томленія смерти ужасной. —
 Всесильный Онъ Богъ — и плотской человѣкъ —
 Лежалъ, утомленный страданьемъ, безъ словъ;
 Все больше и больше томилъ Его ужасъ,
 Чѣмъ болѣе страхъ потрясалъ Его тѣло,
 Тѣмъ все становилось темнѣй и темнѣй.
 Все громче и громче надъ Нимъ раздавались
 Ужасные звуки трубы громовой; —
 Тряслась и стонала страшнѣе Фаворъ
 Подъ грозной и мощной стопой Іеговы,
 И вмѣсто предсмертнаго пота съ лица
 Горячія капли страдальческой крови
 На землю холодную капали тихо. —
 Божественный быстро поднялся изъ праха,
 Онъ руки съ молитвою къ небу простеръ,
 И слезы смѣшались съ страдальческой кровью...
 Мессія молилъ Судію всего міра:
 — Отецъ мой! И не былъ весь міръ еще созданъ,
 Но былъ только вызванъ изъ хаоса Нами, —
 Ужъ смертью погибъ человѣкъ первородный;
 Потомъ, ежечасно, какой нибудь грѣшникъ
 Ужасною смерью бывалъ поражаемъ.
 Столѣтія цѣлыя такъ протекали,
 Твоимъ заклеяннымъ страшнымъ проклятьемъ.
 Теперь-же, Отецъ мой, настала минута,

Минута тяжелыхъ и тайныхъ страданій;
 Еще до момента созданія міра
 И прежде, чѣмъ грѣшниковъ смерть поражала,
 Уже предназначена Нами была
 Минута страданья, — теперь-же настала, —
 О, всѣ вы, уснувшіе въ лонѣ Творца,
 Пусть будетъ надъ вами небесъ благодать
 Въ могилахъ глубокихъ, гдѣ спите вы смертью.
 Пробудитесь къ жизни вы скоро опять,
 Исчезнетъ и смертность — я чувствую это!
 Какъ вы, я рожденъ былъ и также умру!!...
 О, Боже, простиершій десницу Судьи,
 И страхомъ своимъ потрясающій тѣло,
 Которое создано было изъ праха,
 Вели, чтобы страха тяжелаго часъ
 Быстрѣ пронесся; Отецъ мой Предвѣчный!
 Тебѣ все возможно, — о, пусть онъ пройдетъ
 Такъ быстро, какъ дума святая Твоя;
 Страданія чаша, которую Ты,
 Наполнивъ божественнымъ гнѣвомъ Своимъ,
 Излилъ на меня, о, пусть мимо проходить. —
 Я здѣсь одинокій, оставленный всѣми,
 Которыхъ такъ сильно, безмѣрно люблю,
 Далекъ я отъ Ангеловъ свѣтлыхъ теперь,
 Далекъ отъ людей, моихъ братьевъ по плоти,
 Оставленъ Тобою, Отецъ мой небесный, —
 Пустыню несчастную я созерцаю,
 Гдѣ Ты, Судія, совершаешь свой судъ. —
 О, кто мы, потомки Адама и я,
 Скажи Иегова? И пусть совершатся
 Всѣ ужасы смерти, теперь надо мною! —
 Но пусть не моя совершается воля,
 Но воля Твоя пусть исполнится, Боже!
 Съ молитвою взоры мои проникаютъ
 Ужасную тьму этой ночи глубокой,
 Но плакать не въ силахъ ужъ больше они;

Рука, костенѣя, трепещетъ моя,
 Когда я о помощи небо молю,
 И я, утомленный, склоняюсь къ землѣ,
 Которая будетъ моею могилой. —

Изъ нѣдра души вызываетъ Мессія
 Глубокія думы, одну за другою:

— Увы! я Отцомъ моимъ Вѣчнымъ оставленъ
 Еще до минуты явленія смерти. —

Когда еще въ области свѣтлой Отца

Надъ Сыномъ носился покой Его сладкій,

И былъ прародитель Адамъ еще вѣченъ, —

Назначили Мы искупленія часъ. —

Но въ тѣлѣ плотскомъ моемъ чувствую я

Присутствіе Духа Божественной силы.

Я Вѣченъ, какъ Ты, мой Отецъ, и страдаю...

И такъ, — да свершается воля Твоя.

Окончивъ молитву Свою, Искупитель

Къ землѣ преклонился направо и тихо,

И долго глубокую ночь созерцалъ;

Предъ Нимъ проносились предсмертныя тѣни;

Онъ видѣлъ отверженныхъ грѣшниковъ души,

Онъ предавали проклятію Бога

И вѣчность, и день сотворенія міра. —

Онъ слышалъ волненіе пропасти адской

И гулы, и громы шумящихъ потоковъ.

Какъ съ грохотомъ въ пропасть стремились они,

И ужасомъ голосъ объятый, гремѣлъ

Въ потокахъ стремящихся съ громомъ и гуломъ.

То тихо и нѣжно журчали ручьи,

Къ покою обманчиво звали всѣ души,

Ко сну въ безконечный ничтожества хаосъ,

И тамъ начинались обманутыхъ муки;

Потомъ въ безконечно-отчаянномъ вздохѣ

Болѣзненный слышался голосъ людей:

То жалобы тварей на Бога-Творца

Они проклинали Его бытіе

И самую вѣчность Создателя міра!
 Все ихъ злополучіе чувствовалъ духомъ
 Сынъ Божій — по плоти-же — самъ человѣкъ. —

Давно, съ одинокой и дикой скалы
 Смотрѣлъ на Спасителя Адрамелехъ;
 Спустился поспѣшно на землю теперь онъ,
 И долго, и злобно смотрѣлъ на нее;
 Но, вдругъ, предъ собою, въ горячей крови,
 Несчастнаго видитъ онъ самоубійцу. —
 Отчаянья крики, страданія стоны,
 Раскаянья поздняго ужасъ и вопли
 Далеко въ окрестныхъ горахъ раздавались.
 Сопутствуемъ жалобнымъ крикомъ и стономъ,
 Приблизился Адрамелехъ къ Иисусу.
 Съ насмѣшкою злою онъ сталъ близъ Него,
 И съ гордостью дерзкою взоръ устремилъ,
 И злобныя думы, какъ волны морскія,
 Тревожили долго мятежнаго духа.
 Потокомъ проклятья и адекаго грома
 Онъ силился дерзкія мысли излить;
 Но взоръ обратилъ Свой Мессія Великій,
 Какъ міра Судья посмотрѣлъ Онъ на духа, —
 И понялъ мятежный Божественный взоръ,
 Отпрянулъ назадъ отуманенный духъ;
 Безсильный, безъ чувства, стоялъ въ отдаленіи,
 Одну лишь пустыню вокругъ себя видѣлъ,
 Скалу одинокую видѣлъ духъ павшій,
 Земли-жъ и Мессіи ужъ видѣть не могъ,
 И былъ едва въ силахъ потомъ улетѣть. —

И тихо печальное мѣсто страданья
 Покинулъ Мессія и къ Ученикамъ,
 Еще неспроснувшимся, Онъ подошелъ.
 Такъ, послѣ тяжелыхъ страданій своихъ,
 Увидѣть желалъ человѣческій образъ.
 Утѣшенный видомъ уснувшихъ людей,
 Стоялъ передъ ними Господь Искупитель.

Надъ Нимъ ликовали небесныя силы, —
 То было Субботы второй торжество,
 Второй отъ момента созданія міра,
 И эта Суббота святѣй была первой. —

Когда-же минуетъ день страшный суда,
 Настанетъ и третьей Субботы восходъ,
 Тотъ день благодатный продлится всю вѣчность,
 И будетъ Мессія главой торжества.

Теперь, торжествуя, небесныя силы
 Субботы священнѣйшій часъ прославляли.
 Всѣ знали, что Первосвященникъ Предвѣчный
 Со славой вступилъ во Святаѣ-святыхъ,
 И тамъ основалъ Искупленье людей, —
 О чемъ возвѣщаль такъ Архангелъ Элоа:

— Въ тотъ мигъ, когда съ полюсовъ громъ загремитъ,
 И гулъ его страшно раздастся на вами,
 А съ нимъ вы услышите пѣнье міровъ,
 Какъ голосъ бушующихъ, бурныхъ морей,
 Когда изъ путей своихъ выступятъ звѣзды,
 И тысячи солнечныхъ миль пробѣгая,
 Стремяся поспѣшно то взадъ, то впередъ,
 И будутъ дрожать въ безпредѣльномъ пространствѣ, —
 Тогда потрясетъ васъ божественный трепеть.
 Внезапно съ безсмертныхъ головъ упадутъ,
 Вѣнцы золотые и троны подъ вами
 Взволнуются сильно и вдругъ потрясутся, —
 Тогда-то настанетъ часъ грозный суда:
 Начнутся страданія Божія Сына. —

Теперь, о томъ силы небесъ воспѣвали:
 — „Насталъ и часъ первый страданій великихъ,
 Онъ избраннымъ вѣчный покой даровалъ,
 И вотъ, миновалъ этотъ часъ благодатный“.

Стоялъ Искупитель предъ Учениками,
 Смотрѣлъ Онъ съ любовью на сонъ ихъ глубокій:
 Серьезнымъ и строгимъ казался Іаковъ,
 Хотя разгорѣлись отъ сна его щеки.

Такъ тихъ и отраденъ покой христьянина,
 Когда его смерти минута близка. —
 Склонившись къ плечу Иоанна, спалъ Петръ,
 Но не былъ спокоенъ онъ, какъ Иоаннъ;
 Наперстникъ Христа улыбался такъ кротко,
 Какъ будто крыломъ осѣнялъ его Ангелъ.
 — Ты спишь еще Симонъ, сказалъ Иисусъ,
 Меня оставляешь, когда я страдаю, —
 Иль часа не могъ ты остаться безъ сна?
 Но скоро, о горе, настанетъ то время,
 Когда удалится отъ глазъ твоихъ сонъ,
 Отъ глазъ твоихъ часто блестящихъ слезами.
 Проснитесь, о дѣти, вставайте, молитесь,
 Чтобъ къ вамъ Искушитель не смѣлъ подойти;
 Хотя и желали-бы бодрствовать вы,
 Но слабо и немощно тѣло земное,
 И смертное бремя надъ духомъ безплотнымъ
 Еще тяготѣетъ и давить его. —

Такъ видитъ Мессіа Апостоловъ трехъ
 И видитъ потомъ Онъ въ далекомъ пространствѣ
 Своимъ безконечно-объемлющимъ взоромъ
 Весь родъ человѣка и грѣшниковъ всѣхъ,
 Которымъ воскреснуть назначено было,
 И снова предсталъ Искушитель на судъ,
 Опять за людей всѣхъ Онъ началъ страдать.

Въ тотъ мигъ приближался къ горѣ Аббадонна,
 Скрываемый кровомъ ночной тишины,
 И тихо изгнанникъ съ собой разсуждаетъ:

О, гдѣ я найду Искушителя грѣшныхъ?
 Хотя недостойнъ я видѣть Его,
 Однакоже видѣлъ Его Сатана. —
 Гдѣ долженъ искать Тебя бѣдный изгнанникъ?
 Божественный Мужъ и Ходатай людей!
 О, гдѣ отыщу наконецъ я Тебя?
 Напрасно пустыни я всѣ пролеталъ,
 Ходилъ и къ источникамъ свѣтлыхъ потоковъ,

И въ сумрачныхъ рощахъ бывалъ я не разъ,
 Терялся испуганныхъ ногъ моихъ слѣдъ
 Въ далекихъ и дикихъ, безлюдныхъ мѣстахъ;
 Напрасно и громко я къ кедрамъ зывалъ:
 „Не ты-ль Его скрылъ, о, развѣсистый кедръ!
 О, если ты скрылъ, зашуми предо мною“. —
 Зывалъ я къ нависшимъ надъ бездной горамъ:
 „О вы, отчужденныя горы склонитесь,
 Слезами горячими троньтесь моими,
 И дайте мнѣ видѣть небеснаго мужа,
 Который спокойно межъ вами уснулъ! —
 Иль можетъ Создатель, съ заботою нѣжной,
 Сокрылъ Его въ сумрачномъ облакѣ ночи? —
 Иль можетъ быть умъ человѣка глубокий
 Завелъ Его въ самыя нѣдра земли? —
 Однако Онъ не былъ на небо взять Богомъ,
 Не скрылся и въ нѣдрахъ подземныхъ, глубокихъ,
 Но я не достоинъ Твой образъ увидѣть,
 Улыбки небесной Твоей созерцать!
 Безсмертный, божественный Ты человѣкъ,
 Ты родъ человѣка пришелъ искупить,
 Меня-же, изгнанника, Ты не искупишь!
 Не слышишь Ты вѣчнаго стона мученій,
 Моихъ безконечныхъ терзаній не слышишь, —
 Увы! Ты пришелъ искупить человѣка! —
 Такъ съ горькой тоскою зывалъ Аббадонна.
 Онъ видитъ Апостоловъ спящихъ спокойно:
 Съ улыбкою свѣтлой лежалъ Іоаннъ;
 Прекрасный, онъ кротко во снѣ улыбался.
 Увидѣвъ его предъ собой, Серафимъ
 Съ испугомъ отпрянулъ дрожащей стопою,
 И тихо едва лишь дерзнулъ прошептать:
 — О, если Тебя предъ собою я вижу,
 Тебя, о, безсмертный, Божественный мужъ,
 Пришедшій избавить отъ смерти свой родъ,
 Тебя со слезами привѣтствую я

Въ Твоей красотѣ, милосердія полной.
 Осмѣлюсь, со страхомъ, безсмертнымъ я вздохомъ
 Привѣтствовать вѣчной, горячей слезою
 Тебя, Искупитель погибшаго міра!
 По истинѣ въ образѣ свѣтломъ Твоемъ
 Небесной невинности видны черты,
 Какъ явныя признаки чистой души. —
 Ты точно Тотъ самый, кого я искалъ?
 Въ чертахъ Твоихъ дышетъ спокойствіе духа,
 Оно добродѣтели свѣтлой награда!
 И трепетъ невольный объемлетъ меня,
 Когда я спокойствіе тихое вижу,
 Которымъ, какъ благомъ небеснымъ полна,
 Душа Твоя чистая, міра Ходатай. —
 Ко мнѣ обрати Ты Свой образъ небесный,
 Иль долженъ бѣжать я, и плакать опять.

Такъ голосомъ робкимъ шепталъ Аббадонна,
 Но въ это мгновеніе, Петръ повернулся
 И съ робостью тихо сказалъ Іоанну,
 Который какъ Петръ пробудился теперь:
 — Какое видѣніе, другъ Іоаннъ!
 Я спалъ и Учителя видѣлъ во снѣ;
 Онъ строго и долго смотрѣлъ на меня,
 И взглядъ Его полонъ былъ гнѣвной угрозы,
 Но видѣлъ во взглядѣ я томъ состраданье.

Слова эти слышитъ теперь Серафимъ,
 И долго на мѣстѣ стоитъ удивленный. —
 Его тишина окружала ночная,
 И слышалъ онъ издали, въ этой тиши,
 Какъ будто предсмертные стоны и голосъ,
 И ухо въ ту сторону онъ преклоняетъ,
 Склоняется ниже къ землѣ и внимаетъ, —
 А голосъ печальнѣй, страшнѣй раздается.
 Испуганный, долго стоитъ Аббадонна,
 Но вдругъ потряслось его сердце невольно
 Тяжелою скорбью, онъ тихо подумалъ:

Не долженъ-ли видѣть убитого я,
 Который тамъ борется съ страшною смертью,
 И думой томится о грозномъ судѣ?
 Не долженъ-ли крови страдальца я видѣть?
 Быть можетъ, спокойно, въ ночной тишинѣ,
 Съ отцовской любовью онъ къ дѣтямъ спѣшилъ,
 Какъ воръ подстерегъ его тихо во тьмѣ
 Убійца и врагъ ненавистный его,
 Тогда, какъ невинности полный, онъ шелъ
 И мудры, и святы дѣла его были.
 Убить былъ несчастный смертельнымъ врагомъ;
 Ужели не долженъ я видѣть его? —
 Не видѣть страдальца несчастнаго ужась,
 Лице помертвѣлое, блѣдныя щеки,
 И блескъ потухающей жизни въ глазахъ?
 Не долженъ-ли слышать послѣдняго вздоха
 И голосъ предсмертный, какъ страшно гремѣть?
 О, ужась! Страдальца убитого кровь!
 Страшна челоуѣка убитого кровь!
 На страшномъ судѣ ты свидѣтелемъ будешь
 Предъ Нимъ Правосуднымъ ты противъ меня.
 О горе мнѣ! Самъ я не разъ приводилъ
 Въ объятія смерти потомковъ Адама. —
 Людей непорочныхъ невинная кровь,
 Которая часто такъ здѣсь проливалась
 И будетъ столѣтъя еще проливаться, —
 Оставь ты въ покоѣ меня на мгновенье! —
 Я слышу, какъ громъ, раздается твой голосъ.
 Увы! Твои вздохи ужасные слышу,
 Какъ грозно и громко взываешь ты къ Богу,
 И вѣчное мщенье зовешь на меня!
 Я долженъ увидѣть то страшное мѣсто,
 Гдѣ тлѣютъ спокойно останки твои!
 О, дѣти Адама, я долженъ увидѣть,
 Гдѣ кроются кости истлѣвшія ваши,
 Мнѣ грозная совѣсть велитъ возвратиться

Туда, гдѣ покоятся мертвые всѣ,
 Которыхъ когда-то я самъ убивалъ,
 И въ тихой могилѣ скрывалъ ихъ останки.
 Спокойствіе смерти! Меня ты пугаешь!
 Туда не придетъ Онъ, гдѣ все такъ спокойно,
 Гдѣ ночи глубокой царить тишина,
 Которая духъ мой невольно страшить.
 Онъ грому подобно идетъ въ облакахъ,
 Какъ буря стопы Его шествуютъ тамъ,
 И смертью глаголь Его усть поражаетъ,
 А судъ Его грозенъ, — онъ безъ состраданья!

Такъ думалъ убитый тоской Аббадонна,
 И медленно къ голосу все приближался.
 Теперь въ отдаленіи видитъ Мессію,
 Однако лица Его видѣть не можетъ,
 Ни капель кровавыхъ на свѣтломъ челѣ. —

Къ землѣ преклонился Мессія лицомъ,
 И тихо молился Онъ, руки скрестивъ.
 Леталъ, въ отдаленіи печальный изгнанникъ
 Надъ мѣстомъ, гдѣ царствовалъ сладкій покой,
 И гдѣ такъ усердно молился Спаситель.
 Но въ это мгновеніе медленно вышелъ,
 Изъ тѣни густой, Серафимъ Гавріиль.
 Отпрянулъ со страхомъ назадъ Аббадонна,
 Приблизился тихо Архангелъ бессмертный,
 Склонился главой надъ Спасителемъ міра...
 Вдругъ, горести слезы въ глазахъ навернулись,
 И были тѣ тихія слезы подобны
 Печальнымъ, горячимъ слезамъ челоука,
 Услышалъ бессмертнымъ онъ слухомъ своимъ,
 Которымъ за тысячи солнечныхъ миль,
 Онъ слышитъ торжественный гимнъ Оріоновъ,
 Когда тамъ, въ величіи шествуетъ Вѣчный, —
 Онъ слышалъ движеніе тихое крови
 Лежавшаго съ теплою молитвой Мессіи,
 Страдавшаго чистымъ, божественнымъ тѣломъ.

И слышалъ все громче страданія вздохи,
 Когда поднимались они въ Его сердцѣ,
 Небесные вздохи тѣ были отраднѣй
 Для слуха Предвѣчнаго Бога Отца,
 Чѣмъ пѣсни святыхъ всего мірозданья,
 Которыми вѣчно оно Его славить;
 Отраднѣй великаго голоса Божья,
 Когда Всемогушій Себя называетъ
 Въ обители свѣтлой небесъ — Иеговой! —
 Услышалъ теперь Серафимъ Гавріиль
 Глубокую тайну страданій Мессіи,
 И въ сторону быстро безсмертный отходитъ
 Онъ, руки скрестивъ на безплотной груди,
 Съ молитвою взоръ къ небесамъ устремляетъ.

Увидѣвъ Архангела тамъ Гавріила,
 Едва лишь дерзаетъ смотрѣть Аббадонна.
 Но вотъ, надъ собою, внезапно онъ видитъ
 Все свѣтлое воинство силы небесной.
 Безсмертные взоры и думы всѣ ихъ
 Стремились съ молитвой къ Тебѣ, Искупитель.
 Отъ страха трепещетъ отверженный духъ,
 И взоры склоняетъ лишенный онъ чувства,
 Съ печалью глубокой, къ Спасителю грѣшныхъ.
 Изъ праха кроваваго всталъ Иисусъ,
 Покрыто лице Его потомъ предсмертнымъ.

Какъ мракомъ предсмертной минуты объять,
 Стоялъ, пораженный испугомъ, изгнанникъ.
 Когда-же онъ снова осмѣлился мыслить, —
 Сквозь сумракъ глубокой той ночи ужасной,
 Со вздохомъ тяжелымъ, излилъ свои думы,
 Стеная, отверженный Богомъ изгнанникъ:
 — О, кто ты, боровшійся съ страшною смертію?
 Одинъ-ли изъ праха Творцомъ сотворенный,
 Земли-ли ничтожной и брэнной ты сынъ,
 Земли, заклеянной проклятіемъ Бога?
 Созданье-ль, которое страшно трепещетъ

Послѣдняго дня правосудія Божья;
 — Подъ сводомъ тяжелымъ могилы дрожить
 За всѣ, ужь давно промелькнувшіе дни?
 Одинъ-ли изъ этихъ сыновъ ты земли?
 Но нѣтъ! Твое тѣло плотское сіяетъ
 Огнемъ исходящимъ отъ Бога Отца. —
 Не тлѣныя могилы, но высшее что-то
 Горитъ въ твоихъ дивныхъ небесныхъ глазахъ,
 И грѣшника видъ злополучный не тотъ. —
 Не смѣетъ смотрѣть такъ отверженникъ Божій.
 Я вижу, ты болѣе, чѣмъ человѣкъ. —
 Сокрыты глубокія тайны въ тебѣ
 И тайнъ тѣхъ не въ силахъ проникнуть мой умъ,
 Въ тебѣ лабиринты Господни таятся!
 Въ тебѣ созерцаю я большее что-то,
 Но кто-же ты высшій, о, кто ты, могучій?
 Отверженный духъ отвори свои взоры!
 Какъ громъ меня быстрая мысль поражаетъ,
 И какъ необъятна, страшна эта мысль!
 Подобіе страшное я созерцаю!!!
 Оставь, о, оставь меня ужасъ напрасный!
 Томитъ содроганіе смерти меня.
 Увы! Онъ Предвѣчному Сыну подобенъ!
 Возсталъ Онъ когда-то съ небеснаго трона,
 И грозно носился, какъ будто на крыльяхъ
 Въ своей колесницѣ, пылавшей огнемъ,
 Отверженныхъ гналъ по пятамъ Онъ съ проклятьемъ, —
 Тогда Его гнѣвъ состраданья не зналъ. —
 Безсмертіе наше проклятіемъ было,
 А жизнь наша, — вѣчною страшною смертию.
 Когда безъ возврата отъ насъ отлетѣла
 На вѣкъ непорочность вдругъ дней первобытныхъ, —
 Исчезли въ великомъ Его правосудьи,
 Блаженство и свѣтлая радость небесъ.
 И не былъ отцомъ уже нашимъ Егова. —
 Лице обратилъ я со страхомъ въ то время

И въ гнѣвъ увидѣлъ Предвѣчнаго Сына:
 Летѣлъ Онъ, какъ вѣчная кара, за нами,
 И мщеніемъ взоръ Громовержца пылалъ. —
 Торжественнымъ былъ Онъ въ Своей колесницѣ;
 За Нимъ-же лежала глубокая ночь;
 Предъ Нимъ была вѣчная страшная смерть. —
 Ему Всемогушество далъ Богъ Отецъ, —
 И гибелью былъ ополченъ Милосердный. —
 Могуцей десницы карающій взмахъ,
 Тяжелый и грозный ударъ Громовержца
 Потрясъ всю природу въ ея основаньяхъ —
 Онъ ужасъ на все мірозданье навелъ. —
 Мой взоръ погрузился въ глубокую ночь.
 Я больше не могъ — и не смѣлъ Его видѣть.
 Подъ бременемъ бури и страшнаго грома
 Я палъ, какъ подавленный тяжелой дремотой.
 Тогда, надо мною, изгнанникомъ жалкимъ,
 Природы испуганной плачь раздавался;
 Отчаянья чувство запало мнѣ въ душу,
 И я былъ безсмертенъ, какъ всѣ мои муки, —
 Теперь будто снова увидѣлъ Его я,
 По образу равенъ Ему этотъ мужъ,
 Съ молитвой усердной, лежащій во прахѣ,
 О! Мужъ этотъ болѣе, чѣмъ человѣкъ.
 Но точно-ли Сынъ онъ Предвѣчнаго Бога?
 И Богомъ ниспосланный съ неба Массія?
 Тотъ будущій міра Судья Правосудный?
 Однако Онъ страждетъ, Онъ борется съ смертію!
 Когда-то летѣвшій, какъ Богъ Всемогушій,
 Страдаетъ и борется съ смертію теперь!
 Безмѣренъ весь ужасъ, объемлющій душу,
 При мысли, исполненной тайнъ непонятныхъ.
 Онъ скорбью томится, валяясь во прахѣ!
 И кровь выступаетъ изъ жилъ напряженныхъ! —
 Тяжелымъ страданіемъ я утомленный,
 Давно испытавшій всѣ степени мукъ,

Съ отчаяньемъ вѣчнымъ сроднившійся сердцемъ, —
 Незнаю какое названіе дать
 Мучительнымъ чувствамъ души Его свѣтлой.
 Какое страданіе можетъ сравниться
 Съ Его безотрадной и медленной смертью?
 Я вижу, въ спокойной, ночной тишинѣ,
 Нисходятъ ко мнѣ благодатныя думы,
 И много чудеснаго въ нихъ откровенья,
 Но спутаны всѣ онѣ, какъ въ Лабиринтѣ.

То Сынъ Іеговы, и царь всего неба;
 Онъ, образъ Предвѣчнаго Бога Отца,
 Съ высокаго трона сошелъ въ человѣка,
 И въ эту минуту страдаетъ за смертныхъ,
 Идетъ Онъ на судъ за собратій своихъ. —
 Когда-то я слышалъ еще въ небесахъ,
 Объ этой великой, божественной тайнѣ.
 Объ томъ и дѣяньями злыми своими,
 Подобно шипѣнью змѣи, подтверждаетъ
 Отверженникъ падшій, самъ духъ Сатана!
 Какъ близки къ Спасителю Ангелы неба,
 Съ молитвою взоръ ихъ къ Нему обращенъ,
 Надъ Нимъ и Господня простерта рука,
 И тихо повсюду трепещетъ природа,
 Какъ будто-бы слышитъ присутствіе Бога. —
 О, если за мертвыхъ собратій своихъ
 Рѣшился идти Ты, на страшный судъ Божій,
 И если Ты точно Предвѣчнаго Сынъ, —
 Тогда унесусь я поспѣшно отсюда,
 Чтобъ гнѣвъ Твой ужасный меня не сразилъ,
 Чтобъ Ты не вознесся на тронъ свой небесный,
 Когда вдругъ увидишь у ногъ своихъ свѣтлыхъ
 Меня, распростертаго, падшаго духа. —

Хотя Ты не смотришь теперъ на меня,
 Но знаешь всѣ тайныя думы мои. —
 Осмѣлюсь-ли духомъ обнять эту думу,
 Которую съ трепетомъ чувствую я?

— Мессіей Ты шель для потомковъ Адама?
 Увы! Имъ не шель Ты для Ангеловъ вышихъ!
 О, еслибы также и насъ удостоилъ,
 И принялъ-бы свѣтлый Ты видъ Херувима,
 Какъ принялъ Ты образъ и плоть человѣка, —
 И также простерся-бы въ сѣни небесной,
 Какъ здѣсь Ты, смиренно, во прахѣ лежишь,
 Готовый предстать предъ судомъ Божества,
 О, если-бъ Ты принялъ за насъ судъ Отца,
 Съ молитвой къ Создателю руки простеръ,
 Какъ здѣсь Ты ихъ къ высшему трону возносишь.
 О, какъ бы охотно, простеръ предъ Тобою
 Отверженникъ падшій, я, руки свои,
 И въ пѣняхъ священныхъ Тебя воспѣвая,
 Тебя, о, Божественный, свѣтлый Ходатай,
 Прославилъ-бы звуками стройными арфы!
 Но если одни вы, любимцы Господни,
 Того удостоены, дѣти Адама,
 Тогда пусть огонь всемогущій и вѣчный
 Пожжетъ непокорныя головы тѣхъ,
 Чьи думы такъ низки, что Вѣчнаго Сына,
 Сошедшаго съ неба, познать не хотятъ,
 И каждое сердце, которое будетъ
 Его недостойно, отвергнувъ добро. —
 О, ежели всѣ вы, спасенные Имъ,
 Почтить не хотите Божественной крови,
 Которая льется съ лица Его здѣсь, —
 Пусть будетъ для васъ она вѣчною смертию.
 Васъ всѣхъ называю я именемъ страшнымъ,
 Которое далъ вамъ Несозданный Самъ:
 Безсмертныя души! Хранится-ль въ васъ чувство,
 Въ которомъ Божественной вѣчности лучъ
 Подавленъ какою-то низкой боязнью?
 Тогда вы отвержены Богомъ, какъ мы,
 Отвержены лучшимъ и высшимъ созданьемъ,
 И я черезъ нивы пустыни и ночи

Въ открытыя раны тѣхъ душъ загляну,
 И громко, съ восторгомъ, скажу, торжествуя:
 Хвала тебѣ, слава, о, вѣчная смерть!
 Тебя безконечная скорбь прославляю!
 Хотя созерцанье блаженнаго мира
 Искупленныхъ Сыномъ отъ смерти и ада
 Боязнью мой трепетный духъ наполняетъ,
 Но все-же хочу я въ открытыя раны
 Безсмертныхъ, искупленныхъ душъ заглянуть,
 Чрезъ грустныя нивы пустыни и ночи,
 И голосомъ радостнымъ громко воззвать:
 Хвала тебѣ, слава, о, вѣчная смерть!
 Тебя прославляю я вѣчная скорбь!
 Они не почтили Божественной крови,
 И смерти всѣ вѣчной достойны теперь!

Хочу я насильно исторгнуть себя
 Изъ адскихъ желѣзныхъ, ужасныхъ когтей,
 И броситься къ высшему трону Судьи,
 Воззвать передъ Нимъ со слезами и громко,
 Чтобъ слышало небо и все мірозданье:

Я также безсмертенъ, какъ родъ человѣка,
 Но что-же я сдѣлать? Ему даровалъ Ты
 Мессію; но не далъ Его Серафимамъ?
 Хотя ненавидитъ вся бездна Тебя,
 Однакоже есть между ними изгнанникъ,
 Одинъ онъ, съ возвышенной, свѣтлою думой,
 Не врагъ онъ Твой, Боже, Господь Іегова!
 Ужель никогда состраданія взоръ
 Не будетъ Тобою къ Нему обращенъ?
 Ужель всѣ кровавыя слезы и стоны
 Во вѣкъ незамѣчены будутъ Тобою?
 Молить Тебя Боже, — не смѣетъ изгнанникъ,
 Его безконечность надъ нимъ тяготѣетъ,
 Онъ жаждетъ — онъ молить о смерти Тебя!

Затихъ — и испуганный дерзкой надеждой,
 Умчался въ безвѣстную даль Аббадона. —

И снова изъ праха Мессія встаетъ,
Вторично идетъ Онъ, желая увидѣть
Хотя на мгновенье лице человѣка. —

Воспѣли второй разъ небесныя силы:
— Великій, второй уже часъ наступилъ
Страданій возвышенныхъ Божьяго Сына,
Святымъ даровалъ Онъ всѣмъ вѣчный покой;
Тотъ часъ благодатный теперь миновалъ.

И снова Спаситель оставилъ уснувшихъ,
И въ третій Онъ разъ удалился туда-же,
Тому чтобы въ жертву себя принести,
Кто держитъ въсы еще въ грозной десницѣ,
И кто произносить глаголь смертоносный,
Суда всего міра съ проклятіемъ страшнымъ! —
Надъ Нимъ разстилалась глубокая ночь,
Когда Онъ страдалъ и молился Отцу, —
Мрачна и страшна была ночь та глухая. —
Такъ будетъ послѣдняя ночь тяготѣть
Надъ міромъ предъ страшнымъ послѣднимъ судомъ,
И быстро за нею наступитъ тотъ день,
Послѣдній и грозный суда міроваго. —
И скоро, гласъ трубный, какъ громъ загремитъ,
Къ возстанью пробудитъ онъ кости усопшихъ!
И шумно взволнуется поле воскресшихъ
Предъ высшимъ престоломъ Спасителя міра,
Который и Самъ былъ когда-то умершимъ.
Возстанутъ къ рѣшенію высшему люди
Въ тотъ день неизбѣжный Господня суда. —

Взираетъ съ Фавора на Сына Отецъ,
И видитъ въ лицѣ Его Онъ содроганье, —
Послѣднее, вѣчной, Имъ попоранной, смерти. —

Внизу у подошвы священной горы,
Поникнувъ главою, стоялъ въ тишинѣ
Глубокой той ночи Архангелъ Элоа. —
Его облака покрывали густыя,
Къ землѣ былъ опущенъ задумчивый взоръ.

Изъ облака вызвалъ его Вседержитель.
Безмолвно, въ глубокой ночной тишинѣ,
Спѣшилъ Серафимъ и предсталъ къ Божеству.

Тогда обратился къ нему Богъ Отецъ:

— Архангелъ, ты видѣлъ-ли всѣ тѣ страданья,
Которыя Вѣчный испытывалъ Сынъ?

Отъ имени воинства силы небесной

Иди и торжественно Сына воспой. —

Черезъ эти страданья и кровь искупленья

Онъ будетъ прославленъ обителью неба,

Когда, какъ Владыка туда вознесется,

И сядетъ по правую сторону Бога. —

И трепетно, тихо отвѣтилъ Элоа:

— Скажи мнѣ, какъ долженъ назвать Тебя Высшій,

Когда я приближусь къ Предвѣчному Сыну,

Чтобъ Бога посланье Ему возвѣститъ?

И строго промолвилъ Господь Вседержитель:

— Предъ Нимъ меня Богомъ Отцомъ назовешь ты.

Съ молитвой усердной во взорѣ безсмертномъ,

И руки скрестивъ, продолжалъ Серафимъ:

— Но если, въ то время, когда я предстану,

Увижу вдругъ капли кроваваго пота,

— Господь воплощенный страдать еще будетъ

И чувствовать муки томительной смерти,

И если въ чертахъ утомленныхъ увижу

Слѣды правосуднаго Божья суда,

Въ измученныхъ членахъ лишь слабую тѣнь

Божественной Сущности, — Боже! скажи мнѣ,

Не буду-ли нѣмъ я стоять передъ Нимъ?

И будетъ-ли биться въ тотъ мигъ мое сердце,

Въ устахъ не замретъ-ли священнѣйшій гимнъ?

Тогда не затмятъ-ли вдругъ взора собою

И Божія страсти, и образы смерти?

Не буду-ль во прахъ предъ Нимъ я лежать?

Отецъ мой, избавь отъ посланья меня. —

Я слишкомъ ничтоженъ, чтобъ видѣть Мессію,

И слишкомъ конеченъ, чтобъ славу восиѣтъ
Страдавшаго смертью Предвѣчнаго Сына. —

Господь, милосердія полный, отвѣтилъ:
— Элоа, кто выше небесъ превознесъ,
Усердье твое до Предвѣчнаго трона?
Кто далъ тебѣ звучныя пѣсни твои,
И въ первый торжественный день суда Божья,
Когда возмутился отверженныхъ сонмъ,
Котораго грома карали мои, —
Чья воля дала тебѣ грозныя крылья?
И кто-же возвысилъ такъ сердце твое,
Что могъ ты первѣйшаго видѣть изъ смертныхъ,
А съ нимъ и всѣхъ мертвыхъ потомковъ Адама?
Спѣши-же, — я самъ твоимъ спутникомъ буду,
А ежели трепеть постигнетъ тебя,
Когда ты увидишь Судью всего міра,
Тогда наставлять тебя будетъ Онъ Самъ,
И въ голосъ, дрожащій отъ ужаса, твой
Вольетъ Онъ священный, торжественный звукъ.

Сказалъ такъ Архангелу Богъ Вседержитель.

И съ шумомъ понесся святой Серафимъ,
Подобно шумящимъ водамъ Иордана. —
На крыльяхъ воздушныхъ, спустился онъ тихо
Съ вершины Фавора къ Масличной горѣ.
Волненіе бурнаго вѣтра ночнаго
Къ нему доносило молящійся голосъ
Мессіи, лежавшаго въ прахѣ земномъ,
И трепеть невольный объялъ Серафима. —
Когда-же предсмертный увидѣлъ онъ образъ,
Взоръ полный предчувствія Божья суда,
И Сына забытаго будто Отцомъ, —
Лишенный небесной тогда красоты,
Стоялъ онъ прикованный будто къ землѣ,
И не былъ подобенъ въ тотъ мигъ Серафиму,
Но смертному равенъ онъ былъ человѣку.

Господь Искушитель взглянулъ на него,
 Въ улыбкѣ небесной пославъ ему милость,
 И вмѣстѣ съ Божественнымъ взоромъ Мессіи
 Небесная прелесть къ нему возвратилась.
 Тогда будто съ трона, на крыльяхъ златыхъ,
 Поднялся Элоа и пѣлъ въ облакахъ:
 — Божественный взоръ Твой меня пробудилъ
 Отъ думъ, надъ главою моею тяготѣвшихъ,
 Отца Ты и Бога Предвѣчнаго Сынъ.
 Хвала мнѣ и слава, я былъ удостоенъ
 Сочувствовать духомъ безсмертнымъ Тебѣ,
 И видѣть хоть издали думы Твои,
 Которыми, въ страшный моментъ униженія,
 Ты полонъ божественный былъ Искушитель.
 Тогда было ночью все небо одѣто,
 Глубокою тайной сокрыты вы были;
 Надъ вами, святые, высокія думы,
 Пскоилась тѣнь одиночества Божья.
 Увидѣть не могъ васъ никто изъ конечныхъ,
 Божественной Сущности думы святые, —
 Кратчайшая дума я Вѣчнаго Бога
 Изъ области міра конечнаго видѣлъ
 Священные думы Спасителя грѣшныхъ.
 Я, капля въ созданьи всего океана,
 Подобный и равный всходящему солнцу,
 Которое прахъ освѣщаетъ собою,
 А прахъ тотъ ничтожный зовется землею!
 О, слава, Творцомъ сотворенному, мнѣ,
 Во вѣки пусть будетъ Вамъ, Вѣчные, слава!
 Предвѣчный Ты Сынъ и Ты, Вѣчный Отецъ!
 Хвала тебѣ! Дивный, божественный трепеть,
 Которымъ проникнулся духъ мой безсмертный
 Въ присутствіи тихомъ, святомъ Божества,
 Продлись, о, еще, ты божественный трепеть,
 Приблизь меня къ мраку величія Божья. —
 Я чувствую тоже, что чувствовать будутъ

Воскресшіе люди въ моментъ пробужденья,
 Какъ былъ пробужденъ я Ходатаемъ міра
 Отъ думы глубокой, меня удивившей. —
 И васъ такъ разбудить Онъ, дѣти Адама.
 При мысли о жизни безсмертной, небесной
 Вы чувствовать будете, въ мигъ пробужденья,
 Отрадный тотъ трепетъ, и это блаженство.
 Тогда на престолъ своемъ возсѣдать
 Предъ вами Тотъ будетъ, Кто съ теплой молитвой,
 Смиренно, лежитъ здѣсь во прахѣ земномъ,
 И въ день тотъ послѣдній, великій и грозный
 Воздвигнетъ надъ міромъ Онъ судъ всѣхъ судовъ.
 Чрезъ эти страданья союзъ установитъ,
 И съ чувствомъ возвышенныхъ, новыхъ созданій
 Тобою спасенные будутъ въ то время
 Тебя созерцать на судейскомъ престолѣ. —
 Священные раны, какъ признакъ любви
 Великой до крестныхъ страданій и смерти,
 Съ молитвою будутъ они созерцать
 И вѣчными пѣснями славить Тебя. —
 Умолкнетъ и Ангела смерти труба,
 Затихнутъ и громы на высшемъ престолѣ,
 Преклонится бездна въ тотъ мигъ предъ Тобою,
 И сжатые руки къ Тебѣ вознесутся,
 Судья Правосудный и міра Спаситель!
 Склонится и, тихо угасшій, закатъ
 Послѣдняго дня передъ трономъ предвѣчнымъ.
 По правую сторону Ты соберешь
 Всѣхъ избранныхъ, дивный Ходатай, Тобою.
 Божественный, славу Свою Ты дозволишь,
 Съ блаженствомъ невѣдомымъ, имъ созерцать,
 Чтобъ видѣли Сущность они Божества. —
 И все они будутъ его ощущать,
 Безсмертье торжественно славить свое, —
 И мысль о блаженной и вѣчной ихъ жизни
 Тогда лишь доступна понятіямъ ихъ будетъ. —

О томъ возвѣститъ повелѣлъ Тебѣ Тотъ,
Кого Іеговою Небо зоветъ,
А сонмы отверженныхъ — Мстителемъ грознымъ —
Самъ Богомъ Отцомъ Онъ зовется Твоимъ. —

Такъ съ неба Архангелъ Элоа взывалъ,
И нѣжно въ лице Серафима взглянулъ
Господь Искупитель! Смотрѣлъ Онъ нѣжнѣ
На гору Фаворъ; надъ Нимъ судъ продолжался,
И длились святые страданья Его,
И не было въ нихъ состраданія Божья. —

Воздѣвъ Свои руки съ молитвой глубокой,
Повергся Онъ снова на землю во прахъ, —
Такъ жертвенный Агнецъ, убитый, лежитъ
Подъ небомъ открытымъ, какъ Авель лежалъ.

И всѣ Серафимы, взиравшіе съ неба
На Бога Мессію до этой минуты,
Теперь не могли уже болѣе видѣть
Страданій тяжелыхъ и ужасовъ смерти,
И духомъ постигнувъ конечность, они
Сокрылись въ божественной сѣни небесъ.
И только одинъ Серафимъ Гавріиль
Стоялъ недалеко, съ потупленнымъ взоромъ.
Затихъ и Элоа, поникнувъ главою,
Стоялъ онъ невидимый въ облакѣ темномъ.
И тихо лежала во мракѣ земля.
Судья совершалъ непреложный Свой судъ. —
Три раза весь міръ содрогнулся земной,
Стремяся теченье свое совершать,
Три раза Всесильной рукою сдержалъ,
Стремленіе міра, Господь Іегова. —

Изъ праха земнаго Сынъ Божій встаетъ
Теперь Побѣдителемъ, полнымъ величья.
И снова все небо воспѣло Его:
— Вотъ третій, блаженнѣйшій часъ наступилъ
Страданій возвышенныхъ Божьяго Сына,

Святымъ всѣмъ даруетъ Онъ вѣчный покой; О,
 Теперь благодатный тотъ часъ миноваль. —
 — Такъ пѣли торжественно силы небесъ,
 И тихо вознесся Отецъ Вседержитель,
 Величія полный, къ предвѣчному трону. —

ПѢСНЬ VI.

Какъ мудрый въ послѣдній моментъ своей жизни,
Предчувствуя близость минуты кончины,
Торжественный мигъ драгоценнымъ считаетъ
И вышимъ, чѣмъ цѣлые дни передъ тѣмъ,
Послѣдній моментъ добродѣтели полный,
Которая, въ сердцѣ разбитомъ рождаясь,
Даетъ совершенства высокую степень, —
Минуты тѣ лучшими въ жизни считаетъ,
И вышими ихъ онъ вѣнчаетъ дѣлами.
Дѣла эти видитъ Судья правосудный,
И ихъ награждаетъ возмездіемъ вѣчнымъ. —
Такъ точно и жители неба считали
Часы благодатной, священной субботы,
Часами святѣйшими ихъ торжества. —
Чѣмъ ближе великая жертва была
Къ небесному жертвеннику искупленія,
Чѣмъ ближе къ страданьямъ стремился Спаситель,
Чтобъ образъ священной кровью облитый,
Склонивъ со креста къ обновленнымъ созданьямъ,
Изрѣчь имъ торжественно мощное: Буди, —
Тѣмъ выше часы тѣ для Ангеловъ были.
Проникнутый чувствомъ момента святаго,
Архангелъ Элоа, считая его
Святѣе и выше великаго часа,
Когда онъ былъ къ жизни Создателемъ призванъ,
Съ восторгомъ поникнутый взоръ обратилъ

Къ собрату небесному вдругъ Гавріилу,
 И съ трепетомъ радостнымъ тихо спросилъ:
 — О, видѣль-ли, другъ мой, Его ты страданья?
 Отъ ужасовъ духъ мой во мнѣ потрясенъ.
 Ты видѣль-ли страсти Его, Гавріиль?
 Архангеловъ вышихъ, безсмертныхъ языкъ
 Не выразить, мною испытанныхъ, чувствъ,
 И имъ не найдется названія въ небѣ.
 Ты самъ-же все видѣль, собратъ мой небесный.
 Но будетъ еще Онъ и много страдать
 И съ каждымъ мгновеніемъ вѣчности страшной. —

Затихъ онъ, ему Гавріиль отвѣчалъ:
 — И въ тысячалѣтя мой духъ углублялся,
 Чтобъ глубь всю грядущихъ чудесъ изучить,
 Хотя бы лишь смутно все это увидѣть;
 Но все заблуждался безсмертный мой духъ.
 Всѣмъ намъ остается хранить лишь молчанье!
 Вездѣ обитаетъ вокругъ насъ святыня,
 Хотя окружаютъ насъ кости умершихъ,
 Но скоро воскреснутъ все Ангелы тамъ.
 Дремлите спокойно вы въ вашихъ могилахъ!
 О, кто-же такъ буйно, во мракѣ идетъ
 Огнемъ озаренный, ты видишь-ли, другъ мой?
 Ты послана адомъ и духомъ мятежнымъ
 Толпа безобразная, низкая духомъ!

На то есть священная воля Творца,
 Во власти Котораго солнца и прахъ!
 Кто царствуетъ вѣчно надъ цѣлой вселенной,
 Кому и червякъ, и Архангелъ подвластны! —

А ихъ предводитель! О, другъ мой, Элоа!
 Не будетъ надменно такъ шествовать онъ
 Въ тотъ мигъ, когда грозные звуки трубы
 Поднимутъ, какъ вихремъ, съ пригорковъ тѣхъ пыль,
 Которыми скрытъ онъ отъ взоровъ Судьи.
 Тогда ты не будешь такъ гордо ступать,
 Предатель презрѣнный, сказать Серафимъ.

Съ неистовой злобой толпа приближалась,
 Неся предъ собою пылающій факель,
 И между деревьями въ мракъ глубокомъ,
 Блуждая, искала кого-то глазами.
 Толпу эту видитъ Господь воплощенный. —

Какъ облако мрачное, темная ночь
 Висѣла надъ ними. Вдругъ ужась невольный
 Предателя гнуснаго душу объялъ. —
 Какъ будто желая избавить себя
 Отъ страшныхъ предчувствій его волновавшихъ,
 Предатель распрашивалъ самъ себя тихо:

Но гдѣ-же Онъ? гдѣ Онъ быть можетъ теперь?
 Его на Фаворѣ видали любимцы,
 Облитаго чуднымъ небеснымъ сіяньемъ;
 О томъ они часто такъ мнѣ говорили.
 Въ цѣпяхъ-же тяжелыхъ Его не видали. —
 Такъ пусть-же увидать теперь они всѣ,
 И будутъ страшиться друзей забывать. —
 Зачѣмъ такъ трепещешь ты, сердце мое?
 Иль мужества духъ потрясаемъ быть можетъ
 Отъ страшнаго холода ночи угрюмой?
 Умолкни мятежный! Все скоро свершится!
 И буду я жить осторожно въ то время,
 Не буду мечтами тогда увлекаться.

Такъ думаетъ онъ и стремится впередъ. —

Увидѣвъ идущихъ, молился Спаситель:
 — Велико отъ вѣчныхъ высотъ разстоянье
 До грѣшниковъ этихъ, упавшихъ такъ низко.
 О, горе несчастному праху земному,
 Которымъ я долженъ былъ здѣсь проходить!
 Но путь мой по немъ совершить я хочу!
 Настанетъ минута и прахъ озарится, —
 Въ его глубинахъ воскресеніе будетъ,
 Когда передъ всеми судъ Божій откроетъ
 Всею тайну пришествія Бога на землю.

Толпу эту дикую вель самъ Иуда.

Отъ первосвященниковъ данъ былъ приказъ:

Въ гробницахъ умершихъ найти Иисуса,
За строгимъ конвоемъ Его привести
Въ собранье старѣйшихъ земли Иудейской. —

Иуда зналъ тихое мѣсто молитвы,
Гдѣ время ночное проводить въ заботахъ
О людяхъ погибшихъ, Господь Искупитель.

И далъ онъ толпѣ свой предательскій лозунгъ:

„Кого поцѣлую я, тотъ Иисусъ!“

Но самая ночь страдаетъ объ немъ;

Она отдаляетъ своей темнотою

Иуду отъ страшнаго мига лобзанья.

Увы, не надолго, — и ринулась злобно,

На спавшихъ спокойно Апостоловъ, стража.

Тогда Искупитель приблизился къ грѣшнымъ

Съ величіемъ, строго спросилъ Онъ пришедшихъ:

— Кого вы здѣсь ищете въ сумракѣ ночи?

Съ угрозою факелы вверхъ потрясая,

Ему отвѣчали со злобой они:

— Здѣсь между могилами мрачными взять

Должны Иисуса мы, Назарянина. —

Тогда собралися Апостолы всѣ;

Слетѣлись и Ангелы въ это мгновенье,

Чтобъ видѣть Мессію и слышать Его. —

Но тихо, Божественный, кротости полный,

Спокойно, какъ будто къ червямъ обращаясь,

Даруя имъ жизнь, или бурному морю

Приказывалъ стихнуть въ своихъ берегахъ, —

Отвѣтилъ толпѣ: „Иисусъ передъ вами!“

Могущество Сына толпу поражаетъ,

Они въ изумленіи пали предъ Нимъ,

А съ ними склоняется самъ и Иуда. —

Но быстро проходитъ минута смущенья,

Предатель съ земли поднимается снова;

Ужасный часъ жизни насталь для него.

Надъ нимъ приговоръ Свой изрекъ ужъ судъ Божій,

И съ шумомъ носился на мрачныхъ крылахъ
 Духъ смерти, его подстрекая къ злодѣйству.
 Со злобой въ душѣ затаенной, Иуда
 Приблизился тихо съ веселымъ лицомъ, —
 И далъ Искупителю міра лобзанье.
 И такъ совершилось предательства дѣло;
 Какъ тѣнь это гнусное дѣло скользнуло
 Въ ликующей безднѣ подземнаго ада.

Взглянулъ съ состраданьемъ глубокимъ Мессія,
 Предателю низкому, кротко въ лице: —
 — Лобзаніемъ ласковымъ ты предаешь,
 Иуда, Мессію, сказали Онъ печально.

О, лучше бы, другъ мой, тебѣ не родиться!..

Потомъ обратился Онъ къ стражѣ спокойно,
 И руки дозволилъ цѣпами сковать. —

Но Симонъ безстрашный, увидѣвши это,
 Вдругъ выступилъ быстро, раздвинувъ толпу,
 И воина ранилъ, который дерзнулъ
 Изъ первыхъ коснуться рукой до Мессіи.

Но Другъ человѣка божественной силой
 Спѣшили изцѣлить нанесенную рану. —

Потомъ говоритъ обращаясь къ Петру:

— Мой другъ, успокойся! Когда бы хотѣлъ я
 Защиты просить у Отца моего, —

На зовъ мой явились тогда бѣ легіоны

Съ небесныхъ высотъ, чтобы Сыну служить.

Но развѣ могли-бы свершиться тогда

Сказанья святыхъ пророковъ Господнихъ?

И снова потомъ обратился Онъ къ стражѣ:

— Какъ будто къ разбойнику, или убійцѣ,

Пришли вы толпой и съ оружіемъ въ рукахъ.

Во храмѣ я съ вами бывалъ каждый день

И тамъ открывалъ передъ вами путь жизни,

Божественнымъ истинамъ васъ поучалъ,

И всѣ вы меня поучать оставляли,

И рукъ на меня поднимать не хотѣли.

Вотъ часъ наступилъ и должна совершиться
Власть тьмы и подземной, ликующей бездны!

Умолкнулъ Спаситель, стоявшій въ то время
Подъ тѣнью, близъ тихо журчавшей рѣки.

Но въ залѣ собранья съ томительной думой,
Волнуясь, стоялъ Иудейскій совѣтъ:
И страхъ, и надежда его волновали.

Стоявшій въ нѣмомъ ожиданьи народъ
Боязнь ихъ и ропотъ заботливый слышалъ
Безмысленно взоры народъ устремляетъ,
И между собой о Пророкѣ толкуетъ.

То съ благоговѣнїемъ хвалить Мессію,
То съ злобой Ему посылаетъ проклятья.

Въ волненїи забылъ онъ богатый дворецъ,
И прелесть колонъ, освѣщенныхъ такъ ярко.
Забывъ удивленья достойное зданье.

Такъ между собою жрецы совѣщались:

— Что медлятъ такъ долго посланники наши?
Куда они скрылись? Ужели Иуда
И данная стража Его не нашли?
Иль низкій предатель и намъ измѣнилъ?
А также быть можетъ и то, что Мессія,
Какъ нѣкогда воиновъ чудомъ смутилъ.

Одинъ изъ посланниковъ быстро вбѣгаетъ.
Лице его блѣдно, какъ мертвое было,
И капли холоднаго пота струились
Съ лица, искаженного страхомъ невольнымъ.
Руками съ испугомъ всплеснувъ, говоритъ онъ:

— Явились туда мы, народа отцы!
Во тьмѣ, близъ рѣки, отыскали Его,
Гдѣ мрачно стоятъ такъ могилы усопшихъ.
Повѣрьте, насъ ужасъ гробницъ не смутилъ;
А тучи мрачнѣй и мрачнѣй надвигались.
Еще не одинъ человѣкъ не видалъ
Подобнаго мрака нависшаго съ неба.
Безъ страха впередъ подвигалась вся стража;

Я тихо слѣдилъ въ отдаленіи за ними,
 И видѣлъ Пророка я, самъ, о, отцы.
 Не въ силахъ языкъ мой всего передать,
 Что чувствовалъ въ сердцѣ я въ это мгновеніе!
 Его не узнала воинская стража,
 Хотя Онъ спокойно стоялъ передъ нею.
 И ринулась стража на всѣхъ окружавшихъ;
 „Кого они ищутъ?“ онъ грозно спросилъ.
 Безстрашные воины наши сказали:
 „Пришли Иисуса мы взять, Назарея!“
 Онъ громко отвѣтилъ — я слышалъ то самъ,
 Еще до сихъ поръ мои кости трепещутъ:
 „Я здѣсь, передъ вами!“ такъ голосъ промолвилъ,
 И ницъ всѣ на землю упали они.
 Безъ жизни лежатъ и теперь передъ Нимъ,
 И только одинъ я избѣгнулъ Его,
 Чтобъ вамъ принести объ умершихъ извѣстье. —
 Посланника слушаютъ молча жрецы,
 Безмысленно взоры къ нему обративъ.
 Безстрашный Филонъ лишь одинъ, не робѣя,
 Приблизился къ вѣстнику, гнѣвно сказавъ:
 — Навѣрное, дерзкій, его ученикъ ты?
 Иль тѣни ночныя смутили тебя?
 Видъ мрачный гробницъ отуманилъ твой умъ,
 И образы смерти тебѣ показались?
 Безъ жизни, сказалъ ты, лежатъ они тамъ?
 Но стража жива, отряженная нами;
 Отъ словъ лишь, не можетъ она умереть!

Пока говорилъ онъ, вернулся другой:
 — Мы пали предъ Нимъ всѣ безъ чувства на землю, —
 Такъ страшенъ и грозенъ былъ взоръ Его гнѣвный,
 И смертью разилъ Его голосъ могучій;
 Однако въ оковахъ ведетъ Его стража.
 Намъ подаль спокойно Онъ руки Свои,
 И кротко дозволилъ Себѣ ихъ связать. —
 Ведутъ его съ трепетомъ воины наши,

Не зная и сами, что можетъ случиться.
 Быть можетъ, раздастся опять его голосъ,
 Приведшій невольно всѣхъ воиновъ въ ужасъ.
 Съ терпѣньемъ, смиренно и тихо идетъ Онъ,
 И близко подходитъ къ стѣнамъ городскимъ.

Явился и третій посланникъ, крича:
 — Пусть Богъ милосердый пошлетъ благодать вамъ,
 Отцы Іудей, учителя наши;
 На васъ возстающіе люди пусть гибнуть,
 А съ ними Великаго Бога враги,
 Пусть гибнуть они, какъ тотъ Назарянинъ,
 Котораго связаннымъ стража ведетъ. —
 Ни сильное слово Его, ни улыбка
 Не могутъ тяжелыхъ цѣпей съ Него снять.
 Теперь и своими Онъ всѣми оставленъ.
 Сюда ко дворцу приближается тихо. —
 О, пусть наградитъ васъ Господь Его кровью!

Такъ кончилъ безумецъ воззванье свое.
 Въ собраніе тихо влетѣлъ Сатана,
 Съ нимъ вмѣстѣ и радости бездны подземной. —
 Жрецы отуманены были восторгомъ,
 Въ глазахъ помраченныхъ носились картины
 Живыхъ Его ранъ и послѣдній мигъ смерти;
 Въ ушахъ раздавался страданія голосъ.
 Затихнетъ на вѣкъ онъ, — тогда, надъ умершимъ
 Поднимется снова все чтимое ими. —
 И долго всѣ были они въ ошьянѣны,
 Однако пророкъ не являлся еще.
 Собраніемъ бѣшенство вдругъ овладѣло;
 Жрецами вторично отправлены были
 Послы, чтобъ подробнѣй узнать о пророкѣ.
 Отправился съ ними самъ злобный Филонъ.
 Дорогою стража межъ тѣмъ завела
 Мессію къ ихъ первосвященнику Анну.
 И старца нарушенъ глубокой былъ сонъ.
 Встаетъ онъ съ постели, чтобъ видѣть пророка,

Который съ пути совращалъ Іудею. —

За стражею шелъ Іоаннъ въ отдаленіи;
Въ глазахъ его полныхъ унынья и слезъ
Видна была тяжесть душевныхъ страданій,
И смертная блѣдность лице покрывала.
Однако печаль свою онъ превозмогъ,
И къ первосвященнику въ залу вошелъ.
(Всѣ знали, что Анна правдивѣе всѣхъ,
Способенъ душею сочувствовать скорби)
Онъ видѣлъ Мессію, когда передъ Анномъ
Стоялъ Онъ, спокойствія тихаго полный,
Когда Его Анна спрашивать сталъ:
— Ты будешь Каіафою скоро судимъ.

О, если-бы также невиненъ ты былъ,
Какъ были дѣла обаянія полны.
Изъ рода и въ родъ прославляли-бъ тебя
Самъ Богъ Авраама и дѣти Его.
Скажи мнѣ, чему поучалъ ты народъ?
И учениками кто были твоими?
Училъ-ли закону ты ихъ Моисея?
Ты самъ исполнялъ-ли законы его?
И ученики твои, чтили-ль законъ тотъ?

Потомъ удивлялся онъ долго Мессіи,
Который съ величіемъ строгимъ пророка,
Спокойно и кротко стоялъ передъ нимъ. —

И съ кротостью, старцу отвѣтилъ Спаситель:
— Свободно во храмахъ училъ я народъ,
Открыто при мудрыхъ учителяхъ ихъ,
Зачѣмъ-же ко мнѣ обращаешься ты?
Спроси о томъ слышавшихъ слово мое. —

Когда говорилъ еще съ Анномъ Мессія,
Стремительно въ залу ворвался Филонъ,
И быстро собраніе все возмутилось.
Одинъ изъ служителей дерзко исполнилъ
Злодѣйское, низкое дѣло въ то время:
Ударилъ въ лице Искупителя онъ.

Съ неистовымъ гнѣвомъ Филонъ повелѣлъ
 Схватить Иисуса и быстро тащить
 Туда, гдѣ ужъ смертный Его приговоръ
 Рѣшенъ безвозвратно отцами народа.
 Когда-же увидѣлъ Его Іоаннъ
 Во власти злодѣевъ — во власти Филона —
 Въ глазахъ его все потемнѣло въ тотъ мигъ,
 Болѣзненно сердце въ груди его сжалось,
 И смертная блѣдность покрыла лице. —
 Онъ тихо, шатаясь, пошелъ изъ дворца,
 И видѣлъ, съ тоскою еще въ отдаленіи,
 Какъ факелы пламенемъ тьму разсѣкали:

О, нѣтъ, не послѣдую я за Тобою.
 О, лучший изъ смертныхъ, Тебя обожаю.
 Но ежели Богомъ назначено такъ,
 Что долженъ, Великій, Ты смерти быть преданъ,
 Дозволь умереть мнѣ съ Нимъ вмѣстѣ, о, Боже!
 Дозволь, о, Учитель божественный мой,
 Чтобъ взоръ мой не видѣлъ страданій Твоихъ,
 Ни смерти томленья, когда въ Твоихъ взорахъ
 Погаснетъ божественный, дивный огонь.
 О, гдѣ я, Господь мой? О, гдѣ я теперь?
 Ужели никто не спасетъ Его здѣсь?
 Никто въ небесахъ не поможетъ Ему?
 Ужели заснули небесныя силы,
 Которыя пѣли надъ Нимъ въ мигъ рожденья?
 Не думала, нѣжная мать, ты о томъ,
 Что былъ Онъ для смерти тобою рожденъ.
 Одинъ Ты Спаситель, одинъ Ты помощникъ,
 Отецъ человѣка, о будь милосердъ.
 О, сжался надъ скорбью душевной моею.
 Дозволь-же Ты лучшему Сыну Адама
 Спасти отъ смерти и жить еще съ нами!
 Вложи состраданія чувство жестокимъ!
 Увы! Я не вижу ужъ больше Его. —
 Исчезло и факеловъ пламя вдали!

И такъ, они судъ совершаютъ надъ Нимъ.
 Пусть души жестокия ихъ содрогнутся
 При видѣ Его добродѣтели чистой,
 Пусть разъ только въ жизни заставитъ судъ Божій
 Подумать ихъ всѣхъ о послѣднихъ минутахъ. —
 Но кто-то идетъ тамъ въ ночной темнотѣ?
 Не Симонъ ли Петръ то? Быть можетъ, онъ слышалъ
 Какъ всѣ осудили на смерть Иисуса?
 Какъ скоро идетъ онъ! Кого-же я видѣлъ?
 Ни чьихъ я не слышу ужъ больше шаговъ.
 О, какъ все печально и пусто кругомъ!
 И нѣтъ той отрадной, святой тишины.
 Какое волненіе слышно вдали!
 Увы! до разсвѣта они посиѣшаютъ
 Исполнить послѣдній надъ Нимъ приговоръ.
 Страшась, чтобъ народъ, сострадая объ Немъ,
 Его не избавилъ отъ рукъ ихъ жестокихъ.
 Хотя вы и можете скрыть Его кровь
 Отъ смертныхъ людей, но не скрыть вамъ ее
 Отъ взоровъ божественныхъ Ангеловъ неба. —
 О, сжаляся Отецъ, надъ моими слезами.
 Молю состраданья я къ твари Твоей, —
 Избавь Ты отъ смерти созданье Свое. —
 Такъ думалъ и громко зывалъ Іоаннъ.
 Тоской утомленный, приблизился онъ
 Къ дворцу, гдѣ Каіафа совѣтъ свой держалъ,
 И долго во мракъ глубокомъ стоитъ. —
 Поспѣшно вбѣгаетъ въ собранье Филонъ,
 Въ чертахъ его радостныхъ видятъ жрецы,
 Что долженъ быть здѣсь воскрешавшій изъ мертвыхъ.
 Еще не успѣли и высказать всѣ
 Филону восторговъ души зачерствѣлой,
 Какъ Сынъ человѣческій въ залу вошелъ.
 Увидѣвъ Его предъ собою, жрецы
 Едва могли вѣрить, что Онъ передъ ними,
 И всѣ трепетали отъ сдержанной злобы.

Мессія-жъ спокойно взошелъ на ступени,
 И сталъ предъ возвышеннымъ мѣстомъ судьи.
 Спокойствіе духа въ глазахъ Его было,
 Какъ будто Онъ взоромъ слѣдилъ за теченьемъ
 Бѣгущаго тихо по камнямъ ручья,
 И дума за думой нѣжнѣй и нѣжнѣе
 Смѣнялись одна за другой постепенно;
 Стремились тѣ думы къ Создателю міра. —
 Теперь на лицѣ Его не было видно
 Божественной строгости, полной величья,
 И только для Ангеловъ было доступно
 Примѣтить величія этого видъ,
 Проникнутый духомъ святой благодати. —
 Такъ дивенъ стоялъ передъ ними Мессія.

Поникнувъ главою стояли безмолвно
 Со злобою тайной Филонъ и Каіафа.
 Ихъ взоры прикованы были къ землѣ.
 Какъ старшій, Каіафа могъ первый начать,
 Филонъ, подстрекаемъ усердьемъ, хотѣлъ
 Начать передъ всѣми допросъ Іисусу, —
 И оба молчали томимые злобой. —

Съ другой стороны во дворцѣ въ это время,
 Едва озаренное слабымъ огнемъ
 Тянулося шествіе къ залѣ судища.
 Тамъ, вмѣстѣ со всѣми въ толпѣ другихъ женщинъ,
 Стояла, печально къ стѣнѣ прислонившись,
 Прекрасная Порція, родомъ Римлянка.
 Какъ юности первой прекраснѣйшій цвѣтъ,
 Была молодая супруга Пилата;
 Но зрѣлости полонъ ужъ былъ ея умъ.
 Достояна была-бы быть матерью Гракховъ,
 Чтобъ падшаго Рима возвысить величье,
 Когда бы судьбою назначено было
 Послать избавителей павшему Риму.

Стремились всѣ тайныя Порціи думы
 Къ тому, чтобъ великаго видѣть Пророка.

Забывъ все величіе сана Римлянки,
 Пришла со служанкою вмѣстѣ она.
 Наставилъ ее къ тому Вѣчнаго промыслъ.
 Она съ удивленьемъ нѣмымъ созерцала
 Того, Чье могучее слово одно
 Вторичную жизнь даровало умершимъ,
 И Кто въ униженьи Своемъ былъ великъ. —
 Съ невольнымъ восторгомъ смотрѣла она,
 Какъ мужъ тотъ великій, предъ низкой толпой
 Своихъ ненавистниковъ кротко стоялъ,
 И ждалъ Онъ спокойно минуты послѣдней,
 Когда приговоръ Его смертный рѣшится. —

Но мыслей подобныхъ далеку былъ Филонъ,
 Онъ съ бѣшенствомъ стражѣ приказывалъ грозно:
 — Возмите и, крѣпко связавъ, приведите
 Поближе къ судейскому мѣсту Его. —
 Но прежде чѣмъ судъ совершимъ надъ преступнымъ,
 Возденемъ съ молитвою руки къ Творцу,
 И благодаренье Ему принесемъ
 За то, что отъ сна пробудилъ Онъ насъ всѣхъ,
 И свой непреложный изрекъ приговоръ. —

Мы будемъ послушны Твоимъ повелѣньямъ.
 И такъ да погибнуть, подобно Ему,
 Всѣ тѣ, кто дерзнетъ противъ Бога возстать! —
 Чтобъ даже слѣда не осталось отъ нихъ!
 Останется памятнымъ мѣсто лишь то,
 Гдѣ кровь этихъ грѣшниковъ страшныхъ прольется,
 Гдѣ мертвого черепа сгнившія кости
 Преступника дерзкаго будутъ валяться.
 Гдѣ коршунъ дымящейся кровью его
 Недавно такъ жадно еще упивался. —
 О, пусть вознесутся молитвы къ Творцу,
 И пѣсни хвалебныя пусть воспѣваютъ,
 Создателю міра Израиля дѣти!
 Спала Іудея до этой минуты,
 И органа слуха лишенъ былъ народъ;

Теперь опьянѣнье его миновало,
 Теперь они слышать, теперь они видятъ,
 Какъ было то прежде съ временъ Авраама!
 Хотя не одинъ разъ видали и прежде
 Они заблужденіе свое и хотѣли
 Отступника Божія камнемъ побить,
 Но вновь въ заблужденія вводимы имъ были.
 Сегодня конецъ ослѣпленіямъ нашимъ,
 И низкимъ обманамъ твоимъ возмутитель! —
 Хотя очень мало стеклося народа,
 Твои обвинители все-же найдутся.
 Я самъ обвинителемъ буду твоимъ,
 И вся Іудея поддержитъ меня.
 Пусть будетъ судьей земля и все небо:
 Я въ лжи, Богохульствѣ тебя обвиняю.
 Ты Богомъ, преступный, себя называлъ.
 Ты, плакавшій нѣкогда въ ясляхъ ребенка!
 И вмѣсто умершихъ, ты сонныхъ будилъ,
 Хотя сами матери, сестры, умершихъ,
 Видали, какъ мертвые тѣ умирали.
 Попробуй себя воскресить ты теперь!
 И сонъ этотъ крѣпкій не будетъ такъ чуткою. —
 Съ забытыми Богомъ умершими будешь
 Ты спать непробуднымъ, желѣзнымъ тамъ сномъ,
 Гдѣ знойное солнце и мѣсяцъ серебристый
 Собой озаряютъ одно разрушеніе,
 Пока не истлѣютъ останки умершихъ,
 Которыхъ бросаютъ на гору Голгоѳу.
 И ежели въ мірѣ есть ктонибудь больше
 Достоинъ проклятья, которому внемлетъ
 Глубокая, полная ужасовъ ночь,
 Пусть этотъ несчастный изъ нѣдра могилы
 Тебя осыпаетъ проклятіемъ страшнымъ. —
 Слова эти замерли вдругъ на устахъ
 Безумца Филона, и смертная блѣдность
 Покрыла лице, искаженное страхомъ.

Напрасно въ немъ совѣсти голосъ вопилъ,
Его не страшило могущество Божье.
Носился надъ нимъ уже мрачный духъ смерти,
Тотъ духъ сталъ хранителемъ вѣчнымъ его.
Неслышимый грѣшнику онъ говорилъ:

— Тобой изрѣченное это проклятье

На вѣкъ надъ тобой разразится, погибшій.

Бъ Создателю міра я взоръ обращаю,

И пламенный мечъ, надъ которымъ клянусь

Сгубить тебя вѣчною, страшною смертию.

Не долженъ-ли въ это мгновеніе я

Его поразить здѣсь, скажи Всемогушій?

Но нѣтъ; не настала еще часъ твой послѣдній.

Ужъ скоро заглянетъ въ лице тебѣ смерть,

Клянусь, что никто еще смертию подобной

Не умеръ изъ смертныхъ, какую готовлю

Тебѣ, о, проклятый, отверженный грѣшникъ.

Не будетъ въ ней тихихъ минутъ состраданья,

Не будетъ святаго того милосердья,

Которое часто такъ созданнымъ тварямъ

Творецъ и Судья Правосудный даетъ. —

Когда твоей смерти минута настанетъ,

И смерть свой жестокий ударъ нанесетъ,

Съ неистовымъ воемъ твой духъ отлетитъ, —

Тогда предъ собой ты увидишь мой образъ,

Какимъ меня видятъ въ долинѣ Бенина. —

Духъ смерти съ угрозой шепталъ такъ ему,

И облако гнѣва собиралъ на челѣ.

Еще не сразилъ его гибельный духъ,

Но только смутилъ своимъ голосомъ грознымъ

И холодомъ смерти повѣялъ надъ нимъ, —

Невольнo почувствовалъ ужасъ Филонъ

Отъ близости страшной безсмертнаго духа, —

То Богомъ былъ посланный страхъ на него. —

Хотя и далеку его смертный былъ часъ,

Но трепетъ невольный сковалъ его члены.

Онъ въ каждомъ дыханіи собственномъ слышалъ
 Проклятiе ада, проклятье себѣ. —
 Пришелъ въ себя скоро безумецъ опять;
 Но ужасъ, ниспосланный Богомъ, потрясъ
 Костей его мозгъ. Онъ стоялъ изгибаясь,
 Подобно тому, какъ у ногъ пѣшехода,
 Червякъ, изгибаясь, ползеть осторожно.
 Оправившись, тихо сказалъ онъ собранью:

Невольно въ молчанье повергнуть я былъ, —
 Такъ страшно поступки меня возмущаютъ,
 Безстыдно стоящаго здѣсь, лже-пророка.
 Все это исходъ замедляетъ невольно,
 Поэтому судъ ускори ты, Каіафа. —

Окончилъ Филонъ и стоитъ неподвижно.
 Молчанье глубокое было кругомъ...
 Одна только Порція видѣть могла,
 Какъ слушалъ спокойно безумца Пророкъ, —
 И радостнымъ чувствомъ глаза оживились,
 Сильнѣе забилося въ груди ея сердце.
 Одна за другою, высокія думы
 Смѣнялись такъ быстро въ ея головѣ,
 Какъ будто-бы новое, высшее чувство
 Ее возносило надъ міромъ земнымъ.
 И огненный взоръ ея всюду искалъ,
 Желая найти съ благородной душею
 Хотя одного, въ этой массѣ народа,
 Кто бъ также пророку сочувствовать могъ.
 Однако напрасно искалъ ея взоръ
 Высокой души въ этой низкой толпѣ,
 Которой грозилъ неизбѣжный судъ Божій,
 Которая жадно теперь ожидала,
 Чтобъ стать на обломки сожженного храма,
 Гдѣ больше не могъ обитать Іегова.
 Одинъ между всѣми замѣченъ былъ ею:
 Стоялъ онъ далеко, внизу, близъ дворца,
 И грѣлся съ толпой близъ пылавшихъ костровъ.

И дико смотрѣла толпа на него.
Онъ спорилъ такъ жарко о чемъ-то съ народомъ,
Но мужество скоро его охладѣло, —
И блѣдный, съ испугомъ смотрѣлъ онъ кругомъ,
Потомъ на Пророка мгновенно взглянулъ.

— О, вѣрно то истинный другъ Иисуса,
Подумала Порція съ тихою грустью,
Стремится душею спасти онъ Пророка,
И истины путь открываетъ народу,
Какъ странствовалъ мудрый на этомъ пути,
Какъ жилъ благородно и какъ человѣчно
Творилъ Онъ добро, и творилъ его въ тайнѣ.
Онъ хочетъ, чтобъ понялъ все это народъ.
Они угрожаютъ, хотятъ его взять,
И также къ народу на судъ привести.
Невольно трепещетъ, испуганный ими,
Страшится онъ смерти, толпа отступаетъ. —
Быть можетъ, Пророка несчастная мать
Молила, склонясь передъ нимъ со слезами,
Чтобъ шелъ онъ спасти ея сына отъ смерти,
Отъ смерти, чтобъ лучшаго спасъ человѣка,
Любимаго пламенно матерью Сына.
Что будетъ съ несчастной, когда вдругъ услышитъ
Она, что безумецъ сейчасъ говорилъ.
Но что-же свершается въ сердцѣ моемъ?
Еще незнакомыя чувства тѣснятся
Мнѣ въ душу, объятую нѣжной заботой. —
Ужель пробудились желанья въ душѣ
Возвыситься также, какъ мать Иисуса,
Рожденнаго ею на славу вселенной?
Пройдетъ твоя жизнь, о счастливая мать,
Ты съ гордостью будешь смотрѣть на Него,
И смерти Его не увидитъ твой взоръ,
Хотя міръ узнаетъ о смерти Его. —

Всталъ тихо съ судейскаго мѣста Каиафа
И рѣчь свою началъ къ собранію такъ:

— Хотя ощущаетъ давно Иудея
 Весь гнѣвъ, тяготящій страшно надъ нею, —
 Навлекъ этотъ гнѣвъ на нее человѣкъ,
 Стоящій предъ нами, теперь осужденный,
 И чувствуетъ міръ весь поступки его.
 На насъ возбуждаетъ онъ мщеніе Бога,
 Живущаго тамъ, надъ высокой Моріей.
 Онъ Кесаря Римскаго гнѣвъ навлекаетъ,
 Хотя уже смертный надъ нимъ приговоръ
 Давно объявило Израиля племя,
 И здѣсь не одинъ лишь Каіафа стремится
 Преступнаго смерти позорной предать;
 Но все-же свидѣтелей мы призовемъ,
 Которые будутъ его обвинять;
 Мы будемъ ихъ слушать и послѣ судить,
 Хотя и немного теперь здѣсь народа,
 И много свидѣтелей, можетъ быть, спить,
 Однако и въ маломъ собраньи людей
 Довольно найдемъ обвинителей мы.
 Пусть выйдутъ впередъ всѣ любящіе правду,
 Которые родину любятъ свою,
 Пусть выйдутъ и громко намъ истину скажутъ.

И вышли впередъ, наученные ими.
 Заранѣ сказано было всѣмъ имъ
 Въ чемъ надобно было винить Иисуса. —

Изъ низкой толпы обвинителей ложныхъ
 Выходить проворно одинъ клеветникъ.
 Глаза его дико и злобно сверкали,
 Смотрѣлъ недовѣрчиво, искоса онъ,
 Какъ будто страшился онъ собственной лжи,
 И медленно началъ свои обвиненья:

— Великаго Бога Онъ храмъ осквернялъ!
 Того не бывало еще до сихъ поръ,
 Чтобъ былъ оскверненъ такъ божественный храмъ,
 Какъ было однажды, когда Онъ изгналъ
 Изъ портиковъ храма смиренныхъ купцовъ,

Всегда продававшихъ тамъ агнцевъ для жертвы.
 Въ храмѣ всѣ собраны были въ то время,
 Съ молитвою жертвы Творцу приносили.
 Неистойвой злобой пылая, Пророкъ
 Гналъ всѣхъ продававшихъ вамъ жертвенныхъ агнцевъ.
 Конечно не чтить Онъ великаго Бога,
 Когда продававшихъ такъ злобно изгналъ,
 И не былъ-бы дерзокъ во храмѣ Господнемъ,
 Когда бы Создателя Онъ почиталъ,
 Дохода бѣ не отнял у храма Пророкъ...

Потомъ появился другой обвинитель,
 И также безстыдно доказывалъ этотъ
 Суду беззаконіе все Іисуса:

— Онъ храмомъ когда-то хотѣлъ овладѣть,
 И смѣло на городъ великій напасть.
 Но свита, пришедшая съ нимъ изъ пустыни,
 Его называвшая громко царемъ,
 Смутившись отъ страха Ему измѣнила,
 И долженъ былъ замысль оставить Онъ этотъ. —

Потомъ вдругъ одинъ изъ Левитовъ встаетъ,
 Какъ будто не въ силахъ презрѣнія скрытъ
 Къ Пророку, и вмѣстѣ съ другими клевететь:

— Не есть-ли дѣйствительно Онъ Богохульникъ,
 Когда передъ всѣми хвалился не разъ,
 Что можетъ людей отъ грѣховъ разрѣшать,
 И даже въ Субботу дозволилъ работать,
 И самъ изцѣлилъ сухорукому руку. —

И сталъ обвинять Іисуса четвертый;
 Видна была ненависть въ дерзкой улыбкѣ,
 Лице исказилось презрѣньемъ и злобой,
 И голосъ дрожалъ, когда онъ говорилъ:

— Ужель вы хотите, народа отцы,
 Чтобъ я обвинялъ челоуѣка того,
 Который такъ дерзко осмѣлился мыслить,
 И грезы свои толковать предъ народомъ,
 Внимавшимъ Ему съ изумленьемъ слѣпымъ:

„Разрушьте вы храмъ, и въ теченье трехъ дней
Изъ праха предъ вами воздвигнется новый,
И храмъ тотъ великій Я вновь возсоздамъ!“

И старецъ сѣдины свои унижаетъ,
Встаётъ обвинителемъ ложнымъ и онъ:

— Въ сообществѣ мытарей грѣшныхъ не разъ
Бывалъ осужденный и мнимый Пророкъ.

Онъ тамъ научался премудростямъ грѣшныхъ,
Законъ Моисеевъ святой презирать,
Больныхъ изцѣляя, не чтить и субботы. —

Теперь къ Иисусу толпа обратилась,
Желая услышать отвѣты Пророка,
И что въ оправданье свое Онъ имъ скажетъ. —

Такъ съ злою насмѣшкой толпа нечестивыхъ
Стоитъ, окруживъ христьянина больного,
Минуты кончины его ожидая.

Насмѣшливо шепчется между собою;
Разстанется съ жизнью и самъ онъ увидитъ
Той жизни безсмертной, таинственный сонъ,
Но праведникъ молится тихо за нихъ,
И сходитъ съ веселой улыбкой въ могилу. —

Такъ точно смотрѣла толпа на Мессію;
Но Сынъ человѣческій молча стоялъ, —
И злобно къ нему обратился Каіафа:

— Скажи беззаконникъ, что можешь сказать ты
На всѣ обвиненья, тебя обвинявшихъ?

Но Сынъ человѣческій снова молчалъ. —

И съ болѣею злобой Каіафа спросилъ:

— Я именемъ Бога тебя заклинаю,
Скажи мнѣ, Христосъ-ли дѣйствительно Ты?

Христосъ-ли, Сынъ Бога, котораго чтимъ мы?

Спросилъ онъ и адскій свой взоръ устремилъ
На Божьяго Сына, стоявшаго кротко,
А вмѣстѣ съ Каіафой смотрѣлъ Сатана. —

Хранитель Филона, Обиддонъ, духъ смерти,
На грѣшниковъ пламенный взоръ обратилъ,

И ихъ созерцая, онъ думаетъ такъ:

О, если отвѣтомъ Онъ ихъ удостоитъ,

То знакъ милосердія будетъ Его. —

Но будетъ напрасно, оно не поможетъ.

Надъ ними витають все ужасы ночи,

Которыми Богъ поражаетъ, карая,

Какъ въ мигъ тотъ ужасный, когда передъ трономъ

Впервые гремѣли могучіе громы.

Гремятъ они вновь, пробуждая на судъ,

Который настанетъ въ послѣдній изъ дней,

Ужасенъ и сумраченъ день тотъ мертвящій. —

О, день непреложныхъ и высшихъ рѣшеній!

Твой ужасъ великій, привѣтствую я!

Созданье ты лучшее вѣчности грозной!

Великій, торжественный день воздаянья.

Вѣсы твои громко тогда зазвенятъ,

Стекутся отвсюду, на звонъ серебристый,

Міры, пробужденные голосомъ грознымъ. —

Склоняюсь предъ дивной твоей красотою!

И вижу сокрытое я милосердзе

Подъ пальмами свѣтлыми, полными жизни,

Которыя носятъ небесныя силы. —

А этимъ, рожденнымъ изъ праха земнаго,

Едва лишь родившимся грѣшникамъ смертнымъ,

Возставшимъ на Бога, съ созданія міра,

Обоимъ имъ кара небесъ предстоить.

Въ тотъ день безвозвратно погубятъ ихъ громы.

Въ молчаньи я облакомъ мрачнымъ закроюсь,

Въ молчаньи-же грозномъ моемъ будетъ смерть,

А въ облакъ мрачномъ ничтожества хаосъ.

То мстителя вѣчнаго вѣстники будутъ.

Такъ думу проклятія полную, думалъ

Духъ смерти и грозно смотрѣлъ на Каіафу,

Который отвѣта съ проклятіемъ ждалъ. —

Но кротко на небо смотрѣлъ Икупитель,

И, видя тотъ взглядъ, Серафимы дивились.

Какъ могъ Онъ, величье Божественной силы,
 Которая все сотворила, лишь мыслью,
 Подъ тѣломъ плотскимъ человѣка сокрыть. —
 Онъ ждалъ, чтобы гибель минувшихъ столѣтій
 До капли послѣдней свой ядъ излила. —
 Потомъ Онъ Каіафъ въ лице посмотрѣлъ,
 И голосомъ кроткимъ отвѣтилъ ему:

— Ты самъ-же назвалъ меня тѣмъ, кто я есть.
 И знай, что я нынѣ дѣла совершаю,
 Которыя будутъ началомъ суда!
 И будете видѣть вы Сына земли,
 Сидящимъ по правую сторону Бога,
 Идущаго въ небѣ на облакѣ свѣтломъ.

Такъ первосвященнику Онъ объявилъ,
 Кто въ день тотъ торжественный, въ день тотъ послѣдній
 Страшище и Ангела смерти придетъ. —
 Открылъ имъ завѣсу грядущаго Онъ,
 Но снова, предъ взоромъ безумцевъ закрылась
 Завѣса святая, поднятая Имъ. —

Какъ бурный потокъ овладѣла вдругъ злоба
 Взбѣшеннымъ Каіафой, и гнѣвъ его буйный
 Не зналъ уже больше границъ въ этотъ мигъ. —
 Трясая всѣмъ тѣломъ, онъ вышелъ впередъ,
 Отъ злобы одежду свою разорвалъ.
 И громко вскричалъ, обращаясь къ народу:
 — Вы слышите, какъ богохульствуетъ Онъ?
 На что-жъ обвиненія всѣ эти намъ, —
 Скажите вы сами, что дѣлать теперь?

— Достоинъ онъ смерти! кричала толпа.

И съ бѣшенствомъ снова поднялся Филонъ:
 — Пусть смертью позорной погибнетъ преступный;
 Онъ смертью проклятаго долженъ погибнуть
 Съ желѣзными язвами, медленной смертью.
 Пусть дни свои кончитъ Онъ тамъ на крестѣ!
 И будетъ безъ гроба висѣть его тѣло.
 Не будетъ цвѣтами украшенъ и холмъ

Надъ тѣломъ, отъ солнца истлѣвшимся, Его. —
 И слышать не будетъ согнившее тѣло
 Глагола Господня въ тотъ день, когда будетъ
 На судъ тѣла мертвыхъ Творецъ призывать. —
 Неистово, громко кричалъ человѣкъ,
 Давно уже Богомъ на смерть осужденный,
 И, имъ возбужденные, бросились всѣ
 Съ неистовымъ звѣрствомъ къ Спасителю міра.

О, дай мнѣ покровъ свой, ты, муза Сіона,
 Которымъ ты тихо себя покрываешь,
 Когда ты летаешь въ божественномъ мірѣ,
 Небесные образы Ангеловъ видишь! —

Сокрытые облакомъ темнымъ, носились
 Архангель Элоа и съ нимъ Гавріиль,
 И между собою бесѣдуютъ тихо:

— О, какъ-же глубоки всѣ тайны Господни,
 И тварямъ конечнымъ онѣ недоступны.
 Я видѣлъ рожденіе всѣхъ Оріоновъ,
 И всѣ чудеса мірозданія знаю,
 Которыя въ стройномъ теченьи міровъ
 Свершались за тысячи тысячъ столѣтій. —
 Подобныхъ чудесъ, Гавріиль, не видалъ я,
 Какъ Сына Предвѣчнаго здѣсь униженъ. —
 Судилъ Его Богъ на Масличной горѣ,
 И судъ этотъ грозный Создателя міра,
 Съ терпѣньемъ божественнымъ выдержалъ Онъ.

— И Онъ-же, отвѣтилъ ему Гавріиль,
 Тотъ самый, предъ Кѣмъ всѣ останки умершихъ
 Дыханіемъ бури опять соберутся,
 Созданіемъ новымъ воскреснуть изъ гроба. —
 И Онъ, предъ Которымъ съ болѣзненнымъ стономъ,
 Со страхомъ родильницы вскрикнетъ земля,
 Къ Нему, Всемогущему, громко взывая,
 Въ тотъ мигъ, когда звѣздъ мириады погаснутъ,
 И съ силами неба придетъ Онъ со славой
 Надъ міромъ послѣдній Свой судъ совершать. —

— Ты помнишь, собратъ мой, мгновеніе то,
 Когда Онъ изрекъ свое мощное: Буди,
 И свѣтъ загорѣлся надъ хаосомъ темнымъ!
 Ты видѣлъ и помнишь то самъ, Гавріилъ,
 Какъ все возникало въ мгновеніе ока.
 Онъ шествовалъ дивный въ величьи и славѣ,
 И тысячи тысячъ въ Немъ мыслей таилось;
 Какъ вдругъ одесную Его собрались
 Тамъ тысячи тысячъ, Имъ созданныхъ жизней,
 И вихрь животворный носился предъ Нимъ. —
 Какъ солнца разсѣялъ рукою Всесильной,
 И создалъ потомъ безпредѣльное небо. —
 — Ты видѣлъ Элоа, какъ вѣчную ночь
 Отринулъ далеко отъ свѣтлаго неба
 И послѣ надъ сумракомъ ночи стоялъ!
 И къ мракамъ глубокимъ, какъ грозно воззвалъ.
 Вся мертвая масса тогда отдѣлилась,
 Лежала, какъ будто померкшее солнце
 Иль точно безжизненный трупъ безобразный,
 Составленный сотнею смятыхъ міровъ, —
 Онъ далъ повелѣнье огню, и мгновенно
 Тогда разлилося вдругъ пламя ночное
 По мертвымъ пустынямъ страны безобразной,
 И въ ней раздалися глубокіе стоны...
 Такъ пропасть подземнаго ада Онъ создалъ. —

Такъ тихо бесѣду вели Серафимы
 О славѣ великой Создателя міра. —

На муки жрецами Божественный отданъ,
 И видѣла Порція муки Его.
 Съ молитвой усердною руки скрестивъ,
 Она устремила испуганный взоръ,
 Съ отчаяньемъ въ сердцѣ къ померкшему небу;
 Къ Создателю міра, душой возносиась! —

О, Ты, изъ Боговъ величайшій и первый,
 Изъ хаоса мрачнаго міръ сотворившій,
 Ты далъ человѣку и душу, и сердце!

Ты, Богъ, иль Юпитеръ, иль Ты Іегова,
 Ты Ромула-ль Богъ, или Богъ Авраама, —
 Какимъ-бы названіемъ не былъ Ты названъ,
 Ты, Богъ не немногихъ; но цѣлаго міра.
 Осмѣлюсь-ли выплакать здѣсь предъ Тобою,
 Все то, что мнѣ душу мою раздираетъ?
 Какое Онъ могъ преступленіе сдѣлать,
 Что эти жестокіе люди хотятъ
 Позорною смертию Его погубить?
 Ужели съ Олимпа святаго взираешь,
 О, Боже великій, Твой взоръ съ торжествомъ
 На всѣ, добродѣтели чистой, страданья?
 Гордыня лишь людямъ доступна быть можетъ,
 Но Тотъ, Кто всего мірозданья Творецъ,
 Не можетъ смотрѣть съ наслажденіемъ на муки.
 Великому Богу великихъ Боговъ
 Одно лишь высокое чувство доступно:
 Божественный взоръ Его видѣть не можетъ
 Страданья невинныхъ и чистыхъ существъ. —
 И какъ наградишь Ты Того, Кто такъ свято
 Людей наставляетъ на истинный путь?
 Одинъ лишь Ты видишь, Одинъ Ты и знаешь
 Горячія слезы объ Немъ, непорочномъ.
 Его награди Ты, о, Боже Боговъ!
 И если доступно Тебѣ удивленіе, —
 Взгляни на Него съ удивленіемъ свыше!

Когда она тихо склонилась потомъ,
 Послышался ей вдругъ отчаянный голосъ:
 То слышался голосъ печальный Петра. —
 Далеко стоялъ близъ воротъ Іоаннь.
 Услышалъ онъ вопли Петра и узналъ
 Собрата и съ грустью глубокой спросилъ:

— О, живъ-ли еще Онъ, скажи мнѣ другъ Петръ? —
 Твои я стenanія издали слышалъ.

Отвѣтилъ печально тогда ему Петръ:

— Оставь умереть меня здѣсь одинокимъ;

Погибъ Онъ и я умереть съ Нимъ хочу!
 Но больше назваться могу я погибшимъ!
 Иуда! Иуда! ты предалъ Его, —
 Съ тобою-же вмѣстѣ и я Его предалъ!...
 Отрекся предъ всѣми я здѣсь отъ Него!
 Учителя, люди, на смерть осудили —
 А я передъ грѣшными всѣми отрекся!...

Такъ Симонъ съ тоскою сказалъ Іоанну,
 И бросился онъ безъ сознанья бѣжать.
 Вдругъ сталъ неподвижно во мракѣ и долго,
 Склоняясь головою печально на камень,
 Съ отчаянья плакалъ въ ночной тишинѣ;
 И скорбь излилась его грустною рѣчью:

— Оставьте, исчезните смертныя тѣни,
 Какъ мечъ вы терзаете тѣло мое!
 Мертвящій свой взоръ отвори-же скорѣе,
 Которымъ смотрѣлъ ты тогда на меня,
 Когда совершалось ужасное дѣло.
 О, что-же я сдѣлалъ, безумецъ несчастный,
 Отъ добраго друга отрекся предъ всѣми,
 Отъ друга любимаго истинно мною;
 Любилъ-же и Онъ меня больше, чѣмъ можетъ
 Когда нибудь въ жизни наставникъ любить.
 Онъ точно божественный былъ человекъ. —
 И тамъ, на послѣднемъ всемірномъ судѣ,
 Предъ силами неба и учениками,
 Откажется также и Онъ отъ меня!
 О, нѣтъ, умоляю Божественный мой,
 Имѣй состраданье, познай меня снова!
 Чѣмъ больше вину свою чувствую я,
 Тѣмъ, глубже и глубже въ убитое тѣло
 Впиваясь, гнѣздится ужасная смерть.
 И снова затихъ онъ, и горько заплакалъ.
 Тѣ слезы послалъ ему Богъ, какъ отраду.
 Надъ нимъ былъ хранитель его Оріонъ.
 Хотя съ состраданьемъ смотрѣлъ на него, —

Но взоръ его радостью чистой сіялъ.
И тихо опять поднимается Петръ,
И къ небу свой взоръ обращаетъ съ молитвой:

— Отецъ человѣка и Ангеловъ свѣта,
Ты Сына Отецъ и Судья Правосудный,
Ты видишь мое потрясенное сердце
И трепетъ невольный всѣхъ думъ сокровенныхъ, —
Отрекся отъ Сына я здѣсь Твоего!...
Съ Нимъ вмѣстѣ я смерть недостойнъ вкусить,
Дозволь-же мнѣ видѣть Его еще разъ.
И прежде, чѣмъ тихо склонить Онъ главу
Къ сырой и холодной могилѣ Своей; —
И прежде, чѣмъ Онъ всѣхъ Апостоловъ Самъ
Предъ тихимъ концемъ своимъ благословить, —
Дозволь мнѣ хоть мигъ одинъ видѣть Его,
Чтобъ взоръ умирающій могъ мнѣ простить
Мое преступленіе; тогда я скажу:

Одно-ли Ты благословеніе имѣешь?
Одно лишь для праведныхъ этихъ людей?
О, ежели выплачу здѣсь я прощенье,
Разсказывать буду всѣмъ людямъ о Немъ. —
Пока мой Создатель дозволитъ мнѣ жить,
До самой послѣдней минуты я буду
Отыскивать добрыхъ и чистыхъ душею,
Съ слезами горячими имъ безпрестанно
Разсказывать громко и съ радостью буду:

Я зналъ и любилъ Его всею душею;
Онъ чище и лучше былъ всѣхъ человѣковъ,
Но знатъ недостойнъ былъ грѣшникъ Его —
Предвѣчнаго Сына; Его — Иисуса!
Я былъ недостойный Его Ученикъ.
И нѣжно, и искренно всѣхъ насъ любилъ Онъ, —
Петръ не былъ достоинъ любить Его послѣ.
Въ минуту тяжелую бросилъ Его,
Хотя Онъ былъ лучший изъ рода людскаго,
Пожертвовалъ жизнь Свою Онъ за другихъ,

Всѣхъ бѣдныхъ кормилъ и больныхъ изцѣлялъ, и
 И мертвыхъ изъ нѣдровъ могилъ вызывалъ.
 И тѣ ненавистники рода людскаго
 За то Его смертью постыдной убили! —
 Вставайте, идите за мною, о, люди,
 И будемъ мы плакать надъ тѣломъ Его.
 Страшна какъ, ужасна и самая дума
 Объ этой безмолвной и темной могилѣ! —
 Мессія! Божественный Ты человѣкъ!
 О, гдѣ-же быть можетъ могила Твоя?
 Гдѣ спишь Ты спокойно и тихо, великій?
 Въ какую гробницу Тебя опустили
 Враги Твои полные зла и разврата?
 Такъ съ грустью глубокой молилъ человѣкъ,
 Котораго грѣшный весь міръ осуждаетъ,
 Желая дѣянья свои оправдать;
 Который слезами Творца умолилъ,
 И послѣ страдальца вѣнцомъ былъ увѣнчанъ. —

ПѢСНЬ VII.

ы въ пурпурномъ блескѣ зари былъ, Элоа!
Кругомъ его были хранители міра;
Съ могучею арфою звучно онъ пѣлъ. —
Такъ встрѣтятъ воскресіе день воскресенья,
Его прославляя. — Такъ пѣлъ Серафимъ:
— Рождайся, о, буди ты жертвенный день,
И вѣчными слѣдствія будутъ твои!
Восходитъ онъ тамъ, какъ заря надъ землею,
А имя его — Милосердіе Божье!
Его прославляютъ и всѣ Оріоны,
И къ меньшимъ мірамъ они громко зываютъ;
Всѣ солнца міровъ повторяютъ объ немъ.
О, день драгоцѣнный, ты, день примиритель!
Ты посланъ любовью, прекраснѣйшій день!
О, вторъ-же ихъ пѣніямъ арфа святая,
Изъ праха онъ Ангеловъ свѣтлыхъ создастъ,
Слѣды его славы торжественной будутъ,
Спокойствіе вѣчности цѣлой для всѣхъ.
Подъемлю я взоръ мой и что-жъ созерцаю?
Тамъ холмъ надъ землею; то жертвенникъ свѣтлый.
Отъ близости жертвы трепещетъ Алтарь.
И если-бъ изъ собранныхъ падавшихъ звѣздъ,
Какъ камни собираются въ лонѣ ручья,
Построенъ былъ жертвенный Сыну Алтарь,
Онъ также затрясся-бъ отъ близости жертвы. —
Я все созерцаю далеко кругомъ,

Всѣ солнца привѣтствуютъ радостно землю,
 Всѣ легкіе спутники быстро несутся
 Въ пространствѣ безбрежныхъ и свѣтлыхъ небесъ!
 О, праздника праздникъ! Покой благодатный
 Субботы Отца и Предвѣчнаго Сына,
 Я слышу, какъ стройно всѣ арфы звучать,
 Склоняются тихо вѣнцы Серафимовъ,
 Торжественно празднуетъ все мірозданье. —
 О, мысль необъятная, мысль ты, святая!
 И тысячи тысячъ столѣтій пройдетъ,
 Пока твой божественный свѣтъ изъ далека
 Достигнетъ до взоровъ святыхъ Серафимовъ. —
 Доступна Предвѣчному только, ты, мысль:
 Чтобъ умеръ Отца и Зиждителя Сынъ! —

Такъ дивная пѣсня Элоа звучала,
 И вторило небо той пѣсни священной. —
 Но дума иная тогда волновала
 Грѣхонъ ослѣпленную смертныхъ толпу,
 Которая судъ на землѣ совершала.
 Подобно ей думалъ и духъ Сатана. —
 Предвѣчнаго волей назначено было
 Дозволить безумцамъ исполнить рѣшенье.
 Въ собраніе созвалъ всѣхъ первосвященниковъ,
 И тамъ они держатъ совѣтъ и клянутся
 Возстать противъ Сына Предвѣчнаго Бога. —
 Давно осудили на смерть они жертву,
 И держатъ теперь совѣщанье о томъ,
 Какою-бы смертью Его погубить,
 Чтобъ имъ не обидѣть Претора Пилата,
 А также, чтобъ буйная чернь не возсталала.
 Ты долженъ быть распятъ, и кровью истечь,
 И тамъ на крестѣ на Голгоѣ погибнуть. —
 Филонъ, презиравшій всѣ пренія совѣта,
 Уходитъ изъ залы и ищетъ Мессію.
 Находить Его близъ костровъ потухавшихъ,
 Съ Мессіей и стражу; и гнѣвно онъ ходитъ

Шагами тяжелыми взадъ и впередъ.
 Но взглядъ его, мщеньемъ и злобой пылавшій,
 Къ Ходатаю міра все былъ обращенъ. —
 Чѣмъ болѣе злоба его разгоралась,
 Тѣмъ съ большей заботой придумывалъ онъ,
 Чтобъ случай не могъ его плана испортить.
 Рѣшеніе совѣта въ умѣ отвергая,
 Впервые подумалъ теперь о народѣ,
 И трепетъ невольный проникъ въ его сердце;
 Но онъ подавилъ въ себѣ чувство боязни, —
 Рѣшился убить — или самъ умереть. —
 И занять Филонъ своей думою снова,
 Желая навѣрное планъ свой исполнить,
 Въ немъ сердце невольно тогда содрогнулось:
 То совѣсти голосъ вопилъ, пробуждаясь;
 Но голосъ тотъ грозный въ себѣ подавилъ онъ,
 И быстро опять возвратился въ собрание:

— Къ чему вы такъ медлите долго отцы?
 Не видите-ль вы, что разсѣялся мракъ?
 Ужели до вечера долженъ Онъ жить?

Слова эти быстро всѣ преняя рѣшили.
 Тогда повели Іисуса къ Пилату, —
 Онъ былъ въ Іудеи блюститель законовъ. —

Прохладною свѣжестью утро дышало,
 Когда подходилъ Іисусъ ко дворцу,
 Гдѣ жертва спасенья должна совершиться.
 Облитый лучами багряной зари,
 Стоялъ величаво Пилата дворецъ.

Вступая во храмъ искупительной жертвы,
 На небо взглянулъ Искупитель людей. —

Толпа прибывала, тѣнился народъ,
 И всѣ уже знали событіе ночи.
 И многіе посланы были впередъ
 Сказать, о приходѣ Мессіи, Пилату. —
 Пилатъ удивленъ былъ, что вся Іудея
 Обѣждалась, чтобъ видѣть судимаго ими.

Толпою въ палаты тѣснились за Нимъ;
 Къ ступенямъ высокимъ; другіе остались
 И заняли цѣлую площадь Гаввабы,
 Гдѣ было судейское мѣсто теперь. —
 Обычаи праздниковъ всѣмъ запрещали
 Тогда за предѣлы притвора входить.
 На мѣстѣ судейскомъ Пилатъ засѣдалъ,
 Тотъ выродокъ сластолюбивыхъ Римлянъ;
 Жестокъ былъ и гордъ, но довольно уменъ,
 Чтобъ временемъ выказать всю справедливость,
 Которою славился нѣкогда Римъ.

Теперь обратился къ старѣйшинамъ онъ:

— Скажите старѣйшины мнѣ Іудеи,
 Кто этотъ преступникъ, и въ чемъ обвиненъ?
 Я вижу здѣсь съ вами и даже Каіафу!
 Съ величіемъ гордымъ сказалъ имъ Пилатъ. —
 Онъ взглядомъ пытливымъ смотрѣлъ на Пророка,
 И болѣе, чѣмъ на собравшихся всѣхъ. —

Тогда къ нему вышелъ Каіафа впередъ,
 И претору громко предъ всѣми сказалъ:

— Мы думаемъ — знаетъ довольно Пилатъ,
 Какъ мы справедливы, — и выполнить онъ
 Рѣшеніе совѣта отцовъ Іудеи.
 О, если-бы не былъ виновенъ Преступникъ,
 Къ тебѣ-бы Онъ не былъ на судъ приведенъ.
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты судишь дѣла наши самъ,
 Подобныхъ Преступниковъ ты не судилъ. —
 И этотъ позоръ помрачаетъ страну!
 Мы даже не можемъ тебѣ объяснить,
 Какъ страшно противится Онъ — Іисусъ
 Законамъ священнымъ всѣхъ нашихъ Пророковъ,
 Какъ храмовъ Господнихъ не чтитъ Онъ святыни,
 И какъ ослѣпляетъ волшебникъ рѣчами
 И мнимо творимыми имъ чудесами
 Весь бѣдный народъ, — и его развращаетъ!
 Пилатъ, Онъ давно уже смерти достоинъ! —

Ему отвѣчаетъ съ насмѣшкой Понтійскій:

— Судите-же вашимъ закономъ Его. —

— Что думаешь этимъ сказать ты, Пилать?

Ты знаешь, Римлянинъ, что намъ запрещаютъ
И самыхъ преступныхъ наказывать смертью. —

Потомъ спохватившись, сказалъ униженно:

— Ты знаешь, какъ преданы, какъ мы послушны,
Владыки Тиверія всѣмъ повелѣньямъ,
Какъ слѣпо его повинемся волѣ. —
Отецъ онъ народа земли Іудейской,
При немъ благоденствуетъ вся Іудея,
Священны для насъ повелѣнья его. —
Но здѣсь, о, Пилать, предъ тобой Иисусъ,
Который собираетъ въ пустыняхъ народъ,
Его возмущаетъ, какъ сильный ораторъ,
Къ возстанью, — власть Кесаря хочетъ низвергнуть,
Себя-же царемъ предлагаетъ избрать: —

„Я тотъ, о которомъ вѣстили пророки!
Народъ Іудейскій спасти предназначенъ?“ —
И, чтобъ еще больше привлечь къ себѣ всѣхъ,
Извѣдать характеръ и склонность народа,
Онъ держитъ въ пустынѣ и кормить его. —
А какъ онъ умѣлъ всѣхъ склонить въ свою пользу,
Тому доказательствомъ можетъ служить
Торжественный входъ его въ Ерусалимъ. —
Не въ силахъ однако тебѣ описать я
Торжественной радости этого дня. —
Ты самъ былъ свидѣтель и слышалъ ихъ крики,
Оссанна ихъ громкое, — шумный восторгъ. —
Отъ нихъ потрясая судейскій дворецъ. —

Пилать-же на все улыбался съ насмѣшкой.

Тогда принужденъ былъ вмѣшаться Филонъ:

— О, могъ-ли я думать, властитель, чтобъ ты
Покорною кротостью этой дозволилъ
Себя обмануть, не понявъ гордеца?
Но самъ ты достаточно знаешь людей!

Хотя здѣсь ничтожнымъ ты видишь его,
 Когда онъ на судъ твой въ цѣпяхъ приведенъ,
 Но не былъ такимъ онъ, повѣрь мнѣ, Пилать,
 Когда въ Галилейскихъ пустыняхъ ходилъ.
 Проникни ты ткань его хитраго плана:

Съ начала искусствомъ привлекъ онъ толпы,
 Потомъ и на дѣлѣ желалъ испытать
 Моущество власти своей на народъ,
 И было удачно его испытанье,
 Его краснорѣчье и лъстивое слово,
 — Теперь все затихло, все это пропало.
 До этой минуты ему удавалось
 Обманомъ, искусствомъ, творить чудеса,
 Привлекъ къ себѣ массу народа онъ этимъ,
 Склонилъ ихъ назначить себя онъ царемъ.
 Спѣшила, тѣснилась вокругъ его чернь.
 Понявъ и увидѣвъ довѣрье народа,
 Задумалъ привлечь еще больше его;
 Легко удалось ему также и это.
 Къ нему всѣ стремились, искали вездѣ,
 Такъ бурный потокъ за собой увлекаетъ,
 Все больше и больше другіе потоки.
 Потомъ, наконецъ когда масса народа
 Кругомъ его стала довольно сильна,
 Торжественно въѣхалъ онъ въ Ерусалимъ.
 Но какъ ни приверженъ къ нему былъ народъ,
 А все было страшно принудить старѣйшихъ
 Возстать противъ власти владѣтеля ихъ. —
 Но если-бъ рѣшился онъ даже на это,
 То мы бы отцы Іудейской страны,
 Которыхъ ты видишь, Пилать, предъ собою,
 Давно посѣдѣлыя головы старцевъ,
 И всѣ мы, служители храма святаго,
 Съ восторгомъ за Кессаря отдали-бъ жизнь. —

Такъ пылкую рѣчь свою кончилъ Филонъ. —

Съ глубокою думой стоялъ Искушитель

И чаша великаго всѣхъ Искушенья
 Страданіемъ крестнымъ носилась надъ Нимъ,
 На жертвенникъ смерть призывала Его,
 А люди съ неистовой злобой стояли
 Кругомъ Его, будто жрецы алтара.
 Едва замѣчалъ Онъ присутствіе ихъ. —
 Такъ вѣрный отчизнѣ своей полководецъ
 Стремится избавить отъ ига страну,
 У ногъ своихъ праха замѣтить не можетъ,
 Который, какъ вихрь, поднимается къ верху. —
 Пилать съ удивленіемъ невольнымъ смотрѣлъ
 На ликъ безмятежный Спасителя міра,
 Безмолвно, спокойно стоявшаго тамъ. —

Ихъ жалобы страшныя слышишь-ли ты?
 И ежели слышишь, зачѣмъ ты молчишь?
 Быть можетъ, не хочешь ты здѣсь, предъ народамъ
 Промолвить и слова въ свое оправданье?
 Такъ слѣдуй за мною! Тогда Іисусъ
 Пошелъ за Пилатомъ въ судейскій дворецъ. —

И въ это мгновеніе на лицахъ жрецовъ
 Явилось сомнѣніе и ужасъ невольный.
 И смертная блѣдность покрыла ихъ лица.
 Боялись, чтобъ жертва ихъ рукъ не избѣгла. —
 Отверженный грѣшникъ, подобный всѣмъ имъ,
 Предатель, увидѣлъ вдругъ близкую смерть,
 Къ которой имъ праведникъ былъ приведенъ,
 Онъ ринулся къ мѣсту, гдѣ судъ совершался;
 Но былъ оттѣсняемъ, то взадъ, то впередъ
 Собравшейся, шумной толпою народа.
 Достигнувъ съ усиленіемъ онъ портиковъ храма,
 Куда, опасаясь волненія черни,
 Поставилъ надежную стражу Каіафа. —
 Подъ сводами храма въ притворахъ безмолвныхъ
 Шаги его глухо, далеко звучали,
 И страхъ въ его душу вселяли невольный.
 Увидѣвъ заѣхъ въ Святая-святыхъ,

Предатель смутился душой еще больше,
И быстро съ испугомъ назадъ онъ вернулся. —
Лице его блѣдно, какъ мертвое было,
И страшно, и громко стучалъ онъ зубами;
Несчастный съ упрекомъ къ жрецамъ обратившись,
Съ глубокой и желчною скорбью сказалъ:

— Возмите обратно вы деньги всѣ ваши. —

И бросилъ къ ногамъ ихъ предательства цѣну,
Невиненъ тотъ праведникъ, преданный мною,
И кровь Его будетъ невиннаго кровью,
Она разразится проклятіемъ страшнымъ
Теперь надъ преступной моей головою.

Глаза его дико, безумно сверкали,
То вдругъ неподвижны они оставались.
И видъ человѣка былъ страшенъ ему;
Бѣжить онъ проворно, не помня себя,
И такъ выбѣгаетъ изъ Ерусалима,
И тамъ онъ все дальше и дальше бѣжить,
То вдругъ остановится — долго стоять, —
То вновь, какъ безумный, пускается въ бѣгство.
Вокругъ себя смотреть безсмысленно, дико,
Какъ будто-бы образы видитъ людей,
Но было все тихо, и шумъ городской
Давно ужъ затихъ въ отдаленіи; а онъ,
Какъ-бы съ осторожностью слушаетъ что-то,
Съ отчаянья хочетъ лишить себя жизни:

„По смерти не будутъ терзать меня муки,
Какъ было со мною до этой минуты.
Терзайте, свирѣпствуйте вы, безъ пощады,
Грызите, о, муки, пока есть возможность. —
Когда это зрѣнье померкнетъ на вѣки,
И все вдругъ затихнетъ для этого слуха,
Тогда не увижу я крови Мессіи.
Не будетъ въ ушахъ постоянно звучать
Его умирающій, страшный мнѣ, голосъ. —
Однако Господь завѣщаль человѣку,

Чтобъ онъ не дерзаль убивать ни кого!
 Но развѣ Онъ можетъ быть Богомъ моимъ?
 Нѣтъ болѣе Бога теперь для меня. —
 О ты, злополучье! Ты — Богъ мой отъ нынѣ!
 И ты мнѣ велишь умереть! Я послушенъ!
 Умри о, погибшій! Чего ты страшишься?
 Иль жизнь въ тебѣ снова кипить и бунтуеть?
 Предатель! Ужель еще хочешь ты жить?
 Не ты-ли предатель, изъ всѣхъ предававшихъ,
 Позоромъ всѣхъ больше на вѣкъ заклеимъ?
 Растеть предо мною позора клеймо,
 Какъ страшная пропасть открытой могилы.
 И съ каждымъ мгновеньемъ та пропасть страшнѣе!
 Меня потрясаетъ ужасная дума,
 Съ которой никто изъ людей незнакомъ:

Я предалъ, презрѣнный! Я предалъ Мессію! —
 Умри-же! И душу убей, чтобъ не знала
 Томленій ужасныхъ по смерти твоей!
 Душа, о, какъ страшно во мнѣ возстаешь ты,
 Какъ будто-бы жить безконечно ты будешь,
 Узнай-же судьбу свою духъ мертвеца:
 Тебя предаю я съ собой разрушенью!“

Съ отчаяньемъ дико предатель вызываетъ,
 Потомъ прокладываетъ и мщеніемъ грозитъ
 Тому онъ, кто Вѣченъ, и кто Всемогущъ. —

Слѣдилъ за отверженнымъ Итуріилъ.
 Слѣдилъ и духъ смерти Оббадонъ за нимъ. —
 Иуда съ отчаяньемъ молча стоитъ,
 И съ каждой минутой становится ближе
 Къ суду и къ гибели вѣчной своей. —
 Оббадону съ грустью сказалъ Серафимъ:
 — Увы! Его смерти минута настала,
 Хотѣлъ еще разъ я взглянуть на него.
 Когда-то хранителемъ былъ я Иуды,
 Теперь оставляю погибшаго я,
 И мщенью и власти твоей предаю;

Онъ самъ себя въ жертву приносить тебѣ, —
 И ты его въ вѣчную смерть отведешь.
 Ты знаешь о томъ повелѣнье Судьи;
 Такъ пусть совершается воля Его. —
 На вѣки съ заблудшимъ разстаться я долженъ,
 И болѣе взоръ мой его не увидить,
 Сказаль онъ и быстро унесся въ пространство.

Иуда межъ тѣмъ избираль себѣ мѣсто,
 Гдѣ было-бъ удобнѣй себя умертвить,
 Оббадонъ увидѣлъ внезапно приговоръ,
 И сталъ на вершинѣ съ поднятой рукою;
 Онъ поднялъ свой пламенный мечъ къ небесамъ,
 И голосомъ грознымъ слова произносить,
 Которыя людямъ погибшимъ внушаютъ
 Желанье скорѣе лишиться себя жизни, —
 Слова эти страшно звучать надъ Иудой:

„Я именемъ грознымъ тебя заклинаю,
 О, смерть, безконечностью страшной твоею,
 Явись ты, и сына земли разрази! —
 Смотри злополучный, отверженникъ Божій,
 Погасишь ты свѣтлое солнце свое,
 Ты жизнь или смерть себѣ можешь избрать,
 И то, и другое лежитъ предъ тобою. —
 Ты смертный и смерть избираешь погибшій.
 Погасни, о, солнце! И смерти тоска
 Явись и сама себѣ вырой могилу.
 О, смертное тлѣнье, прими его тѣло. —
 Пусть падаетъ грѣшника кровь на него-же“.

И понявъ Иуда безсмертнаго голосъ,
 Съ отчаяннымъ бѣшенствомъ громко кричить:
 — „О, знаю шумъ голоса я твоего,
 Ты преданный мною, убитый Мессія!
 За мною слѣдишь Ты, я чувствую это,
 И требуешь крови Своей неотступно.
 О, мсти мнѣ, я здѣсь предъ Тобою, я здѣсь!
 Отчаяннымъ голосомъ дико кричить,

Куда-то бессмысленно взоръ устремивъ,
 И въ это мгновеніе душилъ себя. —
 Оббадонъ то видить — назадъ отступаетъ,
 Онъ самъ пораженъ его быстрою смертью.
 Три раза въ умершемъ душа содрогнулась.
 Въ четвертый ее изгоняетъ ужъ смерть
 Изъ тѣла, лишеннаго жизненныхъ силъ.
 Она отлетаетъ въ безвѣстную даль. —
 О ты, первобытная сила бытья,
 Легко проходящая, жизни ты сущность,
 По смерти ты быстро умчалась изъ тѣла,
 Ты въ тѣло летящее вдругъ превратилась.
 Несешься поспѣшно, быстрѣй самой мысли,
 Чтобъ видѣть яснѣе всю пропасти бездну,
 И слышать сильнѣй Правосуднаго грома.
 Но было безсилія полно то тѣло,
 Способное чувствовать муки одни,
 И страшную ненависть къ роду людскому.
 Теперь отъ удара тяжелаго смерти
 Какъ будто опомнилась снова душа,
 И тихо съ собою она разсуждаетъ:
 „Въ себѣ ощущаю какъ будто я жизнь?
 Но кто я? И что-же случилось со мною?
 О, какъ я легко въ высоту поднимаюсь,
 Но тѣло-ль земное я въ эту минуту?
 О, нѣтъ! Я не чувствую плоти земной,
 Во мнѣ все такъ смутно! Но что-жъ я такое?
 Ужасныя чувства гнѣздятся во мнѣ,
 Я чувствую все злополучье свое,
 Ужели я тотъ-же Іуда, умершій?
 Кто-жъ тамъ, на высокомъ пригоркѣ стоитъ?
 Страшнѣй и страшнѣй блеститъ его образъ,
 О, еслибы мракомъ покрылся мой взоръ!
 Какой нестерпимый, ужаснѣйшій свѣтъ!
 Бѣги, о, Іуда! О, горе тебѣ!
 То гнѣвный стоитъ Судія всего міра!

И я не могу унести́ся отсюда!
И въ этомъ презрѣнный мой трупъ мнѣ мѣшаетъ,
Съ отчаяньемъ носится онъ по землѣ“. —

Вздымайся ты выше! Кричалъ такъ Оббаддонъ,
Зачѣмъ-же ты носишься все надъ землею?

И я не Всесильный Судья всего міра,
Но только могучій посланникъ Его,
Я смерти лишь Ангелъ-Оббаддонъ. —

Узнай отъ меня приговоръ свой послѣдній,
Какъ первое слѣдствіе всѣхъ злодѣяній. —

Здѣсь вѣчная смерть ожидаетъ тебя, —

Ты предалъ Ходатая міра и Бога,

Возсталъ противъ воли Его — Іеговы,

И самъ себя жизни лишилъ злополучный.

Кто держитъ вѣсы правосудья въ десницѣ,

А въ лѣвой ужасную смерть, Тотъ вѣщаетъ:

„Никто не измѣритъ, никто не исчислитъ

Всѣхъ мукъ безконечныхъ, которыми будетъ

Томиться, предатель, по смерти своей. —

Ты прежде его ко кресту приведешь,

Покажешь Мессію, облитаго кровью,

И издали послѣ покажешь ему

Всѣ радости дивныхъ обителей неба,

Потомъ его бросишь въ подземную пропасть.

Такъ Ангелъ Творца приговоръ возвѣстилъ,

Мрачнѣе отъ ужаса сдѣлался мертвый,

И издали съ трепетомъ слѣдуетъ онъ

За Ангеломъ смерти, къ мірамъ отдаленнымъ.

Межъ тѣмъ предъ Пилатомъ Сынъ Вѣчный стоялъ,

И преторъ допрашивалъ такъ Іисуса:

— Скажи мнѣ, Ты царь-ли земли Іудейской?

Взглянувъ на него, Іисусъ отвѣчалъ:

— Когда-бы земнаго я міра былъ царь,

Тогда бы подвластный имѣлъ я народъ,

Который сражался-бы такъ за меня,

Какъ всѣ вы сражаетесь между собою!

Не царь-же я міра земнаго, какъ видишь.

— Однако царемъ ты себя называешь? —

— Да, точно, я царь, и на землю сошелъ,

Родился, чтобъ правдѣ людей поучать.

И тотъ, кто великой божественной правдѣ

Себя посвятить, тотъ постигнетъ меня. —

— Но что-же такое священная правда?

Съ улыбкой спросилъ Его снова Пилать,

Чтобъ только избѣгнуть серьезнаго пренія

О томъ, что понятьямъ его недоступно. —

И вывелъ къ собранью опять Іисуса,

Къ жрецамъ обратившись Понтійскій сказалъ:

— Допрашивалъ этого я человѣка,

Но въ немъ не нашелъ я вины никакой,

Которая-бъ къ смерти его присуждала. —

Въ началѣ вы назвали мнѣ Галилею,

Гдѣ онъ находился до этого время,

И такъ отошлемъ его къ Ироду мы;

Та область во власти его состоитъ,

И Иродъ законно накажетъ его. —

И ежели смертной достоинъ онъ казни,

То Иродъ скорѣй меня это рѣшить. —

И воинамъ далъ приказанье Понтійскій

Вести Іисуса, куда онъ назначилъ.

Безъ сна и тревожно всю ночь проведя,

Явилась Марія въ Іерусалимъ:

Едва на востокъ зардѣлась денница,

Она уже Сына во храмѣ искала,

Но не былъ Божественный тамъ въ это время,

И ужасъ невольный проникъ въ ея сердце.

Но вдругъ, удивленная, слышитъ она

Вдали будто ропотъ глухой голосовъ,

И въ той сторонѣ, гдѣ былъ Римскій дворецъ,

Неистовый шумъ она слышитъ толпы.

Не зная причины волненія черни,

На гулъ отдаленный поспѣшно бѣжитъ,

Толпа увлекаетъ ее за собою.
 Тѣснится по улицамъ города чернь,
 И движется съ шумомъ къ судейскому мѣсту.
 Идетъ и Марія спокойно туда,
 Не зная причины волненья народа, —
 Здѣсь видитъ она недалеко Леввея,
 Который увидѣвъ ее исчезаетъ. —

Зачѣмъ-же скрывается онъ отъ меня?

Такъ думаетъ Дѣва святая Марія.
 И съ этою думой глубокая скорбь
 Впивается въ душу ея будто мечъ. —
 И видитъ Марія Спасителя міра. —
 Лице ее блѣдное видитъ Хранитель,
 Онъ взоръ утѣшительный къ ней обращаетъ.
 Не въ силахъ ни видѣть, ни слышать Марія,
 И ближе къ судейскому мѣсту подходить,
 Взглянуть чтобъ хоть разъ на любимого сына. —
 Стоять обвинители всѣ передъ Нимъ,
 И Римскій намѣстникъ съ Нимъ рядомъ стоитъ.
 И слышитъ толпы она злобные крики, —
 Безумные требуютъ смерти Мессіи! —
 Что дѣлать? И гдѣ ей искать состраданья?
 Глядитъ съ безпокойствомъ Марія кругомъ,
 Но нѣтъ никого, кто-бъ сочувствовалъ ей.
 Глядитъ со слезами на небо она,
 И небо не внемлетъ Маріи слезамъ, —
 И молится сердце облитое кровью:

„О, Боже, пославшій Архангела свыше,
 Чтобъ мнѣ объ рожденіи Его возвѣстилъ онъ!
 Ты далъ мнѣ Его въ Виѣлеемскихъ долинахъ,
 Чтобъ матери радости я испытала,
 Которыхъ не вѣдала мать ни одна. —
 Восторги тѣ не были даже доступны
 Всѣмъ Ангеламъ неба, когда воспѣвали
 Они, торжествуя, Его рождество. —
 О, Боже! Ты мать Самуила услышалъ,

Когда предъ священнымъ Твоимъ алтаремъ
 Молилась во храмъ она со слезами, —
 И внялъ Ты душевнымъ страданьямъ ея. —
 О, сжался надъ страхомъ, которымъ томлюся,
 И больше, чѣмъ мучится мать при рожденнѣ. —
 Ты самъ далъ мнѣ сердце, которое полно
 Любовью и чувствами матери нѣжной;
 И Ты-же мнѣ лучшаго Сына послалъ.
 Онъ лучший изъ смертныхъ, рожденныхъ отъ праха!
 Не дай умереть Ему, Боже Великій. —
 Совмѣстно-ль съ божественной волей Твоею,
 О, Ты, Милосердый, создавшій все небо,
 Мнѣ дать эти слезы, за тѣмъ чтобъ молить
 Тебя о великомъ Твоемъ состраданнѣ?“

Отъ горести сердце ея онѣмѣло,
 Ее отстранило движеніемъ войско;
 И сына не видитъ ужъ больше Марія.
 Она изъ толпы вырывается силой
 И ищетъ вездѣ; но Его не находитъ,
 И нѣтъ изъ Апостоловъ съ ней никого. —
 Убитая скорбью глаза закрываетъ,
 И молча стоитъ обливаясь слезами. —
 Кругомъ она смотритъ, и видитъ себя
 Близъ двери дворца, гдѣ намѣстникъ живетъ,
 И думаетъ горемъ убитая мать:

Быть можетъ, здѣсь добрые люди живутъ,
 Быть можетъ, и въ пышныхъ дворцовыхъ стѣнахъ
 Есть мать и знакомо ей чувство любви —
 О, ежели-бъ, Порція, правда то было,
 Что многія матери здѣсь говорятъ,
 Что скорби доступны, понятны тебѣ;
 Что много такъ въ сердцѣ твоемъ состраданья! —
 О, вы воспѣвавшіе, Ангелы неба,
 Рожденье младенца когда онъ былъ въ ясляхъ,
 Когда-бъ справедливы все слухи тѣ были“.

По мраморной лѣстницѣ всходитъ Марія,

И дальше по заламъ безмолвнымъ идетъ.
 Вдругъ видитъ изъ дальнихъ покоевъ дворца
 Выходить на встрѣчу къ ней тихо Римлянка.
 Увидѣвъ Марію, стоитъ съ удивленьемъ.
 Лице ея блѣдно и кудри волною
 Бѣжали на плечи и вмѣстѣ съ одеждой
 Скрывали дрожащія члены Римлянки.
 Стоитъ съ удивленьемъ нѣмымъ она долго,
 Такъ много страданія было въ лицѣ
 Родившей Того, Кто не созданъ никѣмъ. —
 Въ чертахъ ея Ангельскихъ, полныхъ величья,
 Сіяла святая небесная прелесть,
 Внушая невольно сочувствіе къ скорби,
 Которою полно такъ сердце Маріи; —
 И долго Римлянка стоитъ въ созерцаньи
 Предъ Дѣвой Святою, потомъ вдругъ опомнясь,
 Спросила съ участіемъ тихо Марію:
 — О, кто ты, скажи мнѣ? Но ктобъ ни была ты,
 Не видѣла въ жизни моей я ни разу
 Такого величья, божественной скорби! —
 И съ грустью глубокой отвѣтила Дѣва:
 — О, если ты чувствуешь въ сердцѣ своемъ
 Все то состраданье, которое видно
 Такъ ясно въ лицѣ твоѣмъ добромъ и миломъ,
 Тогда, о, Римлянка, со мною пойдемъ.
 Скорѣе веди меня къ Порціи ты.
 И съ бѣльшимъ еще удивленіемъ ей
 Отвѣтила кротко тогда незнакомка;
 — Я здѣсь, сама Порція, здѣсь предъ тобою. —
 — Тебя-ли, о милая Порція вижу?
 Какое-то тайное, тихое чувство
 Во мнѣ выражало невольно желанье,
 Когда я вдали увидала тебя,
 Чтобъ Порція точно такою была. —
 И такъ ты сама предо мною теперь?
 Хотя ты не знаешь исполнѣ всѣхъ страданій,

Которыя можетъ испытывать мать,
 Хотя-бъ и рожденная въ этомъ народѣ,
 Для васъ ненавистномъ; но всѣ говорятъ,
 Что сердце не чуждо твое состраданья,
 И чувствъ человѣчества полно оно. —
 Узнай-же, о, Порція: Тотъ человѣкъ,
 Котораго судить Пилать предъ народомъ, —
 Невиненъ, не сдѣлалъ Онъ зла никакого,
 Хотя всѣ тираны Его обвиняють. —
 Въ слезахъ Его мать предъ собою ты видишь.“ —

Сказала Марія, — и долго предъ нею,
 Склонясь съ удивленіемъ, Порція тихо,
 Безмолвно стояла въ нѣмомъ упоеньи.
 Съ восторженнымъ чувствомъ смотря на Марію,
 Потомъ съ увлеченьемъ сказала ей кротко:
 — Такъ это твой Сынъ, твой божественный Сынъ?
 Великаго Сына, блаженная мать!

Ты, здѣсь, предо мною стоишь, о, Марія?

Потомъ, обращая на небо свой взоръ,
 Исполненный радости свѣтлой и тихой:
 — О, Боги! Она, Его мать, предо мною!
 Великіе Боги! Я къ Вамъ обращаюсь!
 Во снѣ мнѣ въ величьи Вы строгомъ являлись,
 Но Вы, не Юпитеръ, не Фебъ, Аполонъ,
 О, какъ-бы, Великіе, Васъ не назвали,
 Ко мнѣ Вы прислали, могучіе Боги,
 Мать лучшаго Сына изъ всѣхъ человѣковъ!
 И ежели можетъ Онъ быть человѣкомъ!
 Марія-ли здѣсь? О, она-ль меня проситъ?
 Тебя умоляю, меня не проси ты!
 Къ великому Сыну води меня лучше,
 Меня отъ сомнѣнья, чтобъ онъ просвѣтилъ
 Божественнымъ взглядомъ, хоть, издали только
 Меня научилъ-бы познать Божество! —
 И Порція снова взглянула на небо,

Марія съ любовью глядитъ на Римлянку,

И тихо ей съ чувствомъ она говоритъ:
 — Какъ сильно душа потряслася твоя,
 Ты любишь меня и я вижу то ясно!
 О, добрая Порція; ты справедлива,
 Была я счастливѣйшей матерью, правда!
 Изъ нихъ ни одна не любила, какъ я!
 Но пусть состраданія полное сердце
 На помощь напрасно Боговъ не зоветъ.
 Сама помоги мнѣ, они-же не могутъ,
 И даже сама ты, не въ силахъ помочь,
 Когда правосудный Творецъ предназначилъ,
 Въ рѣшеніи Своемъ, чтобы умеръ мой Сынъ. —
 Одно лишь ты можешь Пилату сказать,
 Чтобъ кровью Невиннаго онъ не мрачилъ
 Еще непорочной, быть можетъ, души.
 Чтобъ весело могъ онъ явиться потомъ
 Къ суду величайшаго Бога Боговъ“. —

И Порція снова глядитъ на нее,
 И тихо къ Маріи относится такъ:
 — „Но что-же я прежде скажу? И что, послѣ?
 О, какъ переполнено сердце мое,
 Пусть первымъ твоимъ утѣшеніемъ то будетъ,
 Тебѣ помогать я охотно готова,
 Пусть это вторымъ утѣшеніемъ будетъ.
 Потомъ-же, узнай, и то знаютъ всѣ Боги,
 Которыхъ молить запрещаешь ты мнѣ,
 Влечетъ меня силой какой-то къ Нему,
 Мнѣ только, что снился божественный сонъ,
 Который мнѣ лучших Боговъ показалъ;
 И имъ я усердно молилась теперь.
 Еще никогда надъ главою моею
 Подобные, дивные сны не летали,
 Божествененъ былъ Онъ, и вмѣстѣ былъ страшенъ!
 И если-бъ Марія ко мнѣ не пришла ты,
 Я все-бы охотно, тебѣ помогала. —
 Тотъ сонъ говорилъ о тебѣ мнѣ такъ много,

Но страшень конецъ былъ видѣнья того,
И даже понять не могла я конца. —
Сама поспѣшила туда я, чтобъ видѣть
Его — обвиненнаго, чистаго духомъ,
Потомъ мнѣ великіе Боги послали
Отраду увидѣть тебя — Его мать“. —

И Порція кротко сказала служанкѣ:

— Иди ты къ Пилату, скажи отъ меня:
Великій и праведный тотъ человѣкъ,
Котораго судишь теперь предъ народомъ;
О, бойся невиннаго ты осудить! —
Во имя Боговъ умоляю, Пилать. —
Во снѣ надо мною носились видѣнья,
И страшно меня напугали они. —

Но будь ты спокойна, о, нѣжная мать,
Пусть скорби души твоей снова утихнутъ,
Уйдемъ мы отсюда, тебя провожу я
Туда, гдѣ лучъ утренній солнца сіяетъ,
Чтобъ больше не слышать намъ шума толпы.
И тамъ я подробно тебѣ расскажу,
Что было открыто въ видѣніи мнѣ. —

И дальше уходятъ онѣ во дворецъ. —
Въ раздумьи потупила взоры Римлянка,
И долго молчитъ, размышляя о снѣ,
Хранитель навѣялъ на душу ей сонъ.
Изъ думъ задушевныхъ, такъ ею любимыхъ,
Развилъ онъ въ ней новыя, лучшія думы. —
Какъ будто опомнясь отъ думы глубокой,
Она обращается снова къ Маріи:

— Вотъ видишь, Марія, мнѣ снился Сократъ —
Хотя ты не знаешь быть можетъ его,
Но радуюсь я, когда вспомню объ немъ —
Онъ жилъ благородно, какъ не жилъ никто,
И жизнь эту смертью такой увѣнчалъ,
Которая самую жизнь возвышаетъ. —
Всегда удивленіемъ былъ для меня

Сократъ —этотъ мудрый вполне человѣкъ,
И самъ онъ явился въ видѣніи мнѣ.
Онъ назвалъ безсмертное имя свое;
„Сократъ я, которому ты удивлялась,
Изъ странъ замогильныхъ къ тебѣ я явился;
Отвыкни ты мнѣ удивляться какъ прежде! —
Что чтили мы всѣ, то не есть Божество,
Я въ мудрости строгой; но темной своей,
А вы въ обожаніяхъ предъ алтарями. —
Однако открыть предъ тобой я не смѣю
Теперь еще сущности всей Божества,
Съ тобою я сдѣлаю первый лишь шагъ.
Въ преддверіе храма святаго Его.
Быть можетъ, что въ эти дни, полные чуда,
Когда совершаются въ мірѣ земномъ
Дѣянья святыя, появится лучшій,
Возвышенный геній и онъ поведетъ
Къ святынь тебѣ въ сокровенную даль. —
Вотъ все, что могу я открыть предъ тобою,
И это ты сердцемъ своимъ заслужила. —
Сократъ не страдаетъ ужъ больше отъ злыхъ.
Тамъ нѣтъ Елисейскихъ блаженныхъ полей,
Ни мрачныхъ судей нѣтъ на темномъ потокѣ.
Все это видѣнья нелѣпыхъ мечтаній. —
Но судить иной Судія за могилой,
А также и свѣтятъ другія тамъ солнца,
За гробомъ вѣсы есть и мѣра, и счеты,
По нимъ всѣ дѣянья людей расчисляютъ.
Какъ малы тогда добродѣтели смертныхъ!
Какъ пыль отъ дыханія легкаго вѣтра,
Ихъ самая сущность разносится быстро,
И мало людей получаютъ награду,
Но большая часть получаетъ прощенье. —
Мое откровенное, чистое сердце
Во многомъ прощеніе мнѣ заслужило. —
О, Порція, въ мірѣ загробномъ не то,

Что наши мечты представляютъ здѣсь намъ,
 И твой устрашающій Римъ и могучій
 Не болѣе, какъ муравьиная кочка.
 Тогда, какъ слеза состраданія добрыхъ,
 Одна лишь слеза — тамъ равняется міру.
 О, будь ты достойна подобной слезы!
 Всѣ духи святые теперь торжествуютъ,
 Но мнѣ недоступна святая ихъ тайна,
 И только я издали могъ наслаждаться,
 И вотъ что услышалъ съ нѣмымъ удивленьемъ: —
 Межъ вами есть высшій изъ всѣхъ человѣковъ;
 Страдаетъ Онъ здѣсь, какъ еще никогда,
 Изъ смертныхъ людей ни одинъ не страдалъ,
 Послушенъ глубоко Онъ въ томъ Божеству,
 И высшую тѣмъ добродѣтель предъ Нимъ
 Теперь изъ любви къ человѣку свершаетъ.
 И видѣлъ твой взоръ человѣка того,
 И судить Пилать Совершителя дѣлъ тѣхъ. —
 Но если прольется Невинная кровь,
 Узнай-же, что прежде еще никогда
 Такъ громко невинная кровь не взывала. “ —

Умолкло видѣнье, когда-жъ въ отдаленіи
 Оно исчезало, я слышала снова:

„Смотри-же!“ И я обернулась туда;
 Могила открытая были кругомъ,
 Надъ ними густыя спускалися тучи,
 До самаго неба они разорвались,
 Гдѣ тучи расторглись, тамъ въ облакъ свѣтломъ
 Облитый весь кровью, всходилъ человѣкъ; —
 Внизу-же тѣснились безчисленнымъ сонмомъ,
 Все люди, и жадно слѣдили ихъ взоры
 За тѣмъ человѣкомъ, пока не вознесся
 На небо и скрылся советъ въ облакахъ.
 И многіе, также облитые кровью,
 Съ молитвою руки къ Нему простирали.
 Тряслись и стонали земныя долины,

Они упивались невинною кровью.
И видѣла я всѣхъ страдальцевъ мученья,
Съ величіемъ строгимъ терпѣли они,
И были то лучшіе люди, чѣмъ видимъ.
Всегда предъ собою мы въ мірѣ земномъ.
Но вскорѣ ужасная сдѣлалась буря,
И ночью глубокой затмились долины, —
Исчезло видѣнье, — и я пробудилась. —

Сказавъ это, Порція долго молчала,
И къ небу свой взоръ устремила Марія.
— Ахъ Порція! Что-же могу я сказать?
Хотя и самой не вполне мнѣ понятно,
Чему поучало видѣнье твое,
Однако, чѣмъ больше смотрю на тебя,
Тѣмъ больше питаю къ тебѣ уваженъе!
Введутъ тебя высшія силы въ святыню,
Одно лишь осмѣлюсь тебѣ я сказать,
Хотя и должна-бы теперь я молчать
При мысли, что свѣше тебѣ возвѣстятъ,
Объ тайнѣ великой, — святыни Того,
Кто также легко небеса сотворилъ,
Какъ эти растенья пускаютъ отростки,
Кто жизнь эту, полную тяжкихъ трудовъ,
И всѣхъ мимолетныхъ восторговъ и горя,
Далъ людямъ за тѣмъ, чтобы помнитъ могли
Великую цѣну безсмертной души,
Которой за гробомъ назначена вѣчность. —
Одинъ Онъ Великій! Одинъ Іегова!
Создатель, и цѣлой вселенной Судья!
И первенца смертныхъ — Адама Онъ Богъ,
Всего поколѣнья — и Богъ Авраама.
При всей-же гордыни ученыхъ и мудрыхъ,
До этой минуты служенье Ему
Есть тайна для смертныхъ, обѣята мракомъ,
На то есть священная воля Творца;
Ему одному лишь извѣстна она. —

Но скоро откроетъ Онъ людямъ ее,
 И въ эту минуту Онъ намъ открываетъ.
 Великій Господень Пророкъ Іисусъ
 (Который предъ всѣми творить чудеса,
 Котораго съ страхомъ и благоговѣніемъ
 Держаю я сыномъ своимъ называть)
 На землю пришелъ, чтобъ намъ тайну открыть.
 И долженъ былъ здѣсь отъ меня Онъ родиться,
 И имя принять Іисуса межъ нами. —
 Онъ долженъ людей отъ грѣха искупить!
 О томъ возвѣщалъ мнѣ Архангелъ безсмертный,
 Такъ ихъ называемъ мы здѣсь на землѣ; —
 Но такъ-же, какъ мы они созданы были. —
 Однако, всѣ чтимые Греками Боги
 И самымъ могучимъ, воинственнымъ Римомъ,
 Предъ ними не больше, какъ тлѣныя и прахъ.

Когда родила я въ той хижинѣ бѣдной
 Младенца святаго — Его — Іисуса,
 Безчисленнымъ сонмомъ носились надъ Нимъ,
 Его воспѣвая, безсмертные эти. —

Сидѣла безмолвно, склонясь головою,
 Римлянка, внимая Маріи словамъ;
 Желала-бъ невольно съ молитвой усердной
 Призвать она имя Его — Іеговы,
 Но въ сердцѣ своемъ сознавала сама,
 Что имя великое то произнести
 Не смѣетъ она, и еще недостойна. —
 Привстала и, съ грустью взглянувъ на Марію,
 Сказала ей голосомъ тихимъ, но твердымъ:

О, нѣтъ-же! не долженъ твой сынъ умереть!

Однако умретъ Онъ, отвѣтила Дѣва;
 Все это давно мою жизнь омрачаетъ,
 Тѣмъ больше, что Самъ Онъ о томъ говорить.
 И эта ужасная тайна невольно
 Страшитъ мое сердце, и праведныхъ всѣхъ,
 Которые слѣдуютъ слову Его.

Бесѣда съ тобою о Богѣ Великомъ,
 Какъ будто закрыла слегка мою рану,
 Теперь обливается вновь она кровью...
 Да благословить тебя Богъ Авраамовъ,
 Но ты облегчить моей скорби не можешь.
 Печальный свой взоръ отвори отъ меня,
 Желаетъ напрасно меня ты утѣшить,
 Онъ хочетъ и Самъ умереть — и умереть. —

Отъ горести голосъ ея прерывался,

И другъ противъ друга поникнувъ главою,
 Безмолвно и долго стояли онѣ.

И Порція вновь обратилась къ Маріи:

— О, ты, несравненная мать между всѣми,
 Мы вмѣстѣ пойдемъ на могилу съ тобою,
 Поплакать надъ сыномъ умершимъ твоимъ.

Межъ тѣмъ Иисуса толпа провожала,
 Къ властителю Ироду съ шумомъ и крикомъ.

Давно во дворцѣ его знали вельможи,

Что къ Ироду шлетъ Иисуса Пилать,

И къ трону властитель вельможей собираетъ,

Садится и съ гордостью имъ говоритъ:

— И такъ, въ этотъ день разрѣшиться должно

Все то, что я слышала, чего умолчать

О славѣ высокой, молва не могла.

Возможно-ль! Кто словомъ больныхъ изцѣляетъ,

И словомъ однимъ воскрешаетъ изъ мертвыхъ,

Тотъ самъ, какъ преступникъ на судъ приведенъ!

Но Иродъ не все говорилъ царедворцамъ;

Отъ нихъ онъ надменные думы скрывалъ,

Отъ гордости сердце въ немъ билось сильнѣе: —

Пророкъ величайшій изъ нашихъ Пророковъ

Склонится теперь предо мной, какъ виновный,

И будешь ты, Иродъ, судьбою его.

Ему прикажу я творить чудеса!

Но если онъ чудо при мнѣ совершить?

О, нѣтъ, и не можетъ быть въ мірѣ чудеса.

И если-бы точно не могъ онъ ихъ дѣлать,
 Но Иродъ приказывать будетъ тому,
 Кто такъ знаменитъ повсемѣстно въ народѣ,
 Кому поклонялся такъ Ерусалимъ,
 И пальмы съ восторгомъ бросалъ на пути,
 Крича ему громко Оссанна свое, —
 И будешь судьбою того, ты; о, Иродъ!

Мечты его гордыя прерваны были
 Внезапно раздавшимся гуломъ шаговъ;
 То съ шумомъ жрецы къ нему въ залу вошли,
 Когда Иисусъ еще былъ на дворѣ,
 Стѣсненный толпою, Его окружавшей.
 Толпою безчисленной стекся народъ
 И каждый стремился увидѣть Его,
 И слышались крики восторговъ, рыданій,
 Безумныхъ проклятій и благословеній.
 И тихо идетъ Иисусъ среди шума,
 Съ тѣмъ полнымъ небеснымъ спокойствіемъ духа,
 Которое смертнымъ хотя и понятно,
 Но имъ недоступно, какъ высшее что-то. —

Увидѣлъ Мессію вдали своихъ близкихъ,
 Онъ зналъ утѣшеніе вѣчное то,
 Которое влиться должно въ ихъ сердца;
 Исчислены были ихъ слезы блаженства,
 Однако не знали они еще слезъ тѣхъ,
 И большая часть Его близкихъ старалась
 Раздвинуть толпу и достигнуть къ Нему,
 Чтобъ благословеніе Его получить.
 Ихъ масса народа назадъ оттѣсняла,
 Напрасно стремились пробиться они,
 Тамъ былъ утомленный страданіемъ Петръ,
 И плакалъ онъ горько, и видѣлъ Мессію
 Въ толпѣ Іоанна и Нафанаила,
 Леввея и многихъ избранниковъ Божьихъ
 И многихъ приверженныхъ женъ Иисусу.
 Убитая скорбью была Магдалина,

И мать Заведѣвыхъ также Марія, Сестры-же тамъ Лазаря не было съ ними: Лежала на смертной постели она.

Стремилась проникнуть толпу Магдалина, И видитъ прозрѣвшаго подлѣ себя, Которому словомъ Мессія далъ зрѣнье, Къ нему обратилась она умолая: — О, если ты помнишь тотъ часъ благодатный.

Когда Иисусъ показалъ тебѣ свѣтъ, То сжался-же ты надо мною теперь, Меня проводи ты чрезъ эту толпу, Чтобъ разъ еще видѣть могла я Мессію, Хотятъ Его жизни злодѣи лишить. — Но тщетны моленія всѣ Магдалины, Раздвинуть толпы изцѣленный не въ силахъ. Страхился къ Мессіи приблизиться Петръ, Стоялъ Іоаннъ на возвышенномъ мѣстѣ Вдали и съ молитвой смотрѣлъ на Мессію.

Счастливая мать ты, о, мать Заведѣвъ, Ты видишь живыми своихъ сыновей! О, радуйся духомъ, сказалъ ей Леввей, Взгляни-же на мать Иисуса теперь! Прочувствуй, что въ сердцѣ несчастной творится, Мать бѣдная съ грустью стоитъ тамъ и видитъ, Какъ ею рожденный, божественный Сынъ Убійцами злыми стоитъ окруженный. — Я вижу вездѣ предъ собой Его образъ, И думы твои понимаю, Марія, Душею и сердцемъ сочувствую имъ. Предвижу, какъ бѣдное сердце твое Замретъ отъ тяжелыхъ страданій въ груди, О, сжальтесь надъ бѣдною, Ангелы смерти, Не дайте увидѣть ей смерти вы Сына.

Вошелъ Судія всего міра теперь Къ властителю Ироду, въ пышный дворецъ, И къ трону владыки Его подвели. —

Мечтатели слабые смѣютъ судить
О промыслахъ тайныхъ Великаго Бога,
Тогда какъ ихъ разумъ не можетъ постигнуть
И тайны ничтожнаго праха земнаго. —

Съ нѣмымъ удивленіемъ Иродъ смотрѣлъ
На кротко стоявшаго тамъ Іисуса;
Не думалъ онъ встрѣтить такого величья,
Такого спокойствія въ чудномъ лицѣ.
И гордость его потряслася невольно.
Онъ долго и молча смотрѣлъ на Мессію.
Надменность смѣнила опять удивленье,
Съ насмѣшкой къ Спасителю онъ обратился:
— Далеко извѣстны во многихъ странахъ
Твои чудеса, о, великій Пророкъ,
Не можетъ однако-же голосъ молвы
Такъ вѣрно намъ факты всѣхъ дѣлъ передать.
Молва увеличить, а часто убавить
И темны событія кажутся намъ.
Открой предо мною теперь свою силу,
Быть можетъ и бѣлой ты славы достоинъ.
Я видѣть желалъ-бы твои дарованья
Своими глазами и имъ удивляться.
И если ты былъ еще до Авраама,
То долженъ быть болѣе ты Моисея,
И болѣе бывшихъ пророковъ по немъ,
И долженъ ихъ всѣхъ превзойти чудесами,
И такъ, чтобы выборъ тебя не томилъ, —
Назначу я самъ тебѣ что совершить.
Вотъ чудо достойное точно тебя:

Ты видишь Морія вздымается тамъ,
И куполь надъ нею великаго храма,
Блеститъ высоко его шпигъ надъ вершиной.
Вели, чтобы гордо поднявшійся шпигъ
Склонился сейчасъ предъ тобою Пророкомъ.
Покоятся въ храмѣ томъ кости Давида,
Какъ былъ-бы обрадованъ царь тотъ святой

Увидѣть вдругъ снова весь Ерусалимъ,
 Скажи-же истлѣвшему праху царя,
 Чтобъ храма онъ мрачныя своды покинулъ,
 И вышелъ-бы снова оттуда живой.
 Но что-же молчишь ты? Скажи Иордану,
 Чтобъ выступилъ онъ изъ своихъ береговъ,
 Пришелъ-бы и городъ собой освѣжилъ,
 Потомъ возвратился-бъ въ свою колыбель.
 Иль дай повелѣнья свои ты Сіону,
 Чтобъ поднялъ онъ къ небу вершины свои,
 И легъ надъ вершиной Масличной горы, —
 Пусть видятъ его съ удивленьемъ народы.

Но что-же ты молча стоишь передъ нами?
 Сказалъ Ему Иродъ, не вѣдая самъ
 Къ Кому обращался съ подобною рѣчью,
 Предъ Кѣмъ онъ ничтожнѣй былъ праха земнаго.
 Съ усмѣшкою вновь Его Иродъ спросилъ:
 — Но что-же такъ долго Ты молча стоишь?

Божественный кротко взглянулъ на него,
 Но взглядъ Его полонъ величія былъ;
 Величія этого Иродъ не понималъ,
 Онъ думалъ—его презираетъ Пророкъ,
 И гнѣвно встаетъ онъ съ высокаго трона.
 Когда его гнѣвнымъ увидѣлъ Каиафа,
 Спѣшилъ въ свою пользу тотъ мигъ обратить:
 — Увидѣлъ и самъ ты, кто этотъ Пророкъ?
 Молчитъ онъ упорно теперь предъ тобою,
 Когда ты хотѣлъ чудеса его видѣть,
 И можетъ-ли онъ совершать чудеса?
 Однако-жъ безумный народъ ему вѣрить,
 И многіе даже изъ нашей среды. —
 Но тотъ, кто дерзаетъ такъ слѣпо возстать
 И противъ завѣта, и противъ законовъ,
 Которые далъ намъ Пророкъ Моисей,
 Тотъ можетъ-ли Божьимъ посланникомъ быть?
 Завѣта священнаго имъ отверженъ,

И пламя Синая, гдѣ Богъ появлялся,
 Призванье имъ грозной трубы правосудья,
 И трепетъ горы той, гдѣ былъ Моисей, —
 Все это взываетъ и требуетъ мщенья, —
 И месть эту выполнить хочетъ Каіафа.
 Царемъ Іудеи стремится онъ быть,
 Онъ въѣхалъ торжественно въ Ерусалимъ,
 И крики восторговъ его провожали,
 Предъ нимъ униженно бросали всѣ пальмы,
 И даже одежды свои подстилали,
 И громко кричали Оссанна Ему,
 „Оссанна, оссанна Давидову Сыну!“
 И вторило эхо въ Сіонскихъ горахъ,
 Подъ сводами храма, въ Моріи звучало
 Оссанна Царю, и посланнику Божью.
 Смотрите, идетъ онъ во имя Господне,
 Бросайте всѣ пальмы, кричите оссанна,
 Чтобъ въ выси небесной оссанна звучало.

Во имя Давида, котораго кости
 Отъ страха въ могилѣ своей потряслися,
 Во имя останковъ отца твоего,
 Великаго Ирода, я умоляю, —
 Отмсти ему, Иродъ, за всѣ оскверненья!

И тихо Филонъ улыбался Каіафѣ,
 Забывъ и прошедшую ненависть всю.
 Но Иродъ отвѣтилъ съ насмѣшкою злою:
 — Одеждою бѣлой его пусть одѣнутъ,
 Которую жители Рима считаютъ,
 Какъ признакъ высокій достоинства ихъ.
 Пилать-же разумно рѣшаетъ дѣла
 И цѣнить достоинство cadaго вѣрно,
 Намѣстникъ въ цари его самъ посвятитъ,
 Къ торжественнымъ пальмамъ и громкой оссаннѣ
 Прибавитъ корону съ порфирой ему. —

Такъ Иродъ вельможамъ сказалъ, удаляясь,
 И стража исполнила волю его. —

Одѣвъ Іисуса одеждоу бѣлой,
 Презрѣнные злобно смѣялись надъ Нимъ.
 Потомъ отослалъ Его Иродъ къ Пилату.
 И страшное было стеченье народа,
 Пришедшаго въ городъ, чтобъ праздновать пасху.
 Несмѣтной толпою народъ провожалъ
 Назадъ Іисуса, и шумъ раздавался,
 Далеко весь городъ собою оглашая,
 Бѣжала за нимъ почти вся Іудея. —
 Филонъ это видитъ, но онъ не боится.
 Такъ издали опытный видитъ морякъ
 Волненіе моря, но весель онъ духомъ,
 Пускаясь по грозно бѣгущимъ волнамъ. —
 И видитъ Филонъ, что народъ раздѣлился,
 Что тысячи преданныхъ есть Іисусу,
 Однако и это его не пугаетъ.
 Его окружаютъ толпы фарисеевъ,
 Онъ нѣсколько словъ имъ шепнулъ мимоходомъ,
 Потомъ разослалъ ихъ народъ возмущать.
 Разбѣлалась быстро вся шайка Филона. —

Какъ ядомъ мгновенно отравленъ источникъ,
 И каждая капля воды отравляетъ,
 Даетъ неизбѣжную, страшную смерть.
 Спѣшатъ фарисеи народъ развращать:

О какъ заблуждаетесь сильно вы всѣ,
 Что онъ — Іисусъ совершалъ чудеса.
 Когда ему Иродъ давалъ приказанья,
 Стоялъ какъ нѣмой и не могъ ихъ исполнить.
 Не вѣрятъ ему и народа отцы,
 Проклятье надъ тѣмъ, кто не чтитъ Авраама,
 Кто цѣлую жизнь отвергалъ всѣ законы,
 Намъ могъ-ли послать того Богъ, кто забыть Имъ?
 Вы видите сами, что имъ онъ оставленъ,
 Закованъ въ цѣпяхъ и поруганъ предъ всѣми!
 Быть можетъ, что имъ ослѣпленные люди
 Понтійскаго будутъ просить за него,

И васъ увлекутъ; но вы грѣхъ совершите!—
 Вы избранный Богомъ, священный народъ,
 Васъ храмъ озаряетъ сіяньемъ своимъ,
 И только отъ васъ загорается жертва!
 Взываетъ Пророка къ вамъ прахъ: „отомстите!“
 И къ вамъ Авраама останки зываютъ:
 „О, мстите! за вышаго праотца вы!“ —

Такъ злые другихъ увлекали съ собою.
 Осталось не много томимыхъ сомнѣньемъ,
 Еще того менѣе вѣрныхъ и добрыхъ.

Пилать между тѣмъ приказалъ привести
 Разбойника страшнаго тайно къ себѣ,
 Котораго прежде чѣмъ пойманъ онъ былъ,
 Во всей Іудеи боялся народъ, —
 Онъ думалъ чрезъ это спасти Іисуса.
 Когда-же толпа возвращалась назадъ,
 Разбойникъ на встрѣчу къ ней выведенъ былъ.
 Давился отъ бѣшенства желчной онъ пѣной,
 Сверкали огнемъ его злые глаза,
 И цѣпи звенѣли на мощныхъ рукахъ. —

Приблизился тихо Пилать къ Іисусу,
 По право стоялъ отъ него Искупитель,
 На лѣво разбойникъ Варрава стоялъ. —

Пилать обратился на право, сказавъ:
 — Вы здѣсь обвиняли того человѣка,
 Что онъ противъ Кесаря всѣхъ возмущаетъ,
 Но въ томъ не нашелъ я виновнымъ его.
 Самъ Иродъ виновнымъ его не находитъ,
 И я не могу допустить какъ Правитель,
 Чтобъ преданъ былъ смертной онъ казни безвинно,
 Даю я свободу на пасху преступнымъ,
 Хотите его отпущу вамъ теперь?
 Не слышите-ль вы и разумаго слова?
 Скажите! кричи-же безумная чернь,
 Кого изъ нихъ долженъ я вамъ отпустить:
 Варраву-ль разбойника, иль Іисуса,

Посланника Божья, какъ вы говорите? —

Явилась отъ Порціи въ эту минуту
Служанка и такъ говорила Пилату:

— Невиненъ божественный тотъ человѣкъ,
Котораго судишь теперь предъ народомъ,
Страшися невиннаго ты осудить!
Во имя Боговъ, умоляю Пилать!
Носилось надъ Порціей много видѣній,
Во снѣ напугали они ее страшно. —

Сказала рабыня и скрылась опять. —
Затихъ тогда говоръ шумящей толпы,
И долго въ молчаньи стоитъ весь народъ.
Молчаніе это пугаетъ Филона.

Къ тому-жъ и посланники все объявили,
Что преданныхъ много въ толпѣ Иисусу.

Послышался голосъ больныхъ и воскресшихъ,
Они называли предъ всеми Пророка
Вполнѣ человѣчнымъ, но злобные крики
Воззваніе слабое то заглушали.

Такъ бури порывы въ лѣсу заглушаютъ
Ребенка отчаянный жалобный крикъ.

И слышится слабый лишь стонъ въ отдаленіи.

Минуту опасную видитъ Филонъ,

Онъ понялъ, что думаетъ сдѣлать Пилать,

Поставивъ съ разбойникомъ вмѣстѣ Мессію.

Надменно идетъ онъ, оставивъ Пилата,

Къ подмосткамъ Гавваемы надѣясь склонить

Искусною рѣчью народъ въ свою пользу

И началъ къ народу Филонъ свою рѣчь:

— Уже-ли словами я только могу

Васъ всехъ успокоить, Израиля дѣти!

Давно уже знаете все вы меня,

И знаете, какъ ненавижу я тѣхъ,

Кто противъ законовъ отцовъ возстаетъ.

Того проклинаю до самой могилы,

Хотя и сладка на устахъ его рѣчь,

И съ этою цѣлью хочу передъ вами
 Открыть я сегодня спасеніе ваше,
 Иль вѣчную гибель, Израиля дѣти. —
 И такъ избирайте вы сами теперь —
 Варраву разбойника — или Иисуса! —
 Варрава убійца — то знаете всѣ вы,
 И знаетъ объ этомъ Понтійскій Пилать.
 И если-бъ не думалъ онъ въ васъ пробудить
 Сочувствіе къ выходцу изъ Назарета,
 Который, какъ будто невинный стоитъ,
 Чаруя волшебною силою всѣхъ,
 Тогда не поставилъ-бы здѣсь онъ Варравы,
 И это намѣреніе я презираю! —
 Какъ-бы побужденные всѣ мы молчимъ;
 Филонъ-же не можетъ объ томъ умолчать.
 Что всѣ вы надъ страшною бездною стоите, —
 Хотя и со страхомъ я вамъ говорю,
 Однако обязанъ я всѣмъ объяснить,
 Чтобъ такъ не упали глубоко потомки
 Великихъ и праведныхъ нашихъ отцовъ. —
 Что могъ-бы сказать вамъ, Израиля дѣти,
 Я здѣсь про Мессію, стоящаго кротко,
 Когда-бы пришлось мнѣ описывать вамъ
 Теперь его страшныя всѣ преступленія. —
 Но я уже мрачность ихъ всю обнажилъ
 Предъ цѣлымъ собраніемъ вашихъ владыкъ,
 И вызвалъ мой голосъ рѣшеніе смерти. —
 Должны-бъ были камни святые давно
 Преступною кровью его обогрѣться.
 Увы! мы не смѣемъ наказывать смертью!
 Желалъ-бы напомнить я вамъ хоть одно
 Изъ тысячи страшныхъ его преступленій.
 И если не примете вы своихъ мѣръ,
 То этотъ злодѣй, тогда то совершить,
 Чего самъ и Римъ предпринять не посмѣлъ. —
 Стояли кругомъ его тысячи высшихъ,

Когда проповѣдовалъ онъ о побѣдѣ,
 Грозилъ разрушеніемъ Ерусалиму,
 Хотѣлъ и храмъ Божій онъ въ прахъ обратить.
 А вы всѣ слѣпцы удивлялись ему,
 Тогда, какъ въ немъ нѣтъ состраданія къ вамъ.
 Онъ видитъ всѣ горести Ерусалима,
 И ужасъ невольный всѣхъ жителей знаетъ,
 Какъ главный виновникъ всеобщаго страха,
 Но дѣлаетъ тоже, что дѣлалъ и прежде,
 Имѣйте-же вы всѣ къ нему состраданье! —
 Онъ хочетъ добиться дѣлами своими,
 Чтобъ храмъ вашъ обрушился въ нѣдра Моріи,
 Чтобъ послѣ не могъ онъ воздвигнуться снова,
 Чтобъ прахомъ засыпало всѣ алтари.
 Тогда онъ увидитъ унынія слезы,
 Дѣтей злополучныхъ великаго града,
 Покроется непломъ весь городъ священный,
 И будутъ въ оковахъ всѣ дѣти его,
 Иль прахомъ несчастные будутъ лежать.
 А тѣ всѣ, которыхъ ни голодъ, ни ужасъ
 Еще не зарыли въ могилы сырыя,
 Тѣхъ воины злобные будутъ ловить,
 И кости несчастныя ихъ разбивать
 Объ камни развалинъ Іерусалима. —
 Отцы надъ страдальцами плакать не будутъ,
 Не будутъ и матери плакать надъ ними, —
 Они всѣ погибли въ тяжеломъ бою,
 И померли съ горя и скорби давно.
 Предвидитъ все это вашъ мнимый Пророкъ,
 Но нѣтъ состраданія къ вамъ въ его сердцѣ!
 Такъ кончилъ къ народу Филонъ свою рѣчь,
 Раздался въ толпѣ одобрителный крикъ,
 Кричали неистово всѣ Фарисеи,
 Которыхъ разсѣялъ въ народъ Филонъ.
 И съ дикою злобой вопили они,
 Чтобъ смерти былъ преданъ ихъ врагъ, Іисусъ!

Сидѣлъ, погруженный въ глубокую думу,
Не зная, что дѣлать, Понтійскій Пилатъ.

Но вдругъ, обращаясь къ толпѣ возмущенной,
Онъ голосомъ гнѣвнымъ и громко спросилъ:

— Скажите! Кого вы хотите изъ двухъ,
Чтобъ я отпустилъ вамъ для праздника пасхи?

Варраву! Завыла безумно толпа...

Всѣ Ангелы, бывшіе близъ Иисуса,
Отъ ужаса взоры свои отвратили. —

Варраву! Варраву! Кричали безумцы,

И гнѣвно Пилатъ удивленный вскричалъ:

— Скажите! Что сдѣлаю я съ Иисусомъ,
Котораго знаете вы, какъ Пророка?

Въ отвѣтъ ему буйно народъ завопилъ:

— Вели, чтобы распять онъ былъ на крестѣ.

Но думалъ Понтійскій ихъ злобу смягчить:

— А въ чемъ обвиняете вы Иисуса?

Все тоже опять повторяю предъ вами;

Безвинно не можетъ погибнуть онъ смертию. —

Тогда еще громче слышались крики,

Неистово, дико, глаза всѣхъ сверкали,

Безумнѣй и громче кричала толпа:

— Распни-же! Распни ты его на крестѣ!

Далекое эхо ихъ крикъ повторяло,

И громко звучало въ ущельяхъ Сіона, —

И вторили своды Моріи на эхо.

Отъ буйнаго топота пыль поднималась.

Испуганный буйствомъ народа, Пилатъ

Увидѣлъ, что тщетны старанья его. —

Рѣшился изрѣчь приговоръ надъ Мессіей,

Хотя и невиннымъ считалъ Его самъ.

До этой минуты боялся оставить

Судейское мѣсто, теперь онъ встаетъ,

И тайно даетъ повелѣнье рабу.

Проворно идетъ во дворецъ его рабъ,

И скоро вернулся отъ туда къ Пилату.

Въ рукѣ своей несть онъ Коринѣскую вазу,
 Въ другой-же рукѣ умывальникъ роскошный,
 И сталъ униженно онъ противъ Пилата.
 Струей серебристой вода заструилась, —
 Умыль предъ народомъ Пилатъ себѣ руки. —

Страшнѣе леталь надъ землею Архангелъ,
 Который когда-то носился въ Газанѣ,
 Минуя все хижины тѣхъ Іудеевъ,
 Которыя кровью замѣнены были.
 Черезъ всю Іудею летѣлъ онъ и несть
 Народу погибель и Божию кару.
 Погибшихъ онъ Бога суду предавалъ;
 За взглядомъ Мессіи глазами слѣдилъ,
 Во взглядѣ томъ видѣлъ и гнѣвъ отверженья,
 И вмѣстѣ слезу милосердія Божья. —
 Духъ смерти проклятье свое произнесъ,
 Въ которомъ звучалъ Судіи приговоръ,
 Когда осуждаетъ Онъ цѣлый народъ. —
 Какъ землетрясенія гулъ отдаленный
 Шумѣлъ его голосъ и грозный и сильный.
 Архангелъ на мѣдныхъ доскахъ начерталь
 Послѣдній и гибельный свой приговоръ,
 Чтобъ послѣ на судъ ко Всевышнему трону
 Судьи міроваго представить тѣ доски. —

Понтійскій велѣлъ удалиться рабу,
 Потомъ обращаясь къ народу сказалъ:
 — Возмите, безумцы, вы все на себя,
 Невиненъ и чистъ я въ пролитіи крови
 Невиннаго мужа судимаго вами! —

Хранитель Израиля взоръ отвратилъ.
 Въ душѣ содрогнулся, печальный и блѣдный,
 Оставилъ онъ быстро заблудшій народъ.
 Тогда надъ собою они произносятъ
 Рѣшеніе смертное, громко взывая:

— Такъ пусть-же на насъ и на нашихъ дѣтей
 Падетъ его кровь; но погибнуть онъ долженъ!

Вдругъ ужаса блѣдность, молчанье могилы
Въ безумной толпѣ воцарилось мгновенно,
Но только раскаянью не было мѣста,
И далъ повелѣнье Понтійскій Пилать.

Мессія во дворъ отведенъ былъ на муки.
Разбойникъ Варрава-же отданъ народу. —

Варрава не чувствуетъ тяжкихъ цѣпей,
И больше не слышитъ ихъ страшнаго звона.
Онъ съ дикою радостью быстро бѣжитъ;
То тихо на мѣстѣ стоитъ неподвижно,
То снова съ восторгомъ летитъ онъ стремглавъ.
Со страхомъ толпа раздается предъ нимъ,
Въ смятеніи отъ ужаса давить другъ друга.
Такъ точно страшится ужасный преступникъ,
Когда злодѣяніе онъ совершаетъ.
Но зрѣлище то забавляетъ Филона,
Охотно пошелъ-бы онъ самъ за Мессіей.
Уходитъ къ воротамъ, желая увидѣть,
И слышать съ восторгомъ страдальческій голосъ. —

О, муза Сіона, настрой свою лиру,
Одни чтобы грустные звуки лилися;
Могла чтобы вторить она заунывно
Печальной и тренетной пѣсни поэта,
Который дерзаетъ воспѣть бичеванье,
Терновый вѣнецъ, багряницу и трость. —

Вокругъ Іисуса теперь собралися
Презрѣнные, злобные люди и стража;
Они съ Него сняли поспѣшно одежду.

Такъ вихрь обнажаетъ роскошную пальму
Въ пустынь глухой, гдѣ источника нѣтъ,
Куда такъ стремился проходій усталый.

Они привязали Мессію къ столбу,
Съ неистовой злобой Его бичевали;
Струилась ручьями священная кровь. —

Ты видѣлъ все это Элоа съ небесъ!
И быстрымъ полетомъ спустился на землю.

Потомъ въ багряницу одѣли они,
И трость ему въ правую руку вложили.
Надѣли терновый вѣнецъ на голову...
Закапала кровь изъ подъ колкаго тернья. —

Ты высшій, безсмертный Архангелъ Элоа,
Молился какъ смертный во прахѣ Ему. —

Потомъ... но изъ рукъ моихъ падаетъ арфа,
Не въ силахъ воспѣть я страданій тѣхъ страшныхъ,
Которымъ подвергся Предвѣчный Сынъ Божій. —

Увидѣлъ Пилать все страданья Мессіи,
И снова рѣшился въ толпѣ возбудить
Къ Нему состраданье, которое онъ
Невольно почувствовалъ въ сердцѣ своемъ.
Велѣлъ Иисусу идти за собою,
И вышелъ къ народу опять на Гавваѳу.
За нимъ утомленный страданьемъ Мессія
Шагами неровными медленно шель.

Пилать обратился къ народу опять:
— Я къ вамъ его вывелъ, Израиля дѣти,
И снова торжественно вамъ повторяю:
Невиненъ онъ; смертью не можетъ погибнуть!
Мессія къ собранію ближе подходитъ
Въ терновомъ вѣницѣ и багряной одеждѣ.

Тогда съ состраданьемъ Понтійскій вскричалъ:
— Смотрите, смотрите, вы: Се человѣкъ!

• Когда обращался къ народу Пилать,
Спаситель далъ Ангеламъ всемъ повелѣнье
Божественнымъ взоромъ понятнымъ для нихъ,
(Онъ тронутъ былъ горестью Учениковъ,
А также и скорбью всехъ избранныхъ Имъ),
Чтобъ дать утѣшенье небесное всемъ,

Спокойствіе духа въ несчастіи ихъ:
— Когда на крестѣ истекать буду кровью,

Умру и съ уснувшими буду въ могилѣ,
Дадите вы, Ангелы, имъ утѣшенье. —

И думаетъ снова Понтійскій смягчить
Волненіе желчи и злобы народной,
Но видитъ все тоже безчувствіе ихъ,
Кричатъ какъ безумцы: Да будетъ онъ распятъ!

Имъ громко и гнѣвно отвѣтилъ Пилать:
— Возмите-же сами, распните его, —
А я нахожу его чистымъ, невиннымъ! —

Сказавъ это, быстро уходитъ Понтійскій,
Поспѣшно за нимъ Каіафа идетъ,
И скоро настигнувъ, ему говоритъ:
— Законъ нашъ изрекъ ужъ надъ нимъ приговоръ,
Поэтому долженъ онъ смерти быть преданъ, —
Онъ Божіимъ Сыномъ себя называетъ.

Трепещетъ невольно язычникъ Пилать
При имени Сына великихъ Боговъ,
И онъ возвратился въ преторію снова,
И тамъ съ безпокойствомъ спросилъ Іисуса:

— Скажи мнѣ, откуда и кто ты такой?
Но міра Спаситель безмолвно стоялъ. —
— Ужели и мнѣ ты отвѣтить не хочешь?
Какъ будто не знаешь всей власти моей,
Тебя умертвить и простить я могу. —

На то отвѣчалъ ему кротко Спаситель:
— Не могъ-бы ты власти имѣть никакой,
Когда-бъ не назначено было то свыше.
Поэтому больше виновны другіе,
Которыми преданъ и былъ обвиненъ я. —

И снова къ собранію вышелъ Пилать.
Увидѣвъ Пилата, толпа догадалась
Зачѣмъ онъ выходитъ и громко кричала:
— О, если отпустишь, Понтійскій, его,
То другомъ не будешь ты Кесарю Рима,

А тотъ, Кто царемъ называетъ себя,
Тотъ противу Кесаря власти идетъ. —

Не смѣя противиться больше народу,
Пилать лишь насмѣшкой толпѣ отвѣчалъ,
И съ страхомъ невольнымъ ушелъ во дворецъ.
Толпа окружила тогда Иисуса,
На смерть съ торжествомъ повлекла Его дальше.

ПѢСНЬ VIII.

Пѣвца Іеговы, который святѣй всѣхъ,
Ты видѣла тамъ на Сіонѣ, о, муза,
И чудныя пѣсни его понимала,
Когда наставляемый духомъ святымъ,
Того воспѣвалъ Онъ, — Кто міра Судьею
Оставленъ былъ въ страшный моментъ Его смерти.
Тогда воспѣвалъ онъ изъ смертныхъ Того,
Кто такъ недоступно и святъ, и великъ. —

Наставь меня снова, о, муза Сіона!
Ты сущность небесную мнѣ открывала!
Сопутствуй избранника ты своего
Черезъ сумракъ глубокій, которымъ объять
Божественный крестъ и Распятый на немъ.
Весь ужасъ святыни меня потрясаетъ. —
Хочу созерцать я — какъ Онъ умираетъ,
Увидѣть погасшіе взоры Его,
На блѣдныхъ ланитахъ ужасную смерть,
И смерть въ этихъ дивныхъ, божественныхъ язвахъ.
Увидѣть тебя, Искушенія кровь! —
Боролся Онъ съ смертью и трепетъ предсмертный
Священное тѣло Его потрясалъ;
Потомъ приклонилась Его голова, —
Облитый весь кровью, склонился Онъ тихо
Безсмертной главою въ глубокую ночь.
И умеръ Господь воплощенный потомъ! —
Отъ трона Зиждителя міра летѣлъ,

Спускаясь на землю, Архангель Элоа ;
 Онъ несли такъ быстро по мрачному небу,
 Что было безсмертнымъ почти невозможно
 Слѣдить за полетомъ избранника Божья, —
 Небесный вѣнецъ былъ въ рукѣ его лѣвой,
 А въ правой держалъ правосудья трубу.
 Труба загремѣла въ безсмертныхъ устахъ,
 Въ теченіи стройномъ ей вторятъ міры,
 Избранникъ Предвѣчнаго громко зывалъ
 Чрезъ всю безпредѣльность великаго неба :
 — О, вы, торжествуйте и радуйтесь всѣ!
 Заря благодатная вышлага дня,
 Субботы союза, пусть свѣтъ твой отрадный
 Чрезъ солнца до трона Судьи разольется!
 Торжественный часъ Искушенья насталь.
 О, радуйтесь всѣ! Небеса торжествуйте.
 Часъ ночи глубокой уже наступилъ,
 Ведетъ на закланье онъ жертву святую!

Внимало священному голосу небо,
 Но быстро пронесся онъ дальше въ пространство,
 И тамъ надъ Голгоѳой нариль Херувимъ.
 Кругомъ его быстро слетѣлись, сіяя,
 Хранители свѣтлыя міра земнаго.
 Ихъ ближе къ себѣ подозвалъ Серафимъ.
 Составили всѣ они кругъ лучезарный,
 И вышелъ Архангель Элоа изъ круга,
 Спустился торжественно онъ на Голгоѳу,
 И сталъ на высокой вершинѣ горы.
 Съ молитвой глубокой склонился три раза
 Главою безсмертной на горной вершинѣ,
 Поднялся и руки простеръ надъ Голгоѳой,
 Смотря на Мессію идущаго тихо,
 И вся Іудея Христа провожала.
 Выходилъ на Голгоѳу Онъ медленнымъ шагомъ,
 И несъ Искушитель грѣхи всего міра.
 Такъ видѣлъ Мессію Архангель Элоа,

И руку поднявъ надъ горою, сказалъ:

— Услыши, о, небо, меня, — торжествуй!

Внимай, о, подземный мнѣ адъ, — и дрожи!

Во имя Его — Примирителя Бога,

Во имя пролившейся крови Того,

Кто свѣтомъ божественнымъ, грѣшниковъ души

Освѣтитъ внезапно, отъ грѣхъ искупивъ, —

Тебя избираю, святая гора,

Я мѣстомъ для смерти Предвѣчнаго Сына,

И святъ Онъ, трикраты да будетъ Тотъ святъ,

Кто былъ и Кто есть, и Кто будетъ во вѣки!

И такъ посвящаетъ Голгоу Элоа.

И вдругъ помрачился безсмертнаго блескъ,

Такъ былъ удивленъ Серафимъ созерцаньемъ.

Не въ силахъ былъ больше молчанье хранить,

Склонился онъ тихо предъ тѣмъ человѣкомъ,

Который тяжелый Свой крестъ возносилъ.

И видитъ креста колебанье Архангелъ,

Съ молитвою падаетъ ницъ передъ нимъ: —

— О, Ты, восходящій на жертвенникъ свѣтлый,

Чтобъ дивною смертию на немъ умереть!

Ты, другъ человѣчества, Ты и Создатель!

Отъ рода людскаго родившійся Сынъ,

Зарытый въ могилу! Дитя Виолеема!

Ты плакалъ, а мы прославляли Тебя!

Теперь до Голгофы Ты даже спустился.

Безмолвно, глубоко къ Тебѣ удивленье!

И пѣсни восторга не слышатся больше.

О, Сынъ, и Сынъ Божій! и сынъ Ты рожденныхъ.

Не созданный Ты, какъ все создано было.

Тебя не воспѣлъ ни одинъ изъ конечныхъ,

О, Ты! Совершитель великихъ дѣяній,

Всего необъятнаго, лучшаго въ мірѣ,

Что полно величья и истинной славы!

Достойный моленья, Господь воплощенный,

Сопедшій на землю, чтобъ ей возвратить

Ея первобытную всю непорочность,
 — И смертью, чтобъ вѣчную смерть побѣдить!
 О, Ты! Правосудный Судья всего міра!
 Иль какъ называютъ Тебя Твои люди,
 Ты агнецъ, явившійся самъ на закланье!
 Услышь и прими-же моленье мое,
 Услыши Ты голосъ конечнаго духа,
 Который усердно взываетъ изъ праха,
 Гдѣ скоро пролиться должна Твоя кровь!
 Когда вдругъ погаснетъ въ глазахъ Твоихъ свѣтъ,
 И смертная блѣдность покроетъ Тебя,
 Божественный, Самъ Себя въ жертву Принесшій, —
 Тогда содрогнутся всѣ силы небесъ,
 И мракомъ глубокимъ покроется небо.
 Одинъ Іегова, одинъ только Онъ,
 Умершаго будетъ тогда созерцать! —
 Меня подкрѣпи Ты въ то время Спаситель,
 Изъ мрака трепещущей ночи глубокой,
 Въ которую жизнь погрузится Твоя.
 Меня подкрѣпи, чтобы нѣдра земныя
 Не сдѣлались вѣчной гробницей моею.
 Когда предо мною, едва лишь мерцаая,
 Кружиться начнетъ сотворенное все,
 И какъ-бы глубоко мой взоръ не затмился,
 Дозволь умирающимъ видѣть Тебя!
 Смерть Вѣчнаго Сына! ты ближе подходишь!
 Отъ перваго бывшаго смертнаго здѣсь,
 До самыхъ послѣднихъ потомковъ Адама,
 Которыхъ въ младенчествѣ жизни земной
 Застанутъ трубы пробуждающей звуки,
 Заставивъ дыханіе ихъ испустить, —
 Ты всѣхъ примиришь и искупишь ихъ всѣхъ.
 Когда — какъ Творецъ Ты появишься снова
 Промолвивъ могучее слово — Свершилось!
 О, Вѣчнаго Сына великая смерть,
 И кровь принесеннаго въ жертву святая!

Привѣтъ мой и слава да будетъ тебѣ!
 Привѣтъ мой отъ смерти душамъ искупленнымъ.
 Онѣ приближаются, шествуя тихо,
 И радости крики ихъ громко звучатъ.
 Свѣтла ихъ одежда обмытая кровью
 Умершаго ради ихъ плотью святою.

Потомъ поднимается снова Элоа,
 Хранителямъ міра земнаго велѣлъ онъ,
 Вдали отъ Голгоѣ святой размѣститься.
 На низко спустившемся облакѣ свѣтломъ
 Одни собрались и покрыли приговоркъ,
 Другіе надъ кедрами тихо летаютъ.
 Иные съ глубокою думою ходятъ
 По самой вершинѣ священной Голгоѣ.
 А самъ онъ надъ куполомъ храма стоитъ,
 Несмѣтные сонмы кругомъ созерцаѣ; —
 Свершителей высшаго промысла Божья
 И Ангеловъ смерти и Божья суда,
 Хранителей цѣлаго рода людскаго,
 Хранителей будущихъ всѣхъ христіанъ,
 Которые первые будутъ страдать
 И будутъ замучены всѣ Его ради.

Въ то время летѣлъ Серафимъ Гавріиль,
 Мессією посланный въ солнечный міръ,
 Серебряннымъ звукомъ полетъ его быстрый
 Далеко въ пространствѣ міровъ раздавался,
 Въ величьи спустился къ лучистому храму
 Спасителей вѣстникъ и всѣмъ патріархамъ
 Торжественно волю Христа возвѣстилъ:
 — Приблизтесь, о, праотцы рода людскаго,
 Взгляните отъ сюда, отцы, на Него!
 (Дрожащей рукой показавъ имъ Архангелъ)
 Вотъ грѣшниковъ всѣхъ Искупитель идетъ,
 Несетъ на вершину Голгоѣ Свой крестъ,
 На этой горѣ Его смерть совершится, —
 А дальше, вы видите вышую гору,

Двуглавою вершиною своею она
 Вздыхается гордо подъ куполь небесный, —
 Тамъ первый надъ Нимъ совершился судъ Божій.
 Отъ сюда вы можете видѣть Мессію,
 Когда будетъ литься священная кровь
 За васъ, за дѣтей и за все поколѣнье,
 Которыхъ рожденіе еще не создало. —
 Идетъ Онъ, спѣшитъ и испунитъ васъ всѣхъ.

Съ безмолвною скорбью и тихимъ блаженствомъ
 Летятъ съ Гавріиломъ всѣхъ праотцевъ души,
 Такъ быстро, что самая мысль человѣка,
 Когда онъ съ молитвой стремится къ Творцу,
 Не такъ скоротечно полетъ совершаетъ,
 Пока отъ планеты къ планетѣ летая,
 Доходитъ до высшаго трона Господня.
 Блестящее воинство велъ Гавріиль;
 Воздушной стопою ступили они
 На высшую точку Масличной горы.
 И первый ступилъ прародитель Адамъ.
 Упалъ онъ на землю и, крѣпко цѣлуя,
 Съ слезами восторга къ ней тихо зоветъ:
 — О, родина милая, почва святая,
 Опять я съ тобою, опять тебя вижу!
 Съ тѣхъ поръ, какъ за много столѣтій назадъ
 Ты въ нѣдра свои приняла мои кости,
 Въ тотъ вечеръ ужасный, исполненный смерти,
 Ты въ тихое лоно обратно взяла,
 Родимая мать, мое тѣло земное.
 Съ тѣхъ поръ я на почвѣ твоей не стоялъ,
 На нивахъ исполненныхъ тлѣнья и смерти.
 Привѣтъ мой тебѣ, благодатная почва,
 И вамъ, всѣхъ умершихъ истлѣвшихъ кости.
 Вы встанете скоро, о, дѣти мои,
 Воскреснете все вы, потомки Адама,
 Ты, часъ благодатный, скорѣй приближайся!
 Ты радостью будь мнѣ, и будь торжествомъ.

Очистишь ты землю отъ Божья проклятья,
И благословеніемъ прахъ ея милый
Того освятишься, Кто кровью истекъ,
Ему Аллилуіа! Слава Ему!

Идетъ Онъ, идетъ Онъ, отъ праха рожденный,
И къ смерти все ближе Святѣйшій подходитъ.

Небесною грустью и тихимъ блаженствомъ
Наполнилось сердце Адама невольно.

Онъ долго стоялъ въ созерцаньи нѣмомъ. —

Въ то время Элоа надъ храмомъ стоялъ

И видѣлъ летѣвшіе, свѣтлые сонмы;

Но вдругъ обратилъ свои взоры и видитъ,

Что тамъ, высоко, надъ крестомъ, въ облакахъ

Летитъ Сатана и съ нимъ Адрамелехъ.

На лицахъ ихъ радости дикой восторгъ:

Одинъ торжествуетъ, что дѣло исполнилъ,

Онъ радъ совершенному имъ злодѣянью, —

Но оба-же вмѣстѣ ликуютъ они,

Мечтая о будущихъ въ мірѣ злодѣйствахъ.

Полетомъ широкимъ, мятежные духи,

Какъ будто-бы мѣряютъ высшіе своды

Земли, совершавшей теченье свое.

Въ величіи дивномъ поднялся Элоа

И къ грѣшникамъ вѣчнымъ понесся на встрѣчу.

Летѣлъ Херувимъ, ополченный страстями,

И гнѣвомъ всесильнымъ Зиждителя міра. —

Мгновенно дыханіе тихое вѣтра

Кругомъ его сдѣлалось страшною бурей,

И равенъ въ то время полетъ его былъ

Тяжелому шествію полчищъ великихъ,

Которыя горы собой потрясають.

Блистая, безсмертный далеко звучалъ.

Мятежники слышатъ и видятъ его,

И тщетно стараются скрыть удивленье,

И оба стоятъ неподвижны и мрачны,

Какъ черныя скалы подземнаго ада.

Какъ молнія ринулся вдругъ Серафимъ,
 Предсталъ предъ погибшими, грозно воззвавъ:
 — Бѣгите отсюда, исчезните оба,
 Которыхъ по имени адъ называетъ.
 Жилище вы видите вышихъ безсмертныхъ,
 Собой не мрачите святыя мѣста,
 Пока простирается блескъ лучезарный
 Обители свѣтлой блаженныхъ духовъ,
 Смотрѣть возмутительнымъ взглядомъ не смѣйте,
 Въ заоблачной выси не смѣйте носиться,
 И ползать во прахѣ земномъ не дерзайте! —

Такъ далъ повелѣнье свое Серафимъ. —
 Какъ черною массой двѣ грозныя тучи,
 Спускаясь надъ Альпами ниже и ниже,
 Готовы грозой разразиться надъ ними,
 Пока не развѣетъ ихъ сильная буря,
 Такъ вдругъ, ополчившись гордыней, стоятъ
 Мятежники противъ Архангела свѣта, —
 Готовясь отвѣтить, и низкая злоба,
 И дерзкая мстительность въ огненныхъ взорахъ,
 И въ лицахъ уродливыхъ ихъ отражалась. —
 Но взглядъ повелительный бросилъ Элоа:
 — Умолкните мрачные! мчитесь отсюда,
 Чтобъ я не возсталъ на васъ силой побѣды,
 Которую далъ мнѣ Творецъ — Іегова.
 Тогда этой сильной, разящей рукою,
 Карающій громъ мой, какъ прахъ васъ заброситъ
 Далѣко и въ мракъ развѣетъ ничтожныхъ.
 Отъ имени Сына Адама пришелъ я,
 Идетъ Онъ — смотрите порочные духи —
 Смиренно божественный крестъ Свой несетъ
 Во имя Его — Побѣдителя ада...
 Бѣгите! исчезните, адскіе духи! —

И быстро помчались властители бездны,
 Мрачнѣй и угрюмѣе ночи подземной. —
 Проклятье и ужасъ ихъ гнали далеко

Изъ области свѣта, чрезъ мрачный Гоморъ,
 До страшной пучины водъ мертваго моря. —
 Всѣ Ангелы видѣли бѣгство погибшихъ.
 Въ величїи дивномъ назадъ возвратился
 Элоа, на куполь великаго храма. —

До смертной горы Икупитель дошелъ,
 И тамъ близъ подошвы трудомъ утомленный,
 Подъ ношей тяжелой едва могъ ступать.
 Толпа кровожадная бросилась съ злобой
 На шедшаго странника мимо Голгоѣы.
 Его принуждая взнести на вершину
 Божественный крестъ Икупителя міра.
 Въ толпѣ, провожавшей на смерть Иисуса,
 Проснулось невольно къ Нему состраданье,
 И плакали горько иные объ Немъ.
 Другіе не зная Его сожальѣли.

Услышалъ Мессїа ихъ воли и стоны,
 И къ нимъ обращаясь, Онъ кротко сказалъ:
 — Что плачете, дщери Іерусалима?
 Не лейте горячихъ вы слезъ обо мнѣ!
 Но плачьте вы сами теперь о себѣ,
 И плачьте о дѣтихъ погибшихъ своихъ.
 Подходятъ дни страшные, съ скорбью глубокой
 Тогда вы воскликните, громко рыдая:
 „Блаженны и свѣты безплодныя жены!
 Еще не рождавшія чрева блаженны!
 Еще не питавшія груди блаженны!“
 И скажете вы, обращаясь къ горамъ:
 „Обрушьте, о горы, и насъ подавите!“
 Къ холмамъ: „о, прикройте собою всѣхъ насъ!“
 О, если со мной совершается это,
 Что-жъ станетъ съ грѣшными всѣми людьми. —

Спаситель взшелъ на вершину Голгоѣы.
 Съ молитвою взоръ устремилъ къ Всеблагому.
 И воины крестъ съ Него сняли тяжелый,
 Его среди мертвыхъ костей водрузили.

Поднялся божественный крестъ къ небесамъ. —
 Едва лишь мерцаетъ торжественный день,
 И тысячи самыхъ мельчайшихъ созданій,
 Кружатся съ восторгомъ въ живомъ лабиринтѣ
 Воздушнаго міра, такъ полного жизнью,
 Однако, еще лишь мгновенье одно —
 И вдругъ начинается въ нѣдрахъ земли
 Слегка колебаться, потомъ трепетать.
 Надъ самой поверхностью почвы земной
 Завылъ ураганъ, и крутить и реветъ онъ
 Въ ущельяхъ утесовъ глубокихъ и мрачныхъ,
 Качаетъ онъ крестъ на Голгоѣ священной.
 Господь воплощенный стоялъ близъ креста,
 И видитъ Адамъ Искупителя міра.
 Не въ силахъ онъ больше собою владѣть;
 Пылаютъ небеснымъ огнемъ его щеки;
 Онъ съ трепетомъ руки простеръ и спѣшитъ
 Къ подножью горы и тамъ падаетъ ницъ.
 Когда распростертый лежалъ прародитель,
 Въ глазахъ его пламя небесъ загорѣлось,
 И смертнымъ онъ не былъ ужъ съ этой минуты,
 Постигнувъ блаженство рыдалъ онъ и плакалъ.
 И вдругъ переполнилось сердце его
 Блаженствомъ той жизни небесной и вѣчной.
 И чувства сердечной, святой полноты
 Теперь изливаются голосомъ звучнымъ:
 И молится праотецъ рода людскаго. —
 Весь кругъ лучезарный Хранителей міра
 Внимаетъ молитву творившаго голосъ.
 Взглянувъ на Голгоѣ, онъ началъ свой гимнъ:
 — Не можетъ, о, нѣтъ! ни одинъ Серафимъ
 Не можетъ достойное дать Тебѣ имя!
 Безсмертные плачутъ, когда размышляютъ
 О дивной любви къ человѣку Твоей.
 И тысячи тысячъ, величія полныхъ,
 Названія даютъ ей съ молитвою теплою.

Ахъ! съ ними молиться и плакать я буду,
 И буду я Сыномъ своимъ называть
 Тебя Іисусъ, о, мой Сынъ драгоцѣнный!
 О, Сынъ мой, куда обратиться могу?
 Гдѣ буду душевной я силы просить,
 Чтобъ могъ эту страшную скорбь перенести?
 О, Сынъ мой возлюбленный! Сынъ мой, Христосъ!
 Взгляните вы, бывшіе прежде меня;
 Но прежде Его, вы всѣ, быть не могли,
 Взгляните сюда вы, вотъ Сынъ мой, Онъ здѣсь!
 Я благословляю тебя, о, земля,
 И прахъ, изъ котораго созданъ я былъ!
 О, вѣчности радость, блаженство небесъ,
 Желанья безсмертнаго ты исполняешь!
 Глубокая дума, о, мысль неземная,
 Высокая мысль Іегова Твоя;
 Ты все сотворилъ, сотворилъ и Адама,
 Изъ праха земнаго Ты вызвалъ его
 Затѣмъ, чтобы Вѣчнаго былъ онъ отцомъ!
 Умолкни великій, безсмертный мой духъ;
 Проникни блаженства ты этого глубь.
 О, что-жъ за мгновенья, которыя долженъ
 Душею безсмертной теперь пережить,
 Скажите мнѣ свѣтлые жители неба?
 Великъ и божествененъ каждый здѣсь мигъ,
 И цѣлыя вѣчности тихаго мира
 Уносить мгновенье на крыльяхъ своихъ.
 Адамъ проживать будетъ вѣчности эти.
 Исчезло мгновенье, — настало другое; —
 Все ближе подходитъ великій моментъ.
 О, дайте мнѣ голосъ вашъ жители неба,
 Чтобъ могъ я воззвать черезъ все мірозданье:
 Смотрите, вотъ жертва святая стоитъ
 Подъ тѣнью глубокой, ужасною смерти.
 Вставай-же изъ праха, о, родъ человѣка,
 Слезами высокой молитвы украсься.

Стоить надъ открытой могилой Святѣйшій.
 О, милыя дѣти, потомки мои,
 Вы нѣжно любимы! Онъ васъ искупилъ,
 Идите всѣ дѣти Адама къ Нему,
 И всѣ, кто живетъ во дворцахъ величавыхъ,
 Сложите короны, стремитесь къ Нему.
 Живущіе въ хижинахъ, бросьте скорѣй ихъ,
 Идите къ Нему; но мой любящій голосъ
 Не слышенъ живущими тамъ на землѣ,
 Не слышенъ онъ тѣмъ, кто въ нѣдрахъ могилы,
 Безъ жизни лежитъ до момента суда.
 Но Ты! Приносящій на жертву Себя,
 О, Ты! Состраданія полный страдалецъ!
 О, Ты! Милосердый во вѣки вѣковъ,
 Ты всѣхъ созовешь ихъ, Ты это исполнишь!
 Мнѣ въ душу запала тяжелая скорбь,
 Все ближе и ближе подходит Онъ къ смерти,
 Меня подкрѣпи-же конечнаго Ты,
 И перваго грѣшника Ты подкрѣпи,
 Который изъ первыхъ узналъ разрушеніе.
 О, Ты! Правосудный Судья, Іегова,
 Его Ты оставилъ въ часъ смерти тяжелый.
 Меня подкрѣпи Ты Судья всего міра. —

Молился такъ праотецъ всѣхъ человѣковъ.
 Межъ тѣмъ ко кресту приближался Тотъ ближе,
 Чье славится имя во вѣкъ небесами,
 И руку Онъ поднялъ, къ челу приложилъ,
 Потомъ преклонившись, сказалъ Онъ Отцу,
 Чего не слыхалъ ни одинъ Серафимъ,
 Не понялъ изъ созданныхъ также никто,
 Но съ высаго трона отвѣтилъ Егова...
 Отвѣтъ этотъ звукомъ пронесся ужаснымъ,
 Раздался глубоко въ Святая-святыхъ,
 И тронъ Судіи задрожалъ въ небесахъ. —
 Приблизилась стража къ Спасителю міра.
 Съ далеко раздавшимся шумомъ вступили

Міры въ безконечномъ теченіи своемъ,
 Въ предѣлы обширнаго круговращенья,
 Оттуда о смерти чтобъ всѣмъ возвѣститъ,
 О смерти Мессіи — Спасителя міра.
 И тамъ неподвижно вдругъ стали міры,
 И тихо ихъ полюсы всѣ прогремѣли,
 Затихли они. Въ онѣмѣньи стоитъ
 Вся цѣпь мірозданья. Не слышно ни звука,
 Лишь отблескъ всего сотвореннаго Богомъ
 Показывалъ небу часъ жертвы великой. —
 Безмолвно и тихо стоялъ ты, міръ грѣшный,
 Была неподвижна съ тобою гробница
 Того, Кто страдалъ за твои заблужденья.
 Смотрѣли безсмертные Ангелы неба,
 И Самъ Іегова взиралъ на все это,
 Рукою поддерживалъ міръ Онъ земной,
 Готовый отъ страха обрушиться весь,
 И съ выси небесной смотрѣлъ Іегова
 На Сына Предвѣчнаго — Бога Мессію —
 И видѣлъ какъ люди Его распинали. —

Безсмертна ты также душа, какъ и всѣ,
 Которыя зрѣли священные язвы, —
 Настанетъ минута, и ты ихъ увидишь,
 Склонись-же съ молитвой къ подножью креста,
 Печалью глубокой душа омрачись,
 Пока возвратится трепещущій голосъ. —

Лежала какъ будто на всемъ сотворенномъ
 Всесильная смерть, вся природа молчала,
 Покоилось тлѣнье въ затихшихъ мірахъ,
 Въ молчаніи мертвомъ Тебя созерцали
 Торжественно, тихо всѣ Ангелы свѣта
 И души отцовъ. О, Распятый Господь!
 Безсмертная жизнь Его въ эту минуту
 Боролась съ тяжелой, ужасною смертью.
 И первыя капли закалили крови.
 И Ангеловъ горестъ въ словахъ излилася,

Послышались гимны молитвы опять,
 И снова взглянул на Мессію Элоа,
 Потомъ онъ поднялся въ величій дивномъ,
 Въ которомъ не видѣлъ еще ни одинъ,
 И даже безсмертный его въ небесахъ.
 И къ небу понесся такъ быстро Архангелъ,
 Какъ свѣта небеснаго лучъ пролетаетъ
 Чрезъ круговращенье міровъ сотворенныхъ.

И громко онъ къ вышему небу зывалъ:

Священная кровь Его льется теперь!

И въ неизмѣримую глубь Онъ спустился,
 Онъ также торжественно въ ней возвѣстилъ:

Священная кровь Его льется теперь!

Потомъ съ удивленьемъ нѣмымъ возвратился
 Избранникъ Элоа на землю опять. —

Когда онъ летѣлъ черезъ все мірозданье,

Архангеловъ первыхъ стоявшихъ на солицѣ

Увидѣлъ близъ свѣтлыхъ, святыхъ алтарей,

Торжественно гимны они воспѣвали,

И пламя, какъ утра заря, поднималось

Къ Всевышнему трону Судьи мирового.

И жертвы пылали во всемъ сотворенномъ,

Во образъ той жертвы, которая здѣсь

Была на крестѣ, обогрелая кровью.

Божествененъ видъ былъ всего мірозданья. —

Такъ нѣкогда зрѣли на высяхъ Синая,

Избранники Божьи величье Господне,

И такъ озарился съ ковчега небесъ,

Въ пустынѣ священнымъ народамъ ихъ путь.

Громовою тучею огненный столбъ,

Тогда отъ Святая-святыхъ поднимался. —

И кровью, Господь, на крестѣ истекая,

Свой взоръ обратилъ съ состраданьемъ къ народу,

Который отъ самыхъ воротъ городскихъ,

Тѣнился толпой до подножья креста,

Склонившись главою, взглянулъ Онъ на небо:

— Прости имъ, Отецъ мой, Ты, ихъ заблужденья,
Не знаютъ и сами они, что творять!

Божественный голосъ любви безпрѣдѣльной!
Съ нѣмымъ удивленьемъ взиравшіе сонмы,
Тебя провожали до трона небесъ.
Къ облитому кровью они обратились,
И видѣли смертную блѣдность Твою,
Лишь это одно недостойные взоры,
Стоявшихъ тамъ смертныхъ могли созерцать,
Но тайную Сущность Умершаго видѣть
Могли лишь одни просвѣтлѣвшія души,
Какъ жизнь Его долго боролась со смертью,
Та жизнь безъ начала, и жизнь безъ конца,
Которую-бъ смерть ни одна не могла
Безъ воли Господней во вѣкъ уничтожить,
Какъ трепеть всеильный Его потрясалъ,
И какъ, Онъ, оставленный Вѣчнымъ Отцомъ,
Распятый висѣлъ на высокомъ крестѣ.
Къ какому блаженству текла Его кровь!
Какое Спасеніе рода людскаго,
Струилось изъ язвъ Его съ этою кровью!
Какъ поднималъ Онъ взоры Свои къ небесамъ,
Покая искалъ, но и въ нихъ не нашель;
Какъ съ каждымъ протекшимъ мгновеньемъ томился
И смертью ужасною Онъ умиралъ,
Покая на мигъ лишь искалъ — не нашель. —

Но каждый безсмертный межъ тѣмъ созерцая
На нивахъ земли обновленной весну,
Исчерпывалъ жадно въ источникъ этомъ,
Отраду и вѣчную радость себѣ. —

И распяты были съ Мессією вмѣстѣ
Два страшныхъ разбойника. — Такъ положили
Рѣшеніемъ Вѣчный и Самъ Искушитель.
Чтобъ такъ былъ глубоко униженъ Онъ здѣсь.
Одинъ изъ нихъ распятъ былъ подлѣ на правой,
Другой-же на лѣвой висѣлъ сторонѣ. —

Одинъ изъ нихъ грѣшникъ ужъ былъ зачерствѣлый,
 Погрязшій въ порокахъ, ужъ старый разбойникъ.
 Къ Спасителю міра съ угрюмою желчью,
 Лице искаженное онъ обратилъ:

Не ты-ли Христомъ называешь себя?
 О, если-бы точно ты былъ таковымъ,
 Ты спасъ-бы и насъ и себя самого
 И съ древа проклятаго Богомъ ты спелъ-бы. —

Другой-же разбойникъ еще молодой,
 Былъ съ доброй душою; но былъ совращенъ
 Примѣромъ злодѣевъ его окружавшихъ,
 Забывъ свое бѣдствіе онъ обратился
 Съ упрекомъ къ висѣвшему слѣва злодѣю:

Ты близокъ ужъ къ смерти и къ Божью суду,
 Но даже теперь не боишься ты Бога!
 Хотя мы здѣсь оба страдаемъ съ тобою,
 Но эти страданья заслужены нами.
 Они намъ награда за наше злодѣйство,
 А этотъ, Онъ зла никакого не сдѣлалъ.

Потомъ, обращаясь къ Спасителю міра,
 Онъ силился ниже предъ Нимъ преклониться.
 При этомъ усиліи сдѣланномъ имъ,
 Сильнѣе изъ ранъ его кровь заструилась,
 Ни кровь, ни страданья его не пугаютъ,
 Разорванныхъ ранъ не страшится несчастный.
 Онъ, низко склонясь предъ Мессіей, сказалъ:

О, вспомни Господь мой тогда обо мнѣ,
 Когда въ Свое царство со славой придешь!

Съ улыбкой божественной, полной любви,
 Взглянулъ въ лице грѣшника міра Спаситель:
 Сегодня со мною ты будешь въ раю!

И съ благоговѣніемъ онъ принялъ слова,
 Въ которыхъ скрывалась вѣчная жизнь.
 И ихъ онъ прочувствовалъ сердцемъ вполне.
 Прониклась душа его свѣтомъ блаженства,
 Дрожало отъ счастья все тѣло его,

Онъ съ этой минуты прикованъ былъ взоромъ
 Къ Ходатаю міра. — Смотрѣлъ со слезами
 На друга всего человѣчества онъ.
 Въ себѣ онъ почувствовалъ вѣчную жизнь,
 И тихо въ душѣ разсуждаетъ съ собою:
 — О, кто-же ты былъ? И кѣмъ сталъ ты теперь?
 Сначала то бѣдствіе? Послѣ блаженство!
 Тотъ трепеть! Потомъ это сладкое чувство!
 Но что-же свершилось со мною, и кто я?
 И кто этотъ мужъ на крестѣ близъ меня?
 Не праведникъ-ли и святой человѣкъ?
 О, нѣтъ-же, Онъ выше всѣхъ смертныхъ людей,
 Отца Онъ Предвѣчнаго Сынъ нерожденный!
 Ниспосланный Богомъ на землю Мессія!
 Велико и славно тамъ царство Его,
 Далеко отъ міра земнаго оно;
 Такъ вотъ-же кто Онъ, о, вы Ангелы свѣта!
 Но какъ-же унизилъ Себя Онъ здѣсь смертию,
 Унижился болѣе Онъ до меня. —
 Господь какъ-бы снова меня сотворилъ
 Теперь, когда близокъ я былъ такъ къ могилѣ,
 Возсоздалъ для жизни Онъ снова меня,
 О будь-же во вѣки прославленъ Ты мною,
 Хотя и постигнуть Тебя я не въ силахъ,
 Божествененъ Ты и всѣхъ Ангеловъ выше,
 Не могъ-бы и Ангелъ меня возсоздать,
 Ни душу такъ къ Богу возвысить мою;
 Божествененъ Ты, и на вѣки я Твой! —

Такъ думалъ онъ полный нѣмага восторга,
 И смотреть на небо, и смотреть на землю,
 И все такъ отрадно ему улыбалось,
 Спокойствіе Божье его осѣнило. —

Мессія даетъ повелѣніе знакомъ
 Стоявшему въ кругѣ вдали Серафиму,
 Несется безсмертный изъ свѣтлаго круга,
 Который сіялъ надъ священной Голгоѳой.

И сталъ у подножья креста онъ, внимая
Велѣнью Страдавшаго плотью за грѣшныхъ:
— Архангелъ! ко мнѣ принесешь ты со славой,
Спасеннаго душу, когда онъ умретъ. —

И снова Архангелъ на мѣсто вернулся,
Въ тотъ кругъ лучезарный Хранителей міра.
Могучій то былъ Серафимъ Абдіиль,
Стоявшій на стражѣ близъ мрачнаго ада.
Теперь-же по волѣ Всесильнаго Бога,
Онъ призванъ, чтобъ Ангеломъ смерти быть здѣсь.
И быстро слетѣлись другіе къ нему,
Желая велѣнья Мессіи узнать,
И имъ отвѣчалъ Серафимъ Абдіиль:

Съ восторгомъ я выслушалъ высшую волю,
Господь Искупитель велѣлъ принести
По смерти спасеннаго грѣшника душу,
Чѣмъ больше стараюсь я мысль ту понять
Тѣмъ больше мой духъ проникается ею,
И тѣмъ еще больше вкушаю блаженства —
Спасеннаго грѣшника душу принести,
Спасеннаго въ этотъ великій-же часъ,
Когда еще жертва за родъ человѣка
Дымится священной, горячею кровью,
Омытая кровью божественной Сына,
Душа эта стала чиста и свѣтла,
И я, возрожденную къ вѣчности душу,
Къ Нему, Искупителю долженъ вознести!
Хранители, радуйтесь вмѣстѣ со мною!
Блаженству, которое далъ мнѣ Мессія!

Въ пространствѣ такъ голосъ звучалъ Серафима.

Давно ужъ стоялъ Уріиль на вершинѣ
Блестящаго солнца, котораго онъ
Хранителемъ былъ, ожидая минуты,
Чтобъ волю Всевышняго быстро исполнить.
Теперь предназначенный срокъ наступилъ,
По свѣтлому небу понесся Хранитель,

Какъ лучъ онъ денницы летѣлъ въ высоту жидъ эя
 Къ планетѣ, куда былъ Создателемъ посланъ,
 Чтобъ къ солнцу поближе ее подвести,
 Твоя, чтобъ кровавая смерть, Искупитель,
 Подъ самой мрачнѣйшей завѣсою скрылась. —
 Коснулся Архангелъ до сферы планеты,
 Къ которой былъ посланъ Создателя волей. —
 На этой планетѣ хранятся тѣ души,
 Которыя прежде чѣмъ ихъ посылають
 Въ великую жизнь испытанья и смерти,
 Спокойно витають въ пространствѣ ея. —
 Сіяющимъ взоромъ взглянулъ Уріиль
 На души грядущаго рода людскаго;
 Названьемъ безсмертнымъ планету назвавъ,
 Онъ ей сообщилъ повелѣніе Божье:

Кто вызвалъ изъ мрака тебя Адамида,
 И бросивъ тебя Всемогущей рукою
 Въ громадную цѣпь мірозданья всего,
 Назначилъ и круговращеніе тебѣ,
 Тотъ Самъ повелѣлъ, чтобы ты отдалилась
 Отъ круговращенія къ солнцу поближе,
 И, солнцу собою завѣсу устройвъ,
 Теченіе по прежнему тамъ совершала. —

Услышало небо велѣнія голосъ,
 Когда онъ раздался въ горахъ Адамиды,
 Всѣ полюсы съ громомъ ея облетѣлъ,
 Послышался шумъ на утихшихъ мірахъ.
 Когда понеслась съ быстротою планетой
 И съ грозными тучами, съ страшною бурей,
 Съ бушующимъ моремъ, съ горами своими,
 По волѣ Создателя въ высшую сферу,
 Стоялъ Уріиль на стѣнѣ Адамиды,
 Но шума не слышалъ, — такъ былъ погруженъ
 Въ глубокую думу, смотря на Голгоѳу. —
 И съ громомъ бѣгущая мчалась планета,
 И вотъ во владѣннѣхъ твоихъ она, солнце,

Все ближе и ближе подходить къ тебѣ.
 И вдругъ съ изумленьемъ нежившія души
 Увидѣли новое солнце вблизи,
 Всѣ стали на быстро несущихся тучахъ,
 И солнца достигла теперь Адамида,
 Движеніе свое уже тамъ совершася.
 И медленно движется противу солнца,
 Лучи его свѣтлые жадно вдыхая,
 Земля-же затихла подъ сумрачнымъ кровомъ,
 Темнѣй и темнѣй становилась все ночь,
 Все тише и тише волненіе земное,
 И съ отблескомъ блѣднымъ бродили тамъ тѣни,
 Носились надъ нею ужасныя тѣни, —
 Умчались затихнувъ небесныя птицы
 Въ пустыя, далекія страны земли,
 Съ испугомъ уползъ и ничтожный червякъ,
 И въ норы глубокія спрятались звѣри.
 И тихое вѣтра дыханье замолкло,
 И мертвая тишь на землѣ воцарилась.
 Со вздохомъ тяжелымъ и самъ человѣкъ
 Смотрѣлъ все на небо; а ночь все темнѣла,
 Близъ солнца недвижно стояла планета,
 Она погасила какъ будто-бы солнце. —
 Ужасною ночью покрылись долины;
 Тиха, неподвижна стояла земля. —

Во мракѣ глубокомъ висѣлъ на крестѣ
 Страдая Спаситель и съ смертью боролся,
 Земля-же лежала въ своемъ онѣмѣньи. —
 Съ испуга не можетъ такъ другъ онѣмѣть
 При видѣ могилы любимого друга,
 Не можетъ и путникъ задуматься такъ
 Бездушнаго мрамора видя валянье,
 Въ которомъ черты патріота онъ видитъ.

Какъ тѣло безъ жизни, висѣлъ Іисусъ,
 И не были видны страданія слезы,
 Но вдругъ Онъ почувствовалъ острую боль,

Она потрясаетъ все тѣло Его. —
 Такъ точно спокойно лежала земля,
 И вдругъ потряслася въ своемъ основаньи,
 И съ ней содрогнулась Голгоѳа святая,
 До самой вершины честнаго креста.
 Открылись и язвы Спасителя міра
 И вѣчная жизнь истекала изъ нихъ. —
 Покрыла Голгоѳу ужасная ночь,
 И храмъ, и окрестности Ерусалима. —
 Померкшимъ и блѣднымъ свой блескъ лучезарный
 Какъ будто бы въ сумракѣ Ангелы видять. —
 А кровь Искупителя все истекала. —
 Въ тупомъ онѣмѣньи стоялъ весь народъ,
 И дико съ испугомъ смотрѣлъ онъ на крестъ,
 Страшнѣе текла Искупителя кровь,
 Та кровь упала на нихъ и дѣтей ихъ,
 Хотятъ отвернуться они отъ креста,
 Но страхомъ Господнимъ прикованъ ихъ взоръ. —

Еще повелѣніе долженъ исполнить
 Творца своего Серафимъ Уріилъ.
 Архангелъ понесся со стѣнъ Адамыды,
 Къ нежившимъ душамъ на средину планеты.
 Его приближеніе увидѣли души;
 Они, какъ туманомъ одѣты ужъ были
 Въ тѣла человѣковъ и чудно сіяли
 Какъ пурпуръ заката вечерней зари,
 И къ нимъ обращаясь, сказалъ Серафимъ:
 — Идите за мною, я васъ провожу...
 Вы знаете-ль насъ, мы являемся часто
 Къ вамъ души отъ имени Вѣчнаго Бога?
 Онъ васъ посылаетъ на землю теперь,
 Которую тѣнь ваша мракомъ покрывала. —
 Смотрите, вы можете видѣть Его. —
 Божественно имя Его и велико,
 Его называемъ мы — Божіимъ Сыномъ!
 Но ночью глубокою взоръ вашъ затмился,

И Вѣчнаго Сына не знаете вы.
 Вы будете издали чувствовать всѣ
 Блаженства небеснаго, свѣтъ благодатный.
 Пойдемте счастливы, пойдемте со мною,
 Для этого блага вы созданы Богомъ,
 Взгляните на свѣтлое небо кругомъ,
 Съ какимъ удивленьемъ оно торжествуетъ. —
 О, всѣ предъ Тобой тамъ склоняють колѣна!
 Снимають вѣнцы предъ Тобой они всѣ.
 Ты въ славу свою сотворилъ эти души,
 И ихъ искушилъ для себя Своей кровью. —

Сказалъ и понесся святой Серафимъ.
 Летѣли за нимъ всѣ нежившія души,
 И быстро несется съ душами Архангель.
 Они приближаются къ сферѣ земной,
 Увидѣли ихъ въ высотѣ патріархи,
 Какъ въ облакѣ свѣтломъ спускалось на землю
 Несмѣтное воинство душъ нерожденныхъ,
 Созданій разумныхъ назначенныхъ къ жизни;
 Тамъ тысячи-тысячъ спускалось безсмертныхъ.
 Съ восторгомъ и грустью теперь въ первый разъ,
 Праматерь людей отвратила вдругъ взоры,
 Которыми жадно до этой минуты
 Она созерцала божественный крестъ.
 Спускались тамъ дѣти, потомки ея!
 Спускались столѣтья еще нерожденныхъ.
 Съ сердечною радостью нѣжная мать
 На нихъ показала рукой патріархамъ,
 На будущихъ въ мірѣ земномъ христіанъ,
 И взоры опять обративъ ко кресту,
 Облитому кровью святою, сказала:

Взгляни на безсмертныхъ моихъ, о, отецъ!
 Смотри! Наши дѣти спускаются тихо. —
 Какое названіе дамъ я Тебѣ,
 Тебѣ обогренному кровью за нихъ?
 Какое-же можетъ Оссанна воспѣть

Достойно Тебя, и Твои чудеса? —
 О, если-бъ ужъ были вы дѣти блаженства,
 Рожденными здѣсь христіанами всѣ;
 Несмѣтныя тысячи-тысячъ тогда
 Васъ мать привела-бы къ кресту со слезами,
 И знали-бы всѣ вы рожденного Сына,
 Который стоналъ въ Вифлеемѣ и плакалъ,
 И какъ человѣкъ обливался слезами. —
 Но скоро познаютъ они, о, Адамъ,
 Познаютъ Его — Искупителя міра!
 Любовь безпредѣльную — Сына любовь! —
 Какъ бурею смятый, прекрасный цвѣтокъ,
 Поблѣкнувъ, лежитъ на зеленой травѣ,
 Такъ склонятся многіе, дѣти, изъ васъ
 Подъ острой сѣкирою злаго убійцы,
 И смерти на встрѣчу пойдутъ улыбаясь,
 Васъ благословляетъ на это всѣхъ мать!
 Свидѣтели высшіе смерти великой,
 И мертвенной блѣдности впавшихъ ланитъ,
 Откуда погасшіе взоры глядятъ,
 Какъ лучъ благотворный небесныхъ высотъ.
 Я вижу, какъ дивно блестятъ ваши раны,
 Страдалцы, вы пѣсни блаженства поете!

Такъ радостно пѣла праматерь людей. —

Но поднялъ Спаситель божественный взоръ,
 И души увидѣлъ не жившія Онъ,
 И вмѣстѣ съ божественнымъ взоромъ Его
 Блеснули на свѣтлыхъ безплотныхъ ланитахъ
 Вдругъ слезы блаженства и жизни ихъ вѣчной.
 Взглянулъ Онъ съ любовью безмѣрной на нихъ,
 Съ которой страданія всѣ переносятъ
 Онъ даже до смерти Своей на крестѣ,
 И полны блаженства не жившія души.
 Тогда на щекахъ Умиравшаго вдругъ
 Блеснула мгновенно, и радость и жизнь,
 Но также, какъ мигъ, и исчезла опять.

Ланиты поблекшія видимо впали,
 И къ сердцу склонилась Его голова,
 Надъ нею судъ міра всего тяготѣлъ.
 Онъ поднялъ съ усиліемъ къ небу главу,
 Но снова на грудь приклонилась она.
 Надъ самой вершиной Голгофы священной
 Ужасными тучами небо покрылось,
 И страшно, и темно, и нѣмо оно,
 И черная туча на крестъ опустилась,
 Нависла, далеко раскинувшись книзу,
 Торжественна мертвая въ ней тишина,
 Которая даже безсмертныхъ страшить.
 Какъ мысль пронеслась эта страшная тишь,
 Ужасный вдругъ гулъ раздается и трескъ,
 Громадною щелью разсѣлась земля,
 Тряслися и кости умершихъ въ могилахъ,
 До самаго купола храмъ трепеталъ,
 То страшные были предвѣстники бури,
 И въ кедрахъ могучихъ завылъ ураганъ,
 Ломаеть деревья и съ корнями рветъ,
 Бушуетъ онъ страшно надъ Ерусалимомъ,
 Дворцы величавые, башни трясутся,
 Предвѣстникомъ грома лишь былъ ураганъ,
 Ударъ разразился надъ моремъ уснувшимъ,
 И съ ревомъ всклубились въ немъ черныя воды,
 Ихъ мутная пѣна, сѣдая покрыла
 И сыпались страшно ударъ за ударомъ,
 Отъ грома земля и все небо стонало. —

Мгновенно великая мысль озарила
 Избранника Божья, Элоа чело,
 Въ тотъ мигъ, какъ увидѣлъ безсмертный все это.
 Та мысль лишь блеснула, ужъ сдѣлалась фактомъ,
 Лицемъ къ лицу видѣть хотѣлъ онъ Того,
 Кто въ небѣ Свой судъ совершалъ непреложный.
 Онъ видѣть хотѣлъ Іегову во мракѣ,
 Въ величій грозномъ Зиждителя-Бога,

И онъ предъ Тобою три раза склонился
 Съ молитвой усердной, о, міра Ходатай,
 И быстрымъ полетомъ понесся по небу.
 Летить, приближается къ солнцу Архангель,
 Но путь онъ небесный едва различаетъ,
 Такъ смутно и мрачно все было кругомъ.
 Вблизи солнца встрѣчаетъ двухъ Ангеловъ смерти
 Какъ броней закрыты ихъ мрачныя лица,
 И мимо пронесся съ испугомъ Элоа,
 И снова земля неподвижно стояла,
 Какъ прежде на ней тишина воцарилась,
 Весь родъ человѣка безмолвно смотрѣлъ,
 А также и всѣ не рожденные души,
 Со страхомъ на ихъ Икупителя Бога.
 Съ тяжелою скорбью взглянула праматерь
 На Сына, который томился въ страданьяхъ,
 И видимо медленной смертью кончался.
 Измученный взоръ ея скорбью глубокой,
 Затмился и силился сумракъ проникнуть.
 И въ эту минуту ушалъ ея взглядъ,
 На смертную бывшую подлѣ креста;
 Стояла межъ всѣми съ поникшей главою,
 Съ тревожнымъ, болѣзненнымъ, блѣднымъ лицомъ,
 Съ безжизненнымъ взоромъ потупленнымъ въ землю,
 Недвижна, нѣма и безъ слезъ, и рыданій
 Стояла какъ мертвая будто она,
 И быстро праматерь подумала такъ:

О, это навѣрно должна быть она,
 Великаго Сына, блаженная мать!
 Я вижу по скорби ужасной твоей
 Ты точно, должна быть святая Марія!
 Когда-то страдала такъ сильно и я,
 Когда предъ глазами моими лежалъ,
 Безжизненный Авель, облитый весь кровью.
 Какъ мать, ты навѣрное чувствуешь тоже,
 Смотря на страданья Его на крестѣ. —

И взоръ ея нѣжный прикованъ къ Маріи.
 Смотрѣла-бы долго праматерь еще
 На милую, горемъ убитую, дочь,
 Когда-бы съ востока торжественнымъ летомъ
 Теперь не явились два Ангела смерти,
 И медленно, молча они приближались,
 Пылали ихъ взгляды ужаснымъ огнемъ,
 Ихъ образъ былъ гибель, а ночь ихъ одежда!
 По воздуху медленно плыли они,
 Съ востока къ вершинѣ святаго креста,
 Ихъ съ высшаго трона послалъ Судія,
 Ужасны они ко кресту прилетѣли,
 И ниже къ землѣ патріархи склонились,
 Какъ будто-бы снова стояли они
 Такъ къ смертности близко и къ тлѣнью могилы,
 И образы смерти носились надъ ними,
 Надъ самымъ крестомъ были Ангелы смерти.
 Взглянули въ лице Умиравшаго оба,
 Потомъ обратились, на право одинъ,
 Другой-же на лѣво и въ верхъ поднялись.
 И медленно каждый тяжелымъ полетомъ
 Съ суровымъ и мрачнымъ предвѣстіемъ смерти,
 Семь разъ облетѣли божественный крестъ;
 Два мрачныхъ крыла покрывали ихъ ноги,
 Подобныхъ-же два покрывали ихъ лица,
 На двухъ-же крылахъ они медленно плыли,
 И каждый ихъ взмахъ раздавался печально,
 Какъ плачъ погребальный звучить въ отдаленіи,
 Страхъ Божій на крыльяхъ распущенныхъ былъ,
 Страхъ Божій въ полетѣ ужасномъ шумѣлъ.
 Когда пролетали они въ седьмой разъ,
 Господь умирающій поднялъ главу,
 И Ангеламъ смерти въ лице поглядѣлъ,
 Потомъ, Онъ на небо взглянулъ и воззвалъ
 Неслышимо, въ сердцѣ глубоко Своемъ:
 Оставь! не страши узвѣннаго тѣломъ!

Я знаю тѣхъ крыльевъ ужаснѣйшій взмахъ,
И гулъ этотъ мрачный мнѣ также знакомъ.
Оставь устрашать, о, верховный Судья! —

Воззвалъ Онъ и кровь заструилась сильнѣе,
И Ангелы смерти опять обратили
Полетъ свой на небо, повергнувъ въ унынье
И мрачную грусть всѣхъ смотрѣвшихъ на нихъ.
Раздумье глубокое, трепетъ невольный
Оставили Ангелы тамъ за собою. —
И всѣхъ удивленье къ величію Божью!
Предъ тайной глубокою вѣчности темной
Висѣла завѣса теперь неподвижно. —
Свидѣтели, бывшіе подлѣ креста,
Смотрѣли съ испугомъ другъ на друга, молча,
Смотрѣли на небо и вновь на Того,
Кто кровью давно истекалъ на крестѣ,
И близокъ былъ къ сумраку ночи глубокой, —
Но какъ ни безчисленны были они,
Однако, межъ всѣми убитыми скорбью
Всѣхъ больше страдала ты, мать человѣковъ
И мать всѣхъ умершихъ потомковъ твоихъ,
Смотри, какъ главою лишенной сѣнны,
Къ землѣ со слезами она приклонилась,
Къ могилѣ широкой ей милыхъ дѣтей,
И руки съ молитвою къ небу возносятъ.
Чело ея грустное праха коснулось,
Съ испугомъ простертыя руки скрестились,
То встанетъ, то снова на землю падетъ.
Встаетъ и бессмысленно смотреть кругомъ,
Какъ будто темнѣетъ въ глазахъ ея все,
Ей кажется — гдѣ-то ее окружаютъ,
Истлѣвшія кости умершихъ людей.
Хотя и стоитъ не въ могилѣ сама,
Но все-же могила тамъ, подлѣ нея,
Вдругъ голосъ печальный ея раздается,
Во вздохѣ послышались гимны безсмертной:

Осмѣлюсь-ли Сыномъ Тебя я назвать?
 Хотя одинъ разъ еще сладкимъ названьемъ?
 О, не отвращай потухающихъ взоровъ!
 Не Ты-ли простилъ меня Самъ Искупитель,
 О, мой и всѣхъ мною рожденныхъ Спаситель?
 Когда тамъ преступницѣ жить приказалъ.
 Безсмертною жизнью, Твой любящій голосъ,
 Тотъ голосъ все небо собой огласилъ,
 И Вѣчнаго тронъ зазвучалъ отъ него,
 Но Ты умираешь за это прощенье!
 Хотя эта вѣчная милость Твоя,
 На вѣкъ разрѣшила меня отъ грѣховъ.
 Какъ грозная буря меня поражаетъ
 Та страшная, ночи подобная дума;
 Ввергаетъ безсмертье въ могилу обратно,
 Дозволь мнѣ, о, Боже, оплакать Тебя!
 Хотя Ты и слишкомъ великъ, чтобы слезы
 Могли быть отрадой Тебѣ Всемогущій,
 Дозволь мнѣ слезами оплакать Тебя,
 Я жажду покоя! Прости-же мнѣ слезы,
 О, Ты, Искупитель! О, жертва святая!
 Мой дивный Спаситель! Любовь безъ предѣла,
 Ты все мнѣ простилъ! О, простите и вы мнѣ,
 Простите для смерти рожденные Еввой.
 И если послѣдній, предсмертный ихъ вздохъ,
 Послѣдній ихъ взглядъ проклинаетъ меня,
 О, благослови-же меня Ты, убитый, —
 О, нѣтъ не кляните умершихъ вы, дѣти!
 За васъ проливала я слезы всю жизнь,
 Пока разорвалось отъ слезъ мое сердце,
 Когда разорвется и ваше здѣсь сердце,
 По смерти отраду найдете вы, дѣти,
 Изъ язвъ Его чистыхъ прольется отрада,
 Прекрасной и лучшей той жизни блаженство.
 Лишь сномъ мимолетнымъ для васъ будетъ смерть,
 И вы къ Примирителю Богу придете. —

Облитыя кровью теперь, эти язвы,
 Божественнымъ свѣтомъ тогда просіяютъ
 Всѣ язвы, умершаго Бога за васъ. —
 И такъ не кланите вы матери, дѣти!
 Безсмертны вы всѣ, какъ и Онъ — Исусъ. —
 По плоти и крови Онъ также мой Сынъ,
 Увы! о, возлюбленный! о, Драгоценный —
 Достойнаго имѣть Тебѣ въ мірѣ названья —
 Теперь умираешь, о, еслибъ скорѣе,
 На крыльяхъ свѣта пронесся тотъ часъ,
 Оставь меня дума, могильная дума!
 Блѣднѣе становятся впалыя щеки,
 Страшнѣе струится изъ язвъ Его кровь;
 Величія полная, эта глава,
 Спускается ниже въ глубокую ночь,
 А это дыханье, о, смерть, есть твой голосъ,
 Въ немъ слышны послѣдніе признаки жизни,
 Да, точно, то голосъ твой страшный, о смерть!
 Но гдѣ-же я, Боже мой, гдѣ я теперь?
 Но взоръ Его снова ко мнѣ обратился,
 О, радуйтесь, пойте со мной Серафимы,
 Ко мнѣ обратилъ Онъ лице Свое снова. —
 Воспойте, чтобъ въ небѣ та пѣснь повторилась,
 Что Онъ, Икупитель, свой взоръ обратилъ
 На грѣшную мать всего рода людскаго;
 Безсмертья покой осѣнилъ меня снова,
 Я вновь созерцаю Создателя міра,
 Къ Нему простираю съ молитвою руки,
 Къ Нему, о, Убитому здѣсь, на крестѣ,
 Во имя и славу святую Его,
 Васъ благословляю я дѣти мои,
 (Его небеса не объемлютъ собою;
 Предъ нимъ безпредѣльность мала и ничтожна),
 Во имя Его — возвратившаго вамъ
 Опять первобытную всю непорочность;
 Во имя Его — воскресившаго мертвыхъ;

Во имя Его — Судии всей вселенной,
 Во имя страдальца безчисленныхъ слезъ;
 Кроваваго пота пролитаго Имъ.
 Когда въ Гевсиманіи тихо молился;
 Во имя священныхъ, божественныхъ извъ
 И крови истекшей изъ ранъ Его свѣтлыхъ;
 Во имя главы приклоненной къ груди,
 Померкшихъ очей Его полныхъ страданья;
 Во имя чела омраченнаго страхомъ,
 — Предсмертныхъ, послѣднихъ Его содроганій;
 Во имя воззванья Его ко Отцу —
 Я благословляю васъ дѣти на смерть! —

ПѢСНЬ IX.

тѣ вышаго трона Предвѣчнаго Бога
Назадъ возвращался Архангелъ Элоа,
Глубокія думы полетъ замедляли,
Когда пролеталъ онъ надъ куполомъ храма,
И мимо все тише и тише летить. —
Спустился къ собранью отцовъ и сказалъ:
— О, прежде чѣмъ буду я вамъ говорить,
Молитесь и самъ я молиться хочу.
Упали на землю всѣ ницъ и молились
Усердно они Безконечному тихо,
И также всѣ тихо опять поднялись.
Но все еще молча стоялъ Серафимъ,
Потомъ обращаясь, смущенный, сказалъ:
О, Первый, Которому нѣтъ и названья,
Кого не постигнетъ и мысль ни одна,
Къ Нему я понесся въ обитель небесъ,
Лицемъ къ лицу видѣть желая Того,
Который свершалъ непреложный Свой судъ;
Хотѣлъ Непреклоннаго видѣть во мракѣ
Въ ужасномъ величїи Господа силъ;
И къ солнцамъ — мірамъ лучезарнымъ я прибылъ.
Едва лишь мерцаая, свѣтили они.
И выше пустился я къ полюсамъ неба;
Тамъ съ ночью боролось мерцаніе свѣта.
Я къ высшему трону тогда полетѣлъ,
Но было и тамъ все вокругъ меня мрачно,

И все становилось темнѣй и темнѣе...
 Ищу я названья, языкъ мой нѣмѣть,
 Такъ было вокругъ Безконечнаго страшно!
 Стоялъ я и долго внималъ, какъ шумѣли
 Потоки подземнаго ада вдали
 Подъ всѣмъ сотвореннымъ, теперь онѣмѣвшимъ;
 Далеко они въ глубинѣ клекотали.
 Понесся я тихо и медленно дальше;
 Вдругъ первый изъ Ангеловъ смерти воззвалъ,
 И страшно гремѣлъ надо мной его голосъ:
 — Не смертнаго-ль крылья шумятъ въ отдаленнѣ?
 И я, содрогнувшись, назадъ отступилъ,
 Палъ ницъ и безмолвно молился Тому,
 Кто судъ тамъ божественный Свой совершилъ.
 Сказалъ Серафимъ и свой образъ закрылъ. —
 Склонился главою къ груди Іисуса,
 Казалось, какъ будто-бы дремлетъ Онъ тихо.
 Умолкла и буйная злоба народа,
 Подобно волнамъ разъяреннаго моря,
 Когда утомленные биться объ берегъ,
 Утихнутъ они и какъ будто заснутъ. —
 Любившіе истинно всѣ Іисуса
 Стояли вблизи отъ Голгофы священной;
 Ихъ плачущій взоръ могъ Спасителя видѣть,
 Но встрѣчи другъ съ другомъ они избѣгали,
 Бояся душевныя раны свои
 Словами напрасными больше разстроить.
 И только любимецъ Христа Іоаннъ
 Не могъ Его Матери нѣжной покинуть.
 И оба стояли, они близъ креста.
 А тотъ, кто отрекся при всѣхъ отъ Мессіи,
 Тревожно всю ночь протомился безъ сна,
 И цѣлое утро всѣмъ тѣломъ дрожа,
 Метался, искалъ лишь минуты покоя,
 Но тщетны старанья всѣ были его. —
 Блуждаетъ такъ сынъ надъ обломками судна,

По берегу моря, гдѣ близко убить былъ
 Объ камни утеса отецъ его милый.
 Безмолвно, печально блуждаетъ несчастный,
 А взоръ на утесъ устремленъ постоянно,
 Гдѣ тѣло отца его въ землю зарыто,
 И съ скорбью душевной взываетъ онъ къ небу:
 — Зачѣмъ я оставилъ отца своего,
 И въ мѣстѣ опасномъ морской глубины
 Покинулъ его и оставилъ погибнуть. —

Такъ Петръ, утомленный печалью и блѣдный
 Стоялъ близъ Голгоѣ на мѣстѣ высокомъ,
 Повисли усталыя руки его,
 Не можетъ онъ ихъ и съ молитвой поднять.
 И видитъ все Итуріилъ: его Ангель.
 Онъ тихо вливаетъ хранимому въ сердце
 Немногія капли спокойствія духа.
 И чувствуетъ Симонъ въ душѣ облегченье,
 Онъ даже на столько приходитъ въ себя,
 Что можетъ печальные взоры поднять,
 Друзей своихъ съ жадностью ищетъ глазами,
 Желалъ-бы хоть слово услышать упрека
 Отъ нихъ въ своемъ жалкомъ, печальномъ поступкѣ,
 Чтобъ послѣ друзьями-жъ утѣшену быть.
 Но все еще долго стоитъ неподвижно,
 И смотритъ безмолвно въ туманную даль,
 Гдѣ городъ поκειται Ерусалимъ.
 Потомъ на Голгоѣ желалъ-бы взглянуть,
 Но этого сдѣлать еще онъ не въ силахъ,
 Напрасно старается издали видѣть
 Спокойно уснувшій Іерусалимъ,
 Какъ страшныя тѣни вздымались во мракѣ
 Ужасныя башни и мрачныя стѣны.
 Едва могъ замѣтить онъ храма вершину,
 Вдругъ слышится ропотъ ему отдаленный,
 Туда обращаетъ свой взоръ утомленный,
 То странники между собой говорили.

Сошлись они въ городъ, чтобъ праздновать пасху,
 Теперь-же спѣшили увидѣть Пророка,
 Распятаго злыми людьми на крестѣ,
 И къ путникамъ ближе подходить Петръ Симонъ,
 Въ толпѣ онъ безмолвной друзей своихъ ищетъ,
 Но тщетны всѣ поиски были его,
 Слышнѣе лишь странниковъ сталъ разговоръ,
 Онъ видитъ богато одѣтаго Негра.
 Привѣтливо Негръ обращается къ старцу,
 Котораго взоры внушали довѣрье,
 А объ руку съ старцемъ шелъ сынъ молодой.
 — Скажи, старичекъ мнѣ, такъ спрашивалъ Негръ,
 Какое-же сдѣлалъ Пророкъ преступленье,
 За что убиваютъ Его эти люди?
 — Въ чемъ былъ Онъ виновенъ желаешь ты знать?
 А въ томъ, что несчастныхъ больныхъ изцѣлялъ.
 Хромыхъ изцѣлялъ и ходили они,
 Глухой отъ рожденія слухъ получилъ,
 Слепому міръ Божій Пророкъ открывалъ.
 Отъ мукъ избавлялъ Онъ и всѣхъ одержимыхъ.
 Однимъ изъ несчастныхъ такихъ былъ и я.
 За то, что Онъ мертвыхъ не разъ воскрешалъ,
 И словомъ могучимъ всѣмъ нашимъ душамъ
 Онъ двери въ безсмертную жизнь отворялъ.
 За то, что божественный былъ человѣкъ. —
 Старикъ обернулся, увидѣлъ Петра,
 Но вотъ предъ тобою одинъ изъ любимцевъ,
 Внимавшихъ всегда Его слову святому;
 Познанью Онъ истины ихъ научилъ,
 Какъ люди должны обожать Всеблагого,
 И славить дѣлами своими Его.
 Потомъ обращаясь къ Петру онъ сказалъ:
 — Скажи намъ, за что убиваютъ Пророка,
 О, сжался надъ нами, божественный мужъ,
 И не отвращай своихъ взоровъ отъ насъ. —
 Ты зналъ Іисуса, ты избранъ былъ Имъ.

Такъ братья родные не любятъ другъ друга,
Какъ вы съ Іоанномъ любили Его. —

Тогда еще болѣе Петръ отвернулся,
Не страхъ его мучилъ, что узнать онъ старцемъ,
О, нѣтъ, онъ вполне былъ готовъ въ этотъ мигъ
Отдать за Спасителя міра и жизнь,
Но имя лишь только одно — Іоаннъ, —
Прожгло его тѣло, какъ будто огнемъ.

Отъ скорби въ костяхъ его мозгъ содрогнулся,
И съ тихою грустью отвѣтилъ имъ Петръ:
— Друзья, Онъ былъ лучшій изъ смертныхъ людей!
Теперь умираетъ божественный мужъ,
Вотъ все, что могу я и смѣю сказать вамъ. —

И быстро скрывается Симонъ въ толпѣ,
А Зама и съ сыномъ своимъ Іоиломъ,
Пришедшій съ нимъ въ городъ и Негръ Кандасенъ,
— Котораго послѣ Апостолъ Филиппъ
Крестилъ по призванію Духа святаго —
Всѣ трое безмолвно къ Голгоѣ пошли. —

Далеко увидѣлъ Петръ Симонъ Леввея,
Печально и молча подходитъ къ нему.
Съ глубокою горестью смотритъ Леввей,
Узнать-же не можетъ собрата и друга;
Тогда къ нему Петръ обратился со вздохомъ
И голосомъ трепетнымъ тихо спросилъ:
— Ты видѣлъ распятымъ Его на крестѣ?
Хотя и велики страданья твои,
Однако ты смѣешь смотрѣть на Него,
А я... о, смягчи ты мое злополучье! —
Жестокую рану я чувствую здѣсь,
Горитъ обливаясь вся кровью она.
Скажи въ утѣшеніе одно лишь мнѣ слово,
Одинъ только звукъ, о, хотя одинъ взглядъ.
Увы, ты молчишь, о, возлюбленный мой!

Напрасно стремится словами Леввей
Открыть задушевные чувства Петру;

Молчить онъ, и слова не въ силахъ промолвить.
 Безмолвными не были слезы Леввея,
 Но Симонъ и въ нихъ не находитъ отрады.
 Съ растерзаннымъ сердцемъ уходитъ онъ прочь,
 И снова движенемъ толпы увлеченный,
 Безъ цѣли, безъ мысли блуждаетъ несчастный.
 Но вдругъ оттѣсненный бѣгущимъ народомъ,
 Встрѣчается съ братомъ Андреемъ Петръ Симонъ.
 Хотѣлъ было скрыться, однако подходить.

— О, братъ мой! Тебя-ли я вижу Андрей?

Цѣлуетъ и плачетъ на братской груди. —

— О, Симонъ, о, братъ мой! Андрей отвѣчаетъ,

Желалъ-бы молчать я, но, нѣтъ! не могу,

Во мнѣ обливается кровью все сердце,

Отрекся отъ лучшаго друга ты, Петръ,

Отъ Божьяго Сына — Любовь Онъ святая,

Весь чувствомъ божественнымъ этимъ проникнуть.

И ты отказался, мой другъ, отъ Него! —

Глубокою скорбью наполнилось сердце.

О Томъ, отъ Кого онъ отрекся предъ всѣми,

Съ святой благодарностью льются изъ глазъ

Горячія слезы на щеки Петра. —

Но все еще также горитъ его рана,

И долго обнявшись два брата стояли.

Уходятъ печально и молча потомъ,

Не смѣя другъ на друга даже взглянуть;

Расторглись ихъ руки, какъ будто невольно,

И каждый своею дорогой пошелъ.

Идетъ одинокій и сумрачный Симонъ,

Все съ прежнею жаждой найти утѣшенье.

Вдругъ два человѣка встрѣчаются съ нимъ.

Хотѣлъ онъ скорѣе въ толпу отъ нихъ скрыться,

Но близко ужъ были къ нему эти люди. —

Ужели незнаешь насъ болѣе, Симонъ,

Пророка Мессіи избранникъ любимый?

Спросилъ его съ грустью душевной Іосифъ.

Мы въ тайнѣ сподвижники были Пророка,
 Теперь-же, готовы предъ цѣлымъ собраньемъ
 Озлобленной черни сказать безъ боязни,
 Что я и мой другъ, Его ученики, —
 Давно это сдѣлалъ мой другъ Никодимъ.
 Торжественно въ цѣломъ собраніи старѣйшихъ
 Вступился онъ громко за Божья Пророка,
 А я, слабодушный, позналъ Его поздно,
 Когда оставаться не могъ Никодимъ
 Въ собраніи грѣшныхъ и вышелъ изъ залы. —
 -- Ты знаешь, Іосифъ, что видитъ и знаетъ
 Малѣйшія думы Пророкъ Іисусъ,
 И знаетъ, что чувствуешь ты, о, Іосифъ.
 Ты вышелъ со мною, сказалъ Никодимъ,
 И тѣмъ доказалъ, что ты преданъ Ему. —

Іосифъ взглянулъ со слезами на небо:
 — О, Богъ Іисуса, и Богъ Авраама!
 Услыши, Создатель, молитву мою,
 Ты видишь, я слабъ былъ при жизни Его,
 Поддай мнѣ, Ты, силу, Помощникъ Великій,
 Сказать передъ всѣми, когда Онъ умретъ,
 Какъ сильно и много любилъ я Мессію,
 Быть преданъ душею Ему до могилы. —

Молитву Іосифа принялъ Господь,
 И лучъ милосердія свыше спустился. —
 Наполнилось сердце спокойствіемъ духа. —

Зачѣмъ отвращаешь отъ насъ свои взоры,
 Печально спросилъ Никодимъ у Петра?
 Повѣрь, что мы также страдаемъ, какъ ты,
 И скоро, быть можетъ, ударъ разразится,
 Ударъ этотъ все совершить безъ возврата,
 Однако скажи намъ, возлюбленный Симонъ,
 Быть можетъ, въ душевной печали твоей
 Скрывается противу насъ обвиненье
 За то, что таили до этой минуты
 Любовь мы и преданность нашу къ Пророку.

И точно достойны мы гнѣва исполнѣ. —

Какъ дерево бурю въ сторону клонить,
Хотя и стоитъ оно твердо на корнѣ,
Такъ точно стоялъ и трепещущій Симонъ,
Но вдругъ превозмогъ свою робость, закрылся
И бросился быстро въ толпу онъ народа, —
Потомъ возвратился къ Голгоѣ святой. —
Едва до подошвы горы онъ дошелъ,
Въ груди его страшно стѣснилось дыханье,
И въ эту минуту осмѣлился только
На крестъ Искушенія робко взглянуть;
Но выше не смѣетъ поднять еще взоровъ,
Чтобъ видѣть главу умиравшаго Спаса,
И видитъ внизу близъ креста Іоанна,
А близъ Іоанна убитую скорбью
И мать принесеннаго въ жертву Мессіи.
Отъ горя вросли они будто на мѣстѣ,
И молча, безъ слезъ они оба стоятъ;
Отъ нихъ не далеко стояли другіе,
Любившіе сердцемъ Пророка Мессію,
Слѣдившіе изъ Галилеи за Нимъ.
Хотя по рожденію незнатны они,
И въ бѣдности жили, незнаемы свѣтомъ,
Но ихъ имена драгоценныя вѣрнымъ,
Останутся вѣчны въ исторіи церкви. —
Межъ ними Марія была Магдалина,
Марія — Іуды, Іакова мать,
А также и мать Заведѣвъ Марія.
И съ ними и ты, о, сестра той Маріи,
Которая Сына страданія видитъ.
Какъ мать, Его, также Марія она,
Изъ многихъ пришедшихъ, любившихъ Мессію
Она была ближе другихъ ко кресту. —
Забывъ чудеса всѣ Спасителя міра
Вдругъ падаетъ ницъ Магдалина и молить,
Съ отчаяньемъ въ сердцѣ, лишь смерти себѣ,

И долго лежить у подножья креста,
 Марія — Іуды, Іакова мать.
 Склонилась утѣшить печаль Магдалины,
 Но слова не можетъ сказать отъ рыданій.
 Печальная, блѣдная въ мракъ глубокомъ
 Рыдая стоитъ Заведѣвыхъ мать.
 Безмысленно смотритъ поднявъ руки къ небу,
 И ропщетъ, что долго томится такъ смертью
 Божественный мученикъ тамъ, на крестѣ,
 Склонивши колѣна безъ вздоховъ тяжелыхъ,
 Близъ матери нѣжной (которая видитъ
 Предметныя муки любимаго Сына)
 Сестра ея тихо съ молитвой стоитъ
 И видитъ Мессію, какъ кровью истекшій
 Отходитъ въ глубокую, мрачную ночь. —

Никто не сочувствуетъ такъ ихъ печали,
 Какъ юноша, вмѣстѣ съ Мессіей распятый,
 Спасенный, очищенный Имъ отъ грѣховъ.
 А также страданія эти всѣ видятъ,
 Безсмертные взоры святыхъ патріарховъ,
 Хотя и прикованы чувствомъ высокимъ
 Ихъ свѣтлыя души къ Спасителю міра.
 Спасенье распятаго вмѣстѣ съ Христомъ
 Исполнило радостью духъ Авраама, —
 Слѣдитъ онъ съ любовью за юношей чистымъ,
 И праотецъ тронуть былъ тѣмъ состраданьемъ,
 Съ какимъ этотъ первый страдалецъ смотрѣлъ
 На скорби душевные праведныхъ смертныхъ. —
 И праотецъ взоръ обратилъ къ Моисею,
 Стоявшему подлѣ въ нѣмомъ удивленіи,
 Достойный глава и великій отецъ
 Двѣнадцати главныхъ колѣнъ Іудей,
 Сказалъ основателю скинии той,
 Которая прежде за долго была,
 Какъ предначертаніе жертвы святѣйшей:
 — О, сынъ мой! Что видимъ съ тобою мы здѣсь,

Объ томъ мы бесѣдовать будемъ въ той жизни,
 Во время всей вѣчности, ты и отецъ твой;
 Изъ моря блаженства святой благодати,
 По каплѣ мы станемъ лишь черпать тогда,
 Мы видѣли оба Ходатая міра,
 Ты видѣлъ величье Его на Хоривѣ,
 А я-же, въ Мамврійскихъ божественныхъ рощахъ.
 Гармоніей тихой звучалъ Его голосъ,
 Лилось милосердье съ божественныхъ устъ,
 Такъ голосъ спасеннаго грѣшника Имъ,
 Звучить мнѣ и нѣжно, и сладко теперь. —
 О, пусть мои радости вмѣстѣ сольются,
 Съ восторженнымъ пѣніемъ жителей неба,
 Какъ знакъ благодарности чистой, молитва
 Тебя да прославить святѣйшая жертва!
 О, какъ улыбается юноша этотъ
 Открытой широко могилѣ своей,
 Онъ одушевленъ милосердьемъ Божиимъ!
 Его осѣняетъ съ небесныхъ высотъ
 Блаженный и вѣчный той жизни покой.
 Хотя уже близокъ онъ къ вѣчному благу,
 Но тронуть глубоко, и смотреть, мой сынъ,
 Съ живымъ состраданьемъ на страждущихъ смертныхъ,
 Увы! но и тѣ вѣдь всѣ дѣти мои.
 Которыя съ злобой такой убиваютъ
 Теперь на крестѣ Искупителя міра.
 И чуждо раскаянье черствымъ сердцамъ,
 Они не опомнятся, такъ, какъ тотъ юный. —
 Что было-бъ со мною, когда-бъ еще смертнымъ
 Я былъ, какъ они? — Я въ могилѣ лежалъ-бы,
 Какое бы чувство проснулось въ груди
 Тогда у отца престарѣлаго ихъ?
 Что скрыть такъ охотно желалъ отъ меня,
 Однако не могъ, Серафимъ Гавріиль,
 Но пусть эта грустная, страшная мысль
 Скорѣе умчится на крыльяхъ, мой сынъ,

Пусть скроется вѣчно въ забвеньи потомъ.
И Тотъ, Кто предстанетъ на судъ всего міра
Вотъ съ этими язвами, полными крови,
Томъ Самъ имъ предсказывалъ ихъ приговоръ,
И сами его надъ собой произносятъ. —

Его не хотѣлъ осуждать и язычникъ,
Они-жъ осудили Его и кричали:

„Пусть смертию погибнетъ и кровь его будетъ
На насъ и на дѣтяхъ всѣхъ нашихъ во вѣки!“

О, еслибъ изъ Ангеловъ смерти никто
Не могъ начертать тѣхъ глаголовъ ужасныхъ
Желѣзнымъ мечемъ на гранитныхъ скалахъ,
Чтобъ послѣ представить предъ взоры Творца,
Въ минуту всеобщаго Божья суда,
Проклятья достойныя эти слова.

Я вижу народы отсюду идуть;
Съ востока и съ запада сходятся люди
Къ святому кресту Искупителя міра,
Я вижу ихъ всѣхъ; но дѣтей моихъ нѣтъ. —

Тогда Моисей отвѣчалъ Аврааму:
— Отецъ Исаака, и Іакова ты,
И вѣрныхъ, которые чтятъ Іегову,
Давида отецъ и родившей Мессію,
Отецъ ты Того, Кто приносится въ жертву,
И кровью исходитъ за всѣхъ на крестѣ,
Взгляни, Авраамъ, своимъ взоромъ небеснымъ.
Хотя ты все знаешь о чемъ говорю я,
Но правду всегда повторить намъ отрадно,
И снова глазами увидѣть ее!
Надъ этимъ народомъ и милость, и судъ!
И Самъ Онъ, Который все будетъ творить,
Что сдѣлано было рукою Его,
И Онъ, неразгаданный въ тайнахъ великихъ,
Въ десницѣ Своей милосердіе держать,
А лѣвою судъ посылаетъ намъ Свой,
Поставилъ Онъ все на утесѣ высокомъ,

Чтобъ всѣ поколѣнія рода людскаго,
 Могли одинаково, ясно увидѣть.
 И каждый изъ смертныхъ свободенъ избрать
 Себѣ или вѣчную жизнь, или смерть,
 И тотъ изъ людей, кто отыщетъ путь правый,
 Получить блаженную, вѣчную жизнь,
 Но ежели странникъ земнаго пути,
 Не будетъ читать на утесѣ тѣхъ словъ,
 То самъ онъ погибели хочетъ своей,
 И будетъ на немъ-же самомъ его кровь,
 Когда за могилой его поведутъ,
 Въ другую обитель, гдѣ вѣчная смерть.

Умоляя Моисей и тогда Авраамъ
 Отвѣтилъ съ сердечнымъ волненьемъ ему:
 — Я слушалъ тебя съ благодарной улыбкой,
 Что видѣлъ, конечно, ты, сынъ мой, и самъ.
 Быть можетъ, погрязнувъ въ ужаснѣйшемъ злѣ,
 Опомнятся люди; грѣшить перестанутъ.
 — Не можетъ-же сынъ за отца отвѣчать
 И въ это-то время, мой сынъ, Моисей,
 (Я чувствую радость небесную въ сердцѣ)
 Въ то время къ Ходатаю придутъ они,
 Къ Тому, Кто ихъ велъ въ Ханаанскую землю,
 Днемъ облакомъ свѣтлымъ имъ путь озаряя,
 А ночью сіяньемъ небеснаго свѣта:
 Къ Тому, Кто за нихъ на крестѣ умираетъ.
 Придите къ Тому, Кто васъ хочетъ спасти,
 Придите къ убитому вами, о, дѣти,
 Къ закланному Агнцу опять обратитесь,
 О, дѣти, придите всѣ къ вѣчной вы жизни. —

На небо съ молитвой взглянулъ Авраамъ,

На праотца смотритъ единственный сынъ.
 Его утѣшенъ въ лѣтахъ престарѣлыхъ.
 И юноша ближе подходитъ къ отцу,
 (Онъ юноши образъ имѣлъ и по смерти,
 Прообразомъ вѣчнымъ божественной жертвы,

Чтобъ могъ передъ трономъ Всевышняго быть)
 Къ отцу подошелъ Исаакъ и сказалъ:
 — Я видѣлъ въ лицѣ твоёмъ горькія думы,
 Но это все дѣти вѣдъ наши съ тобою;
 Они убиваютъ Того, Кто пришелъ
 На землю, чтобъ ихъ-же спасти всѣхъ отъ смерти,
 И Ты, Судія, сострадаешь объ нихъ
 И ихъ на орлиныхъ крылахъ Ты несешь,
 Какъ нѣкогда вынесъ Ты ихъ изъ Египта,
 Чтобъ дать имъ святую, спасенія землю. —
 Блаженно, велико Твое милосердіе
 Мнѣ въ душу отраду вливаетъ оно, —
 Еще воспоминаю одно я съ блаженствомъ,
 Конечно и ты это помнишь великій:
 Когда ты всходилъ на высокую гору,
 Гдѣ былъ приготовленъ Тобою Алтарь,
 Меня на закланіе вель ты, отецъ,
 И весело сынъ твой шелъ рядомъ съ тобою,
 Желая Предвѣчному жертву принести.
 Когда-же я, связанный, былъ на кострѣ,
 И къ небу глаза обратилъ со слезами,
 Давалъ ты послѣдній мнѣ свой поцѣлуй,
 Потомъ обратился и острый взялъ ножъ,
 И поднялъ его на любимого сына,
 Тогда... Но объ этомъ я съ грустью молчу!
 Тотъ часъ благодатный и памятный мнѣ
 Столѣтьемъ блаженства небесъ увѣнчался.
 И Богомъ твой сынъ Исаакъ удостоенъ
 Быть жертвы святѣйшей прообразомъ вѣчнымъ,
 Той жертвы, которую видимъ теперь,
 Во мракѣ божественномъ мы на Голгоѣ.
 Блаженство восторга и тихая грусть
 Безсмертную жизнь всю мою озаряютъ.

И полный блаженства любимому сыну
 Тайнственно, тихо шепталъ Авраамъ:

Помолимся вмѣстѣ съ тобою, мой сынъ,

Тому, Кто на жертву приносить Себя! —

И оба упали они на колѣна,
Простерлись ихъ руки къ Голгоѣ священной,
И тихо молитву творилъ Авраамъ:

О, Ты! Но какое я дамъ Тебѣ имя?
Великій, Ты грѣшниковъ всѣхъ Искупитель!
Блаженствомъ-ли вѣрныхъ назвать Тебя лучше?
Отца Ты Великаго, Вѣчнаго Сынъ!

Охъ! что я прочувствовалъ съ этой минуты,
Когда въ Виелеемѣ Ты, въ хижинѣ бѣдной,
Отъ матери смертной родился Спаситель!

Младенецъ Ты, плакавшій смертныхъ слезами,
Какимъ всемогущимъ пронесся вдругъ громомъ
По области неба, когда здѣсь во прахѣ,

Въ обители смертныхъ Ты плакалъ, дитя!
И былъ непонятенъ всѣмъ Ангеламъ неба;

Себя окружая ничтожною жизнью,

Хотя и былъ высшимъ восторгомъ небесъ;

Едва разгадали Тебя Серафимы,

Уже совершалъ Ты свои начертанья,

И къ смерти шелъ высшимъ, тяжелымъ путемъ.

Теперь ты достигнулъ великой той цѣли,

Къ которой стремился такъ цѣлую вѣчность,

И даже за долго еще до меня. —

Лишь Ты, Безконечный, Спаситель одинъ

Могъ цѣлью избрать эту страшную смерть!

О! мой Избавитель! И всѣхъ поколѣній

Изшедшихъ отъ первой четы, согрѣшившей!

За нихъ умираешь облитый весь кровью,

Сынъ Божій, не смѣемъ Тебѣ сострадать мы,

И ты состраданія всякаго выше.

Однако, мы чувствуемъ въ нашихъ сердцахъ,

Ударъ этотъ страшный, великій ударъ,

Которымъ здѣсь смерть поражаетъ Тебя, —

И всю безпредѣльную цѣпь мірозданья;

Собой потрясаетъ въ ея-основаньи.

Ударъ этотъ чувствуемъ въ нашихъ душахъ,
 Ходатай великій! О, сжался надъ нами,
 Но болѣе сжался, Ты, Боже, надъ тѣми,
 Которые здѣсь предстоятъ предъ Тобою,
 Тѣ ближе къ ничтожному праху, чѣмъ мы.

Такъ съ сыномъ молился Творцу Авраамъ.
 И долго, безмолвно стоятъ они послѣ,
 Но вдругъ Авраама спросилъ Исаакъ:
 — А кто эти души, скажи мнѣ, отецъ,
 Ведеть ко кресту ихъ святой Серафимъ.

Въ то время спускались блестящіе сонмы
 Все ближе и ближе къ честному кресту;
 Какъ утра заря они дивно сіяли,
 И слабую хижину, бrenнаго тѣло,
 Едва только сняли съ себя эти души,
 И были тѣ души изъ всѣхъ поколѣній
 Живущихъ на грѣшной планетѣ земной,
 Зарыты въ могилы ихъ были тѣла,
 Иль отданы были на жертву огню, —
 Чиста и невинна ихъ жизнь промелькнула,
 На сколько быть можетъ невиннымъ здѣсь смертный,
 До нихъ не достигнулъ лучъ посланный Богомъ,
 Чтобъ могъ просвѣтить на пути ихъ земномъ,
 Ихъ въ лучшую жизнь провожалъ Херувимъ,
 Они этой жизни безсмертной дивились,
 И тихо молились Всесильному Богу. —
 Къ нимъ взоръ обращаетъ ихъ спутникъ небесный,
 И слышали свѣтлыя праотцевъ души
 Какъ къ новымъ безсмертнымъ зывалъ Серафимъ,
 Когда ко кресту подлетали они:

Сберите всѣ силы, чтобъ видѣть могли вы
 Все то, что представится вашимъ глазамъ,
 Никто изъ рожденныхъ отъ смертной не можетъ
 Увидѣть величіе славы Господней,
 Какъ только посредствомъ Ходатая міра,
 Который страдаетъ теперь на крестѣ,

И кровью исходитъ предъ вами, о души!
 Въ великія тайны я васъ посвящаю,
 Вотъ Тотъ, Кто приноситъ на жертву Себя,
 За жителей смертныхъ и грѣшныхъ земли,
 Великое имя Его — Іисусъ.
 Рожденный отъ смертной, Предвѣчнаго Сынъ.
 Увы! Она здѣсь у подножья креста!
 Страдать и молиться, учить и страдать,
 Творить чудеса и вотъ, вся Его жизнь,
 Теперь умираетъ за всѣхъ человѣковъ,
 А также за васъ умираетъ Онъ, души!
 Зависитъ отъ этого вѣчности радость,
 И если-бъ съ начала Созданія міра
 Онъ Самъ-же назначилъ на жертву Себя,
 И если-бъ не сталъ Примирителемъ Онъ,
 Всесильнаго Бога-Творца съ человѣкомъ,
 Тогда-бы вы умерли вѣчною смертию, —
 Что будетъ со всѣми, которые слышатъ
 Ученіе святое, не внемля ему. —
 И прежде, чѣмъ были вы всѣ рождены,
 Предвидѣлъ всю жизнь вашу Богъ Всемогуцій
 И знаетъ, что если-бы свѣтъ благодати
 Коснулся до васъ своимъ дивнымъ лучемъ,
 Ученіе Спасителя приняли-бъ вы,
 Что если-бъ вамъ данную жизнь на землѣ
 Назначилъ въ блаженные эти Онъ дни,
 Когда былъ божественный посланъ Мессія, —
 Чиста и безгрѣшна была-бъ ваша жизнь. —
 Во имя святое Его — Іисуса,
 Священная Сущность всего бытія
 Простила прошедшія вамъ заблужденія,
 И чисты теперь передъ Богомъ, вы, души.
 Тотъ самый, Кого вы стремитесь узнать,
 Тотъ видѣлъ горячія слезы всѣ ваши
 И видѣлъ раскаянье ваше въ грѣхахъ,
 Услышалъ молитвы Онъ ваши, о, души,

Съ великаго, вѣчнаго трона небесъ,
 И молится тихо за васъ на крестѣ,
 Чтобъ ваши молитвы услышалъ Отецъ,
 Чтобъ васъ отъ грѣховныхъ Онъ ранъ изцѣлилъ!
 Падите-жъ теперь съ благодарностью ницъ,
 Предъ Тѣмъ, Кто спасаетъ весь родъ человѣка,
 Ему непорочность его возвращая,
 Предъ Тѣмъ, Кто даруетъ вамъ вѣчную жизнь,
 — Предъ Нимъ — Иисусомъ, страдальцемъ великимъ,
 И Вѣчнаго Бога, Зиждителя Сыномъ. —
 Предъ Сыномъ, рожденнымъ отъ матери смертной.

Умолкъ Серафимъ и склоняются тихо
 Безсмертныя души во прахъ предъ Мессіей,
 Проникнуты чувствомъ для нихъ незнакомымъ,
 Съ нѣмымъ удивленьемъ и съ тихою грустью,
 Они постигаютъ блаженство свое,
 И молятся Сыну — Спасителю міра,
 Который любилъ ихъ любовью безмѣрной,
 Еще до минуты созданья міровъ.

Увидѣвъ въ молитвѣ безсмертныя души,
 Залемъ Іоанна Хранитель сказалъ,
 Зелифу, Хранителю Дѣвы Маріи:

Какъ всѣ обновленные чувствуютъ сильно,
 Что Имъ, Милосерднымъ, они прощены.
 И жизни безсмертной покой возродился
 Въ душахъ просвѣтленныхъ, собратъ мой Зелифъ,
 Отъ горькой печали ихъ жизни земной
 Чрезъ язвы Страдальца, — Ходатая міра
 Избавлены вѣчно они въ этотъ мигъ.
 Но какъ-же страдаютъ, хранимые нами,
 Которымъ дарованъ былъ свыше покой,
 Хотя они странники были земные,
 Но не было въ жизни чувствительно имъ,
 Ихъ бремя тяжелое смертности міра,
 Теперь-же, взгляни, о, собратъ мой Зелифъ,
 Какъ впали изсохшія блѣдныя щеки,

И взоры ихъ просятъ, какъ будто, могилы.
 Живыя кровавыя раны Его,
 Убили всѣ радости матери нѣжной,
 Убили восторги любимаго друга!
 Я чувствую самъ эту жгучую боль,
 Которая плачущихъ души терзаетъ. —

О, много страдальцевъ я видѣлъ Залемъ,
 И много печалью убитыхъ людей;
 Подобной глубокой-же скорби не видѣлъ! —
 Хотя сострадаю объ нихъ всей душою,
 Однако, невольно я имъ удивляюсь,
 Меня утѣшаетъ одна только мысль,
 Что часто Творецъ посылаетъ отраду,
 Тогда, когда меньше всего ожидаютъ
 Въ печали найти утѣшенія, люди.
 О, какъ бы желалъ я увидѣть, Залемъ,
 Чтобъ снова небесный покой осѣнилъ
 Ихъ добрыя души, и кажется мнѣ,
 Какъ будто-бы нѣжные взоры Мессіи
 На нихъ обратились съ любовью теперь
 И Онъ утѣшенъе вливаетъ въ сердца ихъ. —

И взоръ не ошибся Зелифа. Въ тотъ мигъ
 Увидѣлъ Господь съ состраданьемъ глубокимъ
 Печаль Іоанна и Дѣвы Маріи.
 Съ любовью безмѣрною къ нимъ обратилъ
 Божественный взоръ Свой Господь-Искупитель,
 И новая жизнь истекала для нихъ
 Изъ этого полного благодати взора. —
 Онъ образъ божественный къ нимъ наклонилъ,
 И съ трепетомъ радостнымъ слышала мать,
 Проснувшись, какъ будто, мгновенно отъ смерти,
 Какъ голосъ Предвѣчнаго Сына сказалъ:

— Онъ будетъ, о, мать Моя, сыномъ твоимъ.

Потомъ къ Іоанну Христосъ обратился:

— Она, Іоаннъ, твоей матерью будетъ. —

И оба, нѣмой благодарности полны,

Взглянули другъ на друга съ нѣжной любовью.
 Въ печальныхъ глазахъ ихъ блеснули вдругъ слезы,
 Но страшны страданія были Мессіи;
 Надъ Нимъ тяготѣлъ Вседержителя судъ.
 Ужасныхъ страданій Спасителя міра
 Не въ силахъ и выразить мысль человѣка,
 Не выразить жителей неба языкъ,
 (Которые вѣчно Создателя славятъ). —
 Уныло и тихо все было кругомъ,
 Лишь въ нѣдрахъ глубокихъ земля трепетала,
 Но трепетъ тотъ скрытый не слышенъ въ долинахъ,
 Гдѣ былъ величавый Іерусалимъ.
 Предчувствіе смертное будто грозило
 Всему въ отдаленномъ и темномъ грядущемъ.
 Однако проклятіе гнѣва шумѣло,
 Какъ мщенія предвѣстникъ за чистую кровь,
 Которая тихо струилась изъ ранъ,
 И шумъ этотъ грозный все слышался, ближе
 И ближе къ Голгоѣ святой подвигаясь;
 Онъ страхомъ народа сердца наполнялъ. —
 Земля-же все больше и больше тряслася,
 Въ невѣдомой, скрытой своей глубинѣ.
 Ужасною щелью разсѣлися скалы
 Горы одинокой, стоявшей въ пустынѣ,
 Вдали отъ подошвы горы Елеонской,
 Куда улетѣлъ Аббадона печальный,
 И скрылся въ подземную темную пронасть.
 Сидѣлъ надъ обрывомъ задумчиво онъ,
 Слѣдя за шумящей волною потока,
 Который стремился изъ щели скалы,
 И съ грохотомъ пѣнился, прыгалъ по камнямъ.
 Безмысленно взоръ устремивъ, Аббадона,
 Сидѣлъ неподвижно и слушалъ тотъ грохотъ.
 Почувствовалъ вдругъ подъ собою трясенье,
 И близъ него рушатся съ громомъ утесы, —
 Печаль эта громкая почвы земной,

— Такъ называлъ онъ трепеть ужасный земли, —
 Въ невольный испугъ привела Аббадону: —
 — Ужель и земля эта скорбью томится
 Объ томъ, что изъ праха ея родилися
 Всѣ люди, погрязшіе въ тяжкихъ грѣхахъ?
 Иль можетъ устала носить она въ нѣдрахъ
 Дѣтей, обреченныхъ на тлѣніе и смерть,
 И новому праху умершихъ давать
 Внутри своей страшной, могилы всегда.
 Хотя ихъ поверхность весна украшаетъ
 Живыми цвѣтами, но страшно внутри ихъ.
 Иль, можетъ быть, плачетъ земля объ великомъ
 Божественномъ мужѣ, котораго видѣлъ
 Я тамъ на горѣ среди ночи глубокой?
 Какая-же участь постигла его?
 Зачѣмъ я такъ медлю искать его снова?
 И развѣ рука правосудія Божья
 Сильнѣй тяготѣть надо мной тогда будетъ,
 Когда на поверхности почвы земной
 Я буду съ тоскою моею бродить,
 Чѣмъ здѣсь въ этой мрачной ея глубинѣ?
 Нигдѣ я отъ грозной руки той не скроюсь,
 И если-бъ далеко я могъ залетѣть,
 За эту громадную цѣпь мірозданья;
 Настигла-бъ вездѣ меня эта рука.
 О, буду искать непременно его,
 Желаю увидѣть исходъ всѣхъ страданій
 Узнать и священные, дивныя тайны!
 Когда-бы съ нимъ не было воинствъ небесныхъ,
 Которыхъ невольно страшится мой духъ,
 Но если-бъ осмѣлился взять на себя я
 Божественный образъ тѣхъ Ангеловъ свѣтлыхъ?
 А развѣ тогда не спалило-бъ меня,
 Грозою всесильнаго грома небесъ?
 Ужель не узнали-бы Ангелы неба,
 Меня въ этомъ образѣ чудномъ и свѣтломъ?

Однако то дѣлаетъ духъ Сатана,
 Который виновнѣе былъ передъ Богомъ
 Чѣмъ я, злополучный, отверженный духъ! —
 И я не съ злодѣйскою цѣлью задумалъ
 Теперь это въ сердцѣ печальномъ своемъ,
 Изгнанникъ! О, долженъ-ли ты превратиться?
 Останься проклятый въ своемъ злополучи!
 Ужели я точно остаться рѣшился?
 Остаться, и дивныхъ страданій конца,
 Не будетъ отверженный знать Аббадона, —
 Дерзну-ли же встрѣтить я взоръ Серафима,
 И встрѣтивъ его, не умчусь-ли со страхомъ?

Такъ мыслить несчастный съ отчаяньемъ въ сердцѣ;
 Выходить изъ пропасти страшной земли,
 Но только ступилъ на поверхность земли онъ,
 Какъ съ трепетомъ вновь отступаетъ назадъ.
 Увидѣлъ въ безмолвіи мрачномъ всю землю,
 Объятую тьмою ужаснѣйшей ночи. —

И въ полдень, подумалъ съ испугомъ онъ тихо,
 Такая ужасная тьма тяготѣетъ!
 Ужели часъ грозный насталъ для нея,
 Послѣдній часъ Божья суда всего міра?
 Ужели погибнетъ она въ этотъ мигъ?
 Какъ туча спустился надъ нею гнѣвъ Божій,
 Рука Всемогущаго карой простерлась!
 За что-же Всесильный караетъ ее? —
 Иль дивный страдалецъ сокрытъ въ ея нѣдрахъ,
 И Богъ его требуетъ грозно къ Себѣ
 Отъ грѣшныхъ сыновъ ея праха?
 Но можетъ-ли мученикъ тотъ умереть?
 Куда-бы ни бросилъ я взоръ изумленный,
 — Вездѣ все глубокою тайной покрыто,
 И съ каждою новою думой невольно,
 Мѣшается болѣе слабый мой умъ. —
 Скорѣй понесусь я, чтобъ видѣть его,
 Я все тамъ найду и узнаю скорѣе,

Чѣмъ буду томиться въ безвѣстности здѣсь. —

Сказаль — и взлетѣль на вершину горы,
И долго оттуда искаль онъ во мракѣ
Орлиными взорами городъ священный.
И видитъ его наконецъ въ отдаленіи,
Какъ будто въ туманныхъ, густыхъ облакахъ. —
Потомъ — и всѣ кости его содрогнулись,
Когда превращенье великое сдѣлалъ —
Видъ Ангела свѣтлаго принялъ изгнанникъ —
Видъ юности дней первобытныхъ своихъ,
Въ которомъ сіялъ онъ въ обители мира,
Но было то жалкое лишь подражанье
Той прелести чудной небеснаго блеска,
Хотя его кудри златыя катились
Все такъ-же роскошно волнами на плечи;
Подъ ними два свѣтлыхъ крыла развѣвались,
И дивно сіяло лице Серафима
Отраднымъ сіяньемъ восхода дневнаго,
Однако едва могъ онъ сдерживать слезы,
Горячія слезы печали душевной;
Вдругъ жгучія капли изъ глазъ покатились,
И робкимъ полетомъ потомъ полетѣль онъ
Къ унылымъ долинамъ, гдѣ сумракъ ночной
Сгущался сильнѣе; несется изгнанникъ, —
Съ замолкшаго неба спускалася почъ
Темнѣй и темнѣе на смертный пригорокъ.
Когда-же надъ мертвымъ онъ моремъ летѣль,
Плесканіе страшное слышалось водъ;
Въ волнахъ раздавались отчаянья стоны,
Такъ гулъ раздается громовымъ раскатомъ,
Когда начинаетъ трястися земля,
Свершая послѣдній Творца приговоръ
Надъ самымъ преступнымъ изъ двухъ городовъ.
Подъ городомъ вновь затряслася земля
И глухо ей вторитъ поруганный храмъ,
Богатые падаютъ съ громомъ дворцы,

И слышатся жителей крики и стоны,
 И путникъ на помощь зоветъ, убѣгая. —
 Такъ слышитъ погибшихъ страданья и вопли,
 Подвергшихся казни Творца, городовъ,
 Въ плесканьи и ропотѣ мертвaго моря,
 Печальный изгнанникъ надъ нимъ пролетаетъ,
 И съ ужасомъ робкій полетъ ускоряетъ,
 Надъ берегомъ жалобно плачущихъ водъ.
 Летитъ Аббадона все ближе и ближе
 Къ блестящему кругу Хранителей міра.
 Вдругъ чувствуетъ ужасъ отверженникъ бѣдный,
 Увидѣвъ не павшихъ, святыхъ Херувимовъ;
 Поддѣльный весь блескъ его быстро исчезъ,
 И мраченъ, и жалокъ опять Аббадона. —

Стояли безмолвно небесныя силы
 Предъ дивнымъ Страдальцемъ, томившемся смертию.
 Они углубленныя всѣ въ созерцанье
 Не видѣли духа, летѣвшаго къ нимъ.
 Одинъ лишь Элоа увидѣлъ его,
 Узналъ Аббадону и думаетъ такъ:

Печальный, забытый Творцомъ Серафимъ!
 Несчастный, Распятаго хочетъ увидѣть;
 Онъ видѣлъ страдавшимъ Его на горѣ,
 Гдѣ ночью молился Господь-Искупитель!
 Тоскующій ищетъ теперь Его снова!
 Какъ жалокъ, какъ мраченъ отверженникъ бѣдный!
 Онъ таетъ отъ скорби гнетущей его,
 И жгучія слезы изъ глазъ его льются,
 Почти съ той минуты, когда онъ былъ созданъ,
 Господь Милосердый, Судья Правосудный
 Надъ нимъ Ты свершаешь Свое назначенье!
 Могу-ль увлечься судьбѣ Аббадоны?
 Не есть-ли Создатель безсмертныхъ Мессія,
 Однако томится и Онъ на крестѣ,
 Не такъ-же-ль, какъ смертный умирать человѣкъ?

И падаетъ ницъ онъ съ молитвой на землю,

И плачетъ предъ чуднымъ Страдальцемъ, Великимъ!
 Потомъ поднимается, дѣлаетъ знакъ
 Безмолвно стоявшему Ангелу свѣта,
 И тихо Элоа сказалъ Херувиму:

— Лети къ патріархамъ и къ силамъ небеснымъ,
 Скажи: приближается трепетно къ нимъ
 Томимый сомнѣніемъ духъ Аббадона,
 И ежели ближе дерзнетъ прилетѣть
 Къ собранію свѣтлому жителей неба, —

— Печальнаго странника пусть не отвергнутъ!
 Летитъ со слезами отверженникъ жалкій,
 Желая увидѣть Спасителя міра!

О, не отгоняйте его — и оставьте
 Ему облегченіе это въ терзаньяхъ,
 Здѣсь грѣшниковъ много стоитъ близъ креста,
 Которые больше его всѣ преступны.

Невольно трепещетъ собранье безсмертныхъ,
 Томимый сомнѣніемъ, духъ Аббадона
 То тихо плыветъ, то стоитъ неподвижно
 Въ раздумьи печальномъ на воздухѣ онъ.
 Отсюда охотно теперь улетѣлъ-бы.

Одною лишь мыслью себя ободряетъ:
 Что кромѣ Спасителя міра никто
 Не можетъ другой окружаемъ и быть
 Такъ сонмомъ торжественнымъ Ангеловъ неба.

И быстро пронесся онъ въ кругъ лучезарный. —
 Но лишь обратились къ нему Серафимы,
 Исчезла вся прелесть поддѣльнаго блеска,
 Угасло сіянье блаженства небесъ

И тысячи-тысячъ столѣтій печаль,
 Гнетущая, вѣчная скорбь Аббадоны
 Въ лицѣ его грустномъ опять отразилась.
 Съ участіемъ Ангелы видятъ все это,
 Они съ состраданьемъ его пропустили.

Приблизился тихимъ полетомъ изгнанникъ
 Къ Голгоѣ, объятой глубокою тьмою;

Увидѣвъ распятыхъ, онъ взоръ отвращаетъ:

О, нѣтъ! не могу и не долженъ я видѣть
 На лицахъ ихъ блѣдность предсмертныхъ мученій!
 Страданья ихъ сильно меня потрясаютъ,
 Картины ужасныя будятъ въ душѣ,
 Которыя громко меня обвиняютъ
 Предъ Вѣчнымъ, Всесильнымъ Судьей всего міра,
 И взгляды мимолетный одинъ на ихъ раны,
 Въ ужаснѣйшій трепетъ приводитъ меня.
 Вы такъ-же виновны, о, бѣдные люди!
 И такъ-же несчастны, какъ я, позабытый;
 Вы здѣсь убиваете братьевъ своихъ
 Предъ небомъ, открытымъ, изъ видовъ корысти,
 О, нѣтъ, и не долженъ мой взоръ тѣхъ увидѣть,
 Которыхъ вы тлѣнью теперь предаете,
 Изъ видовъ жестокихъ, хотъ можетъ быть, правыхъ. —
 Оставь духъ унылыя думы страданій,
 Ужасныя думы о смерти забудь. —
 Но гдѣ-же найти мнѣ, Кого я ищу?
 Конечно не даромъ спустилось на землю
 Собраніе свѣтлое силы небесной!
 Навѣрно Его окружаетъ оно,
 Онъ долженъ быть въ этихъ священныхъ мѣстахъ.
 Но гдѣ-же? Когда въ Гевсиманіи былъ Онъ,
 Тамъ было глубокой все тьмою покрыто.
 А здѣсь-же, весь холмъ этотъ тлѣнья и смерти
 Лучами небеснаго свѣта облить,
 Поэтому здѣсь Онъ не можетъ и быть. —
 О, если-бъ мнѣ Ангелъ Его показалъ,
 Но смѣю-ль спросить Серафима объ томъ?
 Его показалъ-бы мнѣ можетъ безсмертный. —
 Несчастный! О, если узнаютъ меня
 По этой безмѣрной тоскѣ и смущенью, —
 Они удалиться велятъ мнѣ скорѣе. —
 Меня и замѣтить не могутъ они,
 Такъ въ думу глубокую всѣ погрузились

Объ этомъ великомъ, божественномъ мужѣ,
 Къ которому посланы Вѣчнымъ Самимъ.
 Но гдѣ-же Онъ? Гдѣ человѣкъ тотъ великій?
 Быть можетъ Онъ скрылся въ божественномъ храмѣ
 И молится снова усердно Творцу?
 Чтобъ видѣть никто изъ конечныхъ не могъ
 Страданій Его и кроваваго пота,
 Который лице покрываетъ Его. —
 Однако-же взоры всѣхъ жителей неба
 Стремятся къ холму, но не къ храму святому.
 Иль можетъ погибшему кажется такъ?
 Какъ низко упалъ ты, отверженный духъ,
 Не смѣешь и взоровъ отъ страма поднять,
 На Ангелсвъ свѣтлыхъ и вѣрныхъ Творцу,
 Хотя и осмѣлился въ образѣ свѣтломъ
 Явиться межъ ними, ты, бѣдный изгнанникъ!
 Ужель не смотрѣть мнѣ на холмъ этотъ тлѣнья?
 Быть можетъ, Онъ тамъ, гдѣ преступные люди
 За ихъ злодѣянія казнь получаютъ,
 Съ молитвой страданья Свои переносятъ,
 Которымъ рѣшился Себя здѣсь подвергнуть?
 Быть можетъ, гдѣ тлѣютъ останки умершихъ,
 Божественный молить во прахѣ Творца?
 И такъ, обращаю я глаза свои снова
 Туда-же, на холмъ этотъ тлѣнья и смерти. —

Сказалъ онъ и робкимъ полетомъ поднялся
 И тихо плыветъ въ сторонѣ надъ холмомъ.
 И долго напрасно все ищетъ глазами
 Его у подножья высокихъ крестовъ,
 Находитъ вдругъ взоромъ своимъ Іоанна.
 Онъ быстро слѣдитъ за глазами его. —
 Склонился Мессія въ глубокую ночь,
 И взоръ потухающій, слабый Его,
 Казалось, искалъ лишь покоя могилы. —
 Вдругъ въ ужасъ невольный пришелъ Аббадона,
 Глаза отвратилъ онъ и думаетъ такъ:

О... нѣтъ! невозможно! И это не Онъ!
 И можетъ-ли быть, чтобъ Онъ могъ умереть?
 Подобнаго съ Нимъ совершиться не можетъ!
 Но смѣю-ль, о, небо, объ этомъ судить я?
 И я не ошибся! Я вижу Его!
 О, да, это Онъ! тотъ божественный Самъ,
 Котораго видѣлъ въ страданіяхъ страшныхъ
 Во мракѣ ночномъ на Масличной горѣ, —
 Гдѣ Онъ, какъ конечный страдалъ и томился!
 Онъ жертва Твоя, о, Судья непреклонный!

И ниже къ холму опускается духъ.

Хочу я лежать здѣсь, во прахѣ земномъ,
 Такъ думалъ печальный, отверженный Ангель,
 Хочу я увидѣть конецъ суда Божья,
 И ежели смертные могутъ всѣ видѣть,
 Какъ терпѣть, томится страдалецъ великій,
 То будетъ изгнаннику также возможно. —
 Но что-же творится въ душѣ моей бѣдной,
 Ужели я чувствую сладость покоя?
 Иль можетъ быть страхомъ я такъ отуманенъ?
 Рождается-ль въ сердцѣ лучъ свѣтлой надежды?
 На вѣкъ уничтожену быть безъ возврата —
 Последняя, лучшая ты мнѣ надежда!
 Увы! не томи ты обманомъ меня!
 Мнѣ кажется будто-бы смѣю молить
 Теперь Правосуднаго, Вѣчнаго Бога,
 Чтобъ Онъ разрѣшилъ уничтожиться мнѣ. —
 — О, Ты! Правосудный Судья всего міра!
 Когда Тотъ божественный Мученикъ свѣтлый,
 Главу свою тихо склонить на крестѣ,
 И ежели въ память умершаго, Боже,
 Захочешь кого нибудь въ жертву избрать,
 Изъ падшихъ игнаниковъ сѣни небесной,
 Чтобъ ихъ на могилѣ Его уничтожить;
 Тогда избери меня, Боже Великій!
 Меня изъ преступниковъ большаго всѣхъ,

Меня — Аббадону на смерть осуди. —
 И больше не буду тогда я томиться,
 Не буду и пламя подземныхъ мученій
 Тобой уничтоженный, чувствовать духомъ,
 Я былъ — и Тобою потомъ уничтоженъ. —
 На вѣкъ исключенный изъ книги животной,
 Я буду изъ Ангеловъ вычеркнуть также,
 И даже изъ цѣпи всего мірозданья,
 Тобою, Создатель мой, буду забытъ я. —
 Смотри, о, Творецъ мой! предъ мощью Твоею
 Смиренно я голову здѣсь преклоняю. —
 Меня уничтожь, о, Судья всего міра,
 Чтобъ тихимъ дыханіемъ воздуха былъ,
 Иль даже лучемъ упадающимъ свыше,
 Какъ дымъ, я разсѣянъ въ пространствѣ громадномъ.
 Такъ смѣетъ печальный изгнанникъ мечтать,
 Лаская ужасной надеждой себя,
 Онъ радъ — и боится надежды той страшной. —
 И плаваетъ въ воздухѣ тихо надъ міромъ,
 И смотритъ на крестъ обгащенный весь кровью,
 То вдругъ устремляетъ свой взоръ боязливый
 На близкаго къ смерти Спасителя міра. —
 Моментъ промелькнетъ, и онъ думаетъ: Вотъ,
 Божественный долженъ сейчасъ умереть!
 И съ каждымъ моментомъ томится онъ думой —
 Что близокъ тотъ мигъ и отрадный, и страшный,
 Когда уничтожится онъ безъ возврата,
 И видимо образъ его помрачался. —
 Стоялъ онъ и силы свои напрягалъ,
 Чтобъ Ангела блескъ сохранить на себѣ. —
 И въ эти минуты, когда онъ со страхомъ,
 Всѣ силы душевныя такъ напрягалъ,
 Блуждающій взоръ съ безпокойствомъ смотрѣлъ
 На прежнихъ, не павшихъ и свѣтлыхъ собратій,
 И вдругъ въ отдаленіи отверженный видитъ,
 Надъ правымъ крестомъ, на которомъ висѣлъ

Распятый разбойникъ, прощенный Мессіей, —
 Собрата любимого нѣкогда страстно,
 Облитаго свѣтомъ небесныхъ лучей,
 Былъ созданъ онъ вмѣстѣ съ святымъ Серафимомъ,
 Великій и страшный то былъ — Абдіиль.
 Покрылся для взоровъ погибшаго тьмою
 Весь кругъ лучезарный Хранителей міра.
 Ему стало тѣсно во всемъ мірозданьи. —
 Тренещеть, боится отверженникъ жалкій,
 Что другъ его прежній узнаетъ теперь.
 И все, что въ немъ было безсмертнаго силы,
 На помощь съ отчаяньемъ онъ призываетъ,
 Чтобъ только неузнаннымъ быть Абдіиломъ.
 Какъ будто изъ дальнихъ міровъ и въ другіе
 Создателемъ посланъ былъ вдругъ злополучный,
 И больше не смѣя промедлить здѣсь мига,
 Такъ былъ озабоченъ и мраченъ погибшій.
 Онъ взоръ къ Абдіиду съ тоской обращаетъ,
 И тихо, и робко ему говоритъ:
 — Скажи мнѣ, о, другъ мой, быть можетъ, ты знаешь
 Когда умереть Искушитель здѣсь долженъ?
 Я больше не смѣю пробыть на землѣ,
 Но часъ тотъ священный желалъ-бы узнать;
 Тотъ часъ, предназначенный Богомъ Самимъ.
 Чтобъ встрѣтить съ глубокой душевной молитвой
 Его и тогда мнѣ, когда-бъ я леталъ
 Въ пространствѣ безбрежномъ въ мірахъ отдаленныхъ.
 Лице свое строгое вдругъ обращаетъ
 Къ нему Абдіиль, съ состраданьемъ и грустью,
 И нѣжно ему говоритъ: Аббадона!!! —
 Какъ смертная блѣдность смѣняетъ румянецъ
 Внезапно убитаго юноши громомъ,
 Такъ сумракъ подземнаго ада объялъ
 Лице Аббадоны. — печальнаго духа. —
 Увидѣли всѣ помраченнымъ его,
 Унесся онъ быстро изъ свѣтлаго круга.

Когда въ отдаленіи отъ сонмовъ небесныхъ,
 Упалъ онъ безъ силы близъ пальмовыхъ рощъ,
 Тогда показался съ другой стороны,
 Той рощи, трепещущій духъ мертвеца,
 Мрачнѣй и ужаснѣй онъ былъ Аббадоны.
 Небесныя силы всѣ видятъ его,
 И тихо бесѣдуютъ между собою:

Но кто, тотъ несчастный, отверженникъ страшный,
 Который идетъ къ намъ изъ пальмовыхъ рощъ?
 Какая печать отверженія Божья
 Лежитъ на челѣ искаженномъ и мрачномъ,
 Какъ кара Создателя — вѣчная смерть —
 И смѣетъ легѣть онъ въ собраніе наше!

Теперь мнѣ понятно небесный соборъ,
 И ты, узнаешь-ли Аббадона тамъ,
 Владыку умершихъ, отверженныхъ душъ,
 И Ангела смерти предателей гнусныхъ?

Погибшаго ближе къ кресту онъ ведетъ,
 И видятъ безсмертныя тѣнь мертвеца. —
 Онъ мраченъ, какъ ночи глубокой покровъ,
 Покрывшій внезапно земныя долины,
 И страхъ на челѣ искаженномъ лежитъ.
 Какъ будто вездѣ, гдѣ-бы ни былъ погибшій
 Готовъ разразиться громъ неба надъ нимъ,
 Готова земля поглотить въ свои нѣдра.
 Онъ Ангела грознаго хочетъ избѣгнуть,
 Но гнѣвно Аббадонъ несется за нимъ,
 И держитъ въ рукѣ своей пламенный мечъ,
 Съ проклятіемъ страшнымъ велитъ мертвецу
 Не трогаться съ мѣста и слушать его:

Смотри! Вотъ Виѳанія здѣсь предъ тобою,
 А далѣе, видишь — Каіафы дворецъ,
 А ниже, погибшій, ты видишь вонъ тамъ,
 Тотъ домъ, гдѣ и ты отъ Учителя-принялъ
 Священную память о смерти Его. —
 А вонъ, Гевсиманіи тихія рощи,

Гдѣ брошенный трупъ твой безъ жизни лежитъ.
 Дрожишь ты отъ страха? Но съ мѣста не тронься.
 Онъ огненный мечъ передъ нимъ потрясаетъ.
 А вонъ, предъ тобою, смотри на крестъ,
 Который темнѣе и выше другихъ,
 Распятый Мессія — Господь Іисусъ. —
 Онъ здѣсь умираетъ за родъ человѣковъ
 Онъ Богу, какъ жертву, приносить Себя,
 Чтобъ жизнь человѣка и смерть усладить,
 Избавить отъ смерти и вѣчныхъ страданій.
 Отъ смерти, кѣторою мучишься ты, —
 Чтобъ послѣ возвысить и всѣхъ освятить ихъ,
 Могли чтобъ увидѣть они Божество,
 Святые тѣ язвы, откуда струится
 Теперь Искупленія чистая кровь,
 Блестать лучезарно всѣ нѣкогда будутъ,
 Когда, какъ всемірный Судья Онъ придетъ,
 Теперь отвори-же мертвецъ свои взоры. —

Съ отчаяньемъ страшнымъ мертвецъ отвернулся
 И быстро Оббадонъ погналъ его прочь
 Отъ круга блестящаго Ангеловъ свѣта. —
 Несутся далеко они надъ мірами.
 Лежала безмолвно предъ взорами ихъ
 Вся необозримая даль мірозданья,
 И душу Іуды страшила невольно. —
 Представилось думамъ смущеннымъ мгновенно
 Величіе все Вездѣсущаго Бога.
 Отъ страха онъ долго дрожалъ и не могъ
 Ужасному спутнику слова промолвить.
 Потомъ умоляя сказалъ онъ ему:

О, Ангелъ ужасный, пылающій гнѣвомъ!
 Страшнѣйшій изъ всѣхъ, умоляю тебя,
 Меня уничтожь ты, мечемъ громоноснымъ!
 Къ Предвѣчнаго трону меня не веди.

Молчи! Повинуйся велѣньямъ моимъ!

Сказалъ Ангелъ смерти и гнѣвно погналъ

Томимую страхомъ предателя душу, —
 Несется съ ней дальше, міры пролетая.
 Приводить къ блестящему солнцу ее,
 Мечемъ своимъ огненнымъ онъ показалъ
 Предателю издали небо, гдѣ Богъ
 Въ величій грозномъ Своемъ возсѣдаетъ.
 Хотя былъ во мракѣ священномъ Создатель
 И пѣсни блаженства той жизни безсмертной
 Теперь не звучали торжественнымъ гимномъ,
 Однако достойно Божественной славы,
 Все было величія полное небо.
 Исполнено тихаго счастья святаго,
 Жилище покоя небеснаго было. —
 Не можетъ и мысль человѣка представить
 Себѣ всей божественной той красоты,
 Которая въ небѣ небесъ отражалась.
 Обадновъ къ погибшей душѣ обращаясь,
 Торжественно голосомъ тихимъ сказалъ:
 — Здѣсь видишь ты мѣсто величія Божья,
 Гдѣ въ полномъ сіяніи славы Своей
 Господь появляется взорамъ любимыхъ,
 Имъ избранныхъ жителей свѣтлаго неба, —
 Отъ взоровъ конечныхъ Создатель сокрылся
 На тронѣ, покрытомъ глубокою ночью.
 Склонись-же ты съ трепетомъ здѣсь передъ Нимъ,
 Пусть гложетъ отчаянье сердце твое.
 Глаза твои видѣть еще не могли
 Той ночи священной величія Божья,
 А холмъ тотъ, который ты видишь вдали
 Зовется Сіономъ въ обители неба,
 И Тотъ, Кто страдаетъ теперь за людей,
 На немъ своихъ вѣрныхъ къ Себѣ созоветъ,
 И ихъ милосердьемъ Своимъ наградить.
 А эти двѣнадцать престоловъ златыхъ,
 Они лучезарно блистаютъ, какъ солнца, —
 Апостоламъ ихъ приготовилъ Своимъ

Въ награду Великій Ходатай людей, —
 Апостолы будутъ на этихъ мѣстахъ
 Съ Нимъ вмѣстѣ судить прегрѣшенія міра.
 Ты, также Апостоломъ былъ, о, Іуда! —
 Напрасны страданья твои и мольбы,
 Чтобъ я уничтожилъ погибшій тебя.

Смотри-же, какъ здѣсь необъятно величье,
 Такъ будутъ и муки твои безпредѣльны. —
 Напрасно ты хочешь свой взоръ отворить
 Отъ прелести дивной небесныхъ высотъ!
 Познай всемогущество Бога Судьи. —
 Стой здѣсь неподвижно, какъ въ морѣ скала,
 И тихо смотри на все это величье.

Предъ этимъ великимъ, торжественнымъ небомъ,
 Стой тихо предъ мирнымъ покоемъ избранныхъ,
 За нихъ умираетъ Христосъ на крестѣ. —

И быстро понесся на небо Обаддонъ,
 Достигнулъ онъ высшаго солнца и тамъ,
 Съ усердной молитвой склонился безмолвно,
 Потомъ возвратился къ погибшей душѣ,
 Которая вѣчною смертью томилась,
 Молила, чтобъ Ангелъ ее уничтожилъ. —

Мертвецъ, обратись-же, и слѣдуй за мною!
 Тебя провожу я въ подземную пропасть,
 Гдѣ вѣчное будетъ жилище твое. —

Такъ голосомъ грома сказалъ Ангелъ смерти.
 И быстро въ пространствѣ понесся съ погибшимъ. —
 Все ближе и ближе они подлетаютъ
 Къ подземному аду и слышать вдали
 На самомъ краю сотворенныхъ міровъ
 Неистовый грохотъ и стоны и вой.
 Тотъ хаосъ далеко въ мірахъ раздавался. —
 Кишитъ и клоочетъ бушующій адъ,
 Въ границахъ, гдѣ Богъ приказалъ ему быть.
 Онъ тамъ въ безпорядкѣ, безъ всякихъ законовъ,
 Мѣшаясь, волнуется съ грохотомъ дикимъ;

То стихнетъ и медленно движется онъ,
 То быстрымъ движеніемъ все потрясаетъ,
 И съ визгомъ несется, и рушится съ свистомъ.
 Такъ Богъ повелѣлъ ему жителей ада,
 И новыхъ преступниковъ пламенемъ дикимъ
 И вѣчною смертію наказывать страшно.

Когда они къ пропасти той приближались,
 Сильнѣй и страшнѣе она волновалась;
 Отверженный грѣшникъ и спутникъ его
 Теперь перешли за черту всѣхъ міровъ,
 Спустились къ воротамъ подземнаго ада;
 И Ангелъ, который былъ стражею бездны,
 Увидѣлъ Обаддона, Ангела смерти,
 А съ нимъ и погибшаго грѣшника душу.
 Она напрягала всѣ силы и билась,
 Желая избѣгнуть той пропасти страшной.
 Но спутника грознаго пламенный мечъ
 Летѣлъ ее далѣе все принуждалъ. —
 Могучій хранитель подземнаго ада,
 Поставленный Богомъ на стражѣ Архангелъ
 Предъ ними ворота тогда отворилъ,
 И долго Обаддонъ съ погибшей душою
 Стоялъ передъ входомъ въ ужасную бездну.
 Дороги-же не было въ страшную пропасть,
 Надъ самымъ обрывомъ утесы висятъ,
 Спаленные пламенемъ адскихъ огней,
 Который пылаетъ въ разсѣдинахъ ихъ,
 Но дикихъ утесовъ онъ тѣхъ не сжигаетъ.

Съ бессмысленнымъ взоромъ, безумія полнымъ,
 Безмолвный и блѣдный сидѣлъ неподвижно
 Надъ бездною духъ ужаса, глубь созерцая,
 И долго стоялъ надъ могилою той страшной
 Свершитель божественной воли и мщенья.

Не дремлетъ и мига здѣсь вѣчная смерть,
 Ты будешь немолчно томиться Іуда.

Сказалъ и отъ бездны подземнаго ада

Могучій свой взоръ отвратилъ Серафимъ,
И только опущенный пламенный мечъ
Указывалъ путь мертвецу въ глубину: —

Вотъ мѣсто твое — и отверженныхъ всѣхъ!
Теперь умираетъ Христосъ на крестѣ,
Отъ смерти чтобъ вѣчной избавить людей
И всѣхъ согрѣшившихъ, страдающихъ здѣсь. —

Сказалъ Серафимъ и въ ужасную пропасть
Низвергнулъ погибшую душу Іуды.
Самъ быстро понесся изъ страшнаго ада
Чрезъ всѣ сотворенные Богомъ міры
Къ божественной жертвѣ, на гору Голгоѳу.
Туда прилетѣлъ и стоитъ, ожидая
Велѣнія гнѣвнаго онъ Божества. —

ПѢСНЬ X.

Все дальше иду я по страшной дорогѣ,
И ближе все къ смерти Предвѣчнаго Сына.

Когда-бъ эта дивная смерть не была
Великою жертвой любви безпредѣльной
И бывшей еще до начала міровъ,
Тогда-бы невольно мой духъ изнемогъ
Подъ бременемъ страшнымъ святыхъ размышлений.

Кругомъ меня бездна съ обѣихъ сторонъ;
По лѣвую сторону слышу я голосъ:

„Будь робокъ, ты славимъ Великаго Бога!“

Но справа я слышу другое воззванье:

„Съ достоинствомъ пылкимъ воспой Божество!“

Но я-же не больше, какъ тлѣнье и прахъ! —

Пролившій священную кровь на Голгоѣ,

Твоя вездѣсущность меня окружаетъ!

Ты знаешь всѣ тайныя думы мои,

Провидить и все созерцаетъ Твой взоръ.

Ты знаешь, о, Боже! и каждое слово,

Которое выразить хотеть языкъ!

Господь мой, и Богъ мой! Ты мой Искупитель!

Ходатай, напутствуй меня Своимъ свѣтомъ.

Когда-же споткнухъ я на страшномъ пути,

Прости мою слабость, Господь милосердный!

Одно лишь мерцанье Твоей благодати

Стремленье къ познанью во мнѣ озарить,

И капля одна милосердія, Боже,

Съ избыткомъ всю жажду души утолить.

Предъ трономъ, который до этой минуты
 Блисталъ красотою, величьемъ и славой,
 Теперь-же покрытымъ глубокою ночью,
 Гдѣ больше не слышно и пѣнья безсмертныхъ, —
 На нижнихъ, дрожащихъ ступеняхъ стоитъ,
 Колѣна склонивъ, и съ молитвой во взорахъ,
 Въ нѣмомъ ожиданіи руки сложивъ,
 Одинъ изъ первѣйшихъ Архангеловъ смерти.

Съ высокаго трона, объятаго мракомъ,
 Слѣдилъ постоянно Господь Іегова
 За Сыномъ Предвѣчнымъ, Спасителемъ грѣшныхъ. —
 Сквозь солнца и рядъ безконечный міровъ,
 Сквозь сумракъ безмолвный великой природы,
 Смотрѣлъ Вседержитель тѣмъ взглядомъ Своимъ;
 Который понятенъ и чувствуемъ былъ,
 Однимъ только Тѣмъ, на Кого устремлялось
 Создателя око съ небесныхъ высотъ.
 И чувствуетъ Онъ, Икупитель людей,
 Отца и Судьи Правосуднаго взоры. —
 И знаетъ, что гнѣвенъ еще Іегова,
 Божественный мученикъ чувствуетъ это,
 Проникнутый близостью смертнаго часа. —
 Міры содрагаются въ нѣдрахъ глубокихъ,
 Стоять всѣ безсмертные тихо кругомъ,
 Въ нѣмомъ удивленіи, печальны, унылы,
 Имъ чувства Предвѣчнаго Сына понятны.
 Предсмертная блѣдность все больше и больше
 Страдалца святаго лице покрываетъ,
 И взоръ потухающій, слабый Его,
 Блуждая внезапно упалъ на гробницу,
 Избѣченной въ камнѣ скалы одинокой,
 Близъ самой Голгофы, подъ тѣнью деревьевъ:

Ты близокъ сонъ смерти, я чувствую это
 И тамъ мое тѣло заснетъ уже скоро. —

Такъ думалъ Христось, когда взоръ Его слабый
 Упалъ на отверстіе новой гробницы. —

За тѣмъ я и взялъ это тѣло изъ праха!
 Но тамъ не должно оно тлѣнью предаться,
 А только уснувшее будетъ лежать. —
 Отецъ мой! Утѣшь эти горькія слезы,
 Которыя здѣсь обо мнѣ будутъ литься,
 О, сжался надъ тѣми, которые будутъ
 Здѣсь плакать объ Сынѣ Твоемъ, Іисусѣ!
 Въ то время, какъ часъ ихъ послѣдній настанетъ,
 Имъ посланный свыше, по волѣ Твоей,
 Тогда Ты, о, сжался надъ ними, Отецъ мой!
 Отецъ мой Божественный, сжался надъ тѣми,
 Кто вѣруетъ въ Вѣчнаго Сына и Бога,
 Принесшаго въ жертву себя за людей.
 Хотя-бъ эта вѣра коснулась ихъ сердца,
 И даже въ послѣдній предсмертный ихъ часъ!
 Увы! я предвижу, предчувствую смерть!
 Страхъ Вѣчнаго Бога скрывается въ ней!
 Ужасна, какъ мечъ она въ грозной десницѣ
 Творца Всемогущаго — Бога Судьи!
 Но все, что я чувствую въ это мгновенье,
 Того не почувствуетъ въ жизни никто;
 Они всѣ конечны на этой землѣ;
 Одной только капли изъ моря страданій,
 Въ которое бросилъ меня Ты, Отецъ.
 Достаточно будетъ, чтобъ ужасы смерти
 Разлить въ человѣческой слабой душѣ. —
 Отецъ мой Божественный, Ты предназначилъ,
 Одни, лишь заснули-бъ изъ рода людскаго,
 Другіе-же смертью должны умереть.
 Ужели должны будутъ смертью погибнуть
 Тобою любимые, Боже, Отецъ?
 Господь милосердый! О, сжался надъ всѣми,
 Которые помощи жаждутъ Твоей,
 Которые въ часъ ихъ боренія съ смертью,
 Къ Тебѣ прибѣгаютъ съ молитвою, Боже!
 А также надъ тѣми, которыхъ страданья,

Измучивши въ жизни, въ могилу свели,
 Но вѣрными были до гроба Тебѣ,
 Хотя ихъ тяжелая крайность томила. —
 Надъ тѣми, кто вѣренъ друзьямъ своимъ былъ,
 И даже враговъ своихъ благословлялъ,
 Какъ братьевъ, душою любилъ всѣхъ людей,
 Которыхъ дѣла были кротки, смиренны,
 Кого ни богатство, ни слава земная
 Отъ дѣлъ добродѣтельныхъ не оттолкнули,
 Надъ тѣми, кто съ чистой сердечной любовью,
 Смотри по дарованной имъ благодати,
 Всѣ, больше или меньше служили Тебѣ,
 О, сжалясь надъ ними въ послѣдній ихъ часъ,
 Когда помрачится безжизненный взоръ,
 И тлѣныя потребуешь тѣло земное,
 А душу безсмертную Богъ Всемогущій!
 О, влей Ты въ ихъ души, тогда утѣшенье,
 И дай имъ покой, о которомъ они
 Тебя неотступно, усердно такъ молятъ.
 О, Ты! Милосердый и полный любви!
 Во имя кровавыхъ, живыхъ моихъ ранъ,
 Во имя вѣнца, обогрившаго кровью
 Чело мое блѣдное, я умоляю,
 Во имя жестокихъ, предсмертныхъ страданій,
 Потрясшихъ такъ сильно въ костяхъ моихъ мозги,
 Во имя всего, что я выстрадалъ здѣсь,
 Страдаю и буду страдать еще долго;
 Во имя любви той, съ которою я
 Предпринялъ спасеніе рода людскаго,
 До крестной здѣсь смерти унизивъ себя,
 Услыши, Отецъ мой, моленье мое!
 Пошли тѣмъ въ послѣдній ихъ часъ утѣшенье,
 Которыхъ, какъ братьевъ я нѣжно любилъ,
 Которые вѣрными мнѣ оставались
 И даже въ послѣднія эти минуты;
 Награду имъ дай Побѣдителя смерти. —

Такъ думалъ Господь предпринявшій спасенье,
 Еще до минуты созданія міра,
 И крестною смертью его совершившій.
 Любви, состраданія полный Господь,
 Великій и вѣчный Онъ Первосвященникъ
 Съ молитвой усердной стремился войти
 Теперь къ Всеблагому въ Святая-святыхъ.

Отъ мрачной гробницы Свой взоръ отвративъ,
 Свой взоръ человѣческихъ полный страданій,
 Онъ смотритъ въ то мѣсто, гдѣ мертвое море,
 Гдѣ Адрамелехъ съ Сатаню лежали.
 Какъ только Господь на крестѣ умиравшій
 Туда обратился, гдѣ мертвое море;
 Такъ быстро весь ужасъ земли потрясенной
 На самую низшую степень забросилъ,
 Терзаній и бѣдствій обоихъ погибшихъ.

И такъ совершилось рѣшеніе Божье,
 Которое выразилъ Онъ бывъ въ Эдемѣ:
 Что сѣмя жены главу змія сотретъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ страдалъ на крестѣ Искупитель
 Почувствовалъ адъ Побѣдителя судъ.
 Томились терзаньями бездны подземной
 Всѣхъ болѣе Адрамелехъ съ Сатаню.

Какъ будто, раздавленный страшнымъ утесомъ
 Томимый подземнаго ада мученьемъ
 Съ какимъ-то ужаснымъ хрипѣньемъ глухимъ
 Собороту едва простоналъ Сатана:

Скажи мнѣ, ты чувствуешь-ли какъ и я
 Всѣ тѣ нестерпимыя адскія муки,
 Которыя въ каждомъ сокрытомъ изгибѣ
 Порочнаго сердца горятъ непрестанно,
 Томительной, страшной и вѣчною смертью?
 Проклятому грѣшнику я бы желалъ
 Пока не изсякли во мнѣ еще силы,
 Весь ужасъ мученій своихъ передать!
 Безсильна вся пропасть подземнаго ада

Представить картину тебѣ тѣхъ терзаній,
 Которыя въ сердцѣ гнѣзятся моемъ,
 Однако-же слушай, проклятый, меня,
 Я жажду открыть предъ тобою ихъ всѣ,
 И если не чувствуешь всѣхъ ты страданій,
 Которыя душу мою раздирають,
 То все, что скажу я тебѣ въ этотъ мигъ,
 Въ ужасное бѣдствіе свергнетъ тебя. —
 Ты долженъ все чувствовать вмѣстѣ со мною,
 Страшиться невольно ужасныхъ предчувствій
 И духомъ предъ будущимъ всѣмъ трепетать!
 О, слушай, какъ низко отъ бѣдствій я палъ,
 Что даже всѣ муки твои въ этотъ мигъ
 Не радуютъ больше меня, какъ бывало!
 Такъ низко, какъ видишь, что самъ сознаю,
 Томимый болѣзью, хотя и съ досадой,
 Но долженъ сознаться, что Онъ Всемогущій!
 Онъ Вѣченъ Создатель и Богъ Вседержитель!
 А я-же ничтожный, о, кто я такой?
 Чудовище мрачное, страшное ада!
 Низверженный въ пропасть глубокую бездны,
 Которая давитъ меня своимъ гнетомъ,
 На мнѣ тяготѣють всѣ муки ея. —
 И гнѣвно Создателя судъ мнѣ грозитъ!
 И счелъ-ли достойными насъ Онъ ничтожныхъ,
 Проклятыхъ и вѣчною смертію убитыхъ,
 Чтобъ въ бездну низвергнуть карающимъ громомъ:
 Нѣтъ! Ангелъ Его намъ велѣлъ улетѣть,
 Не смѣя противиться, мы удалились. —
 Во имя кого-же тотъ Божій посланникъ
 Изъ міра земнаго велѣлъ намъ исчезнуть?
 Но что совершается снова со мною?
 Какой еще новый мнѣ судъ угрожаетъ?
 Не смѣю назвать я великое имя!
 А Онъ умираетъ, быть можетъ, теперь,
 Чье имя заставило насъ убѣжать, —

Кого мы такъ долго преслѣдовать смѣли,
 И съ этою думою, мнѣ непонятной,
 Являются новыя, страшныя муки.
 Стрѣлой раскаленной проклятье и гибель
 Безсмертную жизнь сожигаютъ мою. —
 И ада подземнаго ночи страшнѣе,
 Меня окружаетъ все болѣе тѣма. —
 Не въ силахъ проникнуть я тайны той страшной.
 И это жестоко терзаетъ меня,
 Вездѣ только бѣдствія вижу однѣ,
 Которыхъ я жертвою вѣчною буду!
 Проклятый лишентъ я и самой надежды,
 Надежды мучительной, горькой и жалкой. —
 Міры всѣ, и ты, безпредѣльное небо,
 О, будьте вы хаосомъ адскаго мрака,
 И всѣ вы обруштесь скорѣй на меня,
 Сокройте отъ гнѣва Всесильнаго Бога! —

И гордый, разбитый самъ Адремелехъ,
 Со страхомъ и трепетомъ слушалъ тѣ стоны.
 Съ отчаяньемъ въ сердцѣ, съ безуміемъ дикимъ
 Рукою желѣзной схвативъ Сатану,
 Едва простоналъ онъ хрипѣніемъ робкимъ:
 — Послушай меня ты, и ежели хочешь
 Готовъ умолять я погибели духъ,
 О, слушай, чудовище страшное ада,
 Я чувствую мщенья ужаснаго муки,
 Томлюсь и страдаю я вѣчною смертью,
 Молю, помоги мнѣ отверженный духъ.
 Теперь я безсиленъ, чтобъ такъ ненавидѣть,
 Какъ злобно я прежде тебя ненавидѣлъ!
 Хочу проклинать тебя, адскаго духа,
 Языкъ-же не смѣетъ изрѣчь и проклятья,
 Просить твоей помощи долженъ погибшій,
 О, еслибы могъ еще мщеніемъ пылая,
 Тебя проклинать ненавистный преступникъ,
 Быть можетъ, хотъ капля одна утѣшенья

Въ проклятіяхъ этихъ была-бъ для меня.
 Но этого жаждетъ однако мой духъ,
 Хочу я и буду тебя проклинать. —

Вскричалъ и, какъ громомъ убитый уналъ
 Безъ чувствъ онѣмѣлый духъ Адрамелеха.

Такъ чувствуютъ оба могущество Божье.
 Далеко Богъ грозную руку простеръ,
 И гнѣвъ Его праведный чувствуютъ всѣ,
 Которые съ гордостью прежде возстали.
 И снова ревѣла подземная бездна,
 Съ отчаянной злобой и глухо, и страшно.

Но кончи, довольно пѣвица Сіона,
 Предъ взоромъ смущеннымъ моимъ открывать
 Топимую муками адскую бездну.
 Другое, священное зрѣлище тамъ
 Открыто, о, муза, теперь предъ тобою:
 Страданья и дивная, крестная смерть,
 Посредствомъ которой, Господь милосердый
 Мирить и сближаетъ Творца съ человѣкомъ.

Отъ мертваго моря Свой взоръ отвратилъ
 Опять Искупитель и смотреть съ любовью
 На сонмы безсмертныхъ, Его окружавшихъ;
 Стояли съ глубокою думой предъ Нимъ,
 Съ молитвой колѣна свои преклонивъ,
 И чувство любви безпредѣльной и вѣчной
 Проникло все тѣло Спасителя міра.
 И долго Ходатая взглядъ созерцалъ
 Тѣ души, которыя праха земнаго,
 Ни смертнаго тѣла еще не касались.
 Но скоро настанетъ торжественный мигъ,
 Въ который внезапно земля озарится,
 Явленіемъ безчисленныхъ душъ непорочныхъ,
 Другія столѣтья настанутъ въ то время. —
 Хотя не всегда разливается слава
 Дѣяній великихъ, отжившихъ людей,
 Въ потомствѣ грядущихъ за тѣмъ поколѣніи,

Однако забытая ихъ добродѣтель
 Еще отражается долго въ дѣлахъ,
 Какъ отблескъ примѣровъ, оставленныхъ ими.
 Такъ брошенный камень исчезнетъ мгновенно,
 Поглотится быстро рѣчной глубиною,
 Но долго еще разширяясь, круги
 Колеблеть поверхность блестящую водъ. —

И прежде, чѣмъ праха коснутся тѣ души,
 Которыя Ангелъ приноситъ на землю
 Для жизни ихъ смертной въ минуту рожденья,
 Запало сомнѣнье въ одну изъ тѣхъ душъ,
 И въ ней развиваются дума за думой,
 Ее озаряетъ мерцающій свѣтъ.

Все больше и больше я чувствую то,
 Что Онъ Безконечнаго Бога есть Сынъ.
 Какъ ярко сіяетъ то дивное солнце,
 Гдѣ мы обитаемъ по волѣ Творца,
 Такъ точно лице лучезарно Его,
 Но только отраднѣй, сильнѣй Его блескъ,
 И въ немъ непонятны думы таятся.
 На Ангеловъ свѣтлыхъ, любимыхъ такъ нами,
 Божественный образъ Его не похожъ.
 Подобенъ Онъ людямъ, которые здѣсь
 Стоять, окружая безмолвно Его.

Въ одномъ только образѣ сходство и есть,
 Съ Божественнымъ Сыномъ у этихъ людей... —
 Въ ихъ образѣ грустное что-то таится,
 И низкія противъ Создателя думы,
 Но что-же съ людьми совершиться должно?
 И мы будемъ также все посланы къ людямъ
 Въ ихъ тлѣнное тѣло и мы облечемся,
 Но жить въ немъ недолгое время лишь будемъ.
 Потомъ возвратимся все къ Вѣчному ближе.
 О, есть-ли другіе гдѣ люди еще,
 Къ которымъ насъ будетъ Творецъ посылать?
 Иль эти одни только дѣти Адама?

И ежели эти потомки Адама,
 То нашими братьями будутъ они.
 Мнѣ будто другая казалась земля
 Тогда, какъ Адама я видѣла спящимъ,
 Тотъ міръ былъ прекрасенъ и полонъ величья,
 Однако пусть воля Твоя совершится,
 Отецъ человѣковъ и Ангеловъ свѣтлыхъ,
 Да будетъ священная воля Твоя.
 Отца Всеблагого, Предвѣчный Ты Сынъ!
 Изъ всѣхъ сокровенныхъ божественныхъ тайнъ,
 Одно не понятно мнѣ болѣе всѣхъ,
 Что ты здѣсь страдаешь Великій Сынъ Божій
 И тамъ, гдѣ Божественный Ты пригвожденъ,
 Конечная жизнь истекаетъ Твоя,
 Изъ чистаго тѣла, Ты чувствуешь это.
 О, вы Серафимы, любившіе прежде
 Въ бесѣдахъ отрадныхъ меня поучать,
 За чѣмъ-же не скажете слова вы мнѣ?
 Я лишь безотчетно въ себѣ сознаю,
 Что жизнь истекая изъ чистаго тѣла,
 Которымъ Божественный ты облачился,
 Быть можетъ, мнѣ ближе, чѣмъ имъ Серафимамъ.
 О, какъ безпредѣльно Его я люблю,
 Во мнѣ это чувство проснулось сильнѣе,
 И ежели-бъ могъ Онъ любить меня также.
 Тогда Онъ простилъ мнѣ-бъ, быть можетъ, пятно то,
 Которое пало на всѣхъ безъ изъятія,
 Грѣхомъ первобытнымъ меня омрачивъ,
 Тогда умолилъ-бы Онъ Вѣчнаго Бога
 Простить и дозволить мнѣ зрѣть Божество!
 О, Ты! Сотворившій меня Вседержитель,
 Исполни во мнѣ Ты дѣло Твоихъ рукъ,
 О, Боже, желанья мои увѣнчай,
 Стремленія добрыя духа къ блаженству,
 Та радость блаженства, въ Тебѣ Безконечный,
 Дозволь-же Господь мой приблизиться мнѣ

Къ источнику вѣчнаго блага — къ Тебѣ. —
 Такъ молится тихо въ мечтаньяхъ душа,
 И чистыя думы ея ненапрасны. —
 Господь, создавая творенье Свое,
 Предвидить, что съ нимъ совершиться должно.
 Такъ душу готовилъ Онъ эту для жизни,
 Земныхъ испытаній, страданья и горя,
 Чтобъ послѣ ей вѣчную жизнь даровать. —
 И быстро блаженное время промчалось
 И часъ благодатный теперь наступилъ,
 Котораго ждали всѣ Ангелы неба. —
 Стоять надъ крестомъ въ ожиданьи нѣмомъ
 Хранители свѣтлые будущихъ дней
 Всѣхъ душъ приближавшихся къ жизни конечной. —
 Имъ всемо повелѣнье дастъ Искупитель
 И благословенье Свое умирая:

Идите на землю, живите и вѣрьте,
 Себя побуждайте тамъ духомъ смираясь!
 Любилъ безпредѣльно и нѣжно я васъ
 Еще до минуты созданія міра. —

И тихо хранители ихъ понесли
 Въ обитель земную, въ жилище лишеній.
 Но имъ недозволено помнить той свѣтлой
 Отрадной минуты, когда созерцали
 Они на крестѣ умиравшаго Бога. —
 Лишь чистыя думы останутся въ нихъ
 Съ сознаніемъ свѣтлымъ объ этомъ блаженствѣ,
 И будутъ до гроба ихъ жизнь озарять. —

Одна изъ прекраснѣйшихъ душъ тѣхъ была
 Тебѣ, Тимофей, предназначена Богомъ. —
 Чтобъ былъ ты и въ юности пастыремъ вѣрнымъ,
 Чтобъ съ вѣрой горячею принялъ ученье
 Умершаго, послѣ воскресшаго, Бога.
 Избранникъ Мессіи, гонителемъ бывшій
 Поклонниковъ истинной вѣры Христовой,
 Потомъ Побѣдителя смерти Апостолъ,

Самъ Павелъ избралъ тебя паствы главою.
 Въ послѣдствіи смертию своею привелъ
 Ты тысячи грѣшныхъ къ познанію правды
 И вѣчную, лучшую жизнь имъ открылъ. —

Въ тотъ день, когда мертвые всѣ соберутся,
 Господь Іисусъ назоветъ имена
 Всѣхъ бывшихъ свидѣтелей смерти Его.
 И васъ нерожденныхъ еще въ это время
 И всѣхъ Своею славою Онъ увѣнчаетъ. —

Когда Судія всего міра придетъ
 И будетъ на Патмосѣ грѣшныхъ судить,
 Получить Антипій отъ Бога награду.
 Безсмертное имя Твое, Іисусъ
 Тогда съ торжествомъ назовешь передъ всѣми,
 И будешь любить, ты, Пришедшаго въ міръ
 За тѣмъ, чтобъ спасти человѣка отъ смерти,
 Душею и сердцемъ до самаго гроба.

Въ псалмахъ со слезами блаженства воспѣлъ
 Ходатая міра, Умершаго плотью
 И послѣ воскресшаго Сына, о, Гермъ,
 Возшедшаго къ небу со славою Мессію,
 Его Милосердаго къ смертному роду,
 Предвѣчнаго Сына, Судью всего міра. —
 Псалмы твои будутъ въ пещерахъ пустынныхъ
 Гонимыми вѣрными громко воспѣты,
 Они будутъ пѣть ихъ въ послѣдній мигъ смерти,
 Когда убивать, Его ради, ихъ будутъ. —

Забудеть Оивея всѣ слабости пола,
 Въ которомъ родиться назначено ей,
 И добрымъ дѣяньямъ себя посвятить.
 Всѣхъ бѣдныхъ помощницей вѣрною будетъ,
 Словами отрады больныхъ утѣшая,
 Напутствовать будетъ къ безсмертію души
 Святой благодатью небеснаго міра.
 Любовь безпредѣльную имъ открывая
 Предвѣчнаго Сына, съ которою Онъ

Предъ треномъ Всевышняго ждеть утомленныхъ
 Страданьемъ и тяжелой борьбою со смертью,
 Хранить на землѣ ее Ангелы будутъ,
 Невинной и чистой они принесутъ
 Ее ко Христу, Искупителю міра.

Избѣгнувъ сомнѣнья и мудрости ложной,
 Всю истину мудрыхъ ученій Христовыхъ
 Познаеть въ послѣдствіи Ирадіонъ.
 Познаеть, что въ мірѣ земномъ возвышался,
 Надъ всѣми не силой чудесь лишь Мессія,
 А болѣе правдой, что волю Онъ Бога
 Созданіямъ смертнымъ всегда открываль. —
 Очей ослѣпленныхъ ученіемъ ложнымъ,
 Коснется вдругъ свѣтъ благодати небесной,
 Отдасть за Спасителя жизнь онъ свою. —

Могучій молитвенникъ былъ Епафрасъ;
 За преданность къ Сыну Предвѣчнаго Бога
 Оковы тяжелыя вмѣстѣ носилъ
 Съ Апостоломъ Павломъ и былъ въ заточеньи,
 Усердно молился за грѣшный народъ,
 И благословеніе свыше призывалъ
 Своими молитвами на Колосянъ,
 И послѣ, когда Иисуса Пророкъ
 Всѣмъ Лаодикійцамъ предсказывать будетъ
 Рѣшеніе смерти на Патмосѣ дикомъ,
 За ихъ охлажденіе къ вѣрѣ въ Мессію,
 То даже и въ этомъ послѣднемъ рѣшеньи
 Творца милосердіе видно еще,
 Внимая горячимъ мольбамъ Епафраса,
 Обѣщано было народу тому
 Одеждою бѣлой его наградить,
 И дать Побѣдителя смерти вѣнецъ. —

Страданьемъ и горемъ испытана будетъ
 Невинная, кроткая духомъ Перзида,
 Молитвы и горькія слезы ея
 Откроютъ блаженства небеснаго путь ей.

Презрѣніе къ славѣ покажетъ Апелій,
 А также и къ почестямъ міра земнаго,
 И все одобренія мудрыхъ онъ презритъ,
 Та мудрость лишь дѣйствія можетъ судить,
 Но тайны намѣренія ей непонятны,
 Тогда, когда дѣйствіе есть только тѣло, —
 Намѣреніе — духъ непонятный для смертныхъ. —
 Одной только думой займется Апелій
 И будетъ одно лишь стремленіе въ сердцѣ,
 Идти по слѣдамъ Искупителя грѣшныхъ. —

Не будетъ заслугою главной Климента
 Предъ Господомъ Богомъ его отдаленіе
 Отъ блеска и родственной съ Цезаремъ связи.
 Тирана не чтить ему было легко;
 Но противъ него мудрецы возставали,
 За то, что не чтить онъ обычаевъ Рима,
 Дѣлами отечества пренебрегалъ.
 И эти упреки, хотя огорчали
 Его благородную, нѣжную душу,
 Но долгъ христіянина при всемъ томъ считалъ онъ
 Священнѣйшимъ долгомъ и все что возможно
 Свершить челоуѣку, то сдѣлалъ Климентъ
 И славный страдальца вѣнецъ получалъ,
 Желалъ онъ ученью святому наставить
 Всѣхъ близкихъ къ великому трону Тирана,
 Но зналъ, что не будетъ онъ понятъ льстецами
 Ни самымъ властителемъ этихъ рабовъ,
 По этому въ низкомъ кругу быть рѣшился,
 И дѣлать, гдѣ можно, добро челоуѣку,
 Жить только для блага базмертной души. —

Хотя былъ и занятъ дѣлами Лукій,
 Однако всегда посвящалъ онъ молитвѣ
 Не малое время, и въ эти часы,
 Далеко былъ волненія міра земнаго,
 И далъ ему вѣчную жизнь Вседержитель.

О, странницы міра да будетъ примѣромъ,

Для васъ добродѣтель Трифены молодой. —
 Какъ вы всѣ любила Трифена душою,
 На сколько доступна любовь человѣку,
 Прекрасенъ былъ юноша ею любимый,
 И чувствъ тѣхъ достоинъ; но былъ онъ язычникъ,
 Рѣшился язычникомъ быть и до гроба,
 И краснорѣчивыхъ боясь убѣждений,
 А болѣе истинныхъ къ юношѣ чувствъ,
 Трифена на вѣки разстанется съ нимъ,
 Творцу принесетъ она въ жертву любовь.
 Ей вѣчная радость наградою будетъ,
 За эту святую, высокую жертву,
 Которую выполнить можетъ не всякій
 Изъ смертныхъ, рожденныхъ отъ праха земнаго.

Оставивъ волненія земныя всѣ Линъ,
 Въ себя погрузится, и сердце свое,
 Божественной мудрости онъ посвятить.
 О, слово Господне, глубокий источникъ
 Возвышенныхъ думъ всѣхъ и чувствъ благородныхъ.
 Тебя Линъ полюбитъ душою и сердцемъ. —
 Любимымъ занятіемъ будетъ его
 Цвѣтами могилы людей украшать,
 И съ благоговѣніемъ тихимъ молиться,
 О часѣ великомъ людей воскресенія. —

Троянъ добродѣтельный, тихій и кроткій
 На вѣкъ запятналъ свое доброе имя,
 Своимъ приговоромъ кровавымъ и смертнымъ
 Который изрекъ надъ Игнатіемъ онъ. —
 И съ радостью вытерпѣлъ муки Игнатій
 Во имя Мессіи — Божественной жертвы.
 О, пусть не дерзаютъ его обвинять
 Завистники въ томъ, что избранникъ Господень,
 Старался душою добиться той чести,
 Чтобъ славный страдальца вѣнецъ получить.
 Какъ блескъ лучезарный звѣзды возсіялъ,
 И также погасъ добродѣтельный мужъ,

Усердной молитвой и дивнымъ примѣромъ
Поддержать Игнатій глубокую вѣру,
Къ Спасителю міра въ друзьяхъ своихъ добрыхъ,
Когда, провожая до мѣста страданья,
Они со слезами прощаться съ нимъ будутъ,
Онъ имъ до послѣдней минуты той страшной,
Когда будетъ брошенъ звѣрямъ на съѣденье,
Любовь къ Исполнителю будетъ внушать.

Родители Клавдіи, братья и сестры
Въ язычествѣ будутъ до самой могилы,
Отецъ ея честный вполнѣ человѣкъ,
И нѣжная, добрая мать ее любятъ.
Душею и Клавдія имъ предана,
Но духомъ постигнувъ всю истину вѣры
Въ Спасителя міра, она принимаетъ
Сама христіанскую вѣру и въ ней
Окончитъ земное свое бытіе. —

Вдали отъ волненія міра земнаго
Постигнетъ высокія истины Амплій,
Изучитъ онъ сердце вполнѣ человѣка,
И будетъ стремиться исполнить велѣнье
Великаго, полного мудрости слова:

О, будьте, какъ Богъ, совершенны вы люди!
Ему это слово всегда будетъ слышно. —
Съ небесъ возсіяетъ надъ жителемъ праха,
Божественный лучъ Побѣдителя смерти,
И тихо онъ узкимъ и скорбнымъ путемъ
Достигнетъ обители полной блаженства.

Изучитъ всю свѣтлую мудрость Флегонтъ,
Ученѣйшихъ Грековъ. Богатый и знатный,
Какъ все предаваться онъ нѣгѣ не будетъ;
И всюду съ собою онъ будетъ вносить
Отрады и радости тихой бальзамъ.
Больныхъ утѣшая въ минуты страданья,
Нагимъ, неимущимъ давая одежду,
Дары еще лучшіе будетъ давать;

Совѣтъ драгоцѣнный душѣ изнемогшей.
 Не только изъ скромности будетъ скрывать,
 Но даже съ желаньемъ унизить себя,
 Онъ все свое знаніе мудрости брэнной,
 Познаетъ всѣмъ сердцемъ Спасителя грѣшныхъ,
 Людей Покровителя въ жизни и въ смерти.
 Когда-же онъ встрѣтитъ собрата по плоти,
 Который колеблется въ истинахъ вѣры,
 Тогда краснорѣчія сильнаго слово,
 Какъ свѣтлый источникъ польется изъ устъ,
 И путника жажду души утолитъ. —

Нѣжна отъ природы и полная чувствъ
 Была благороднѣйшей матерью нѣжной
 Трифозія въ жизни семейной своей.
 Взростить и дѣтей она въ вѣрѣ Христовой
 И будетъ опорой вѣрною церкви.
 И сыномъ послѣднимъ едва разрѣшившись,
 Окончить съ молитвой она свою жизнь.
 И съ плачемъ о томъ, что не можетъ какъ прежде
 И этого сына сама воспитать. —
 Дѣтей ея свыше Господь осѣнилъ,
 Внушили послѣдному старшіе братья
 Всѣ правила вѣры ученья Христова,
 Какъ мученикъ кончилъ онъ дни своей жизни.
 Тогда принесли эту душу страдальца
 Въ объятія къ матери вновь Серафимы,
 Надъ нимъ пролила она радости слезы,
 Но слезы тѣ не были равны слезамъ,
 Пролитымъ здѣсь ею въ минуту кончины.

Не метить и тогда, когда месть справедлива,
 Есть дѣло возвышенной, чистой души,
 А также любить оскорбляющихъ насъ,
 И дѣлать врагамъ своимъ въ тайнѣ добро,
 Есть дѣло достойное высшей награды,
 И это ты дѣлалъ отъ чистаго сердца.
 Я съ благоговѣньемъ тебя назову

Изъ смертныхъ достойнѣйшій ты, о, Ерасть!
Тебя съ уваженіемъ встрѣтили тамъ
Всѣ Ангелы неба, когда ты явилась,
Душа благородная къ трону Творца. —

И всѣ эти души по волѣ Мессіи,
Теперь на крестѣ умершаго тихо,
Уносятъ Хранители въ жизнь испытаній.
И съ ними надъ міромъ летятъ Херувимы,
Спускаясь все ниже надъ горной вершиной
Масличной горы, и все тише, и тише
Они въ Гевсиманію тихо спустились.

Когда-же достигли тѣхъ пальмовъ высокихъ,
Подъ тѣнью которыхъ Предвѣчнаго Сынъ
Впервые на судъ Всеблагого предсталъ,
Божественный трепетъ объялъ эти души,
И встрѣтили тамъ ихъ съ небеснымъ восторгомъ
Стоявшіе молча подъ тѣнью деревьевъ:
Принявшій въ объятія младенца Мессію
Избранникъ любимый Творца Симеонъ,
И тотъ, кто Создателемъ былъ удостоенъ
Крестить въ Иорданѣ Спасителя міра,
Увидѣтъ парившаго Духа Святаго,
Надъ Сыномъ Предвѣчнаго Бога Отца,
И слышать о Богѣ, глаголь Божества. —

Тамъ былъ и великій Пророкъ, предсказавшій
Объ жертвѣ святой Искушенія міра,
Провидѣвшій духомъ людей воскресенье:

О, слушайте, мертвыхъ изсохшія кости! (*)
Какъ сильно шумить и волнуется поле,
Встаютъ изъ могилъ своихъ мертвые всѣ. —
И вмѣстѣ съ великими былъ тамъ и Ной,
Котораго Вѣчный нашель непорочнымъ,
И Лоть съ Самуиломъ, тамъ былъ Ааронъ,
Пророкъ и священникъ, царь Мельхиседекъ,

(*) Пророчество Іезекииля.

И съ братомъ своимъ Веняминомъ Іосифъ,
 Семь отроковъ съ матерью нѣжною вмѣстѣ,
 Которые всѣ пострадали за вѣру,
 Саула и сынъ тамъ съ Давидомъ стоялъ,
 Но всѣ другъ отъ друга они отвратились,
 Боясь опечалить другихъ своей грустью.
 Марія сестра Моисея Пророка,
 И ты, о, Деввора, пророчица Божья,
 Стояли вы вмѣстѣ подъ тѣнью деревьевъ.

Вдругъ взоръ отвративъ отъ Предтечи Господня,
 Душамъ прилетѣвшимъ сказалъ Симеонъ:

Любимыя дѣти божественной вѣры!
 Идите, о, благословенныя души!
 Творца Милосердье да будетъ надъ вами,
 Идите безсмертные, съ миромъ идите.
 О, многихъ вы къ вѣрѣ святой обратите,
 Вы многихъ собратій спасете своихъ!
 Любовь къ человѣчеству пусть разольется
 На все поколѣнье Адама чрезъ васъ.
 Любовь — это чистое, лучшее чувство
 Всѣхъ знаній и мудростей міра земнаго. —

Великій Предтеча Спасителя міра,
 Какая прекрасная ждетъ ихъ судьба,
 Награда высокая въ вѣчной ихъ жизни!
 И не воспыдала-ль душа, о, скажи мнѣ —
 При видѣ тѣхъ праведныхъ, посланныхъ съ неба?
 И не усладилъ-ли ихъ видъ твоей скорби,
 Которая льется съ Голгофы кровавой
 На всѣхъ насъ, великій Предтеча Мессіи?

Сказалъ Симеонъ и съ восторгомъ глядитъ
 Въ лице Іоанна Крестителя Божья.

О, ежели-бъ высказать могъ я все то,
 Что чувствуетъ сердце, сказалъ Іоаннъ,
 И если-бы выразить могъ мой языкъ
 Всѣ думы и тайныя чувства души;
 Но горести слезы и слезы блаженства,

Одни только могутъ тебѣ все сказать,
 Что чувствую съ самой минуты страданій
 Его на крестѣ — осужденнаго къ смерти,
 Какъ въ этихъ предсмертныхъ страданьяхъ Своихъ
 Ко всѣмъ безъ изъятія Онъ милосердъ.
 Но нѣтъ! я молиться могу лишь безмолвно
 И съ благоговѣніемъ думать объ Немъ. —

Обрушилъ, о, милый, ты вновь на меня
 Все бремя ужасное скорби душевной!
 Зачѣмъ ты о смерти Его мнѣ напомнилъ?
 Опять умирающимъ вижу Его я,
 Мой духъ возвышался къ великому часу
 Когда совершатся страданья Его,
 Уже предо мною такъ дивно сіяли
 Божественнымъ свѣтомъ Умершаго раны:
 Теперь, Іоаннъ, я назадъ обращаюсь,
 Кого я въ слезахъ обнималъ, какъ младенца,
 Безмолвно къ Святая-святыхъ подносилъ,
 Пока мнѣ Богъ не далъ опять дара слова,
 И могъ я молиться усердно Творцу. —
 Увы! И Того окровавленнымъ видѣть!
 Хотя мнѣ Господь показалъ въ отдаленіи
 Конецъ Его славный; но то, что я вижу,
 Того не показывалъ мнѣ Всемогущій.
 Оставленный Богомъ, исходитъ Онъ кровью
 Теперь на крестѣ и въ рукахъ у проклятыхъ!

Сказалъ Симеонъ и печально умолкъ;
 Душей погрузился въ глубокую думу. —

Имѣй-же и ты состраданье ко мнѣ!
 И не вспоминай мнѣ о жизни Его,
 О жизни великой, которую мы
 Глазами плотскими съ тобой созерцали.
 Глубоко запала мнѣ въ душу та дума,
 И скорбью невольно меня омрачаетъ.
 Всегда, когда могъ я лишь видѣть Его,
 Я видѣлъ въ Немъ Агнца, который несетъ

Тяжелое бремя грѣховъ всего міра, —
 И въ эти святѣя мгновенья всегда
 Меня озаряла небесная радость. —
 И только боренье Его со страданьемъ
 Я видѣть и могъ, о, мой другъ Симеонъ,
 Но въ Немъ Побѣдителя смерти я видѣлъ, —
 И буду молчать, пока все совершитъ Онъ. —
 Такъ оба стремятся избѣгнуть печали,

Какъ воздуха шестеть съ небесъ прилетѣлъ:
 Онъ свыше Страдальцу принесъ утѣшенье.

Стояли печально и молча въ тѣни
 До этой минуты Марьяма съ Девворой,
 И гимномъ теперь излилась ихъ печаль.
 Такъ звучною пѣснью возносится тихо
 Таинственный голосъ созданій безсмертныхъ,
 Когда выражаютъ подобныя чувства,
 Какими такъ полны сердца этихъ двухъ:
 Девворы пророчицы, давшей названье
 Всей группѣ деревьевъ горы Ефраимской,
 Девворою названной въ память ея,
 И доброй Марьямы, сестры Моисея:

О, Ты! Величайшій и лучшій изъ смертныхъ,
 Кровавая страшная смерть омрачила
 Черты всѣ небесной Твоей красоты.

Хотя обливается сердце Марьямы
 Слезами горячими скорби душевной,
 Но предестъ небесной Его красоты
 Божественнымъ свѣтомъ меня озарять.
 Съ Его красотою сравниться не можетъ
 Никто изъ великихъ созданій Творца,
 Ни даже сынъ дивнаго свѣта небесъ,
 Когда онъ съ молитвой стоитъ предъ Вѣчнымъ,
 Прекраснѣ всѣхъ ихъ Онъ, кровью облитый. —

О, плачьте вы, кедръ, о вашемъ собратѣ!
 Могучій, Онъ былъ украшеньемъ Ливана,
 И путника тѣнью своей освѣжалъ,

На крестъ теперь срубленъ развѣсистый кедръ,
И кровью божественной крестъ тотъ облить. —

О, плачьте роскошныхъ луговъ всѣ цвѣты!
Стоялъ надъ сребристой волною ручья
Терновникъ густой, но онъ срубленъ теперь,
И сдѣланъ вѣнцомъ для безсмертной главы,
И раны оставилъ на дивномъ челѣ. —

Не зная усталости, руки Свои
Къ Отцу простиралъ Онъ съ молитвой за грѣшныхъ,
Не зная усталости, ноги Его
Всегда посѣщали страдальцевъ несчастныхъ,
Теперь эти руки и ноги пробиты
Гвоздями желѣзными, дерзкой рукою. —

Небесное, свѣтлое это чело,
Которымъ Онъ здѣсь на горѣ поклонился
Еще такъ недавно съ молитвою къ праху,
Кроваваго мота на немъ были капли,
Теперь-же глубокія язвы оставилъ
Терновый вѣнецъ на челѣ этомъ свѣтломъ.

И душу, какъ мечъ раздирають страданья
Стоящей тамъ матери нѣжной Его! —
О, если не хочешь Ты видѣть ее
У ногъ Своихъ мертвой, то сжался надъ Нею,
О, Сынъ, поддержи въ ней разбитыя силы. —

О, если-бы мною рожденъ былъ Великій,
Хотя и живу я безсмертною жизнью,
Страдала-бъ не меньше, Деввора, и я!

Смотри, о, Марьяма, глаза Его гаснуть
И дышетъ труднѣе теперь Его грудь,
И скоро, о, скоро въ послѣдній ужъ разъ,
Божественный взоръ обратитъ къ небесамъ!

Лице Его смертная блѣдность покрывала,
И скоро, о, скоро Деввора, склонится
Главою безсмертной въ послѣдній Онъ разъ!

О, ты, озаренный божественнымъ свѣтомъ
Священнѣйшій городъ Иерусалимъ,

Пролей-же святѣя ты слезы блаженства,
Часъ жертвы божественной скоро пройдетъ.

Грѣхомъ запятанный, о, Ерусалимъ,
Лей слезы о бѣдствіи страшномъ твоёмъ!
Ужъ близокъ тотъ часъ, когда Богъ Всемогуцій
Отвѣта потребуетъ Самъ отъ тебя,
Въ пролитой здѣсь крови Предвѣчнаго Сына. —

Затихли міры и стоятъ неподвижно,
Нарушивъ движенія законъ непреложный,
И все сотворенное вдругъ онѣмѣло
При видѣ великихъ страданій Господнихъ.
Торжественно входитъ въ Святая-святыхъ
Великій Священникъ Господь Іисусъ. —
Онъ тамъ примиряетъ Творца съ человѣкомъ.
Земля и все небо хвадите Его! —

И также стояла земля неподвижно,
И вы всѣ о, смертныя дѣти земли
На прахъ живущія — тлѣнье и прахъ,
Надъ вами и солнце свѣтитъ перестало:
Торжественно входитъ въ Святая-святыхъ
Великій Священникъ Господь-Іисусъ.
Онъ тамъ примиряетъ Творца съ человѣкомъ!
Земля и все небо, хвадите Его! —

Такъ пѣли Марьяма съ Девворою вмѣстѣ. —

Спустилась печалью томимая Евва,
Къ подножью креста, гдѣ Марія стояла,
И долго глазами за нею слѣдила.
Ее потрясло созерцаніе это,
Челомъ у подножья креста приклонилась,
На прахъ окровавленный мать всѣхъ людей,
Потомъ улетаетъ она отъ Голгофы
Къ гробницѣ, гдѣ будетъ Умершаго тѣло,
И долго надъ сводомъ гробницы стоитъ,
И съ грустью уносится также оттуда.
Померкъ ея блескъ лучезарный небесъ. —

Замѣтно часъ смерти уже приближался

И тихо смыкались Спасителя взоры,
 Уже утомленные долгимъ страданьемъ.
 Съ тоскою любимцы Христа разошлись.
 Поникнувъ главою уходитъ Леввей
 И долго блуждая, приходитъ къ гробницамъ,
 И тамъ, утомленный душевной печалью
 Склонился главою на камень надгробный.
 Въ его головѣ отуманенной горемъ,
 За думами думы тѣснились мрачнѣе
 И ночи той страшной, объявшей всю землю.
 Стоитъ близъ него надъ открытой могилой
 Стѣдившій за нимъ въ отдаленіи Лазарь.

Зачѣмъ такъ печалишься ты, о, другъ милый?
 Чело подними отъ могильнаго камня
 И слушай меня, но ты смотришь съ сомнѣньемъ,
 Какъ будто мой голосъ тебѣ незнакомъ.
 Я тотъ-же, любимый когда-то тобою,
 Я Лазарь, котораго къ жизни воззвалъ
 Сынъ Божій. Распятый теперь на крестѣ.
 И ты за меня приносишь благодарность,
 О, вспомни-же снова, какъ я за минуту
 До той благодарности полной любви,
 Безъ жизни въ холодной могилѣ лежалъ,
 И тѣло мое предавалось ужъ тлѣнью. —
 О, вспомни, какъ часто съ тобой говорили
 Объ дивномъ моемъ воскресеніи; и ты,
 Мечталъ, что блаженное царство Его,
 Основано будетъ Имъ здѣсь на землѣ,
 И прежде, чѣмъ будетъ оно въ небесахъ!
 Какъ сильно старался тебѣ доказать я,
 Что все, что предъ нами теперь открываетъ
 Съ такою любовью Божественный другъ,
 То къ жизни небесной относится все,
 Которой блаженству не будетъ конца,
 Не думай, чтобъ скорбь я твою порицалъ,
 Какъ ты, я душою страдаю и самъ,

И лей о Божественномъ другъ ты слезы:
 Ужасны страданья Его на крестѣ!
 И долго Онъ страшную смертью томится,
 Но все-жъ убиваться не долженъ ты такъ. —
 Онъ можетъ сойти со креста, если хочетъ,
 Иль можетъ воскреснуть изъ мертвыхъ потомъ:
 О, можетъ-ли тлѣнью подвергнуться Онъ,
 Отца Всемогущаго, Вѣчнаго Сынь,
 Посланникъ великій небесъ — Иисусъ,
 Который тамъ былъ еще до Авраама?

Но долго на камнѣ лежитъ неподвижно,
 Страданьемъ душевнымъ убитый Леввей.
 Потомъ съ удивленьемъ на Лазаря смотритъ,
 Къ нему его другъ подбѣгаетъ съ восторгомъ,
 И быстро уводитъ его отъ могилъ,
 И оба безмолвно стоятъ на пригоркѣ.
 Откуда имъ видѣнъ Іерусалимъ,
 Въ далекомъ туманѣ густыхъ облаковъ,
 И видѣнъ имъ храмъ и вершины Сіона,
 А также Голгофы чернѣющій холмъ. —

Взгляни, о, мой милый, сказалъ ему Лазарь,
 Присутствіе Божіе вижу я тамъ.
 На мѣстѣ покрытомъ глубокою тьмою,
 Какъ шествуетъ грозно Оно надъ землею,
 Надъ этой могилою смертныхъ людей. —
 Видалъ-ли когда нибудь день ты подобный?
 Тебѣ не рассказывалъ даже отецъ,
 Чтобъ видѣлъ онъ день такой мрачный, какъ этотъ?
 Какую торжественность далъ ему Богъ!
 Какъ страшно всю землю и даже все небо,
 Божественнымъ страхомъ Своимъ онъ наполнилъ!
 Онъ ужасомъ смерти сковалъ мірозданье!
 Быть можетъ и самая смерть Иисуса,
 Нужна Всеблагову, чтобъ ею свершить
 Тѣ тайны, которыя намъ недоступны. —
 Тебѣ я открою, о, милый, Леввей,

Все то, о чемъ долженъ хранить я молчанье,
 И это быть можетъ утѣшить тебя.
 Съ тѣхъ поръ какъ Божественный кровью исходитъ,
 Во мнѣ непонятное что-то творится,
 Но какъ-бы яенѣ тебѣ разсказать?
 Я чувствую дивное что-то въ себѣ,
 И даже при видѣ страданій Его,
 Невольно душевная скорбь затихаетъ,
 И свято и чудно кругомъ меня все.
 Во всемъ я присутствіе Вѣчнаго вижу,
 И близость Его — Вездѣсущаго Бога. —
 Когда восходилъ Тотъ великій страдалецъ
 На смертный приговоръ, тогда въ моемъ сердцѣ
 Блаженства подобнаго не было, другъ мой.
 Но съ той лишь минуты — когда на крестѣ
 Онъ сталъ свою чистую кровь проливать,
 Я слышу, какъ-будто, таинственный шелестъ,
 Какъ легкій полетъ Серафимовъ безсмертныхъ,
 Какъ слышалъ ихъ мертвый въ могилѣ моей.
 И часто я вижу божественный лучъ,
 Блеснетъ и опять предо мною исчезнетъ,
 Въ душѣ оставляетъ покой онъ отрадный,
 И свѣтлое чувство святой благодати. —

Окончилъ такъ Лазарь и долго стоялъ
 Безмолвно, задумчиво взоръ опустивъ.
 Съ испугомъ Леввей его думы прервалъ:
 — Скажи мнѣ, о, Лазарь, кого ты тамъ видишь?
 Какая то радость видна на лицѣ,
 Скажи мнѣ, что видишь, ты, Лазарь мой другъ?

Я видѣлъ безсмертный сейчасъ пролетѣлъ,
 Еще никогда не видалъ я безсмертныхъ
 Въ такомъ лучезарномъ, божественномъ блескѣ,
 И столько блаженства небеснаго міра
 Въ лицѣ осѣненномъ святой благодатью. —
 Быть можетъ, посланникъ божественный былъ
 То къ міру земному съ небесныхъ высотъ,

Быстрѣй самой мысли полетѣ его былъ,
И также пріятенъ, какъ сладкое чувство.
О, нѣтъ не истлѣетъ Предвѣчнаго Сынъ,
Котораго такъ при рожденіи Его,
Торжественно славили силы небесъ. —

Сіянье небесныхъ очей Уріила
То видѣлъ восторженный Лазаря взоръ,
Отъ солнца безсмертный слетѣлъ Серафимъ,
Спустился на крыльяхъ онъ пламенныхъ тихо
И въ кругъ патріарховъ ступивъ имъ сказалъ:

Пришелъ я открыть передъ вами, что видѣлъ.
Нисходитъ на землю съ небесныхъ высотъ
И прямо на васъ онъ спускается съ неба.
То тихо паритъ, то стоитъ неподвижно,
Какъ-бы отдыхая въ пространствѣ безбрежномъ,
И тамъ освѣжиться, какъ будто-бы хотеть.
Но тихо спокойно стоитъ мірозданье,
И міръ ни одинъ не повѣетъ прохладой.
О, долженъ-ли образъ его описать вамъ,
Тотъ образъ ужасный, въ который облекся
Сегодня первѣйшій изъ Ангеловъ смерти?
Еще никогда Вседержителемъ не былъ,
Съ минуты созданія Богомъ вселенной
И грозно и страшно онъ такъ ополченъ.
Господь Всемогушій и Вѣчный Судья,
О, Кто-же Ты Грозный Творецъ въ этотъ мигъ,
Когда совершаешь Ты судъ непреложный?
Далеко исходитъ божественный огнь
Отъ страшнаго Божья посланника свыше,
Какъ буря ужасно, — шумятъ его крылья,
Далеко небесный покой нарушая.
Когда его пламенный мечъ прикоснется,
Въ полетѣ къ какому нибудь изъ міровъ
То міръ этотъ, быстро какъ пепель ничтожный
Развѣтсѣ прахомъ въ цѣпи безконечной. —
И взглядъ его грозенъ и страшенъ теперь

Страшнѣе, чѣмъ былъ онъ въ день первый суда
 Когда предавая проклятію землю,
 Низринулъ всё воды небесныхъ морей
 На проклятый міръ и губительной смертію,
 Караль, разрушенію все предавая. —
 О, скоро вы будете видѣть его,
 Видъ Ангела грозный васъ всѣхъ поразить.
 Что въ немъ поразило сильнѣе меня,
 Въ суровомъ и гнѣвномъ лицѣ я замѣтилъ
 Слѣды неутѣшной, глубокой печали. —
 О, ежели посланъ онъ съ неба теперь,
 Чтобъ смерть возвѣстить Искупителю міра!

Со страхомъ печально сказалъ Уріиль
 И быстро исчезъ онъ среди Серафимовъ.
 Всѣ праотцы долго безмолвно стоятъ
 Томимые мрачной, печальною думой,
 Въ ихъ памяти прошлая жизнь пробудилась,
 Когда въ заблужденіяхъ міра земнаго
 Они какъ и всѣ согрѣшали предъ Богомъ;
 Хотя прегрѣшенія эти простилъ
 Господь милосердый, но въ эту минуту,
 Страдалъ передъ ними, за эти грѣхи
 Сынъ Божій, пришедшій спасти человѣка,
 Онъ долженъ былъ кровью грѣхи искупить,
 И въ мукахъ за нихъ умереть на крестѣ. —

Проникнутый чувствомъ глубокой печали,
 Стоялъ надъ могилой склонившись Енохъ,
 Оперся онъ лѣвой рукой на могилу,
 А правую къ небу съ молитвой простеръ.
 Хотя и безгрѣшна была его жизнь,
 И смерти рука пощадила его,
 И въ прахъ не разрушилось тѣло Еноха,
 Но не былъ онъ чистъ совершенно предъ Богомъ.
 Священная вѣра въ Спасителя міра
 Открыла предъ взорами сына Адама
 Блаженства небеснаго вѣчную жизнь,

И онъ не смутился-бы, если-бъ предъ нимъ
 Міры всѣ и солнца обрушились вдругъ:
 Но близкая смерть Икупителя грѣшныхъ,
 Печалью глубокой его потрясла,
 И все какъ въ туманѣ предъ нимъ волновалось,
 Всѣ Ангелы неба и всѣ патріархи,
 Нежившія души и смертные люди,
 И даже едва могъ онъ видѣть Того,
 Кто кровью облитый страдалъ на крестѣ.

На камень склонившись, стоялъ близъ Еноха
 Безгрѣшный и чистый задумчиво Авель,
 Онъ первый невинною жертвою былъ,
 Сочувствуетъ духомъ страданьямъ Мессіи,
 Который цѣною божественной крови
 Спасаетъ погибшихъ потомковъ Адама. —
 И онъ былъ облитъ весь дымящейся кровью
 И чувствовалъ также страданія смерти,
 Когда пораженъ былъ рукою убійцы,
 Но міра Спаситель, невинный и чистый
 Спокойно какъ Авель не могъ умереть,
 Надъ Нимъ тяготѣло ужасное бремя
 Грѣховъ безконечныхъ потомковъ Адама,
 И гнѣвъ Всемоущаго смерть посылалъ
 Спасительной жертвѣ, святой Искупленья.

Достойный невиннаго Авеля братъ,
 Предвидѣвшій рано грядущую жертву,
 Стоялъ не далеко, задумчиво Сифъ,
 Онъ понялъ великую тайну небесъ,
 Которую чувствовалъ въ мірѣ земномъ,
 И взоръ его грустный стремится на небо. —

О, Ты, Правосудный и Вѣчный Судья!
 Живыхъ и умершихъ и всѣхъ поколѣній,
 Которыя будутъ здѣсь жить на землѣ.

Такъ молится тихо въ душѣ своей Сифъ,
 То взглянетъ на небо, то вновь ко кресту
 Свой взоръ обращаетъ, потомъ къ патріархамъ,

То взглянетъ на всѣхъ искупленныхъ собратій,
Потомъ на могилы прощенныхъ людей. —

Давно утомленный душевною скорбью,
Отъ страха невольно Давидъ трепеталъ,
Но съ этой минуты, когда Уриилъ,
Явился межъ ними, онъ молча стоялъ.
Какъ будто, прикованный взоромъ къ Мессіи,
Одно только чувство въ душѣ его было,
И въ сердцѣ одна только смерть Іисуса,
И къ ней его думы стремились невольно,
Когда-же отъ скорби ономился онъ
Изъ глазъ покатались горячія слезы,
И громко печально воззвалъ онъ къ Творцу:

О, Боже Великій, Отецъ Всемогушій!
Оставилъ Его — Искупителя Ты!
Взываетъ къ Тебѣ Онъ и помощи просить,
Но Ты, не даешь Ему помощи, Боже!
О, какъ-же унизилъ Себя Ты, Сынъ Вѣчный
Ты всякаго смертнаго сдѣлался ниже —
Какъ самый ничтожный и слабый червякъ,
Тебя окружаютъ съ неистовой злобой
Погибшіе грѣшники, низкіе люди,
И всѣ надъ Тобою смѣются, Страдалецъ.
Надъ вѣрою въ Бога Твоею смѣются,
До капли и кровь пролилась, какъ вода,
Остался одинъ человѣческій остовъ,
Растаяло сердце въ разбитой груди,
Вся прежняя сила Его истощилась,
Засохшій языкъ прилипаетъ къ гортани
И скоро, о, скоро ужасная смерть,
Какъ прахъ Его тѣло ты бросишь въ могилу.
Не люди; но дикіе звѣри терзаютъ
И смерти страдальца теперь предають.
Какъ страшно распяли Тебя на крестѣ
И руки, и ноги пробили гвоздями. —
Стоять они подлѣ и съ адскою злобой

На муки убитого радостно смотреть,
 Когда-же умретъ Онъ, о, Боже Всесильный,
 Судья всего міра и Богъ милосердый?
 Какая великая дума сокрыта
 Въ той смерти таинственной, непостижимой
 Когда-же умретъ Онъ, вы, всѣ возвѣстите
 Объ томъ до послѣднихъ предѣловъ земли,
 Къ Творцу милосердому міръ обратится,
 И всѣ поколѣнія рода людскаго,
 Прославятъ въ молитвахъ Спасителя міра.

Давидъ замолчалъ, и злобѣщій вдругъ крикъ,
 Пронесся въ пространствѣ, надъ самымъ крестомъ
 И ужасъ невольный потрясъ всѣ сердца.
 Такъ темною ночью, блуждая въ лѣсу
 Услышитъ внезапно испуганный путникъ,
 Далекое эхо и ропотъ глухой
 Бѣгущаго быстро по камнямъ потока,
 И думаетъ странникъ, что слышитъ онъ стоны,
 Болѣзненный, жалобный вопль человѣка. —
 Страданьемъ и горемъ испытанный Іовъ,
 Познавъ Всемогущество промысла Божья,
 Который даетъ на землѣ человѣку
 Ужасное бремя страданья и бѣдъ,
 Чтобъ въ жизни очистить его отъ грѣховъ,
 Великою думой себя покрѣпляетъ,
 И взоръ обращаетъ къ Спасителю міра:

Господь Искунитель пробудится къ жизни,
 Изъ праха земнаго воскреснетъ Могучій.
 Надъ прахомъ и тлѣньемъ тогда вознесется
 Христосъ Побѣдителемъ ада и смерти. —
 Въ величїи дивномъ, о, міра Спаситель,
 Глаза мои будутъ Тебя созерцать. —

Проникнуты чувствомъ глубокой печали,
 Стоять въ ожиданьи нѣмѣмъ патріархи,
 И ждутъ появленія Ангела смерти. —
 Никто изъ нихъ не былъ такъ тронутъ глубоко,

Минутою близкою смерти Мессіи,
 Какъ мать и отецъ всего рода людскаго,
 Когда Уріилъ удалился отъ нихъ,
 И другъ подлѣ друга стояли безмолвно,
 И долго не смѣли поднять своихъ взоровъ. —
 Потомъ со слезами праматерь простерла
 Къ Адаму дрожащія руки свои,
 И голосомъ слабымъ спросила его:

О, что-же намъ дѣлать, скажи мнѣ Адамъ,
 И какъ умолишь Правосуднаго Бога,
 Чтобъ Онъ облегчилъ Искупителя смерть?
 Не броситься-ль въ бездну и тамъ униженно,
 Склонившись во прахъ съ усердной молитвой
 Просить милосердія Бога Отца? —

„Мы слишкомъ ничтожны, чтобъ наши молитвы
 Могли умолишь Судію всего міра“. —
 Сказалъ ей съ душевною скорбью Адамъ,
 Хотя-бы и всѣ мы — и Іовъ, и Ной,
 И даже первѣйшій изъ Ангеловъ свѣта,
 Элоа, молишь Вседержителя стали,
 То были-бъ напрасны моленія наши. —
 И всѣ тѣ страданья, которыя долженъ
 За насъ Искупитель теперь претерпѣть,
 Должны совершиться; такъ волей святою
 Назначено свыше, — и нѣтъ измѣненья.
 И нѣтъ облегченія мукамъ Его,
 Никто, и ничто уменьшить ихъ не можетъ,
 Такъ Богъ предназначилъ, Которому Онъ
 На жертву приносить Себя за людей.
 Великая дума меня увлекаетъ,
 Влагаетъ мнѣ въ душу ее Вседержитель,
 Пойдемъ-же со мною и дѣлай все то,
 Что буду я дѣлать. Летимъ-же скорѣе. —

И оба печальный полетъ направляютъ
 Къ Масличной горѣ, гдѣ умершихъ могилы, —
 Чѣмъ ближе къ гробницамъ они приближались,

Тѣмъ больше безсмертный ихъ образъ темнѣлъ,
 И тихо спустились они на вершину.
 Стоять неподвижно, гдѣ мертвыхъ останки
 Лежатъ до возстанія общаго мертвыхъ,
 Гдѣ скоро Сынъ Божій въ могилѣ заснетъ,
 И будетъ, какъ всѣ Его братья по плоти
 Во прахѣ могильномъ и Онъ погребенъ.
 Стоять первородные молча, печально
 При входѣ въ гробницу, гдѣ камень лежалъ,
 И мрачная дума наполнила страхомъ
 Праматери душу при видѣ могилы, —
 Созданія первенецъ руки простеръ
 Съ молитвою къ небу и тихо назвалъ
 Три раза Предвѣчнаго Сына онъ имя.
 И долго, и молча глядитъ онъ потомъ
 Въ лице изомленное тяжкимъ страданьемъ
 Спасителя міра, Который, какъ мертвый
 Висѣлъ на крестѣ, преклонившись главою.
 И также какъ Ева, не могъ Прародитель
 Ужаснаго зрѣлища выдержать долго. —
 Безсмертнымъ челою упадаетъ на землю,
 И видитъ тотъ прахъ, изъ котораго Богъ
 Когда-то воззвалъ его къ жизни земной,
 И гдѣ его кости подъ гнетомъ проклятыя
 Судьи Правосуднаго тлѣли потомъ,
 И гдѣ въ продолженіи многихъ столѣтій
 Такъ много истлѣло потомковъ его.
 И съ громкой молитвой онъ поднималъ чело.
 Далеко молитва его раздавалась
 Отецъ и всѣ силы небесъ ей внимали:

О, Ты, Милосердный, Господь терпѣливый!
 О, Боже! Прощающій намъ прегрѣшенія,
 И всѣ преступленія смертныхъ людей!
 Ты, Сынъ человѣка, Пророкъ Ты и Царь,
 Обрекшій за грѣшныхъ на жертву Себя
 Еще отъ начала созданія міра;

Услыши на жертвенникъ Искупленья,
Гдѣ будешь закланъ Ты, какъ Агнецъ небесный,
Услыши молитвы усердныя наши,
Мы ихъ со слезами возносимъ къ Тебѣ
Изъ нѣдровъ могилы Твоей Искушитель,
Творецъ преступленія наши простилъ,
И тысячелѣтія мы созерцаемъ
Величье и славу Создателя міра.

Дано намъ блаженство во имя той смерти,
Котою мучишься Ты на крестѣ:
За насъ Ты страдаешь, о, мученикъ дивный!
Насталъ день великій, блаженнѣйшій день,
Второй, и день, новый созданія міра,
И въ день этотъ Ты, о, Ходатай великій,
Весь родъ человѣка къ Творцу приведешь,
И всѣ преступленья его Ты искупишь,
И всѣхъ Ты избавишь отъ смерти ихъ вѣчной. —
Осмѣлюсь-ли, Боже! въ великій тотъ день,
Въ который на жертву Себя Ты приносишь,
За всѣхъ и за мой первобытный проступокъ,
Осмѣлюсь-ли, вспомнивъ бывшее, молить?
И строгій Твой судъ не пугаетъ меня,
О, могъ-ли-бъ я видѣть величіе Божье
Когда-бъ не простилъ Ты меня, Милосердый?
Дозволь-же мнѣ вспомнить теперь предъ Тобою
Кто былъ я, ужаснымъ грѣхомъ омраченный!
Дозволь-же Адаму сегодня припомнить,
Прощенья минуту и милость Твою,
Которой нѣтъ мѣры, о, Боже Великій!

Блаженства и грусти божественной полною
Стоять надъ могилой безмолвно Адамъ,
Въ душѣ своей тихо молилась и Ева,
Теперь ея голосъ вознесся къ Мессіи:

Осмѣлится-ль Ева, въ кровавый тотъ день,
Въ который приносишь Себя Ты на жертву,
Въ тотъ день несравненный, когда Ты страдаешь,

Зарыть ими будешь, какъ смертный, въ могилѣ,
 Осмѣлится-ль вспомнить она преступленья,
 Тобою, прощенная ей, Искупитель?
 И здѣсь, со слезами душевной печали,
 Сознаться въ нихъ снова и съ тихой молитвой
 Тебѣ благодарность души принести
 За милость великую. Боже, Твою?

И съ грустью склонилась надъ темной гробницей
 Праматерь и голосъ ея неземной
 Пронесся, какъ стонъ въ отдаленіи и стихъ. —
 Созданія первенецъ молится снова:

„Задумали страшный лишь грѣхъ совершить
 И въ насъ развилася преступная дума,
 Его совершили! И въ немъ мы коснѣли!
 Ахъ, кто-же намъ заповѣдь легкую далъ?
 То былъ Іегова, Онъ, Первый и Высшій.
 Первѣйшая Сущность всего существа,
 Творецъ нашъ Великій, который изъ праха
 Насъ вдругъ возвеличилъ, создавъ человѣкомъ;
 Котораго Сущность великую знали,
 И невыразимо въ душѣ удивленной
 Носили и чувствомъ святымъ постигали,
 Который за каждую нашу молитву,
 За каждое новое наше рѣшеніе, —
 Не трогать плодовъ запрещеннаго древа —
 Блаженствомъ невѣдомымъ насъ награждалъ.
 Чрезъ тысячи тысячъ созданій прекрасныхъ
 Къ Себѣ приближалъ насъ, въ душѣ оживляя
 Священную память о Сущности дивной,
 И новымъ блаженствомъ вѣнчалъ наши души
 За наше къ закону Его послушаніе:
 И Онъ-же мнѣ мать человѣковъ всѣхъ далъ,
 Явленіе чудной ея красоты,
 Возвысило больше еще наши души,
 Во всемъ созерцали Создателя мы!
 Но заповѣдь, данную Богомъ Самимъ,

Осмѣлились, грѣшные, мы преступить,
 Желая быть равными Сущности Бога.
 Проступокъ неслыханной дерзости нашей
 Простилъ Ты, Великій, Отецъ Милосердый,
 Моленье и слезы, и слава Тебѣ
 Великій Ходатай и міра Спаситель,
 Который тяжелое бремя несетъ
 Грѣха совершеннаго нами предъ Богомъ,
 И бремя грѣховъ всего рода людскаго! —

Такъ съ грустью душевной молился Адамъ,
 И тихо молилась съ нимъ вмѣстѣ и Евва,
 Нисходитъ на нихъ милосердіе Божье
 И ты благодати божественный лучъ
 Ихъ радостью тихою вновь осѣнилъ.
 Любовь безграничную чувствуютъ снова
 Спасителя міра они въ своемъ сердцѣ.
 Къ кресту простираетъ Адамъ свои руки
 И снова молитва его раздается:
 — О, Боже Великій! Мой Богъ и Создатель!
 Любовь безграничная, чистая Ты!
 Тебѣ чтобы высказать всю благодарность
 Мою, Искупитель погибшихъ людей,
 На то неостанетъ и вѣчности цѣлой. —
 Здѣсь въ этой гробницѣ холодной Твоей
 Съ молитвой усердной я буду лежать,
 Пока Ты склонишься безсмертной главою; —
 Тогда лишь затихнетъ молитва моя,
 Когда тотъ посланникъ Отца Твоего
 Опустится съ неба и голосомъ грома,
 Послѣдній часъ смерти Тебѣ возвѣститъ. —
 Во имя страданій Твоихъ, о, Спаситель!
 Молитву души моей, Боже, прими,
 За всѣхъ искупленныхъ потомковъ моихъ,
 Которые были и будутъ еще
 Пространную землю собой населять,
 Покоиться тихо въ могилѣ широкой,

Которую Ты, милосердія полный,
 Усыпаль цвѣтами небеснаго блага, —
 Но съ каждымъ протекшимъ столѣтіемъ будутъ
 Все новыя спать поколѣнія въ ней,
 До дня воскресенія общаго мертвыхъ. —
 Безчисленны будутъ воскресшіе къ жизни,
 За нихъ-то, о, Боже, дерзаю молить.
 О, сжался надъ ними, они со слезами
 Приходятъ на землю и въ тѣлѣ ихъ слабомъ
 Душа ослѣпляется жаждою жизни,
 Въ союзъ Свой божественный ихъ заключи
 И въ эти минуты, когда едва могутъ
 Они свои мысли съ трудомъ выражать,
 Дозволь имъ въ умѣ сознать ежечасно,
 Что Ты чудесами Своими давно
 На вѣкъ ихъ причислилъ къ священному стаду.
 Одни изъ нихъ приняты въ вѣчную жизнь
 Крещеніемъ священнымъ во имя Отца
 И Сына и Духа святаго Его.
 Другихъ-же Ты кровью Своею очистилъ,
 И ихъ къ созерцанью величія Божья
 Привелъ Ты страданіемъ и смертію Своею.
 Взрости-же Ты добрыя тѣлѣ сѣмяна,
 Которыя въ юныхъ сердцахъ насадилъ
 Ты, Самъ Искупитель, рукою Своею,
 Чтобъ грѣхъ не затмилъ тѣхъ отрадныхъ лучей
 Любви безпредѣльной къ Тебѣ, Милосердый,
 Въ душахъ освященныхъ божественной кровью.
 О, призри Ты избранныхъ, Боже, Своихъ,
 Которые землю должны просвѣщать
 И дѣлать добро для собратій своихъ;
 Чтобъ знали всѣ смертныя дѣти мои,
 Чего отъ нихъ требуетъ Сущность святая,
 Создателя полнаго къ нимъ состраданья.
 О, едѣлай, Господь мой, чтобъ въ жизни лишенихъ
 Узнали ничтожество праха они,

И жили-бъ для вѣчнаго блага души,
 Чтобъ не были странники міра земнаго,
 Съ пути надлежащаго вдругъ свращены,
 Журчаньемъ ручья и прохладною тѣнью,
 И тамъ не забыли-бъ о свѣтломъ вѣнцѣ,
 Который Создатель готовитъ для нихъ,
 Въ странѣ отдаленной, невѣдомой ими.
 Но всѣхъ, забывающихъ смертный свой часъ
 И вѣчность имъ данную, Боже, Тобою,
 Кому недоступенъ и голосъ любви
 Отца Милосердаго къ дѣтямъ Своимъ,
 Отъ ихъ заблужденій Ты тѣхъ отврати,
 Пославъ имъ страданія въ жизни земной;
 А тѣхъ, изъ погибшихъ, которые смѣли
 Забыть безпредѣльную милость къ нимъ Бога
 И сдѣлались въ жизни рабами пороковъ,
 Избавь тѣхъ отъ вѣчной Ты смерти, о Боже!
 Пославъ имъ, какъ кѣру, всѣ бѣдствія жизни. —
 Отъ праха рожденные дѣти мои,
 О, какъ безгранично Онъ любитъ васъ всѣхъ,
 За васъ Онъ страдасть теперь на крестѣ,
 И Вѣчному въ жертву приносить Себя.
 Ужель то возможно, чтобъ вы не познали
 Спасителя вашего — вашего Бога,
 Который божественнымъ свѣтомъ Своимъ
 Васъ всѣхъ освѣщая, ведетъ въ небеса?
 Любовью всеисильной Твоею смягчи
 Подобныя камнямъ сердца человѣковъ,
 И снова ихъ чистыми духомъ создавъ
 Въ обитель блаженства къ Отцу приведи.
 Пусть тронется сердце ихъ голосомъ крови,
 Которая льется теперь на Голгоѣ,
 И проситъ пощады у Бога за нихъ. —
 Тотъ голосъ священный надежду даетъ
 Всѣмъ людямъ на вѣчную, лучшую жизнь,
 И эта надежда людей подкрѣпляетъ,

При видѣ открытой могилы для нихъ,
 Скорѣе всѣхъ мудростей міра земнаго. —
 Теперь я надѣяться смѣю за всѣхъ,
 Что въ жизни ничто утратить ихъ не можетъ,
 Ни взоръ потухающій близкаго къ смерти,
 Ни ужасъ могилы исполненной тлѣнья,
 Ни пепелъ развѣянныхъ мертвыхъ останковъ,
 Ни страшныя тѣни, которыми смерть
 Грозитъ имъ, какъ иститель, на нихъ ополчась. —
 Надѣюсь на милость Твою, о, Спаситель,
 Услышишь Ты голосъ молитвы моей,
 И прежде, чѣмъ слабое тѣло заснетъ,
 Пробудишь безсмертныя души, Ты ихъ.
 Для жизни ихъ вѣчной, и полной блаженства.
 О, Ты! Воплотившійся Богъ, Ты разбудишь
 Въ назначенный часъ всѣхъ потомковъ моихъ.
 Пусть ищутъ со страхомъ блаженство небесъ,
 Котораго глазъ человѣка не видѣлъ,
 И ухо не слышало въ жизни земной,
 Ни самое сердце рожденныхъ отъ праха,
 Не знало во вѣки святыхъ ощущеній.
 Тогда отъ любви безпредѣльной Твоей
 Ничто не отвергнетъ ихъ, міра Спаситель.
 Къ землѣ не гнететъ тѣхъ и бремя земное,
 Которыхъ Ты нѣжно, Божественный любишь,
 Съ которыми Вѣчный на судъ не пойдешь,
 Сілетъ ихъ тѣло святымъ пребываньемъ
 Отца и Предвѣчнаго Сына и Духа. —
 Безсмертную душу мою наполняетъ
 Блаженство и чистая радость небесъ,
 При мысли великой о милости дивной,
 Которая ждетъ побѣдителей всѣхъ:
 Доступно имъ будетъ Творца созерцанье,
 До смерти ихъ скрытое тайной глубокой.
 Имъ неизъяснимое дается блаженство,
 Познанье несозданной Сущности Божьей.

Когда надъ Тобою, о, мой Искушитель,
 Послѣдній Создателя судъ совершится,
 Ты снимешь проклятіе съ почвы земной,
 Какъ рай первобытный создашь ее снова;
 Дозволь искупленнымъ Тобою, о, Боже,
 Какъ въ морѣ песчинки безчисленнымъ сонмомъ
 Съ восторгомъ величье Твое окружить. —
 Не скрылъ отъ меня Ты Господь милосердый,
 Что часто любимыя дѣти Твои,
 Подъ сумрачнымъ облакомъ будутъ бродить,
 Одни увлеченные набожнымъ чувствомъ,
 Впадутъ въ суевѣрье, потомъ совратятся,
 Другіе-же гордые мудростью свѣта,
 Отвергнутъ священные истины Божьи.
 Властители міра, которымъ Ты далъ
 Моущество ихъ и величье лишь съ тѣмъ,
 Чтобъ заповѣдь свято хранили Твою,
 Любили, чтобъ сердцемъ собратій своихъ,
 Такъ нѣжно, какъ сами себя они любятъ,
 Но эти владыки впадутъ въ беззаконье, —
 Постыднымъ примѣромъ своимъ увлекутъ,
 Народъ попеченію ввѣренный ихъ,
 Въ пустыню безплодную, полную скорби,
 Гдѣ нѣтъ животворной воды благодати,
 Гдѣ нѣтъ утѣшенія для бѣдныхъ страдалцевъ,
 Нѣтъ мысли о лучшемъ, отраднѣйшемъ мірѣ.
 Господь, сократи-же тѣ страшныя ночи,
 Которыя міръ омрачаютъ земной,
 Чтобъ не были смѣшаны съ грѣшными вмѣстѣ
 Тобою любимыя дѣти мои,
 Чтобъ также вѣнца не лишились они,
 Который Ты кровью и этою смертию
 Для нихъ всѣхъ стяжалъ здѣсь. О, Ты! возлюбившій
 Любовью безмѣрной весь родъ человѣка,
 И даже для неба всего непонятной,
 Которую силы небесъ съ удивленьемъ

Торжественно въ пѣсняхъ своихъ прославляютъ,
 О, вѣчности Вѣчный Ты лучъ благотворный!
 Сынъ Вѣчнаго Бога, и всѣхъ Искупитель,
 Молитвенникъ, другъ Ты, и братъ человѣка,
 Спасеннаго, перваго грѣшника, Боже,
 Услыши Ты голосъ, о, міра Ходатай,
 Внемли его чистой молитвѣ, Спаситель!

Едва первородный окончилъ свой гимнъ,
 Элоа стоявшій надъ куполомъ храма,
 Поспѣшно лице обратилъ къ патриархамъ,
 И голосомъ полнымъ глубокой печали,
 Къ собранію съ ужасомъ громко воззвалъ.
 Отъ страха безсмертные всѣ содрогнулись,
 Не слышался въ жизни имъ голосъ подобный,
 Такъ былъ онъ ужасенъ въ мгновеніе это,
 Тряслась и стонала святая Морія,
 Дрожали и своды священнаго храма,
 Такъ невыразимо печаленъ и страшенъ,
 Былъ голосъ воззавшаго къ нимъ Серафима:

Идетъ, онъ! ужасный посолъ Божества!
 Спускается медленно къ міру земному.
 И вотъ на Синай опустился, и тамъ,
 Стоитъ, ужасаясь посланникъ печальный. —

Подъ бременемъ страшнымъ велѣнія Божья
 Стоитъ одиноко, печаленъ, задумчивъ,
 На самой вершинѣ Синая посланникъ.
 Онъ думаетъ — небо и все мірозданье
 Готово обрушиться съ трескомъ и громомъ,
 И въ страшномъ паденіи его уничтожить.
 Его подкрѣпляетъ конечныхъ Создатель,
 Чтобъ онъ утомленный печалью и страхомъ
 Не могъ уничтожиться самъ безъ возврата,
 И ужасъ невольный, который надъ нимъ
 Рукою желѣзной давно тяготѣлъ,
 Теперь не томитъ его больше, какъ прежде,
 Однако онъ полонъ еще удивленья,

И сильной, не смертныхъ, печалью душевной.
 Въ трепещущей правой рукѣ едва держитъ
 Плающій мечъ, и его потрясаетъ,
 И въ сумракѣ блѣдномъ померкшаго дня,
 Далеко кровавое пламя лучей
 Какъ молнія страшно сверкая блеститъ,
 И смертью грозитъ, какъ мгновеніе гнѣва,
 Когда Правосудный Творецъ всего міра
 Какъ смерти посланника шлетъ его съ неба.
 И тихо летитъ онъ къ вершинѣ Голгофы,
 Его Умиравшаго видъ потрясаетъ,
 И тамъ, предъ Распятымъ онъ надаетъ ницъ,
 И прежде чѣмъ смѣетъ исполнить велѣнье,
 Которое, далъ ему Самъ Іегова,
 Стоитъ предъ Спасителемъ долго въ молитвѣ.
 Печально и тихо звучитъ его голосъ,
 Не такъ, какъ онъ прежде, какъ громъ раздавался,
 Однако всѣ Ангелы слышатъ его: —

О, міра Судья и Предвѣчнаго Сынъ,
 Меня посылаетъ, конечнаго, Онъ,
 Которому въ жертву Себя Ты приносишь,
 О, Ты, Всемогушій, Несозданный Боже!
 Меня подкрѣпи, утомленнаго страхомъ,
 Чтобъ выполнить смѣлъ я велѣнье Отца!
 Съ минуты той страшной, когда на крестѣ
 Ты принялъ ужасный судъ Вѣчнаго Бога
 Велѣнья Великаго бремя лежитъ
 На мнѣ, тяготѣя, какъ будто міры
 Всѣ рушились разомъ и давятъ меня.
 О, кто-же я? Боже! Судья всего міра,
 О, кто я, ужасный посланникъ Творца?
 Могу-ли осмѣлиться въ эту минуту
 Тебѣ я ужасную смерть возвѣстить?
 Я, духъ, сотворенный еще такъ недавно
 Тобою Сынъ Божій изъ тучи ночной,
 Блуждавшаго пламени долго въ пространствѣ.

О, Ты! Искушитель Всесильный погибших!
 Теперь потрясають конечнаго духа
 Мучительный страхъ и глубокая скорбь,
 Которыхъ не зналъ я до этой минуты,
 Но все-же я долженъ исполнить велѣнье,
 Которое далъ мнѣ Господь Іегова. —

Сказалъ онъ и съ ужасомъ снова взлетѣлъ,
 И молча стоитъ на вершинѣ Синая;
 Тамъ ужасомъ Божьимъ опять ополчилъ
 Его Іегова и далъ ему силу. —
 И гнѣвъ и страшенъ посланникъ стоитъ,
 И грозно мечомъ потрясаетъ своимъ;
 За нимъ-же взревѣла ужасная буря;
 И слышится въ бурѣ безсмертнаго голосоъ.
 Шумить и волнуясь реветъ Іорданъ,
 И пѣной сѣдою клубятся въ немъ волны,
 Трещить и ломается пальмовый лѣсъ,
 А буря могучая воеетъ свирѣпо,
 Въ ней страшно безсмертнаго голосоъ звучить:

— Великую жертву Твою принимаетъ
 Всесильный Создатель міровъ, Іегова,
 Которому въ жертву за грѣшныхъ людей
 Себя Ты приносишь, Сынъ Вѣчнаго Бога;
 Но гнѣвъ правосудный Творца безконеченъ,
 Ты гнѣву тому покорился, Ходатай.
 Одинъ Ты, и онъ надъ Тобой разразится!
 Ужъ вопль Твоей крови достигнулъ до трона,
 Ты просишь пощады отъ Бога Судьи!
 Увы! но Всесильный Тебя оставляетъ,
 Пока не умрешь Ты той славною смертью,
 Которую Самъ Ты избралъ, Искушитель,
 Чтобъ падшихъ потомковъ Адама спасти.
 Не много мгновеній еще пролетитъ, —
 Умрешь Ты, Божественный, смертию той славной.

Сказалъ Ангелъ смерти и образъ печальный
 Отъ взоровъ Страдальца спѣшитъ отвратить.

И медленно взоръ потухающій Свой
Христось поднимаетъ на небо съ молитвой,
И голосомъ громкимъ вызываетъ къ Творцу,
Тѣмъ голосомъ полнымъ могущества Божья,
Съ которымъ на вольную смерть и страданья,
Себя Онъ за грѣшныхъ людей отдастъ:

— О, Боже! Зачѣмъ Ты оставилъ меня?

И небо затмилось предъ страшною тайной.

Тогда пробудился остатокъ въ Немъ жизни

И ожили чувства земнаго созданья. —

— Я жажду! Онъ голосомъ слабымъ сказалъ;

Трепещетъ Онъ жажду свою утоляя,

И кровью исходитъ блѣднѣя, какъ мертвый.

Взываетъ болѣзненнымъ голосомъ снова:

— Отецъ мой! Я въ руки Твои предаю

Мой духъ! О, Боже! Господь, Примиритель,

Ты будь милосердъ къ прегрѣшеніямъ нашимъ!

Не долго спустя Онъ сказалъ: Совершилось!

Все стихло. — Главою безсмертной къ груди

Склонился Онъ тихо; — и умеръ Мессія!! —

~~~~~  
**КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.**  
~~~~~


ОПЕЧАТКИ 1-й ЧАСТИ.

Страница	65	строка	9	съ	верху	Напечатано.	Читай.
						стоялъ	стоналъ
»	75	»	1	»	»	согрѣвшихъ	согрѣшившихъ
»	120	»	16	»	»	Отторгаетъ	Отторгнетъ
»	149	»	5	съ	низу	отдохнувъ	отдохну я
»	253	»	14	съ	верху	Онъ самъ же	Онъ Самъ-не
»	330	»	17	»	»	Собранье	Собранья
»	346	»	12	съ	низу	мозги,	мозгъ,
»	352	»	5	»	»	дѣло	дѣла
»	354	»	14	съ	верху	назовешъ	назоветъ

